

Лесса Каури

Золушки в опасности

Ее Высочество Брунгильда вставала с рассветом и тогда, когда была простой трактирщицей, и теперь, став принцессой Ласурии. Но в последнее время вставать с первыми лучами солнца не получалось – спалось плохо. Болела спина, тянуло в ногах, никак не удавалось улечься поудобнее. Бруни стащила все подушки с дивана в гостиную и при помощи Катарины устроила себе на семейном ложе лежбище, которое Аркей, смеясь, назвал гнездом будущей матери. И все равно неглубокий сон прерывался – «коняшкой», лежащейся в животе, желанием сходить в туалет, выпить воды, съесть что-нибудь сладкое. Ее Высочество за беременность поправилась и теперь напоминала себе Ваниллу рю Дюемнон с ее пышными формами, ставшими после рождения наследника Людвина еще пышнее.

«Кай, это подло, – жаловалась мужу принцесса, – я никогда не была полной, а теперь, посмотри?» И она крутила перед его глазами толстыми пальчиками. «Потерпи немного, родная, мэтр Жужин пообещал, что все пройдет после родов, – успокаивал Аркей. – Или тебя беспокоит вопрос привлекательности для мужа?» И он лукаво улыбался, зная, что сначала она начнет фыркать, до ужаса напоминая ему рассерженную кошку, а потом не выдержит и рассмеется.

Однако в это утро Бруни проснулась рано. Не настолько рано, чтобы застать в постели супруга, но и не так поздно, чтобы едва не опоздать на семейный завтрак, отсутствие на котором Его Величество Редьярд прощал только младшему сыну, и то не всегда.

Живот с «коняшкой», скрытый мягкой тканью ночной рубашки, торжествующе возвышался над одеялом и перекрывал обзор. Бруни вздохнула и спустила ноги с кровати. В голове мелькнуло ставшее привычным за последнее время: «Скорей бы уж!..» и тут же вспомнился мэтр Жужин, который увещевал ее со своей всегда спокойной, чуть ироничной улыбкой: «Не торопите природу, Ваше Высочество, она всегда знает лучше, когда наступит срок родов. Наслаждайтесь покоем, пока можете!»

В спальню заглянула Катарина, увидела, что Бруни проснулась, обернулась, прихватывая со столика поднос с парным молоком. Это молоко давала одна из подружек Железнобока, и оно отличалось особенной густотой и жирностью. Молоко Бруни назначил все тот же вездесущий Жужин, поскольку принцесса жаловалась на изжогу. Теперь она начинала день со стакана молока и заканчивала им. А ей жутко хотелось пива!

– Добрых улыбок и теплых объятий, Ваше Высочество! Как нынче спалось?

Принцесса улыбнулась в ответ – сложно было не улыбнуться, когда улыбалась ее Старшая горничная. Привлекательная девушка тоже ждала ребенка что, в отличие от Бруни, делало Катарину еще более привлекательной.

– На букву «ч», – фыркнула она, – то есть чужело.

Когда-то так говорил Эдгар Мореход, а теперь эту шутку семейства Рафарин знала и Солей. Подавая принцессе стакан, она твердо сказала:

– Надо потерпеть, Ваше Высочество! Ведь немного осталось.

– О-хо-хо... – вздохнула Бруни и выпила молоко. – Пойду умоюсь, и давай-ка облачать эту коровеллу, то есть меня!

Горничная засмеялась и вышла из спальни.

Вскоре она вернулась с другими служанками, которые принялись одевать Ее Располневшее Высочество в очередное творение мастера Артазеля. Маленький мастер Бруни сочувствовал и платья шил такие, в которых она не выглядела столь внушительной, за что принцесса была ему горячо благодарна. Но в многочисленных скрытых застежках и спрятанном в платье бандаже из эластичных лент, одеваясь одной, впору было заблудиться.

– Украшения... – подсказала Катарина, когда принцесса, стоя у зеркала, критически разглядывая себя.

Бруни тоскливо посмотрела на шкатулку. Стоило откинуть крышку, как она увидела бы перстень с чудовищных размеров рубином, тот самый перстень бабки Редьярда, что король подарил ей, узнав об ожидаемом внуке. Конечно, после того как архимагистр Никорин зачаровала украшение, оно перестало быть просто украшением, но особой симпатии у Бруни так и не вызывало. Принцесса понимала и принимала всю необходимость носить его, однако надеялась, что воспользоваться порталной функцией не придется. Это с Аркеем она с восторгом проваливалась в пустоту портала, а в одиночку... Брр-р, только не это!

Так и не дождавшись ее реакции, Катарина покачала головой, и сама открыла шкатулку. Подарок Аркея – сработанный гномами Синих гор хранилище для драгоценностей было семиэтажным и

изображало фрегат, на всех парусах стремящийся к морским горизонтам. Перламутровый флаг на главной мачте от движения ящичков начинал кружиться, будто флюгер, ищущий попутный ветер. А искусно сделанная фигурка капитана на мостике поднимала руку, указывая курс.

– Что наденете сегодня, Ваше Высочество? – поинтересовалась горничная, подавая ей ненавистный перстень. – К домашнему платью в бежевых тонах подойдут белые опалы или желтые топазы. Интересно будет смотреться жемчуг, а изумруды, вполне возможно...

– Я тебя выдам замуж за гнома-ювелира! – пригрозила Бруни.

– О, нет, – в шутливом ужасе воскликнула Катарина, – только не это!

– А что такого? – продолжала принцесса с удовольствием. – Муж будет невысок, зато силен, прижимист, зато состоятелен, немногословен, зато молчать станет со смыслом. Чем нехорош?

Старшая горничная, которая давно находилась с хозяйкой в дружеских отношениях, хохотала в голос. Остальные служанки хихикали.

– Ой, все, – воскликнула Солей, отсмеявшись, – я больше не могу! Уговорили, Ваше Высочество, не надевайте ничего, кроме перстня!

– Я бы и его не надела... – пробормотала Бруни, с трудом заталкивая перстень на палец. – Катарина, после завтрака отнесешь его королевскому ювелиру, пусть увеличит размер.

– Как прикажете, – горничная сделала реверанс и повернулась к дверям, в которых показалась статс-дама двора Ее Высочества герцогиня рю Воронн.

– Добрых улыбок и теплых объятий, Ваше Высочество! – пропела та, с удовольствием глядя на принцессу. – Прекрасно выглядите, но вам не хватает румянца, поэтому завтракать, завтракать и завтракать! Идемте!

Зная, что с Фироной не забалуешь, Бруни кротко вздохнула и пошла за герцогиней, мечтая о несбыточном – прильнуть щекой к голой груди мужа и подремать еще пару часиков.

После завтрака Бруни направилась в мастерскую Артазеля. Маленький гном открыл дверь с блокнотом в одной руке и карандашом в другой, и расцвел улыбкой.

– Как вы вовремя заглянули, Ваше Высочество! – прижимаясь к стене, чтобы пропустить расплывшуюся принцессу, воскликнул он. – У меня есть, что вам продемонстрировать.

– Новые платья? – понимающе улыбнулась Бруни, входя и закрывая за собой дверь. Свита осталась ждать в коридоре, поскольку толпу в своих покоях мастер не выносил.

– Не совсем, – темные глазки Артазеля лукаво посверкивали. – Сейчас я усажу вас в кресло и кое-что покажу.

За проведенное во дворце время принцесса подружилась с Главным королевским портным и этой дружбой дорожила. Артазель оказался одним из первых представителей Двора, поддержавших ее, когда она вышла замуж за принца Аркея. Его деликатные советы были неоценимы, творения – великолепны, воспоминания – полезны, а шутки – острые. Но несмотря на это, он оставался «вещью в себе», закрытой шкатулкой, ключ от которой давно потерялся. И если Двор это устраивало, то Бруни печалило. Как человек, хлебнувший одиночества, она чувствовала, когда другие испытывали подобное. Маленький гном был одинок. Он свыкся со своей жизнью и казался довольным, однако одиночество как тень прилипло к нему, следуя за ним, куда бы он ни пошел. Принцесса была решительно настроена это изменить!

Бруни села в удобное кресло, стоящее рядом с его рабочим столом в примерочной. В нем знатные клиентки ждали, пока мастер внесет последние штрихи в свою шедевр.

– Смотрите! – заговорщически прошептал Артазель и положил перед ней блокнот.

На листе были нарисованы несколько камзолов, щедро украшенных кружевами и лентами. Отчего-то они казались одеждой для игрушек, но у Бруни все равно захватило дух от разнообразия отделки и фасонов.

– Что это, уважаемый мастер? – спросила она.

Гном отмахнулся.

– Потом объясню. Просто ткните пальчиком в те, которые вам приглянулись.

Принцесса удивленно взглянула на него, но послушалась – принялась разглядывать камзолы. Их

было пять. Два богатых, в пышных кружевах, с тщательно выписанными пуговицами, украшенными самоцветами. Два изящных, в искусном шитье, которое смотрелось, как произведение искусства. И один – на вид самый простой. Если здесь в чем-то и была роскошь, то в самом крое.

В сердце Бруни что-то отозвалось на этот рисунок, будто на миг она сумела заглянуть туда, куда обычному человеку не дано – в собственное будущее.

– Вот этот, – принцесса указала на последний камзол. – Но я от вас так просто не отстану, мастер Артазель! Для кого эти эскизы? Для моего супруга?

Гном засмеялся.

– Вам ничего не кажется странным в рисунках, Ваше Высочество?

Бруни пригляделась.

– Пропорции?

– Именно! – торжествующе возопил Артазель. – Это наряды для будущего наследника престола.

– Для наследника? – не поняла принцесса.

– Для вашего первенца, моя дорогая! Уверяю вас, из пеленок он вырастет быстро – люди так и растут.

– Ох, а я, дурында, не сообразила! – расстроено всплеснула руками Бруни. – Но, почтенный мастер, не рано ли думать об этом? Сначала надо, чтобы Редьярд появился на свет.

– Все-таки Редьярд? – Гном с азартом хлопнул в ладоши. – Клянусь бородой Руфуса, я знал, что рисую эскизы для маленького Рэда! Ах, не стоит бояться эскизов, Ваше Высочество! Я не стану шить, пока вы благополучно не разродитесь от бремени, да и потом подожду, пока дите не подрастет. Но подыскивать ткани, фурнитуру, камни для нарядов маленького принца я начну уже сейчас. Знаете, что процесс выбора доставляет истинное удовольствие настоящему мастеру?

– А ведь знаю! – воскликнула принцесса. – Помню, я всегда мучилась, когда надо было новую посуду для трактира заказывать. Как ни бережешь тарелки и кружки, а бьются, заразы! Когда приходило время, я шла в гильдию Гончаров почтенного мастера Вистуна и делала вид, что гуляю по улицам квартала. А сама только и смотрела в витрины. Гончаров в Вишенроге, чай, не меньше, чем торговцев тканями?

– Не меньше, – согласился гном.

– А к новым тарелкам нужны новые салфетки, ведь так? – улыбаясь, продолжала вспоминать она. – А к новым салфеткам – новые полотенца, а там и до фартуков очередь дойдет!

– Истинная правда, Ваше Высочество, – хмыкнул Артазель, – а еще захочется себе что-нибудь прикупить на День рождения, например, ножницы из Топенкогской стали...

– Топенкогской? – удивилась Бруни. – Где это?

– Это одна из отдаленных шахт в Синих горах, – охотно пояснил мастер. – В Топенкоге добывается сталь особого качества, которая идет на изготовление церемониального оружия для королевской охраны. Будучи заточенной раз, она не тупится. Иногда по особому заказу из нее делают не только топоры, но и кинжалы, и копья, и даже ножи. Но вот ножниц еще не делали никогда! – Артазель засмеялся. – Поэтому я мечтаю о несбыточном!

– Мечты сбываются, я это знаю, – серьезно сказала принцесса. – Вы же мечтали стать портным?

В глазах маленького мастера промелькнула грусть.

– Я раскроил свой первый камзол, едва начав ходить, – вздохнул он и замолчал.

– И что случилось потом? – мягко спросила принцесса.

Гном поднял на нее несчастные глаза:

– Вы уверены, что вам это интересно?

– Уверена, мой милый Артазель, – кивнула Бруни. – Вы – мой друг, я хочу знать о вас больше, что в этом удивительного?

Несколько мгновений гном молча разглядывал ее, будто что-то решал для себя, а затем вдруг

улыбнулся:

– Это вы удивительная, Ваше Высочество! Хорошо, если вы желаете знать, я расскажу, хотя до этого дня никому никогда не рассказывал. Родители мечтали видеть меня механиком, ведь я с раннего детства великолепно чертил и делал эскизы с особенным вниманием к деталям. Откажись я идти в механики, стал бы сталелитейщиком, как отец. Но меня не привлекали ни механизмы, ни руда. Я терял голову от тканей и только от них! Меня знали все продавцы тканей и мастера-портные Аркандитируги и... все говорили мне, что прежде, чем стать портным мне нужна настоящая специальность. Да, они были правы – в Синих горах не бывает по-другому. Но дожив до совершеннолетия, я совершенно точно знал, что не желаю иметь ни одну из профессий уважающих себя мастеров. Однако быть портным среди гномов скучное занятие. Наши костюмы почти не изменились за прошедшие века, ведь гномы слишком традиционны. То ли дело человеческая мода? Несмотря на то, что я уже неплохо шил, меня объявили бездельником и изгнали из общины на поверхность.

Последнюю фразу Артазель произнес отстраненно, без обиды. Так, словно все давно перегорело, а угли былой обиды покрылись золой, щедро просыпанной временем.

– То есть как – изгнали? – опешила Бруни.

– Вот так, – пожал плечами мастер. – Раз к совершеннолетию я не получил специальность, значит, я – нахлебник, живущий за счет общества, а общество таких не терпит. Мне вручили выходное пособие и документы, и отправили на все четыре стороны, разрешив вернуться в Синие горы только, если я получу настоящую профессию где-то в другом месте. В день своего рождения, третий день четвертой седмицы второго осеннего месяца, я впервые оказался в Драгобужском наземье, на телеге, направляющейся в Грапатук. От выходного пособия осталось несколько монет, потому что на остальное я купил хороший швейный набор. Только он, собственные руки и восторг в сердце – вот и все, что у меня было, когда я покидал Аркандитиругу. Я прожил в Грапатуке ровно столько, чтобы накопить на дорогу до центра Тикрейской моды – Вишенрога, где устроился подмастерьем к человеческому портному. Гномы-портные меня не брали, поскольку у меня не было профессии уважающего себя мастера. Моя первая мастерская открылась пять лет спустя в крохотной каморке, в одной из развалюх Сакрального квартала. Затем я переехал в квартал Белокостных. А затем гильдия Портных Вишенрога приняла меня в свои ряды. Гномы – члены Гильдии пытались протестовать, но у них ничего не вышло. Так, потихоньку, от клиента к клиенту, я добирался до королевского дворца. Так что, да, вы правы Ваше Высочество – мечты сбываются! Вопрос только в цене, которую за это приходится платить.

– Вы скучаете по Синим горам? – понимающе кивнула принцесса. – Хотите вернуться?

– Не вернуться, нет, – качнул головой Артазель, – побывать там! Посетить могилу родителей, которые умерли, думая, что их сын – никчемный бездельник. Рассказать им...

Голос маленького мастера прервался. Гном уставился в блокнот, выводя завитушки в углу листка.

Принцесса тронула карандаш, заставив его прекратить бесцельное движение, и тихо заговорила:

– Вы – лучший портной из всех, что я знала! Я понимаю, как вам не хватает признания своим народом, но, поверьте, мы, ласурцы, уже давно считаем вас в портновском искусстве самым уважаемым из уважающих себя мастеров! И хусним! – неожиданно для себя самой закончила она.

Гном колебался лишь мгновение, затем накрыл ее руку своей.

– Ну, раз Ласурская принцесса говорит – хусним, значит, хусним! – дрогнувшим голосом произнес он. – Я рад, что вы слышали... мой рассказ.

– Я тоже рада, – эхом отозвалась Бруни и перевернула страницу блокнота, открыв чистую. – А теперь нарисуйте мне платье, мой дорогой мастер, для статной дамы в летах, которая впервые собирается замуж!

Гном изумленно взглянул на нее.

– Кто это? Я ее знаю?

– Думаю да, раньше она часто навещала вас по указанию Ее Светлости рю Филонель.

– Туссиана Сузон? И за кого же эта дама собралась замуж?

– А вот это самое интересное, – фыркнула принцесса, – за моего обожаемого дядюшку Пипа!

Рю Вилль старался скрыть удивление, но судя по ухмылке Бруттобрута, который шел впереди, держа зажженный фонарь, герцогу это плохо удавалось.

Если Ники частенько, хотя и без особого удовольствия, бывала в его «подземельях» – застенках Тайной канцелярии, то сам Троян в подвале Золотой башни оказался впервые. Стыдно признаться, он даже не подозревал, что здесь есть подвал!

– Еще немного, Ваша Светлость, – подбодрил секретарь архимагистра. – Осторожно, скользко! Здесь никто не ходит.

– А Ее Могущество? – вырвалось у рю Вилля.

– Она тоже не ходит, – хмыкнул гном.

Осклизлые ступени привели к массивной, позеленевшей от времени двери. Брут снял с пояса уважающего себя мастера связку ключей, выбрал один и вставил в замочную скважину. Дверь открылась, глазам герцога предстала круглая комната, которую заливал мягкий рассеянный свет, делая хорошо видимыми непонятные знаки, испещрившие стены, и многочисленные пентаграммы на полу. В середине одной из них стояла кровать, застеленная белоснежным бельем, на которой кто-то лежал.

Стоящая у кровати Никорин оглянулась на звук. Бруттобрут молча поклонился, вышел и... запер за собой дверь.

Троян сглотнул, вспомнил пару заковыристых морских ругательств и подошел к Ласурскому архимагистру.

– Ради всего святого, Ники, что это за место? Меня от него жуть берет!

– И правильно берет, Трой, – Никорин заботливо поправила одеяло на лежащей в кровати девушке. – Это моя гостиная для особых гостей. Мебели тут вообще-то не должно быть, однако для этой несчастной пришлось поставить кровать.

Рю Вилль взглянул на девушку. Она была красива и когда-то, наверняка, отличалась хорошим цветом лица и крепкой фигурой. Но не сейчас. Сейчас перед ним лежала тень человека. Лишь тонкие веки подрагивали, будто отделяли ее реальность от ее же небытия. Герцог поспешно отвел глаза и снова посмотрел на Ники.

– Кто она?

– Арина рю Сорс.

– Пресвятые тапочки! Она до сих пор не пришла в себя?

– Увы...

– И что ты собираешься делать с ней?

Никорин вздохнула.

– Пока только наблюдать.

– Она, что же, сошла с ума, не перенесла того, что с ней произошло в замке рю Сорсов?

– Хуже – она не только потеряла разум, но и душа угасает с каждым днем. Самым милосердным было бы убить ее... – Ники искоса взглянула на побледневшего рю Вилля и добавила: – Прости меня за цинизм, Трой, но она, скорее всего, не вернется. Или... – Она замолчала.

Рю Вилль подумал, что его «застенки Тайной канцелярии» с пыточными, палачами и дознавателями на порядок милее этой простой с виду комнаты, от одного глотка воздуха в которой веет невыносимой жутью. Но не в его правилах было страшиться неизведанного, поэтому он спросил:

– Или? Давай, Ники, договаривай!

– Или вернется не она, – задумчиво довершила архимагистр и снова поправила на девушке одеяло. – Если бы Арина просто сошла с ума, я определила бы ее в частную клинику для умалишенных... Хорошую клинику, ведь денег у бедняжки теперь куры не клюют – хватит на отличный уход до самой смерти. Но я не уверена...

– Бедное дитя, – пробормотал рю Вилль. – А нельзя вернуть ей хотя бы душу?

– Душа... – Ники покрутила в воздухе тонкими пальцами. – Душа так же неуловима, как твои бешеные оборотни.

Рю Вилль поморщился.

– Кракена тебе в печень, Ники!

Архимагистр сочувственно взглянула на него.

– Все так плохо? Мои маги не помогли?

– Увы, нет. Бешенство – болезнь, а не наведенный морок, маги не могут распознать ее.

– А сами оборотни? Неужели они не чувствуют зараженных?

– Кто их знает, – пожал плечами герцог. – Они не мешают мне ловить чужаков, но и не помогают, видимо, надеются разобраться сами. Честно говоря, такое отношение меня удивляет!

– Да ладно? – Никорин иронично изогнула бровь. – Среди оборотней, активно поддерживающих объединительную политику Аркея, большинство тех, чьи кланы уничтожены или сильно пострадали. Эти прекрасно понимают, что с людьми надо сотрудничать, а не воевать, потому что, хоть оборотни сильнее и быстрее, но людей больше, и они отличаются методичностью, особенно в том, что касается уничтожения других видов. А кланы, живущие вокруг столицы, на протяжении многих лет сохраняли с людьми нейтралитет – вы не лезете в нашу жизнь, а мы не трогаем вас. Нейтралитет, Трой, это не сотрудничество!

– Ники-Ники, – вздохнул рю Вилль и по привычке качнул пальцем серьгу с радужником, – конечно, ты права. И это меня совсем не радует.

– Меня тоже, но нам придется работать с тем, что есть. Хотим мы того или нет, события будут развиваться, как им предначертано. Мы можем изменить лишь самую малость, и, – спасибо Пресветлой! – с этим успешно справляемся!

– Ты о «призраках»? – уточнил Троян. – Насколько я помню, они так ничего и не нашли в Синих горах.

– В горах не нашли, – лукаво улыбнулась архимагистр, – зато нашли в Крей-Лималле. Минус две общетикрейские угрозы, Твоя Светлость, минус две!

– В Лималле? – вытаращил глаза герцог. – Но как они там оказались?

– Это неважно, – отмахнулась Ники, – они уже вернулись в Грапатук, так что жди скорых вестей от графа рю Воронна.

– Если сделка с гномами выгорит, – кивнул рю Вилль, – то событиям, что «будут развиваться, как предначертано», несдобровать! Или я не начальник Тайной канцелярии!

Никорин промолчала. Лишь снова поправила одеяло на несчастной Арине рю Сорс.

День прошел в хлопотах и заботах, но Ее Высочество Брунгильда чувствовала удовлетворение от проделанной работы, несмотря на то что все больше напоминала себе грацией Железнобока.

После того, как ситуация с приютами для человеческих сирот была взята под контроль принцессы, Бруни довольно жестко «причесала» и приходские школы. А теперь ее захватила мысль о совместных приютах. Нет, она не собиралась быть первооткрывателем, ведь идея принадлежала Лихаю Торхашу Красное Лихо, убедившему принца Аркея и Его Величество Редьярда создать Черный факультет для оборотней в Ласурском военном университете. Однако она была твердо уверена, что привычка сотрудничать друг с другом должна прививаться гораздо раньше студенческого возраста. Поэтому здание для первого совместного приюта детей-сирот искали тщательнее обычного. Очень помог в нелегком деле выбора глава гильдии Каменщиков Томазо Пелеван. Оживление, которое молодая королевская чета привносила в Вишенрог, ему нравилось, как нравились и государственные заказы, позволяющие ему и его парням отлично зарабатывать. Именно Томазо посоветовал обратить внимание на старое, но еще крепкое здание у Северных ворот, принадлежавшее почтовому ведомству. На первом этаже располагались конюшни, на втором – присутственные комнаты, которые без особых усилий можно было превратить и в жилые покои, и в классы. После того, как Бруни его выкупила, здание получило негласное название «Приют Почтарей», а Томазо Пелеван – заказ на его капитальный ремонт и переоборудование.

Принц Аркей идею совместного приюта одобрил, но настоял на том, что заведение должно стать аналогом военной школы. «Только дисциплина и общая идея защиты Родины смогут сдерживать порывы оборотней и людей продемонстрировать превосходство друг над другом, – сказал он супруге. – Война с Креем, как это ни печально, впервые показала нам и оборотням, что можно не враждовать, а защищать сообща то, что тебе дорого. А на войне без дисциплины нельзя!» Принцесса подумала и согласилась. Но Бруни не была бы Бруни, если бы не выторговала условие при достижении выпускниками приюта определенного возраста самим выбирать, чем заняться в дальнейшем – идти на военную службу или проходить обучение в гильдиях. «Кай, ты прав,

дисциплина в этой жизни никому не помешает, – ответила она мужу, – однако нельзя думать только о войне, нужно помнить и о мирном времени!»

Бруни навещала стройку каждый день, лично следила за оборудованием классов и тренировочных залов, занявших место прежних конюшен. Первоначальный штат учителей уже был набран: часть из находившейся рядом приходской школы Храма Блаженного Мартина-С-Гусями, а другая – из преподавателей младших групп Военного университета. Планировалось начать принимать первых обитателей зимой, то есть в такое время, когда бродяжкам, будь то человеческий ребенок или дитя оборотнического клана, приходилось особенно тяжело.

Этим вечером принцесса ужинала одна, точнее, не ужинала, а пила молоко. Ждала мужа, но он прислал адъютанта сообщить, что задерживается. Бруни только кротко вздохнула – знала же, на что шла, выходя замуж за второго человека в государстве!

Полулежа на любимом диване в гостиной, она прислушивалась к разговору Лисса и Катарины, доносящемуся из-за двери. В последнее время в голосе горничной перестали звучать враждебные нотки по отношению к адъютанту Его Высочества. То ли она, приняв случившееся с ней, успокоилась и перестала видеть во всех окружающих мужчинах подлецов и предателей, то ли Кройсон начал воплощать в жизнь советы, полученные от Бруни, и воплощать успешно.

Голоса смолкли. Дверь приоткрылась, и в проем заглянула Катарина.

– Ваше Высочество, хотите лесной земляники?

– Откуда? – удивилась принцесса.

Горничная на мгновение потупилась.

– Лисс принес. Говорит, будущим мамам полезно.

– Правильно говорит, – улыбнулась Бруни. – Спасибо, Катарина, но я не хочу. У меня вообще аппетита нет, даже молоко не лезет.

– Сбежать к мэтру Жужину? – с готовностью предложила горничная.

– Не надо! – испугалась принцесса. – А то он пропишет мне для аппетита каких-нибудь толченых лягушек! – И добавила безо всякого перехода: – Лисс – хороший парень, правда? Веселый, заботливый. Отличное сочетание для мужчины!

– Хороший... – ответила Катарина так тихо, что Бруни внимательно взглянула на нее, а затем похлопала ладонью по дивану.

– Иди сюда, присядь и расскажи мне, что тебя тревожит?

Горничная подошла и опустилась на край дивана, сложив руки на коленях.

Принцесса молча пила молоко.

– Ваше Высочество, вы правы, – вздохнув, заговорила Катарина. – Лисс – хороший. Но ведь он моложе меня, ветер в голове...

– Стоп! – Бруни отставила стакан на столик рядом с диваном. – Ты определись сначала, что именно тебя смущает – то, что он моложе тебя или ветер в его голове? Если ты, наконец, решилась дать ему надежду, так какая разница, насколько он моложе, коли вам будет хорошо вместе? Если нет – какая тебе разница, что у него в голове?

Щеки горничной заалели.

– Он так мил... За мной ни один парень так не ухаживал! Но я ведь теперь не только о себе должна думать, но и о ребенке! – Она машинально положила руку на живот, который из-за пышного платья и кружевного передника совсем не был заметен. – А Лисс сам почти мальчишка, ему мамка нужна!

– Он ухаживает за тобой как мальчишка? – уточнила Бруни, зная, что не получит положительного ответа.

«Лисенок» Лисс Кройсон, потерявший родителей в ходе Крейской войны, не сломался, не пропал и не погиб, наравне с другими сражался в полку принца Аркея и получил почетное звание его адъютанта, что говорило о многом.

Катарина покачала головой.

– Нет, он очень серьезен и обстоятелен. Но иногда начинает дурачиться, и тогда мне хочется

дурачиться вместе с ним!

Бруни не выдержала, засмеялась.

– Катарина, ну какая ты забавная! Изю всех сил сопротивляешься парню, с которым тебе хочется улыбаться – разве это дело?

– А вдруг, когда я рожу, он потеряет ко мне интерес?

Принцесса наморщила нос. Ей хотелось воскликнуть «была бы ты ему неинтересна в твоём положении, он бы вообще в твою сторону не взглянул», но она сказала другое:

– А ты не торопись с решением, подожди до рождения ребенка. Когда он появится, сразу станет ясно, чего на самом деле хочет Лисс.

– Мне с ним не встречаться? – расстроено спросила горничная.

– Почему же? – удивилась Бруни. – Встречайся, смейся, дурачься... Положительные эмоции, как говорит мэтр Жужин, бесконечно полезны молодым мамам. Просто не торопись...

Катарина взяла стакан со столика и поднялась.

– Спасибо за совет, Ваше Высочество, мне нужно крепко подумать над нашим разговором!

– У тебя куча времени впереди, – Бруни, кряхтя, подала ей руку, – а сейчас помоги мне встать и добраться до кровати. Мне кажется, скоро ты будешь меня перекачивать, как ядро от катапульты.

– Ядро от катапульты – это Клозильда Вистун, – хихикнула горничная, – или ваша подруга, почтенная матрона рю Дюемнон. А вы так – ядрышко!

Как ни хотел Его Подгорное Величество Ахфельшпроттен отпустить неожиданных гостей – пришлось. «Призраки» вернулись в Грапатук, после чего Яго и Дикрай отбыли в неизвестном для остальных направлении.

Сделка состоялась в самой глубине Драгобужской чащобы при личном присутствии Ласурского архимагистра. Никорин держалась позади рю Воронна и Денеша. Однако несмотря на то, что Ники не произносила ни слова, а ее лицо скрывал низко опущенный капюшон, сразу чувствовалось, что она – могущественная волшебница. Пришедшие на встречу гномы поглядывали на нее с опаской и знакомиться не стремились. Их было трое – все невысокие, коряжистые, черноволосые, словно братья. Имен они не называли, представившись просто Первым, Вторым и Третьим. И если Первый был тем, кто вел переговоры, Второй внимательно следил за происходящим и явно владел магией, то Третий казался третьим лишним. Он не слушал, о чем заговорили после положенных поклонов и реверансов Яго и Первый, рассеянно смотрел по сторонам, улыбался лучам солнца, пробивавшимся сквозь лесной полог, и пению птиц.

– Я могу увидеть товар до сделки? – поинтересовался рю Воронн. – Желательно, в действии.

– Вы его увидите, уважаемый, когда мы получим гарантии того, что граница для наших караванов с радужниками стала прозрачной, как вы и обещаете, – ухмыльнулся в бороду Первый.

– Я – ваша гарантия, – спокойно ответил Ягорай, и Денеш взглянул на него с изумлением.

Рю Воронн достал из-за пазухи конверт и протянул Первому.

– Здесь купчая на приграничные земли, оформленная на мое имя. Естественно, власти взяли с меня обещание смотреть в оба, но ради ваших караванов я закрою один глаз.

Первый вытащил бумаги из конверта, просмотрел и протянул Второму. Тот провел над ними ладонью, проверяя, не морок ли, кивнул.

– Прошу меня простить, уважаемый Ягорай, но коли вы не сдержите слова? – поинтересовался Первый. – Что нам делать тогда?

– Убить меня, – пожал плечами Яго. – В договоре указано настоящее имя, вам не составит труда найти меня в Вишенроге.

Первый молча листал страницы договора.

– Подходит, – вдруг проворчал Третий.

Архимагистр переступила с ноги на ногу.

Первый отдал документы рю Воронну и свистнул. Из зарослей показались четверо дюжих гномов, которые тащили носилки со сложенными на них ящиками.

Дикрай с любопытством разглядывал ящики, а Яго, встретившись взглядом с темными живыми глазами Третьего, наконец, понял, кто у гномов главный.

– Откройте! – приказал Первый, когда носилки оказались на земле.

Малопушки поблескивали воронеными боками, словно рыбы с необычной чешуей.

– Выбирайте для проверки две любые из каждого ящика, – предложил Первый. – Но, предупреждаю, это будет громко!

Яго шагнул к ящикам, однако его остановило легкое касание тонких женских пальцев. Рю Воронн продолжил движение лишь после того, как архимагистр, проверив отсутствие наложенных на ящики заклинаний, отпустила его локоть.

Вдвоем с Дикраем они выбрали восемь малопушек и выложили на траву. Повинуясь знаку Первого, гномы-носильщики подняли четыре из них, выстроились в шеренгу и направили оружие в сторону от переговорщиков.

– Атовсь! – приказал Первый. – Лу-у-пи!

Раздался грохот, поднявший в небо тучу птиц. Из дул малопушек пахнул синий вонючий дым, а из стволов деревьев, растущих на окраине поляны, разлетелись щепы.

– Арристо! – потрясенно прошептал Дикрай.

– Желаете попробовать? – Первый протянул малопушку из тех, что оставались на траве.

– Дайте мне! – впервые подала голос Никорин.

Вышла вперед, забрала из рук ошеломленного гнома оружие.

Третий неожиданно встал рядом и негромко произнес:

– Не стоит целиться в живых существ, уважаемая волшебница. Это смертоносная магия!

– Это смертоносная аркаешева механика, уважаемый мастер, – с легким поклоном ответила Ники, – но вы правы. Куда мне лупить?

В глазах гнома зажглись лукавые огоньки.

– В птичку? – предложил он.

Архимагистр с мгновение подумала, затем сунула малопушку ему в руки и направилась к краю поляны.

– Куда это она? – шепотом спросил Дикрай.

Рю Воронн пожал плечами. Чуть сощурившись, он провожал ее взглядом до тех пор, покуда она не остановилась и не повернулась.

– Давайте, – крикнула волшебница, – лупите!

– Она с ума сошла? – возмущенно спросил Первый у Второго.

Тот пожал плечами, но на всякий случай отошел в сторону.

А Третий молча вышел на линию огня и поднял руку.

Яго сделал было движение в его сторону, однако холодок коснулся его уха, и он услышал голос архимагистра прямо в сознании: «Не мешайте мне развлекаться, граф!»

– Аа-а-атовсь! – ни к кому конкретно не обращаясь, произнес Третий. – Лу-у-упи!

И нажал на курок.

Прозвучал оглушительный выстрел.

Ягорай на Третьего больше не смотрел – не отводил глаз от Ники, поэтому успел заметить легкое марево, на мгновение ее окутавшее.

- И действительно, не магия! - весело сказала Никорин, возвращаясь. - Аркаешева механика.

- Так берете? - сипло спросил Первый - сцена заставила его понервничать.

Яго взглянул на архимагистра, она едва заметно кивнула.

- Берем, пакуйте! - приказал он.

Гномы споро вернули оружие в ящики, заколотили крышки и скрылись в лесной чаще.

Третий шел последним. Яго видел, как он оглянулся и слегка поклонился Ники. Архимагистр ответила тем же.

- Кто он? - спросил рю Воронн, когда гномы скрылись.

Никорин скинула капюшон и уставилась на Яго своими невозможными ледяными глазами.

- Один из бонз гномьей кварты. Полагаю, граф, вы знаете это лучше меня.

Ягорай сделал вид, что не заметил насмешки, прозвучавшей в ее голосе.

- Каковы наши дальнейшие действия?

Никорин делала пассы, и воздух потек, повинаясь ее движениям. Носилки шевельнулись и поплыли в открывшийся портал, в прорехе которого виднелась какая-то комната.

- Возвращайтесь в Грапатук и действуйте по плану, - обернувшись перед тем, как шагнуть в портал, приказала архимагистр, - если вам понадобятся новые свитки или что-то еще - запасетесь у нашего эмиссара в городе.

Портал закрылся.

- Неукротимая... - пробормотал Дикрай. - Таких раньше сжигали на костре.

- Огонь ее испугается, - скупно улыбнулся Ягорай и потянул из сумки порталный свиток. - Да и смерть, похоже, тоже...

Воспользовавшись отсутствием Ягорая и вынужденным бездельем, Вителья решила попробовать снять заклятье с Марьи-лягушки, чему очень обрадовался Альперт. Маг был уверен, что заколдованная девушка страдает, и полон решимости положить этому конец.

Памятуя о том, что заклятье «сложносочиненное», Вита, Альперт и верный Дробуш целый день провели в библиотеке Грапатукского магического университета, изучая все, что можно было найти по этому поводу. Чтобы освободить несчастную от плена лягушачьего тела, требовалось максимально осторожно выцепить из общего плетения и уничтожить фрагмент одержимости - ту самую часть магии, что относилась к малознакомой Вителье демонологии.

Риск неудачи был высок. Волшебница хотела бы, что Альперт понимал это. Когда поздно вечером они вышли из библиотеки, ощущая себя так, словно готовились к сложным экзаменам - от прочитанного в головах царил полный хаос, - она сказала магу:

- Если не получится, придется обратиться за помощью к Ее Могуществу.

Попус дернул плечом и сердито посмотрел на Виту.

- Я все понимаю, не маленький! Вот только Ее Могущество вполне может решить, что существо из другого мира способно представлять опасность для этого. И тогда Марье несдобровать!

- Ну пока она ничего ей не сделала, хотя и слышала от Виты о том, что с нами произошло в другом мире, - заметил Дробуш, топавший сзади.

- Кто знает, что в голове у самой могущественной волшебницы Тикрея? - вздохнул Альперт. - Однажды, когда я еще учился на первом курсе университета, она провела мастер-класс по демонологии для старшекурсников. Я тайно пробрался в тренировочный зал и все видел. Архимагистр вызвала демона, а потом хладнокровно и методично уничтожила его на глазах у присутствующих. Вита, поверь мне, эта женщина не ведает жалости, поэтому я именно тебя прошу попробовать.

Вителья хотела бы возразить насчет Никорин, но... промолчала. Несмотря на то, что за прошедшее время она довольно близко узнала Ники, в словах Попуса была доля истины. Архимагистр всегда действовала на основании своих, только ей понятных принципов. И очень часто ее поступки заставляли сомневаться в адекватности и тем более милосердии.

Для снятия заклятия выбрали место за городом, на берегу озерца, в котором лягушка почувствовала себя вольготно. Пока она, довольно квакая, наматывала круги по воде, а потом нежилась под лучами утреннего солнца на листе кувшинки, Вита и Альперт снова и снова перебирали возможные варианты исхода мероприятия, стараясь предусмотреть все. Зрители – рубаки, Грой и Тариша, – терпеливо сидели на берегу, разложив между собой на походной скатерти обильные съестные запасы, поскольку Вита предупредила, что процедура может затянуться до вечера.

– Аль, можем ли мы делать это без согласия Марьи? – спросила она у мага, когда приготовления были закончены.

– Так давай спросим? – пожал плечами тот, и к удивлению волшебницы, повернулся к лягушке. – Уважаемая Марья Маревна, мы хотим попробовать снять с тебя заклятие, наложенное мачехой. Ты согласна?

Лягушка посмотрела на него своими голубыми глазищами и... зажмурилась.

– Она говорит – да! – обрадовался Альперт.

– Ты уверен? – с сомнением спросила Торусилья, а Тариша хмыкнула.

– Пусть это будет да, уважаемая рубака! – улыбнулся Грой. – У нее все равно выхода нет – или снять заклятие или остаться в болоте навсегда.

– Ква! – утвердительно произнесла лягушка.

– Она все понимает! – Альперт с нежностью смотрел на земноводное.

– Хорошо иметь друзей! – констатировал Дробуш.

Вита молча погладила его по плечу и пошла к берегу. Маг поспешил за ней.

– Я на всякий случай накрою вас щитом, – обернулась к остальным волшебница. – Сидите смирно и не пытайтесь выбраться, хорошо?

– Не беспокойся, уважаемая Вита, пока все не съедим, с места не поднимемся, – пообещала Руфусилья.

Вителья привычно поклонилась ей и снова повернулась к лягушке. Та с интересом следила за жуками-плавунцами, бегающими по поверхности воды. Интерес явно был гастрономическим.

Плетение возникло само собой, хотя Вита так и не перешла на внутреннее зрение. Оно выглядело более ярким и плотным, его диаметр увеличился, и новые отростки энергетических нитей пульсировали, опутывая лягушачье тело.

– Ты тоже это видишь? – прошептал Альперт.

Он стоял рядом с волшебницей, закрыв глаза для лучшего сосредоточения.

Вителья молча разглядывала заклятие, все более напоминавшее ей сияющую клетку. В какой-то момент она ясно увидела внутри девушку – невысокую, хрупкую, белокурую. Со смешным носом-кнопкой и ямочками на щеках. И с васильковыми глазами. Призрачный образ поплыл, как туманы над водой осенним утром, и исчез.

Волшебница решительно стиснула зубы и протянула к «клетке» руки.

Дополнительная нить, усеянная шипами и оттого похожая на стебель розы, казалась закольцованной, однако Вита знала, что это не так. Где-то она должна была начинаться, и вот с этого места ее следовало осторожно выпутывать и развеивать. Однако, как волшебница ни смотрела, как ни искала, начало нити не находилось.

Солнце уже стояло в зените, когда Вителья, прикрыв от утомления веки, попросила мага:

– Аль, поищи ты. Я не вижу!

– Я тоже не вижу, поэтому давай попробуем по-другому, – предложил он, – ищем место слияния с основным заклинанием и оттуда двигаемся вдоль нити в разных направлениях. Где-то мы обязательно наткнемся на первоначальную точку.

– Отличная мысль! – пробормотала волшебница, жалея, что не она это придумала.

– Спасибо, – серьезно кивнул Альперт.

Однако нить не находилась. Казалось, проклятый фрагмент заклинания одержимости присутствовал в полотне заклинания всегда!

– Аркаеш ее побери! – Вителья топнула ногой. – Не может такого быть! Мы ее просто не видим! А не видим потому...

Она замолчала. Иногда для наведения заклатья одного свитка было мало.

– Аль, что ты знаешь о привязках к объекту? – спросила она.

Обращалась к магу, но на самом деле спрашивала себя – вслух было удобнее правильно формировать мысли.

– Они бывают нематериальные и материальные. Нематериальные – сны, галлюцинации, устойчивые образы, воспоминания. Материальные...

Он тоже замолчал и широко раскрытыми глазами взглянул на волшебницу.

– Думаешь, заклятие на крови?

– Будь оно на частичке кожи или волос, мы бы уже нашли нить, – кивнула Вита, – а раз не находим, значит, она идет...

– ...Из сердца! – воскликнул Альперт. – Ох, как нехорошо! Нет, просто ужасно!

– Я все-таки попробую, – облизав сухие от волнения губы, сказала волшебница, – но если Марье станет хуже – сразу прекращу, договорились?

– Договорились, – сипло ответил маг. – Я все равно благодарен тебе, помни об этом. Даже если ничего не получится...

– Вот не каркал бы! – проворчала Тори, и Альперт замолк.

Вита снова нашла проклятую нить и осторожно двинулась вдоль нее. Как она и предполагала, нить тянулась к сердцу. Здесь пригодился целительский опыт. Волшебница действовала максимально бережно, однако лягушка занервничала и заворчала.

Зрители затаили дыхание. Конечно, они не могли видеть, что происходит на самом деле, но напряженное лицо Вительи, бледность и испарина мага подсказали им, что ситуация достигла критической точки. Торусилья даже отставила походную кружку с пивом, которым беззастенчиво наслаждалась, закусывая копченой куриной ножкой.

Волшебница тронула нить, вросшую в стенку сердца, и оно пропустило удар. Лягушка закатила глаза и упала на бок.

– Нить! – закричал Альперт. – Она уходит вглубь!

– Перехвати и держи, – приказала Вителья.

Схватила покрывало, прыгнула в воду. В несколько широких шагов добралась до земноводного, обмотала защитной тканью и вынесла на берег, где принялась делать массаж сердца.

Лягушка выглядела мертвой.

– Выпусти меня из своей клетки, – вдруг сказала Тариша, – я помогу!

Вита махнула рукой, снимая щит.

Фарга метнулась к ним, опустилась на колени рядом с волшебницей, накрыла ее руки своими.

– Давай, я буду массировать, а ты исцеляй – ты опытнее меня!

Вителья с благодарностью взглянула на нее и направила Силу к сердцу лягушки, чтобы заставить его забиться.

– Что мне делать дальше? – прошептал Альперт.

Казалось, он сейчас упадет в обморок, но волшебница уже знала, что это лишь видимость – Аль был из тех, кто идет до конца.

– Медленно отпускай нить... Пусть уходит... Мы с Таришей будем поддерживать сердце, пока оно не запустится.

Лишь спустя несколько минут лягушка дернула задней лапой и задышала. В открывшихся голубых глазах плавала бурая муть, грозя навсегда затянуть васильковый цвет.

Вита от усталости упала на траву рядом с лягушкой.

Тариша на всякий случай еще несколько раз похлопала земноводное по животу и тоже замерла.

– Дело плохо, да? – сочувственно спросил подошедший к ним Грой, протянул Вителье руку, помогая подняться.

– Воздействие активирует заклятье, – несчастным голосом ответил за волшебницу Альперт. – Сейчас Марья еще больше превратилась в лягушку.

– Бедная дева, – Торусилья покачала головой и все-таки прикончила пиво. – Сдается мне, надо идти за помощью к архимагистру.

– Так мы и сделаем! – Вита тяжело вздохнула и посмотрела на Попуса: – Аль, прости!

Маг бережно поднял лягушку и отпустил в озеро, где ей сразу стало легче.

– Спасибо тебе, Вителья, – дрогнувшим голосом сказал он, – спасибо, что попробовала. Но в этот раз я не могу проиграть!

Он резко развернулся и ушел под сень деревьев, скрывшись из вида.

Вита хотела было догнать его, чтобы спросить, что он имеет в виду, говоря «в этот раз», однако Тариша тронула ее за плечо:

– Мне кажется, ему нужно побыть одному.

– Ты права, – снова вздохнула волшебница. – Большое тебе спасибо за помощь!

– Да не за что, – проворчала фарга и, поднявшись с травы, поинтересовалась: – Уважаемая Торусилья, там еще осталась куриные ножки? Нам, как целителям, положено по две!

– Пойдем, – позвал Вителью Грой, – тебе надо поесть!

Перед тем, как последовать за ними, волшебница бросила взгляд на лягушку. Марья, с упоением плескавшаяся в озерце, казалось, совсем забыла, что когда-то была человеком.

Ее Высочество Бруни оперлась о подоконник и со стоном потянулась.

– Болит спина? – сочувственно спросила герцогиня рю Воронн, которая сопровождала принцессу в ежедневной поездке в Приют Почтарей.

– Отваливается, – пожаловалась Бруни, – у вас тоже так было на последних сроках, Фирона?

– Да, – коротко ответила герцогиня. – Отличная комната, Ваше Высочество, мне нравится цвет, в который покрасили стены! Он делает ее просторнее и светлее. А вам?

Принцесса обернулась и с удивлением посмотрела на нее – не ожидала, что та сменит тему.

– Хороший цвет, спокойный, – кивнула Бруни. – Как вы думаете, может быть, мне полежать на теплой бутылке? Кумушки из квартала Мастеровых говорили, что так спина расслабляется. Вы лежали? Помогло?

– Не лежала, – качнула головой Фирона. – Ваше Высочество, давайте спросим мэтра Жужина, что с этим делать... Если честно, я плохо помню свою беременность, поэтому вряд ли что-то смогу посоветовать!

– Как можно не помнить беременность? – удивилась принцесса, но заметив, как неуловимо изменилось лицо герцогини, заговорила о другом: – Как себя чувствует та девочка-сиротка, попавшая на улицу после пожара и гибели всей семьи? У нее была сильная простуда и незаживающие ожоги... Кажется, ее звали...

– ...Милена, ее зовут Милена, – улыбнулась Фирона. – Ей значительно лучше, я навещаю ее каждый день. Но, к сожалению, она до сих пор молчит. Ее целитель говорит, что та ночь и дальнейшие скитания привели к необратимым последствиям.

Герцогиня подошла к окну и остановилась рядом с Бруни. Внизу тянулись бесконечные обозы – крестьяне приехали в столицу на рыночный день.

– Он ошибается! – вдруг горячо произнесла Фирона. – Милена обычный ребенок, она все понимает и

интересуется жизнью, просто не хочет разговаривать. Саник Дорош тоже долго молчал, да и сейчас говорит редко!

– Зато, когда заговорит, его не остановить, – засмеялась Бруни и дотронулась до локтя герцогини: – Вы не представляете, как я рада, что нашла вас, Фирона. Вы готовы быть матерью для всех обездоленных детей и не теряете надежды вернуть им детство – и вы правы!

Герцогиня повернулась к ней и воскликнула, порывисто сжав руки на груди:

– Для меня служить вам – удовольствие, Ваше Высочество, а помогать вам в том, что вы делаете для Вишенрогских сирот – мой главный долг и призвание. Индари не дала мне возможности материнства, но если судьба отбирает родителей у детей – они не должны оставаться одни!

Принцесса изумленно смотрела на нее. Настолько изумленно, что Фирона вдруг судорожно вздохнула и торопливо добавила:

– Я имею в виду, до сына, Яго. Сейчас он уже взрослый, моя забота ему не нужна, но, к сожалению, множество детей в Ласурии нуждаются в любви и ласке.

– Конечно, – кивнула Бруни и снова потянулась, – поэтому сейчас мы с вами отправимся дальше... Григо, что у нас в планах?

– Чего там только нет, Ваше Высочество! – донесся из коридора голос Хризопраза.

Секретарь показался на пороге, держа в руках свою тетрадь в голубой бархатной обложке.

– Итак, сначала...

Принцесса вернулась домой только к семейному ужину, но несмотря на то, что спина продолжала болеть, а ноги ныли, была довольна тем, как прошел день. Трактирщица Бруни, ложась спать, всегда вспоминала прошедший день, прикидывая, что можно было сделать лучше, например, какие продукты купить дешевле. Принцесса Брунгильда размышляла о прошедшем дне в масштабе целой страны. Это было такое странное чувство – знать, что ты делаешь что-то не зря! И оно ей ужасно нравилось. Но было кое-что, что ее тревожило.

Дожидаюсь Аркея, Бруни сама не заметила, как уснула. Проснулась, когда пробило полночь. В купальне шумела вода.

Принцесса встала, накинула халат – необъятных, надо сказать, размеров халат, который ужаснул ее, когда она впервые его увидела, – и отправилась в купальню.

Его Высочество Аркей, стоя в ванной, выливал на себя одно за другим ведра холодной воды и с удовольствием фыркал, напоминая фырканием Стрему, бегущего по следу.

– Ты почему не спишь? – грозно спросил он, увидев супругу. – Мэтр Жужин сказал, что для будущих мамочек очень важен режим. И где твой режим, я тебя спрашиваю?

Подойдя, Бруни прильнула к его мускулистому мокрому телу и облегченно вздохнула. Кай, ее Кай, был здесь, рядом, а его сердце ровно и мощно билось прямо под ее ухом.

– Ты – мой режим, муж мой, – улыбнулась она, поднимая к нему лицо, и губами ловя его бережные поцелуи, жадность которых он явно сдерживал.

Однако Аркей слишком хорошо ее знал. Отстранившись, он внимательно посмотрел на нее.

– Что случилось, родная?

Бруни задумчиво наматывала локон на палец.

– Мы разговаривали с герцогиней рю Воронн, и кое-что меня насторожило...

Аркей взял полотенце, лежащее на краю ванной, и принялся вытираться.

– Сейчас мы выйдем отсюда, и ты мне все расскажешь, – сказал он.

– А потом? – с надеждой спросила принцесса. – Кай, я соскучилась!

Его Высочество тяжело вздохнул и с сожалением произнес:

– А потом вернемся к режиму.

После возвращения Яго и Дикрая из поездки «призраки» еще несколько дней провели в Грапатуке. Яго и Вита ежедневно ужинали у мастера Тукотрина, и когда пришло время отправляться дальше,

расстались, очень довольные друг другом. Вителья дала слово дядюшке писать ему письма, а почтенный мастер, лукаво подмигнув Яго, туманно обещал, что теперь все будет хорошо.

– Значит, завтра возвращаемся в Узамор? – спросил за ужином в трактире Вирош, но не очень удивился, когда Яго возразил:

– Нет, мы отправимся в Синие горы.

– К Пыльному озеру, ломать каменные кряжи, – добавил Дикрай.

– О как! – с удовольствием заметил Дробуш. – Это мы завсегда, правда, Вита?

Вита кивнула. Она, как глава секретной миссии, могла бы возмутиться нарушением маршрута, но слишком хорошо знала Яго и этот его тон, которому следовало подчиняться беспрекословно.

Поскольку Ягорай досконально запомнил место, где располагалось Пыльное озеро, порталный свиток перенес их прямо на его берег. Вита с удивлением разглядывала раскинувшуюся перед ней серую гладь, по которой редкие сквозняки гоняли пылевые воронки.

– Здесь все как было, а пахнет осенью, – заметил, останавливаясь рядом с ней, Грой.

– Настоящей рубашке без разницы, какое время года, было бы что рубать! – сообщила из-за их спин Торусилья. – В настоящий момент мне хочется порубать эту пыль – она меня бесит!

– Бесполезное занятие... – фыркнула Руфусилья. – Уважаемый Яго, где тут силу применять-то?

– Вот здесь! – крикнул Альперт, который забрался по каменной круче туда, где ясно виднелась трещина в каменной стене. – Когда-то здесь было русло – смотрите, вон, внизу гладкие камни, это вода их обточила.

Вителья повернулась к Яго, который с непонятным выражением в глазах смотрел на Пыльное озеро.

– Ты действительно хочешь, чтобы мы с Дробушем попробовали расчистить старое русло?

Рю Воронн перевел взгляд на нее, и Вита внутренне содрогнулась – такая в нем плескалась непостижимая, древняя темнота. Будто и не человек только что посмотрел на нее, а существо гораздо, гораздо старше!

– Да, хочу, – тихо ответил он. – Ты мне веришь?

– Верю, – успокаивающе улыбнулась она, – и сделаю, что смогу. Только думаю, что лагерь надо разбить на той стороне озера, ведь не известно, как склон отреагирует на вмешательство. Займитесь этим, а мы пока осмотримся.

– Возвращаемся на место прежней стоянки? – спросил Грой.

Яго на мгновение тронул подбородок Вительи горячими пальцами и пошел прочь.

Волшебница повернулась к Вырвиглоту:

– Идем, Дробушек, займемся твоим любимым делом...

– Это каким же? – удивился тролль.

– Будем проверять валуны на сейсмоустойчивость.

«Он это любит! – раздался голос Кипиша, слышимый только Вите и Дробушу. – Его хлебом не корми, дай что-нибудь проверить на сейсмоустойчивость!»

«В отличие от тебя, бесполезное ты существо, я Вите помогаю!» – огрызнулся тролль.

«Ой-ой, помогает он, видите ли! Может быть, я тоже помогаю, просто вы не замечаете!»

«И как же ты нам помогаешь, позволь спросить?» – Вителья добавила во внутренний монолог ехидства.

«Ну... Кто тебя развлекал, когда ты грустила о Яго? – нашелся Кипиш. – Повидала новый мир, спасла невинную жизнь...»

«Не спасла!» – помрачнела Вита.

«Жизнь – спасла! – не согласился невидимый божок. – Душу не можешь, но ты что-нибудь придумашь. Опять же, асфальту там понравилось, да, асфальт?»

«Не знаю никакого асфальта, гранит я, – привычно проворчал Дробуш, – но ты прав, мне там было как-то... Даже не знаю, как сказать... Как будто домой вернулся!»

«Интересно, почему?» – промурлыкал Кипиш.

«Ты что-то знаешь об этом? – насторожилась Вита. – А ну-ка, давай, рассказывай!»

«Желание моей жрицы – закон для меня... почти всегда! – хихикнул противный божок. – Видишь ли, дело не в антураже, а во времени. Что ты чувствовал, находясь в том мире, Дробушек?»

Тролль задумался.

Увлеченный изучением древнего русла Альперт лазил по камням, не замечая, что Вителья и Вырвиглот стоят неподвижно и таращатся куда-то со странными выражениями лиц.

«Мне было... легко, – наконец, ответил тролль, – легко говорить, легко действовать».

«Вот-вот, легко, – согласился божок, – а легко тебе было потому, что ты – древняя каменюка, которая возрастом может поспорить с богами. С ними тебе легче общаться, чем с обычными людьми, правда?»

«Богамы?! – опешила волшебница и вдруг сообразила, о чем говорит Кипиш. – Богамы! Ну конечно! Все, кого мы встретили – боги того мира!»

«И что они за боги? – заинтересовался Вырвиглот. – Боги чего? Ведь богов просто так не бывает, вот ты, например, противный бог хаоса!»

«Я – великолепный бог хаоса! – захохотал Кипиш. – Ты просто завидуешь, кусок облезлого мрамора, моему великолепию!»

«Стоп! – приказала Вителья. – Сначала расскажи о богах, а потом можешь заниматься самолюбованием».

«Ну хорошо, – сдался божок. – Кощей, он же Карачун – повелитель подземного мира, холода и мрака...»

«С виду такой интеллигентный дедушка!», – расстроился Дробуш.

«Баба Яга, она же Макошь, – охранительница Царства Мертвых от живых, сама не живая и не мертвая чародейка, покровительница лесов и духов предков».

«А вот это похоже», – согласилась Вита.

«Семаргл – проводник между миром живых и мертвых, владеющий божественным огнем, покровитель животных и растений...»

«Но не оживающих скелетов!» – поднял палец Дробуш.

«А Василиса? – спросила волшебница. – Она-то кто?»

«Василиса она только для богатырей, что мечтают освободить ее от злого Кощея, – захихикал божок. – Ее настоящее имя – Морана, богиня зимы и смерти. Обожает поломанные сельскохозяйственные инструменты и черепа... Собственно, из-за черепов-то она богатырей во дворец и приманивает, изображая белокожую деву с соболиными волосами».

«Это прямо Акраеш какой-то в юбке! – возмутился Вырвиглот. – А змей кто таков?»

«Так змей, – невинно ответил Кипиш, – длинный, наглый, голодный. Звать его Уроборосом, ползает этот гад из одного мира в другой и везде воду мутит. Нас, таких шутников, во вселенной немного – раз, два и обчелся!»

«То есть, вас всего двое? – уточнила Вителья. – Двое прародителей хаоса?»

«Ага, – в голосе божка сквозило довольство, – но мы друг с другом не конкурируем. Вселенная велика, места всем хватает!»

«Какой ужас!» – искренне сказал тролль.

«А Марья, кто она? – затаив дыхание, спросила волшебница. – Тоже богиня?»

«А вот ей не повезло, – фыркнул божок, – человек она, самый настоящий человек. От отца ничего не переняла, все – от матери. Та была женщиной простой и доброй, но очень красивой. Однажды зимой пошла за дровами да заблудилась в лесу, видать, леший закрутил. И совсем бы замерзла, но на нее

случайно набрел Кощей. Ты же помнишь, что он повелитель холода и мрака? Он в нее влюбился с первого взгляда и предложил сделку – он оставляет ее в живых, но жить она будет у него во дворце. Едва шаг наружу ступит – погибнет. Она согласилась – Кощей тогда в самой силе был, любую мог уговорить. Годы шли, она начала тосковать по обычному миру, даже маленькая дочка, что у них с Кашеем родилась, не спасала от тоскливых мыслей. И однажды она решилась – вышла за дверь...»

«И умерла?» – с ужасом спросила волшебница.

«Умерла, – вздохнул Кипиш. – У Кошея осталась дочь, которую он растил, ни в чем ей не отказывая. Русалки ее колыбель на реке качали, кикиморы ей платья шили, леший ягод приносил, а мавки колыбельные пели. Но как-то он встретил Морану...».

– Бедное дитя, – пробормотала Вителья.

– Что? – крикнул Альперт. – Вита, что ты сказала? Идите сюда, что вы там застряли?

– Идем! – крикнула она в ответ, а про себя подумала:

«Кипиш, ты ведь ничего не делаешь просто так... Зачем ты рассказал об этом?»

В ответ послышался довольный смех божка.

«Приятно, когда твоя жрица умнее горшка, – сквозь смех проговорил он. – Ты поймешь это, когда продолжишь фразу...»

«Какую такую фразу?» – подозрительно поинтересовался Дробуш.

«То, что может убить бога одного мира, вполне может...»

И Кипиш замолк.

«И почему мне хочется убить именно этого бога?» – сердито спросил тролль.

Вопрос был риторическим.

В дворцовой конюшне, среди королевских лошадей, у Веслава Гродена была своя – черная, как смоль кобылка Веста, дамочка своенравная, но к тому, к кому привязывалась, очень нежная. К сожалению, принцу Аркею не часто доводилось выезжать на прогулки вместе с молодым оборотнем, которого он считал приемным сыном. Однако Весь лошадку не забывал – навещал регулярно, выгуливал даже в одиночестве. Но не сегодня.

Ловко уклоняясь от метящих в лицо ветвей, Весь гнал Весту следом за гнедым жеребцом, принадлежащим Аркею. Рассвет только тронул бледными пальцами верхушки деревьев – график Его Высочества на более позднее время был расписан по минутам.

Веслав никогда не спрашивал принца, куда они отправятся в этот раз. Нюх в помощь – он всегда мог догадаться, где они находятся и в каком направлении двигаются. Оборотню просто нравилось ехать рядом с немногословным принцем, любоваться окрестностями Вишенрога, иногда разговаривать о чем-то.

Аркей остановил гнедого в ложине между холмами. Чуть впереди стоял непонятно откуда взявшийся здесь чурбак высотой в человеческий рост.

Принц спешил, бросил поводья и махнул Весю рукой.

Когда Гроден подошел, Аркей уже держал в руках странную железяку, похожую на чудной молоток.

– Что это? – удивился Весь.

Принц улыбнулся, хотя взгляд его оставался серьезным.

– Это страшная государственная тайна, Весь, но я хочу тебе ее показать и научить пользоваться. Только прошу тебя, не говорить об этом ни с кем, кроме меня!

Его Высочество никогда не просил Веслава о чем либо, поэтому всю важность момента оборотень осознал мгновенно.

– Обещаю! – горячо кивнул он.

– Возможно, когда-нибудь эта штука спасет жизнь кому-то из твоих друзей или родных, – продолжил Аркей, задумчиво глядя на предмет, – но при этом отнимет другую.

– Так это оружие? – догадался Гроден. – Как оно работает?

– Это изобретение гномов, называемое «малопушка»... Парадокс, Весь, в том, что самое смертоносное оружие на Тикрее, если не считать боевой магии, изобрели гномы – народ, который не любит воевать и всегда предпочитает худой мир доброй войне.

– Вот эта железяка – смертоносное? – засомневался Гроден.

– Я тоже так думал, пока не увидел своими глазами, – невесело усмехнулся принц.

Он достал из кармана камзола яблоко, дошел до чурбака и поставил яблоко сверху, после чего вернулся.

– Готов, Весь?

– К чему? – удивился тот.

– Будет немного громко.

Принц лукавил – громко было так, что Гроден машинально отпрыгнул в сторону, и чуть было не поддался обороту – как делали все оборотни в момент опасности. Но он внимательно следил за яблоком, на которое Аркей навел оружие и успел заметить, что яблоко... исчезло.

Весь метнулся туда, обежал чурбак, втягивая воздух носом. Нет, яблоко не исчезло, оно просто разлетелось на мелкие кусочки.

– Это звук так действует? – вернувшись, спросил оборотень. – Он наносит урон?

Принц качнул головой.

– Нет. Думаю, мы устроим здесь пикник, и я покажу тебе, как это работает. Снимай корзины, которые нам приготовила Бруни – время завтракать.

Они пробыли в долине до восхода солнца. Его Высочество за прошедшее время принаровился неплохо стрелять, или как говорили уважающие себя мастера «лупить». Весь тоже попробовал и был поражен, с какой силой бьет в ладонь рукоять «смертоносного оружия». Аркей пообещал, что научит его управляться с этой штукой, но, увы, солнце уже поднялось над горизонтом, и им следовало возвращаться в Вишенрог.

Гроден успел как раз ко второй паре. Садясь за парту, заметил, как Рахен бросил на него взгляд, не скрывая зависти – учуял, серый, запах полей и лесов, лошадей, прогулки на свежем воздухе.

– Опять носились верхом по буеракам с Его Высочеством? – спросил он шепотом.

Весь молча кивнул.

– А почему от тебя пахнет горячим железом? Заезжали в кузню, что ли?

Оборотень снова кивнул и, отвернувшись, стал смотреть в окно. «Страшная государственная тайна» жгла гортань, так хотелось рассказать друзьям об увиденном...

Но ведь тайна на то и тайна, чтобы хранить ее и мучиться, не правда ли?

Приложив ладонь козырьком ко лбу, Ягорай следил за маленькой черноволосой фигуркой на том берегу. Вителья стояла чуть в стороне от древнего русла. Вызвавшийся помогать Альперт устроился напротив, а сверху на гряде, которую требовалось разрушить, прогуливался равнинный тролль Дробуш Вырвиглот в своем настоящем обличье, иногда останавливаясь и стуча пяткой по камню.

– Чего они медлят? – проворчала Руфусилья.

– Я полагаю, Дробуш ищет слабое место, – ответил Вирош, стоящий рядом с Яго.

– Он будет на нем прыгать? – с подозрением осведомилась младшая рубака. – Я хочу на это посмотреть!

Тариша отвернулась и занялась костром, показывая, что ей это вовсе неинтересно.

– Яго, ты уверен, что Вита справится? – спросил Дикрай. – Она, конечно, сильный маг, но, по-моему, камни дробить ей не доводилось.

– Сомневаюсь, что она будет их дробить, – усмехнулся Грой, – это слишком грубо, друг мой. Здесь нужно с умом...

Троль остановился, потом отступил пару шагов в сторону и что-то крикнул – даже с другого берега озера было видно, какая огромная у него пасть.

Волшебница подняла руки, словно приготовилась дирижировать, а затем повела неровную линию в воздухе, очерчивая некую диагональ. Однако на каменной стене не оставалось ни следа.

Следующий час все, даже Тариша, забросившая приготовление обеда, с изумлением следили, как Вителья вырисовывала в воздухе странные контуры. Иногда к ней присоединялся Альперт. Казалось, маги, стоящие на разных берегах древней реки, танцуют некий мистический танец, которым руководит существо, не менее древнее, чем река.

– Какого Аркае... – возмутилась Тори, когда ее терпение лопнуло.

Однако договорить она не успела. Вита вспыхнула, словно ярчайший факел, а Дробуш... прыгнул. Прыгнул высоко, с оттяжкой, после чего всей массой обрушился на склон. По камню побежали тонкие трещины, напоминающие нити паутины. Дробуш снова прыгнул. Трещины бежали от центра в стороны, следуя векторам, наведенным волшебницей, и середина кряжа начала проседать, поднимая тучи пыли не только вокруг, но и с Пыльного озера. Серая завеса заволокла дальний берег.

Дикрай покосился на Яго. Ласурец расширенными зрачками следил за происходящим, но не делал ни движения. Казалось, он, единственный из всех, видит то, что там происходит.

– Вода... – вдруг сказал Грой. – Аркаеш меня побери, я чую воду!

– Точно! – засмеялась фарга. – Пахнет водой!

Пылевой туман раздался в стороны, будто сдуваемый порывом ветра. Впрочем, так оно и было – Альперт точными воздушными ударами гнал пылевое облако прочь. В древнем русле копошился Дробуш, вытаскивая и отбрасывая огромные камни. Маленький ручеек, текущий по дну, с каждым отброшенным валуном становился все сильнее. Вителья развеивала песок, мелкие и средние камешки, расчищая русло следом за троллем, который пробивался вперед с упорством гнома, почуявшего радужную дружзу.

Не сговариваясь, позабыв про костер, «призраки» побежали туда. Когда они достигли русла, ручеек уже превратился в речушку. Вителья и Альперт, который перебрался к ней с другого берега, стояли в стороне, а Вырвиглот простукивал и ощупывал огромный валун, перегородивший путь воде. Поток протискивался по обеим сторонам от него.

– Что там, Дробушек? – спросила Вита.

– Его надо немного повернуть, тогда вода сама его вытолкнет, – ответил тролль.

Он подпер валун спиной, поднатужился, попытался сдвинуть, но камень будто врос в землю.

– Заклинило, – сплунула Торусилья.

Грой лукаво посмотрел на нее.

– А что, уважаемая Тори, почтенным рубакам никакими правилами не запрещается помогать троллям? – весело спросил он, и пошел к Дробушу, засучивая рукава.

– И то дело! – кивнула Руфусилья, отстегнула топор, вместе со шлемом положила на землю и последовала туда же.

– Эй, подождите меня! – завопил Дикрай, бросаясь за ними наперегонки с Торусильей.

Яго и Тариша переглянулись, улыбнулись друг другу как взрослые, наблюдающие за детскими шалостями, и тоже направились к ним.

Общими усилиями камень удалось сдвинуть. Вода хлынула, грозя полностью затопить русло.

– Уходите все, я его придержу! – зарычал Дробуш.

– А ты? – спросила фарга, в ее голосе звучало искреннее беспокойство.

– Камни не тонут, – коротко ответил тролль.

– На берег, быстро, – приказал Ягорай, вместе с Вырвиглотом упираясь спиной в валун, который дергался, как желающее ожить чудовище.

Когда ласурец последним вышел из воды, Дробуш, довольно ухмыляясь, шагнул вбок, лишая камень опоры. Тот затрясся, будто припадочный, а затем вдруг рванул в сторону Пыльного озера и запрыгал по прибрежной кромке. Поток сбил тролля с ног и потащил в том же направлении, однако Вырвиглоту удалось, цепляясь пальцами за неровности в дне, выбраться на берег. Обретшая свободу

река ревела и прыгала в русле цепным псом, кружила мутные буруны у берега, стремилась дальше, и не было ей конца.

- И что теперь? - спросила Вителья, подходя к Яго.

Он обнял ее одной рукой, продолжая смотреть на поток.

- Будем ждать, пока вода наполнит озеро.

- А потом?

Рю Воронн пожал плечами.

- Понятия не имею.

- Ну здорово! - захохотал Грой и махнул рукой. - Пойдемте на стоянку. Пока уровень воды поднимется, может несколько дней пройти.

- Мы - отличная команда! - сказала Вита, возвращая Дробушу амулет. - Альперт, к тебе это тоже относится.

Маг покраснел, неуклюже поклонился и поспешил за Вирошем. Глядя ему вслед, Вита на мгновение поймала какую-то мысль... Что-то, связанное со словами Кипиша о смерти бога, но рев воды спугнул ее.

- Сегодня я буду спать, как младенец, - улыбаясь, произнес Ягорай и поцеловал ее в макушку.

- Почему? - машинально спросила волшебница.

Рю Воронн промолчал, но она знала ответ.

С тоской смотрю в туманные осколки лета Куда же ты спешишь, зачем меня бросаешь? В глазах лесных озер все больше полусвета И, солнце, как снежинка, ты все сильнее таешь!

Красивый голос долетал даже до вершины Золотой башни. Архимагистр Никорин отложила самопишущее перо, встала и подошла к окну. По улице неторопливо шел молодой менестрель, задумчиво перебирал пальцами струны лютни. Казалось, он не замечает ни горожан, спешащих по своим делам, ни проезжающих мимо всадников, ни стен домов. Его голос - чистый и звонкий, взлетал к небесам, из которых уже исчезла синяя беспечность лета. Одет парнишка был небогато, но опрятно. И только его сапоги после дорожных странствий явно доживали последние дни.

Усмехнувшись, Ники сплела заклинание и выпустила. Трансформацией предметов она увлекалась еще в юности. Училась на тумане, что окружал гору Белого старца, превращая его в воду, хлеб и вино.

Менестрель споткнулся, смешно подпрыгнул и застыл, с изумлением разглядывая новенькие щегольские сапоги. Затем заозирался, увидел Золотую башню и, прижав руку к сердцу, почтительно поклонился.

Ники помахала ему. Настроение поднялось. Все еще улыбаясь, она вернулась за стол, и только тут заметила, как мигают самоцветы на раме зеркала связи. Спустя мгновение в амальгаме показался седобородый гном. На изборожденном морщинами лице поблескивали маленькие темные глазки, похожие на медвежьи.

Ласурский архимагистр, благо еще не садилась в кресло, уважительно поклонилась. Архимагистр Драгобужья кивнул не менее уважительно, но из своего кресла не поднялся. Возраст в несколько сотен лет позволял ему изображать из себя немощного старца. Многие попадались на этот обман, о чем после горько жалели.

- Ваше Могущество, как себя чувствуете? - подыгрывая почтенному гному, начала разговор Ники.

- Ох, сегодня - так, завтра - этак... - закричал тот, попыхивая трубкой, и демонстративно потер колени. - А вы все цветете, Ники! Я вам завидую!

- Да ладно? - рассмеялась та. - Я - счастливая женщина! Мне завидует величайший волшебник Тикрея!

- Да ладно? - в ее же тоне ответил Драгодруг Синих гор мастер. В его глазах тоже прыгали смешинки. - Тогда поделитесь своим счастьем, Ники.

- Приглашаете, Ваше Могущество? - прищурилась архимагистр.

– Приглашаю! – кивнул тот и вытащил трубку изо рта, показывая тем самым, что разговор пойдет серьезный.

– Брут, я скоро вернусь, – сказала Никорин в пустоту и шагнула из своих покоев прямо в сумрачные чертоги Драгобужского архимагистра.

Здесь было прохладно, и вкусно пахло крепким табаком и пергаменатами.

– Желаете чего-нибудь? – любезно осведомился гном, когда она села в кресло напротив. – Морс? Баблио? Эль?

– Благодарю, нет, – качнула головой Ники. – Ваше Могущество, вы меня удивили. Я не ожидала увидеть вас там, на поляне. Неужели доходы кварты идут не в общак, а в государственную казну?

Драгодруг ухмыльнулся.

– Казне нет нужды в доходах от контрабанды – она полна, наполняется регулярно и будет наполняться, пока существуют Тикрейские недра. Я контролирую кварту не в личных или финансовых целях, мне важно знать, что происходит в Драгобужье... даже если об этом не знает Его Величество! Мне хотелось лично убедиться в том, что малопушки попадут в те руки. И как они вам?

Ники пожала плечами.

– Мне – никак, уважаемый мастер, а вот Его Высочество Аркей от них в восторге. Он уже лупит всюю и чаще всего попадает в цель.

– Ваш будущий король – способный мальчик, Ники, с ним приятно иметь дело. Но Драгобужье интересно не только Ласурии...

– Крей? – понимающе спросила архимагистр.

– Крей... – Драгодруг спрятал ладони в широкие рукава мантии, словно они мерзли. – Прогресс, как вы знаете, не остановить. Пытливый ум всегда найдет лазейку для явления миру своих талантов, чаще всего, не задумываясь о последствиях...

Никорин молчала. Архимагистр Драгобужья говорил о третьем сыне своего короля. Не стоило делать ремарки по этому поводу.

– К сожалению, Его Величество Виньогрет увидел изобретение Рофельхаарта раньше меня и был им покорен, – проворчал Драгодруг. – Будь моя воля, я бы уничтожил опытный образец и изъял бы из памяти инженера воспоминания об этом изобретении. Но только из памяти инженера, не короля! Поэтому мне было важно, чтобы оружие оказалось в Ласурии, где его не используют против нас.

– Вы в этом уверены? – подняла бровь Ники.

Спрашивала не как Ласурский архимагистр, а как одна из могущественнейших волшебниц Тикрея, и гном это понял.

– Скажем так, я больше уверен в Ласурии, чем в Крее, – усмехнулся он. – У асурха Понтеломуса есть две очень неприятные черты: он завистлив и нетерпим. С таким правителем трудно договариваться, но еще труднее жить... под его протекторатом.

– Я слышала о том, что эльфы недовольны его правлением, – кивнула Никорин.

– Ха, эльфы! – хохотнул Драгодруг. – Они могут быть недовольны по самые кончики ушей, но против асурха не пойдут, понимая, что он задавит их числом вместе с их расхваленным оружием, доспехами и магией. Однако эльфы – живой пример того, что бывает с теми, кто склоняет голову перед Креем. Давайте займемся чистой риторикой, Ники, а именно порассуждаем о будущем Тикрея... Всем ясно, что противостояние Ласурии и Крея не закончено. Асурх никогда не простит Его Величеству Редьярду перемирия, к которому тот его принудил, заставив подписать договор на условиях, выгодных не только Крею. А это значит, быть войне, рано или поздно, так или иначе. И если это произойдет, Драгобужье вынужденно окажется буфером. Таким, знаете, лакомым кусочком, где можно разжиться самым смертоносным на текущий момент оружием Тикрея.

– Думаете, асурх предпочтет начать с вас? – напрямую спросила Ники – не было нужды в дипломатии.

– Не исключаю такую возможность, – кивнул Драгодруг. – Среди гномов многие хотели бы сотрудничать с Креем, ведь наша общая граница длиннее, чем общая граница с Ласурией, соответственно, больше торговых путей и деловых связей. Крей, бедный своими сырьевыми месторождениями, всегда много покупает у нас и никогда не скупится платить полную меру. А Его Величество Редьярд, что уж говорить, скуповат, как гном! – Драгобужский архимагистр хихикнул,

но тут же посерьезнел. – Но мои братья, глядящие в сторону Крея, не видят или не желают видеть одного – отношения Понтеломуса к чужой вере. Крей ведь не всегда был таким большим, он расплывался, как ядовитая медуза на песке, поглощая мелкие княжества со своей историей, традициями и божествами. И что мы видим на сегодняшний день? В Крее при всем многообразии народов только одна история и одна вера – вера в Пантеон. Об остальных богах забыли, стерли с лица земли их храмы, а из памяти верующих – молитвы и ритуалы. В противовес этому в Вишенроге начато строительство Храма Всех Богов, в котором участвуют и люди, и гномы. Он обещает стать одним из чудес света, если будет достроен.

– Храм будет достроен, – улыбнулась Ники. – Его Величество Редьярд не только скуп, как гном, он еще и упрям, как уважающий себя мастер. Если идея его захватила, никому не будет покоя, пока он ее не воплотит в действительность.

Драгодруг склонил голову, признавая истинность сказанного, и продолжил:

– Прокрейская фракция среди старшин сильна, однако и Ласурская не слабее. Но чтобы дальше развивать дружеские отношения между двумя народами Тикрея, которые не стремятся все время воевать, нам нужно больше делать друг для друга... – Драгобужский архимагистр замолчал и пронзительно взглянул на Никорин. – Я чувствую некую злую волю, направленную в Вишенрог, Ники, и готов помочь, если потребуется.

Драгодруг не говорил прямо, однако волшебница знала, что ему известно об угрозе, нависшей над Ласурией – хорошо развитая шпионская сеть гномов была тому порукой.

– Я благодарна вам за предложение помощи, мой друг, – негромко произнесла она, – но магия на бешеных не действует.

– Так я не о магии, – промурлыкал гном. – Естественно, предложение неофициальное. От вас потребуется лишь не препятствовать мне, коли я решу открыть портал из Подгорья в Вишенрог.

– Естественно, – рассмеялась Ники. От сердца немного отлегло.

– Может, все-таки эля? – вкрадчиво предложил Драгодруг. – За понимание, так сказать!

– За понимание? – Ласурский архимагистр вздохнула. – Разве я могу отказаться?

Бруни никому не призналась бы в том, что не любит смотреть вслед уходящему супругу. Каждый раз царапало сердце горькими воспоминаниями из прошлого, которые она пыталась забыть. Но, видимо, жизнь без Кая была для нее настолько невыносима, что страх однажды потерять его возникал периодически, как возникает иногда у людей страх перед собственной смертью.

Принц ушел на весь день. Его Величество Редьярд сегодня принимал Драгобужского посла Арбиддона Снежского. Аркей, как и его младший брат, должны были стоять за тронном во время официальной части. Их супругам в связи с «интересным положением» милостиво разрешили не присутствовать. После приема в Большой тронной зале предстояли долгие переговоры по сметам на строительство Храма Всех Богов.

Дверь за Его Высочеством не успела закрыться, как открылась снова, и на пороге показалась Катарина Солей с вопросом в глазах.

– Накрывай на стол, – улыбнулась Бруни.

Тяжело поднялась, опираясь на подлокотник дивана, и подошла к окну.

За ее спиной служанки, наполнившие гостиную, ставили у дивана низкий столик, накрывали его узорчатой скатертью, раскладывали посуду и угощения. Катарина, уже сбежавшая на кухню, торжественно водрузила посередине блюдо с вафлями, испеченными принцессой. Стоять у плиты Ее Высочеству было тяжело и жарко, однако дело того стоило.

Городские улицы позолотели. Дворники лениво шваркали метлами, гоняя опавшие листья туда-сюда, но никто не жаловался на то, что они плохо выполняют свою работу. Осень в Вишенроге любили не меньше, чем лето. Поймав себя на желании немедленно оказаться в открытом море, на яхте вместе с мужем, Бруни с тоской покосилась на порталный перстень с рубином, который оттягивал палец и, повернувшись к Катарине, приказала:

– Зови!

Старшая горничная поклонилась, взмахом руки выгнала из комнаты служанок и ушла за ними. Но вскоре вернулась, ведя за собой низенькую широкую гномеллу в летах с красным лицом настоящей поварихи. Увидев Бруни, она низко поклонилась – неизяшно, но с достоинством. Принцесса, помня все, что читала или знала о гномах, поклонилась не менее уважительно. Широко улыбнувшись,

пошла навстречу гостье.

– Добрых улыбок и теплых объятий, почтенная госпожа Венская! – воскликнула она. – Давно мечтала познакомиться с единственной гномеллой, официально состоящей в штате уважаемого посольства вашей замечательной родины, и вот, наконец, моя мечта сбылась.

Краснолицая гномелла расплылась в улыбке.

– Вы мне льстите, Ваше Высочество, к посольским делам я не имею никакого отношения, я просто кормлю наших уважаемых мастеров, которые как раз и состоят в штате посольства.

– Кормить государственных мужей – дело серьезное, – засмеялась Бруни, – я это знаю, как супруга одного из них. Думаю, на этой почве мы с вами найдем, о чем поговорить?

– Называйте меня просто Асканьей, Ваше Высочество, – снова поклонилась гномелла. – Я тоже думаю, что мы найдем, о чем поговорить, например, чем это так восхитительно пахнет?

– Оттуда? – Бруни кивнула на стол. – Давайте-ка проведем дегустацию?

Темные глаза госпожи Венской блеснули. Судя по комплекции, посольская кухарка любила не только готовить, но и покушать!

– Я не хочу показаться невежливой, – сказала принцесса, разливая по чашкам горячий морс, – но очень прошу, давайте обойдемся без положенных этикетом реверансов и будем просто болтать? Мне иногда кажется, что я задыхаюсь во дворце от излишней вежливости.

– Это издержки вашего положения, уважаемая принцесса, – спокойно улыбнулась Асканья. – Когда мы только познакомились с моим дорогим Застылом, он был самым несдержанным и пылким гномом из всех, кого я знала – и в любви, и в делах. Мне пришлось работать над его характером, как работает ювелир над природным кристаллом, доводя его грани до совершенного состояния.

– И вы довольны результатом? – с интересом спросила Бруни.

– Вполне, – кивнула гномелла. – Я мечтаю когда-нибудь увидеть Застыла послом, ведь наш уважаемый Арбиддон уже очень стар и все чаще тоскует о родине.

– Вам с супругом не надоело в Ласурии?

– Вишенрог стал нам вторым домом, – Асканья улыбалась. – Здесь мы с Застылом поддерживали друг друга, когда оказались в чужой для нас стране с непривычными обычаями. Здесь у нас родились сыновья, которые уже давно работают в Синих горах и стали настоящими мастерами, и дочь, вышедшая замуж за почтенного мастера-ювелира Ласурской диаспоры. Говорят, когда гномы чувствуют приближение своего срока, она стремятся быть ближе к Прагоре, но мы пока не стремимся, и это нас радует.

– Мне приятно слушать, как вы говорить о моем родном городе, – призналась Бруни, – я словно вижу его с другой стороны, оттуда, где еще не доводилось бывать. Да, что же мы! – спохватилась она. – Берите же вафли!

– Так это то самое лакомство, которым восхищаются ласурцы? – с удовольствием умяв сразу несколько вафель, поинтересовалась Асканья. – Это, и правда, вкусно! Так вкусно, что я даже закрою глаза на непривычную для гномов сладость этого блюда.

– Желаете что-нибудь более соленое? – лукаво улыбнулась Бруни. – Тогда, может быть, вместо морса я могу предложить вам, уважаемая Асканья, кружечку пива?

– Торусом клянусь, это отличная идея! – шлепнула ладонью по обширной коленке гномелла. – Но только, если вы составите мне компанию, Ваше Высочество!

Принцесса с опаской покосилась на дверь и прошептала:

– Я согласна, но для всех остальных – я пью морс, договорились?

Взгляд Асканьи скользнул на внушительный живот принцессы, и она понимающе кивнула.

Под мерзавчики и кружечку пива (Бруни обошлась одной, а вот гномелла ни в чем себе не отказала) они душевно поговорили о погоде, кулинарии и картинах мастера Вистуна. Обсудили меню – Бруни рассказывала о блюдах своего трактира, Асканья – о меню посольства. И расстались спустя несколько часов очень друг другом довольные.

Катарина, войдя и увидев две пивные кружки на столе, нахмурилась.

Раскрасневшаяся Бруни полулежала на диване, подложив под поясницу подушку.

– Налаживаєте связи, Ваше Высочество? – в комнату проскользнул Григо Хризопраз. – Похвально, похвально.

– Я с удовольствием пообщалась с почтенной госпожой Венской, но, на самом деле, у меня есть цель, – рассмеялась принцесса. – Присядьте, Григо, и расскажите мне, как там мой муж и официальный прием, на который, – слава Индари! – я не ходила.

– Если расскажете мне о вашей цели, я передам вам записочку от супруга, – усмехнулся секретарь. – Полагаю, в ней написано, что Его Высочеству все надоело, и он по вам скучает.

– Вы читали, Григо? – возмутилась Катарина.

– Конечно, нет, – захохотал Хризопраз, – но об этом несложно догадаться!

Горничная фыркнула и принялась убирать со стола. Григо едва успел цопнуть последнюю оставшуюся вафлю, с удовольствием сжевал ее, уселся на стул напротив принцессы и достал из кармана сложенную записку:

– Итак?

– Вы – негодяй, Григо! – захихикала принцесса и понизила голос: – В Драгобужье есть одно местечко, которое называется Топенког...

Поднятая потоком озерная муть оседала три дня. Три дня Яго чувствовал себя, как на иголках. Три ночи просыпался, чтобы спуститься на берег и снова убедиться в непроглядной черноте воды. Три дня оборотни носились по горам, притаскивая разную дичь, а гномеллы наслаждались диетой, состоящей почти из одного мяса, так как остальные припасы подходили к концу. И три ночи Вителья, тайно используя Взор, наблюдала, как поет отражению демона в зеркале связи колыбельную стажер Попус. Лягушка Марья обычно сидела рядом с ним и дремала.

Ранним утром четвертого дня всех разбудил вопль Гроя, дежурившего в эту ночь последним:

– Ох и ничего себе! Эй, сони, живо поднимайтесь!

Рю Воронн, который вскочил первым, не поверил своим глазам. В поверхности озера, как в зеркале, отражались облака, высоко плывущие над горами, но теперь видимость возникла и на глубине, позволяя разглядеть... величественные белокаменные здания и улицы города, в незапамятные времена ушедшего под воду.

– Этого не может быть... – пробормотала Тариша, а Дикрай протер глаза, словно тоже не доверял тому, что видит.

– Вот это хусним так хусним! – воскликнула всегда выдержанная Руфусилья, а ее сестра от радости пустилась в какой-то дикий пляс, размахивая топориками так, что Альперт на всякий случай спрятался за Дробуша.

– Это то, чего ты ожидал? – спросила Вителья, беря Яго за руку.

У него было непонятное выражение лица, и она не стала настаивать, когда он так ничего и не ответил.

– Я хочу туда сплавать! – воскликнул Дикрай.

Его никто не успел остановить, как он уже бежал к берегу. Тариша, фыркнув, метнулась за ним. Оборотни плюхнулись в воду и поплыли на глубину.

– Это не опасно? – поинтересовался Альперт у Виты. – Вдруг там могильник?

Волшебница отпустила пальцы Ягорая и тоже пошла к берегу. Остановилась, когда вода коснулась мысков ее сапог, закрыла глаза, прислушиваясь к себе и окружающему. Это место было мертво, и никакая чужая воля им не заправляла. Если когда-то в нем и была энергия, она давно исчезла.

– Это не могильник, – Грой остановился рядом, словно прочтя ее мысли. – Это что-то другое!

– Может быть, мифический Лаартен? – крикнул с берега Альперт.

– Хорошая мысль, – проворчал стоящий рядом с ним Дробуш.

– Боюсь, мы этого не узнаем, – Дикрай, отфыркиваясь, вылез на берег, встряхнулся, словно мокрый кот. – Слишком большая глубина, хотя видно все, как на ладони.

- И что вы видели? - к ним подошел Ягорай, держа свиток со старой картой.

- В середине - огромное здание, то ли дворец, то ли храм, от которого лучами расходятся улицы. Дома добротные, каменные, украшены резьбой. Следов разрушений не видно.

- Лучами... - пробормотал рю Воронн и развернул карту. - Нарисуй!

- Здесь? - удивился Денеш.

- Да, здесь!

- Ну хорошо, дай только обсохнуть.

Пока оборотни сохли у костра, остальные занялись приготовлением завтрака, нет-нет, да поглядывая на видимые под водой белеющие башни.

- А вдруг это и правда Лаартен? - спросила Вителья у Яго.

Судя по одобрительным взглядам остальных, они думали о том же.

- Это означает сразу две вещи, - улыбнулся он. - Первое, мы проверили Сказку о спящем красавце из нашего списка и можем смело ее вычеркивать, потому что могильника тут нет, и второе - мы напоролись на еще одну легенду...

- И к каким последствиям это приведет - стр-р-рашно подумать, - промурлыкала Тариша, обтираясь об Денеша.

От одежд оборотней шел пар - утром в горах было прохладно.

Вителья отвернулась и посмотрела на озеро. Слова фарги царапнули по сердцу. Как ни любила волшебница приключения, последствия выходили уж слишком непредсказуемыми!

Дикрай забрал у Яго карту и, склонившись над ней, что-то чертил.

- Ты, как в детстве, солнышко, что ли, рисуешь? - заглянув ему через плечо, спросила проходившая мимо Торусилья.

Оборотень чиркнул последнюю линию и протянул карту Ягораю. Вита повернулась, чтобы посмотреть. На карте действительно было нарисовано что-то похожее на солнце. Круг обозначал, по всей видимости, городские границы, прямые улицы лучами расходились от центра.

- Дай! - вдруг сказал Дробуш.

Забрал у опешившего Дикрая самопишущее перо, а у рю Воронна - карту. Что-то подрисовал и вернул карту Яго с комментарием:

- Схема!

Ягорай потрясенно смотрел на рисунок. Вырвиглот не добавил ничего лишнего, он просто продлил улицы... до кружков, обозначающих Поляны смерти! Линии получились идеально ровными. Перед глазами рю Воронна был круг, заключенный в другой круг и соединенный с ним прямыми!

Карта пошла по рукам. Все молчали, понимая, что тайна ширится и живет своей жизнью.

- Получается, те развалины, что были спрятаны под газоргами, имеют отношение к городу? - растерянно спросила Тори.

- Похоже на то, - кивнула Руфусилья. - Значит все-таки форпосты!

- А чаши, чтобы умывать нарушителей границы? - хмыкнул Грой.

Гномелла метнула в него сердитый взгляд.

- Все-все, я больше не смеюсь, - миролюбиво сказал оборотень. - Я просто хочу сказать, что спустя столько времени трудно понять, в качестве чего использовался тот или иной предмет. Мы можем думать что угодно - и очень ошибаться!

- Как бы то ни было, могильника здесь нет, - Вителья оглядела остальных, - я, конечно, попрошу Ее Могущество взглянуть на это место, но думаю, нам пора отправляться дальше. Возможно, когда-нибудь у нас будет время и желание разгадать и эту загадку, но не сейчас.

- Не сейчас... - согласно кивнул Грой.

Вита посмотрел на Яго. Знала, что он предпочел бы побыть здесь, видела это в его глазах, но время неумолимо уходило, а количество могильников почти не уменьшилось!

Рю Воронн свернул карту, убрал в пенал на поясе, сел на место и спокойно сказал:

– Тогда отправимся после завтрака.

– Вот и я так думаю! – махнула топориком Тори, чуть не снеся голову Тарише. – Хорошее дело надо начинать на сытый желудок!

Предзакатное солнце заливало комнату по-осеннему холодным светом. У окна, на кушетке, Ванилла рю Дюемнон кормила грудью маленького Людвина. Стояла тишина, которую не хотелось нарушать. Принцесса Брунгильда и не нарушала. Сидела напротив в удобном кресле, обложившись подушечками и, затаив дыхание, следила за процессом. Она наблюдала его не в первый раз, но как и в первый, ей казалось, что она видит чудо.

– Подержишь его? – улыбнулась Ванилла, когда младенец, чмокнув, отлепился от ее обширной груди. – Помнишь, как я тебя учила? Головой на плечо, чтобы срыгнул.

Бруни кивнула и протянула руки.

– Иди сюда, Лягушонок!

Данное Его Величеством прозвище прилипло к маленькому рю Дюемнону намертво. Впрочем, он не возражал, но что самое удивительное, не возражала и Ванилла, всегда бывшая щепетильной в подобных делах.

Бруни прижала Людвина к себе и прикрыла веки. Завернутый в пеленки младенец был теплым и пах чем-то, от чего у нее сжималось сердце. Будто в ответ, в животе лягнулась «коняшка», и у принцессы перехватило дыхание.

– Быть ему генералом! – констатировала Ванилла, наблюдая за подругой.

– Кому? – простонала та, переложила Лягушонка на другое плечо и попыталась сесть поудобнее.

– Рэду, конечно, – фыркнула Ванилла. – Вишь, какой воин растет! Герой!

Дверная створка приоткрылась и сказала интеллигентным голосом:

– Я, конечно, извиняюсь, но наследному принцу пристало быть королем, а не генералом.

– Григо, кыш отсюда! – не желая разбудить Людвина, шепотом закричала Ванилла. – Вот ведь уши!

– Очень красивые уши, прошу заметить, – также интеллигентно ответила дверь и закрылась.

Бруни смеялась, стараясь не трясти спящего младенца.

– Кто бы мог подумать, что морковка имеет сей побочный эффект, – задумчиво сказала Ванилла, разглядывая Людвина так, будто видела впервые. – Правду говорят, не знаешь, где найдешь, где потеряешь! Бруни, ты сегодня поедешь в город?

Принцесса кивнула. Младенец все-таки срыгнул, и она, сосредоточенно сдвинув брови, вытирала ему ротик краем пеленки. Кривящийся в неудовольствии ротик был такой маленький, что дотрагиваться до него было страшно.

– Ты бы завязывала с поездками, тяжело же, – вздохнула Ванилла, – да и вообще, пора отсыпаться, потому что после не выйдет, это я тебе как знаток говорю! Ты, конечно – Твое Высочество, но зная тебя, я ни за что не поверю, что ты ребенка скинешь на нянек. Сама будешь с ним прыгать и днем, и ночью.

– Арк обещал помочь, – ответила Бруни. – Ой, Ванилька, он собирается заплакать!

– Поможет он, как же! – хмыкнула подруга и протянула руки. – Давай сюда этого скандалиста. Ну вылитый папенька – как что не по его, начинает вопить!

– А мне кажется, это больше в мамочку, – хихикнула принцесса и спохватилась: – Я же не просто так пришла. Мне нужна твоя помощь!

– Если речь о свадьбе папаши, то от меня помощи не жди! – посуровела Ванилла. – Я эту змею Туссиану Сузон в семью не приму.

Бруни кротко вздохнула. Строптивая подруга никак не желала мириться с очевидным. А именно с

тем, что Пип «по самый поварской колпак», как он говорил, влюбился в «змею Туссиану». Между тем, свадьба приближалась. Первоначально ее планировали на «золотые дни», но из-за назначения Селескина главным королевским поваром, пришлось сдвинуть дату ближе к зиме. Одновременно, в спешном порядке шел ремонт в совместно купленном Пипом и Туссианой двухэтажном доме в Сакральном квартале, откуда до дворца было рукой подать. Конечно, Пипу полагались личные покои в замке, и поначалу он оставался в них ночевать. Однако Пип был поваром с опытом, и, несмотря на все опасения, особых трудностей на новой работе не встретил. Необходимость дневать и ночевать на дворцовой кухне отпала, а мужчине в расцвете лет, что ни говори, в кровати лучше с любимой женщиной, чем без нее!

- Нет, не о свадьбе, - качнула головой Бруни. - Видишь ли, сегодня третий день четвертой седмицы второго осеннего месяца...

- Да? - удивилась Ванилла. - Как время летит, уже и осень почти прошла! Будем отмечать?

- Будем, - улыбнулась принцесса, - но в хорошей компании. Ты не против?

- А высокие красивые офицера там бу...? - Ванилла осеклась, посмотрела на Лягушонка, снова затихшего на ее руках, и кротко вздохнула.

- У тебя муж высокий и красивый, - засмеялась Бруни, - к тому же он подарил тебе Людвину!

- Эй, это я его ему подарила! - возмутилась подруга.

- Не ругайтесь, это был обоюдный подарок, - раздалось из-за двери.

Ванилла прищурилась.

- Вы абсолютно правы, уважаемый господин секретарь, - проворковала она, поднимаясь с кушетки и подкрадываясь к двери, - как приятно поговорить с умным человеком!

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул удивленный Григо.

- Дорогая Ванилла, как приятно, что ваше настроение...

Госпожа рю Дюемнон сунула ему в руки Людвину и торжественно провозгласила:

- Поэтому именно вы, господин секретарь, побудете с Лягушонком, пока мы с Ее Высочеством займемся делом! Вот так-то!

- Эй, это нечестно! - возмутился Григо. - Ваше Высочество, скажите ей!

- Подслушивать нехорошо, мой друг, - усмехнулась принцесса, - так что быть вам сегодня нянькой. Отдайте коробку!

- Какую коробку? - заинтересовалась Ванилла.

- Вот эту, - Григо протянул Бруни длинную коробку из красного дерева.

- А что в ней?

Принцесса взяла Ваниллу под руку и повела из комнаты со словами:

- Это подарок.

- Подарок? Кому?

- Эй, а как же мы? - окликнул их секретарь.

- А вы качайте Людвину, Григо, - обернулась Бруни и нахмурилась. - Это приказ!

- И почаще приносите, - посоветовала Ванилла.

- Но зачем? - растерянно спросил Хризопраз.

- Как думаешь, поймет - зачем? - захихикала Ванилла.

- Даже и не знаю, - засмеялась в ответ принцесса.

Архимагистр Никорин озадаченно почесала в затылке и обошла стол, посередине которого, на обеденном подносе сидела здоровенная лягушка, иногда открывала пасть и произносила важное: «Ква!»

– На моей памяти такое впервые, – пробормотала Ники, – или у меня началась старческая забывчивость?

– Ваше Могущество, вы о чем? – подала голос черноволосая волшебница.

Ники покосилась на гостей. Вителя и Альперт, сидящие на стульях рядом, походили на нашкодивших детей, ждущих наказания. Третьим был Вырвиглот, который не походил ни на кого, кроме себя. Архимагистр оглядела его и подумала, что если бы не артефакт, изменяющий истинную сущность тролля, ей пришлось бы ремонтировать свои покои.

– О-хо-хо... – пробормотала она.

Вернулась за стол, сдвинула поднос с лягушкой на угол стола и взглянула на Вителью. Девушка вскинула голову – боится, но бояться не желает! И вину всю на себя возьмет, не иначе...

– Ваше Могущество, я знаю, что мы не должны были ничего приносить из чужого мира в наш! – горячо воскликнула Вита, подтверждая ее мысли. – Кроме того, руководство операцией поручено мне, и решение спасти Марью принадлежало тоже мне! Я готова понести наказание, каким бы суровым оно ни было, но умоляю вас, помогите ей!

– Ваше Могущество, это неправда, – наяранным голосом произнес стажер Попус, – мы вынуждены были забрать Марью, чтобы спасти ей жизнь. Решение мы принимали сообща!

– Не было решения, – негромко сказал Дробуш и не отвел взгляда, когда архимагистр уставилась на него своими невозможными глазами, – мы действовали согласно ситуации.

Ники сцепила пальцы перед собой и не без удовольствия посмотрела на Вителью.

– Для адепта у тебя слишком много тайн, девочка моя, – пропела она, – так не пойдет! Может быть, ты, наконец, представишь мне своего друга Дробуша Вырвиглота? Я имею в виду – ПРЕДСТАВИШЬ!

Последние слова прогремели, будто гром. Вита побледнела. Альперт смотрел в сторону, и у него было несчастное лицо человека, который понимает, что наделал ошибок, но собирается продолжать их делать.

Дробуш покосился на Виту и потянулся к висящему на шее амулету.

– Амулет не снимать! – рявкнула Ники так, что Попус подскочил на стуле. – Иначе, парниша, будешь возводить башню заново.

– Я догадывалась, что вы знаете... – Вита взяла Дробуша за руку. – Ваше Могущество, это Дробуш Вырвиглот, равнинный тролль, с которым мы познакомились, когда бежали из Крея.

Ники взглянула на Альперта.

– А вы, стажер, в курсе?

Тот растерянно кивнул.

– Вы умны, Попус, но вам не хватает решительности, – ласково произнесла архимагистр, – отчасти именно по этой причине я определила вас к Призракам. Учитесь у Виты – она не всегда учитывает последствия, но решительности ей не занимать.

– От Дробуша не бывает никаких последствий! – возмутилась Вителья.

– Вот я и говорю – не учитываешь, – невозмутимо повторила архимагистр. – Твое счастье, что когда вы впервые появились в Вишенроге, магистру Фофину, ослепленному красотой крейской гостыи, не пришло в голову посмотреть на Дробуша сквозь те простенькие чары, что ты на него наложила. И, слава Пресветлой, никому не пришло!

– А как же вы? – не выдержал Альперт.

– Мальчик, я уже давно вижу вещи такими, какие они есть, никакая магия мне для этого не нужна, – покачала головой Ники. – Если бы это была не я, Дробушу грозило бы немедленное уничтожение, а Вите – лишение звания мага, и обвинения – от контрабанды оружия до черного колдовства. Но, конечно, когда она тащила тролля в город, она об этом не думала...

– Она меня не тащила! И я не оружие! – прогудел Дробуш.

Ники перевела на него лазоревый взгляд.

– А кто же, парниша? Ты – существо, созданное богами в незапамятные времена для несения

защитно-караульной службы, орудие убийства и уничтожения, альтернатива драконам, более управляемая, чем они, но не менее мощная. Что, я тебя спрашиваю, ты делаешь в городе, полном живых существ? Разве ты должен здесь находиться? Разве я, как архимагистр, не должна предотвратить ТАКУЮ угрозу для ласурцев?

Вита вскочила, машинально закрывая Вывриглота собой. Для Ники зрелище выглядело забавным, однако она почувствовала, как уплотнился и загудел воздух вокруг молодой волшебницы, которая пока еще не могла контролировать себя с таким хладнокровием, с каким это делала сама Никорин. Ох, не пришлось бы, все-таки, делать в башне ремонт!

– Ваше Могущество, можно мне сказать? – Альперт неожиданно поднялся со стула и встал рядом с Вительей. – Если вы все это время наблюдали за Дробушем, зная, кто он такой, и не вмешивались, значит, считаете, что он не представляет опасности для людей, так?

Ники откинулась на стуле и усмехнулась. Упрек в отсутствии решимости принес свои плоды!

– Ну, предположим, – ответила она.

Попус переступил с ноги на ногу и продолжил, не обращая внимания на взволнованный взгляд Вительи:

– Согласно статье пятьсот пятой Ласурского магического кодекса вы имеете право, минуя Ковен, выдавать лицензии на владение особенно ценными или могущественными артефактами, которые силой воздействия могут быть приравнены к заклинаниям массового поражения, так?

Ники оглядела с его интересом людоеда, выбирающего у жертвы наиболее аппетитную часть тела, и процедила:

– Та-а-ак...

– Дробуш Вывриглот может быть причислен к артефактам такого уровня по крайней мере по двум причинам: как существо, во-первых, имеющее возраст гораздо старше Вечной ночи, и, во-вторых, обладающее собственной волей. Выдайте Вителье Таркан ан Денец соответствующую лицензию, и у Дробуша появится официальное право находиться на территории Ласурии!

Вита нашла руку Альперта и благодарно сжала. Лягушка Марья с угла стола разглядывала Попуса восторженными, почти голубыми глазами... Маг впервые в жизни ощутил себя героем.

А Ники подумала, что ей ужасно хочется напиться. И даже дрожащий от напряжения голос Вительи не спугнул это желание.

– Выдайте лицензию самому Дробушу, Ваше Могущество! – воскликнула крейка. – Он мне не раб и не слуга! Он – друг, один из самых верных, кого я знаю, неужели вы не понимаете?..

В ее голосе прорвались слезы, и волшебница замолчала, опустив голову и скрыв лицо под волосами.

Архимагистр постучала пальцами по столу, в который раз радуясь своему умению находить таланты.

– Возвращайтесь к миссии, – наконец, произнесла она. – Насчет тролля я буду думать.

Альперт шагнул к столу, намереваясь взять на руки лягушку, однако Ники остановила его движением узкой ладони.

– Земноводное останется здесь, – отчеканила она.

– Зачем? – голос мага дрогнул, и Никорин взглянула на него внимательнее.

– Прежде чем решить проблему, мне нужно ее изучить, – чуть мягче сказала она. – Ступайте!

Альперт порывался еще что-то сказать, но Вывриглот за рукав потянул его в сторону порталных плиток.

Спустя мгновение Ники осталась наедине с лягушкой и заметила, что та наблюдает за ней – без страха, но с интересом. Этот интерес, притаившийся в самой глубине голубых глаз, которые уже начали затягиваться зелено-коричневой мутью, дарил надежду.

– Так, девонька, сначала уберем тебя со стола, – пробормотала Ники и начала плести заклинание.

Через некоторое время под одним из окон появился большой аквариум.

Архимагистр подумала и добавила в него камыша и кувшинок. Потом подумала еще и наколдовала

утку.

– Вот тебе компания, милая, – хмыкнула она, – все не так скучно. Отправляйся-ка к подружке!

Неведомая сила подняла лягушку в воздух, она хаотично задергала лапами и недовольно заворчала, но сразу же успокоилась, оказавшись в воде.

Убедившись, что лягушке удобно, Ники вернулась к столу и полезла в верхний ящик, где всегда стоял штоф гномьего самогона. К сожалению, он был пуст.

– Кракенские блохи! – выругалась архимагистр. – Придется на трезвую голову...

Она отошла подальше от аквариума, рухнула в воздух, как в кресло, закинула ноги на невидимую подставку, а руки – за голову и произнесла:

– А теперь давай-ка на тебя посмотрим...

Дорожки дворцового сада и Аптекарского огорода были щедро усыпаны золотыми, покорно мокнувшими листьями – по нитям дождя, связавшим небеса и землю, спустилась в Ласурию настоящая осень.

Мастер Артазель всегда думал, что родился на границе сезонов. И хотя его день рождения приходился на последнюю седмицу второго осеннего месяца, – казалось бы, осень давно и прочно вступила в свои права! – но именно в это время погода в Вишенроге менялась, заставляя жалеть о прежних тепле и сухости.

В былое время в этот день мастер тосковал о родителях и друзьях. Потом долго пытался забыть, на какую дату приходится его рождение. А сейчас вдруг вернулась прежняя тоска. Что было тому виной? То ли уныло тянувшиеся к горизонту караваны облаков, похожих на вымокшего горностая с королевской мантии, то ли явственная тревога, мелькавшая в разговорах клиенток, приходивших на примерку, то ли общая атмосфера, наполнившая Вишенрог.

Артазель коротко вздохнул и посмотрел на платье, которым сейчас занимался. Платье цвета загара, украшенное кружевами, стояло на подставке и вызывало у маленького мастера откровенную скуку, за что он на себя сердился – не любил, когда работа не доставляет удовольствия!

Платье принадлежало Оридане. Высокая талия и обилие ткани спереди были призваны скрыть животик, появившийся у Ее Высочества, а кружева являлись постоянным – и обязательным! – дополнением к любому ее наряду. Кружева принцесса признавала только гаракенские, поэтому раз в месяц Артазель посредством зеркала связи общался с поставщиком тканей Гаракенского королевского дома, который демонстрировал ему новые образцы. А потом делал заказ, оплачивая его из дворцовой казны. Артазель хоть и восхищался искусством гаракенских кружевниц, но белые полоски ткани с растительными узорами казались ему до ужаса одинаковыми.

Раздавшийся в коридоре шум насторожил гнома. В свое время Артазель тщательно выбирал из предложенных покои по душе, и тишина была одним из главных факторов. А сейчас слышался топот, хихиканье и... мощный голос Клозильды Вистун, дворцовой кастелянши.

От стука в дверь маленький мастер подпрыгнул и впал в гнев, отчего тут же позабыл про тоску. Он решительно направился к входу, поскольку вознамерился сделать вопиющий по количеству яростной иронии выговор нарушителю покоя. С силой, которую сложно было ожидать в невысоком гноме, толкнул створку и застыл, увидев прямо перед носом огромный поднос, уставленный яствами, в центре которого на серебряном блюде лежала гора свежее испеченных баблио и... вафель Ее Высочества Бруни.

– А дайте-ка я поцелую именинника! – раздалось глубокое контральто матроны Вистун, и Артазель воспарил в воздух белой лебедью, даже не успев пискнуть.

Горячие губы Клози поцеловали его в лоб, нос и щеки.

– Ой, прости, Твое Высочество, что я оказалась первой! – воскликнула матрона, легко удерживая на одной руке поднос, а на другой – портного. – Не удержалась!

Она поставила мастера на пол и уважительно поклонилась.

Артазель, который все это время пытался заорать, закрыл рот, разглядев за ее необъятной спиной принцессу Бруни и Ваниллу рю Дюеммон.

Бруни улыбалась так тепло, что у гнома заболело сердце, будто он увидел что-то давно забытое... Словно запахло чем-то родным, родом из детства...

– Наш дорогой искусный мастер, – воскликнула принцесса, – в Ласурии принято справлять Дни

рождения, угощаться, петь песни, танцевать и дарить подарки! Вы готовы?

– К... к чему? – заикаясь, спросил Артазель.

– К празднику, конечно! – легко отодвинув его бедром и проходя в комнату, прогудела Клози. – Куда ставить?

– Где прикажете накрывать на стол? – тоже спросила Ванилла, и гном разглядел в ее руках еще один поднос с бутылками, бокалами и тарелками с разными сырами.

– Может быть, попросить, чтобы принесли какой-нибудь стол из соседних помещений? – спросила Бруни, целуя портного сначала в одну щеку, а потом в другую.

– Не надо! – испугался тот. – Я сейчас освобожу стол для выкроек, он как раз у окна.

Артазель засеменил к окну, чувствуя в душе одновременно раздражение и радость. Раздражение, оттого что его привычный покой был потревожен. И радость оттого, что был потревожен его привычный покой...

– У нас и музыка есть, почтенный мастер, – Клозильда достала из декольте сразу несколько свитков. – Кого вы ангажируете не первый танец? Наверное, Ее Высочество?

– Ее Высочество не танцует! – запротестовала Бруни. – Ее Высочество почти не может двигаться. Так что Ее Высочество наляжет на сыр и фрукты, а уважаемая Клози и не менее уважаемая Ванилла будут развлекать именинника танцами.

– Тогда вы ангажируете на первый танец меня, дорогой мастер, – захохотала Клози. – Ведь, правда, ангажируете?

Артазель задрал голову, умудрился смерить взглядом кажущуюся рядом с ним горой даму, и сердито кивнул, ибо выбора у него не оставалось.

– Сейчас мы выпьем и начнем веселиться! – провозгласила Ванилла, разливая по бокалам легкое гаракенское вино (Бруни досталась самая капелька). – Как раз гости подтянутся...

Гном обреченно сел на стоящую рядом со столом портновскую табуретку и переспросил:

– Гости?

– Ка-а-анечна, гости! – раздался от двери вопль.

В комнату ворвался сиренево-салатово-оранжевый вихрь. Встретить такое сочетание цветов в наряде какой-нибудь дамы, Артазель немедленно рухнул бы в обморок! Но костюмы для Короля Шутов, Повелителя Смеха, Господина Шуток и Хозяина толп он шил сам, иногда к своей радости, а иногда, как в случае этого костюма, к великому своему сожалению.

– Подарок! – воскликнул Дрюня и сунул в руки ошарашенному гному здоровенную позолоченную супницу. – Понятия не имею, что это за хрень, но думаю, вы найдете, как ее использовать. С Днем Рождения, любимый мастер, – становясь серьезным, продолжил он. – Без вас и дворец не дворец, и Вишенрог не Вишенрог, и одеваться по утрам не хочется!

В сердце маленького мастера что-то дрогнуло от этих слов.

Ванилла рассмеялась и, обняв мужа, смачно поцеловала его в губы.

Дверная створка приоткрылась. В покои осторожно заглянул мэтр Жужин.

– А вот и вы, Ожин, – обрадовалась Бруни и с утиной грацией поспешила к целителю. – Заходите, мы даже еще не выпили за здоровье именинника!

– Благодарю, Ваше Высочество, – поклонился тот, – как вы себя сегодня чувствуете? Вы помните, что пить вам не следует?

Принцесса заулыбалась:

– Нельзя плохо себя чувствовать в день, когда родился такой замечательный гном. И потом, вы сами разрешили мне бокал гаракенского в седмицу... Вон он, видите? Стоит и ждет меня!

Ожин облегченно кивнул.

– Ну тогда все хорошо, Ваше Высочество! Где именинник?

– Вот он, – заорал Дрюня, – выглядит как настоящий именинник! Вот ему бы еще улыбнуться...

Артазель с ненавистью посмотрел на шута и попытался раздвинуть губы в любезной улыбке – мэтра Жужина он уважал, как профессионал – профессионала.

– Мой дорогой мастер! – воскликнул целитель, подходя и кланяясь со всем уважением. – Очень жаль, что я раньше не знал о вашем празднике! Надеюсь, теперь, с легкой руки дорогой принцессы Брунгильды, мы будем праздновать это замечательное событие каждый год.

Гном молча кивнул. Он чувствовал себя так, будто его раздели и поставили на стол в центре комнаты, полной людей.

– Это вам, уважаемый мастер, – Ожин протянул какую-то книгу, – зная вашу любовь к вышивке, я взял на себя смелость разыскать сей раритет. Надеюсь, вы сможете использовать рисунки в качестве эскизов!

Фолиант дышал стариной. Позабыв о столе в центре комнаты, Артазель с трепетом протянул к подарку руки – гном понимал толк в настоящих вещах!

– Это же... – пробормотал он, открывая книгу.

– Совершенно верно, – кивнул Ожин. – Один из семи великих рисовальщиков Тикрея, мэтр Маффин Шаблин и его «Описание простых и садовых растений, распространенных в Ласурии, с рисунками и комментариями». Мне кажется, среди этих прекрасных цветов найдутся те, что украсят платья наших дам.

– Почему же только платья? – Артазель лихорадочно листал фолиант. – Вот эта плеть плюща... Ах, какая глубина деталей! Или вот этот куст чертополоха? Он великолепен! Растительные орнаменты никогда не выйдут из моды, ибо мы есть такое же порождение матери-природы, как и растения! Мэтр, – гном поднял глаза на целителя, – вы подарили мне пищу для ума, вкусную и обильную! Благодарю от всего сердца! – и он поклонился.

Ожин, довольно улыбаясь, поклонился в ответ и потянул породистым носом:

– А чем это так вкусно пахнет? Неужели...

– Идите за стол, – на правах хозяйки праздника пригласила его Бруни, – и отведайте моих вафель. Тесто замешивала я сама, а пекла Ванилла.

– И то после того, как я отогнала Ее Высочество от плиты с использованием непроизносимых в приличном обществе выражений, – пояснила та. – Да, мэтр, я знаю, вы не танцуете, вот и развлеките нашу принцессу разговором! А мы будем танцевать!

– Да! – рывкнула матрона Вистун и сорвала оплетку с одного из музыкальных свитков. – Почтенный мастер, вы же помните, что первый танец – мой?

– Разве я могу забыть такое? – развел руками Артазель.

Мэтр Жужин, опустился на соседний с Бруни стул, ойкнул и вскочил – на сиденье оказалась коробка из красного дерева.

– Простите! – испугалась принцесса, хватая коробку и прижимая к груди.

– Что это? – заинтересовался Ожин.

– Самый главный подарок, – шепотом произнесла Бруни, – о нем мечтают все портные Тикрея, но ни у кого его нет. А у нашего Артазеля – будет!

– Так что же это? – тоже понизив голос, спросил мэтр.

Впрочем, голос уже можно было не понижать – веселая музыка звучала достаточно громко. Пары Дрюня и Ванилла, Клози и Артазель, кружились в центре комнаты. Точнее, во втором случае, кружилась только матрона, держа маленького мастера на руках...

– Что вы знаете от Топенкоге? – блестя глазами, спросила принцесса.

Архимагистр Никорин не любила неразрешенных проблем. Многолетний опыт показывал, что рано или поздно неразрешенная проблема порождает множество других неразрешенных проблем, а это уже совсем другие усилия!

История девушки Марьи из другого мира сердце Ники не тронула: примеров предательства и подлости было полно и в Ласурии, архимагистр давно научилась относиться к ним если не равнодушно, то спокойно. Однако зудело комаром в сознании ощущение нарушенной гармонии. Ощущение, которое с некоторых пор стало появляться у Ники слишком часто.

За окнами давно стемнело. Внизу, в гавани, зажглись редкие огни. Чуть дальше факелом светил Вишенрогский маяк. Никорин, до этого момента сидящая с открытыми глазами и абсолютно неподвижно в невидимом кресле, шевельнулась, со стоном потянулась и отвела, наконец, взгляд от аквариума. Земноводное дремало на листе кувшинки, не обращая внимания на покачивающуюся рядом на воде утку.

На столе дымился в любимой кружке Ее Могущества морс, рядом стоял накрытый крышкой поднос с ужином – Брут постарался, молодец. Ники потянула носом – пахло из-под крышки пряным рыбным филе и ржаными сухарями. Она бросила взгляд на часы – поздновато уже и для ужина, и для разговоров с задушевым врагом, ну да ладно. Потерпят – и талия, и враг!

Когда поднос опустел, Ники сделала первый глоток морса и откинулась на спинку стула, гадая, захочет ли собеседник пообщаться среди ночи?

Изображение в зеркале связи появилось не сразу, а когда появилось, Ники увидела, что Сатанис даже не ложился. Крейский архимагистр отложил книгу, которую читал и посмотрел на архимагистра Ласурского.

– Долгие лета Твоей Мудрости, – проворковала Ники, – в твоём возрасте следует соблюдать режим, а не нарушать его. Нужно больше заботиться о своём здоровье!

– Мой возраст, как и твой, позволяет отделить важное от второстепенного, – ухмыльнулся старик, нацелившись на Никорин своим выдающимся носом. – Ты предпочла разговор со мной мягкой перине или мускулистому телу какого-нибудь горячего самца?

– Первому, – поморщилась Ники, – все подходящие самцы нынче заняты.

– Я слышал, в Вишенроге становится все опасней? – в скрипучем голосе Сатаниса звучала издевка. – Прекрасное время для Крея, не так ли?

Архимагистр аккуратно поставила кружку на стол:

– Хотите напасть на нас?

Сатанис помахал книгой из стороны в сторону.

– Не передергивай, красавица, я этого не говорил! Я лишь отметил, что было бы неплохо...

– Какой же ты негодяй, Твоя Мудрость, – ухмыльнулась Ники. – Жаль, что нам не было позволено сойтись один на один в прежней войне вместо наших армий. Мы спасли бы столько невинных жизней!

– Не бывает невинных жизней, – пожал плечами архимагистр Крея, – виновны все, в том или в этом, так или иначе, сейчас или потом... Но ведь дело в другом. Дело в том, кому и ради чего мы служим.

– И ради чего служишь ты, Сатанис? – прищурилась Ники. – Излей душу. Тебя никто не поймет так, как я!

– Ради порядка, Никорин, – пожал плечами старик. – Порядка, который несет благоденствие!

– Единый порядок? – хмыкнула Ники. – Ну конечно! Зачем Крею многообразие жизни, когда можно загнать всех в одни и те же рамки? А ничего, что многие не захотят в рамки?

– Такие перестанут существовать, – невозмутимо сказал Сатанис, – зачем Крею проблемы? Или ты с Креем или против, все просто.

– Это шепчут ваши боги? – чуть приподняла верхнюю губу Никорин, становясь похожей на фаргу.

Сатанис отложил книгу. Не менее аккуратно, чем немногим раньше она поставила на стол свою кружку.

– Наши боги спасли мою страну во время Вечной ночи и хаоса, порожденного ею. И не просто спасли – сплотили народ, раздвинули границы, позволили людям жить в спокойствии и достатке. Так будет с каждым, кто перейдет под наше крыло. Остальным нечего делать на Тикрее!

Ники откинулась на спинку стула.

– Вон как нынче считают в Крее, – протянула она. – Война ничему вас не научила?

Сатанис поднял брови.

– А должна была?

Никорин уставилась на старика с изумлением.

– Разве множество ваших мужчин не погибло? Разве ваши женщины не остались вдовами, а дети – сиротами? Насколько я знаю, Крей понес существенные потери. Потери, от которых вы не можете оправиться до сих пор!

– Всею свое время, – пожал плечами Сатанис. – Погибшие отдали жизнь за благоденствие живущих и сейчас счастливы в чертогах Пантеона. Война объединила наш народ, теперь мы знаем, что способны противостоять Ласурии...

Он замолчал.

– То есть, собираетесь противостоять? – уточнила Ники. – Сатанис, враг мой, мне казалось, твоя мудрость не ведает границ, но вот поди ж ты, она уперлась в маниакальную идею и рассыпалась в прах. Я не верю тому, что слышу!

Крейский архимагистр наклонился вперед. Казалось, его нос сейчас проткнет амальгаму и появится в кабинете Никорин отдельно от владельца.

– Ты слышишь чаяния народа и его Правителя, – тихо сказал он. – Мое личное мнение не играет никакой роли, ибо асурх жаждет реванша, и Боги ему благоволят. Даже если бы я не хотел войны на Тикрее, это вопрос решенный.

Ники качнула головой:

– О-хо-хо, Сатанис, чему быть – тому не миновать... Но лучше бы этого не случилось! Не сейчас!

Старик вдруг улыбнулся.

– Если тебя это успокоит, красавица, я скажу, что сейчас Крей не готов к войне. При всем нашем желании мы вынуждены выжидать. Мы даже пропустим столь удачно складывающуюся для нас ситуацию с угрозой Вишенрогу.

– Почему же? – Ники старательно скрывала напряжение, которое грозило прорваться в голосе – знала, что ответ Сатаниса ей не понравится.

– Потому что в этот раз перемирия не будет, – Крейский архимагистр смотрел на нее, как смотрят на сломанную или уже ненужную вещь. – Не будет никаких договоров и передела территорий, не будет протектората... Мы победим – окончательно и бесповоротно. Как ты понимаешь, Никорин, чтобы подготовиться к такой войне нужно время!

– О, я понимаю, Твоя Мудрость, – улыбнулась Ники, однако выражение ее глаз напоминало о торосах льда, тянущихся на много километров, – кроме того, для такой войны нужны средства... Особые средства, не так ли?

Во взгляде Крейского архимагистра на долю секунды промелькнула растерянность, и Никорин поняла, что попала в точку. Придется ей раскошелить Его Светлость рю Вилля на высококлассных шпионов!

– В почтенном возрасте есть одна незаметная подлость, – расслабившись, Ники откинулась на спинку стула, – становясь опытнее, человек начинает думать, что ему позволено больше, чем другим. Но, к сожалению, это не так... Есть границы, которые не стоит переходить как в прямом, так и в переносном смысле.

– О каких границах ты говоришь? – нахмурился старик. – Я же сказал, что сейчас мы не будем нападать на Ласурию!

– Я вовсе не о Ласурии, – ухмыльнулась Ники и склонила голову, прощаясь.

Зеркало погасло – Сатанис не успел сказать последнее слово, волшебницу это вполне устроило.

Встав из-за стола, она подошла к аквариуму: лягушка дремала, привалившись к утиному боку, и казалась измученной. Повинуясь жесту архимагистра, утка накрыла земноводное крылом, будто одеялом.

– Спи, несчастное дитя своих родителей, – пробормотала Ники, разглядывая переливающуюся в темноте плетъ заклинания с вплетенной в него чужеродной нитью, – спи, цена сделки, детали которой мне пока неизвестны. Не стоит человекам любить богов, ох, не стоит! Спи!

Далеко внизу, в гавани, погасли последние огни. Будто миры, которые кто-то уничтожил один за другим.

Когда по утрам на траве начала появляться изморозь, а ночевать в обнимку с Ранишей стало комфортнее в звериной ипостаси, Зохан Рысяш понял, что его время пришло. Оборотни всегда держали слово, даже данное самому себе, и дабы не поддаться слабости и не передумать, он положил себе сроку три дня.

Три дня до побега.

За это время следовало закончить свои дела с тем, чтобы уходить в новую жизнь налегке и без сожалений. На деньги, накопленные за продажу шкурок белок и куниц, он купил у странствующего торговца красивый серебряный браслет и подарил Ранише. Та обрадовалась, как девчонка. Вертела тонкой рукой, разглядывая украшение со всех сторон. И только справившись с первой радостью, вопросительно взглянула на Хана. Он не стал ходить вокруг да около и сказал:

– Мне хорошо с тобой, Раниша, и я знаю, что и ты довольна мной. Но если ты встретишь свою пару – я не стану удерживать тебя и пожелаю долгой жизни и многих детенышей. Хочу, чтобы ты знала и не обижалась на меня...

Подойдя, фарга куснула его за подбородок. В ее глазах плескалась грусть, но грусть светлая, не отягощенная ни ревностью, ни яростью.

– Спасибо, что честен со мной, Хан, – ответила она, так и не поняв, что он прощается с ней. – Хорошо, когда сердце не мучается перед выбором, правда?

Он кивнул. Его сердце не мучилось выбором, а бешено желало ускорить побег. Но три дня! Он дал себе три дня.

В эти дни он был необычайно ласков с матерью, старался помогать ей больше, чем обычно, жадно смотрел в ее красивое лицо и мысленно просил прощения. Зохан знал, Шамиса будет в бешенстве, когда узнает, что он сбежал. Но знал и другое – она поймет его. Когда схлынет негодование, когда она перестанет надеяться на возвращение младшего сына, она успокоится и будет ждать от него весточки.

Лишь одно продолжало тяготить Хана – ссора с Рубиной. Они не виделись с того самого разговора. Оборотень исправно приходил на заимку, но даже запаха девчонки не ощущал. Видимо, она решила позабыть о нем и всю готовилась к свадьбе. Однако уйти, не попрощавшись, Зохан не мог. И потом, он обещал ей, что скажет о побеге, а оборотни всегда держали данное слово!

Он отправился в деревню рано утром, ступая бесшумно, как и полагается рыси, выслеживающей добычу. Прокрался на двор, рыкнул на собаку, да так, что та, заскулив, спряталась в будке. Руби доила корову в хлеву. От запаха свежего молока у Зохана так громко заурчало в желудке, что она, вздрогнув, обернулась. Какое-то время они молча смотрели друг на друга – крупный самец рыси и девушка-подросток. Затем она отвернулась и продолжила свое занятие. Хан перекинулся, обойдя девушку, сел так, чтобы видеть ее лицо.

– Все еще сердисься? – негромко спросил он.

Она дернула плечом.

– Зачем пришел, Хан? Детские игры кончились! Ты – сам по себе, а я теперь невеста: приданое шью, с женихом гуляю, матушка не нарадуется!

– Я рад... – пробормотал оборотень.

Во рту стало горько, будто белены объелся. И правда, зачем пришел? Они уже не дети! У нее своя жизнь, у него – с завтрашнего дня, своя!

Он поднялся, пошел к выходу, на ходу бросив:

– Ухожу завтра в полночь.

И уже на пороге, как стрела на излете, его догнали ее слова:

– Я приду проводить.

Домой он не шел, а летел со всех лап! Значит, у него все-таки есть друг! Такой друг, который поддержит во всем! Поддержит, даже если, покидая Смертей-с-ветки, он совершает ошибку!

А затем он услышал вдали короткий, захлебнувшийся тишиной крик, и встал как вкопанный, прядая ушами и приносясь. Ветер дул в сторону – и от него, и от стойбища, поэтому почуять что-либо было сложно. Но в запахах непрогретой с утра земли, палой листвы, стада косуль, что левее паслись у лесного озера, заячьих троп, появился новый. И такой, что Хан припал на передние лапы и тихо зарычал, сам не понимая от чего: от ярости, от страха или от... вождения.

«Не стоит бросаться очертя голову к неизведанному, как бы соблазнительно оно не пахло!» Так учил отец. Он в молодости много путешествовал и рассказывал сыновьям о разных местах, в которых ему доводилось бывать, в том числе, о так называемых Полянах смерти. Они располагались в укромных долинах в самом средоточии Синих гор, и были покрыты дивными цветами, источающими аромат, который для всех пах по-разному: для пчел – медоносами, для горных козлов – сочной травой и грибами, которые они обожали, для хищников – свежим мясом. Но тот, кто ступал на подобную поляну, оставался на ней навсегда, умертвленный сладким дурманом.

Запах, который ощутил Зохан сейчас, был отталкивающим и манящим одновременно. Он сводил с ума, заставлял забыть об осторожности и бежать со всех ног к его источнику. Стараясь не терять голову, оборотень короткими перебежками направился к стойбищу, часто останавливаясь и прислушиваясь. До него еще несколько раз доносились крики, рычание, но они постепенно удалились на юго-запад, пока совсем не стихли. А затем ветер переменился. И принес запахи гари и крови.

Смерти.

Чувствуя, как заходится сердце, Хан помчался вперед и выскочил в круг, образованный первым рядом изб, часть которых уже горела вовсю.

– Мама! – перекинувшись, закричал он. – Ма-а-ам!

И бросился к своему дому, у которого уже занималась крыша.

Внутри, в клубах дыма, почти ничего не было видно, но Хан разглядел лежащее на полу тело, подхватил и выскочил наружу. Кашель рвал легкие.

В широко открытых глазах Шамисы навсегда застыл страх. Ее горло было разорвано, и руки Зохана сразу оказались красными от крови. Упав на колени, он принялся трясти мать: молча, упорно, стиснув зубы. Если слезы и текли по его щекам, он их не замечал.

– Оставь ее, сынок, она ушла по тропе Вечной охоты! – послышался знакомый голос.

Зохан вскочил на ноги, развернулся и... отшатнулся.

Глава клана Смертей-с-ветки был не похож на самого себя. Его глаза горели, как у рыси, смотрящей в ночи на источник света, лицо кривилось, словно у сумасшедшего, а руки тряслись. Прежде мощное статное тело Асаша казалось искривленным и изуродованным, так, словно он долго и тяжело болел, и болезни не было видно конца.

– Старший!.. – всхлипнул Хан, позабыв о том, что он уже взрослый, смелый и сильный. – Старший...

И шагнул к нему, протягивая руки.

– Не подходи! – прорычал Дархан. Только тут Зохан заметил в его руке охотничий нож, с которого капала свежая кровь. – Стой, где стоишь, и слушай меня! За моим домом, под старой корягой, закопан мешок с табаком. В нем ты найдешь немного денег. Забирай их и беги в Вишенрог! Несись со всех лап! Найди лиса-одиночку, что приходил к нам весной, и передай ему...

За спиной Асаша раздался хриплый рык. Хан увидел Ранишу, и, прежде чем успел что-либо сказать, она бросилась на Дархана.

Раниша – с искаженным безумием лицом, вымазанном в крови.

Раниша – в глазах которой плескалась бесконечная выматывающая ярость.

Раниша, больше похожая на ужасающий призрак, чем на фаргу.

Она была слишком молода и неопытна, чтобы противостоять матерому самцу. Глава клана, молниеносно схватив ее за волосы, развернул к себе спиной и одним движением перерезал ей горло. И закричал, в отчаянии запрокинув лицо в низкое осеннее небо, когда она упала у его ног, захлебываясь кровью, но все еще протягивая к нему жадные руки.

Крик оборвался рыданиями.

Хан чувствовал, что сейчас у него остановится сердце. Не в силах смотреть на Асаша, он огляделся и только сейчас заметил других членов клана, бездвижно лежащих на земле. Часть из них была зверски искусана, у многих – перерезано горло. Как у Раниши.

Крыша дома Рысяшей с грохотом обрушилась, взметнув кучу искр. От жара у Зохана заболела кожа.

– Слушай... меня... – медленно, будто с усилием проговорил Асаш. – Найди Лихая Торхаша Красное

Лихо и передай, что он был прав – бешеные, числом более ста, идут на Вишенрог, уничтожая на своем пути и своих, и чужих... Торопись, Зохан Рысяш Смерть-с-ветки! Помни это имя, потому что если выживешь – останешься последним из клана!

– А остальные? – закричал Хан, сжимая кулаки. – Это ты убил их?

– Их убили бешеные, пришедшие с Севера. А я добил тех, кого покусали... – Дархан пошатнулся, словно силы его покинули. – Своими руками убил своих детей... Самых сильных они увели... Среди них твой брат, Улиш. Но если встретишь его – беги прочь и не оглядывайся!

– По... почему? – заикаясь, спросил Зохан.

– Потому что теперь он один из них... А теперь ступай! Пусть твой путь будет легкий и короткий, и все боги Тикрея помогут тебе!

Дархан склонился над Ранишей, тыльной стороной ладони погладил ее по щеке, а потом полоснул себя по горлу. И упал на ее труп, забившись в судорогах. Хан бросился к нему, но было поздно. Остановившимся взглядом он смотрел на рваную рану на плече Дархана Асаша – глава клана Смертей-с-ветки, закончив кровавую и огненную жатву, но не дав болезни пожрать себя, ушел по тропе Вечной охоты туда, где прощаются все грехи.

На какое-то время в голове молодого оборотня не осталось мыслей. Перед глазами было красным-красно, как будто он погрузился в чан с кровью по самую макушку. А затем Хан вновь услышал голос Дархана, звучащий прямо в сознании: «Помни это имя, потому что если выживешь – останешься последним из клана!»

Выжить. Ему нужно выжить. Ведь никого не осталось...

Чувствуя себя потерянным детенышем, он оглянулся на мать. Вспомнились ее теплые ладони, улыбка... Из горла вырвался полный скорби вой, но усилием воли Зохан загнал воспоминания обратно. Внутри него, словно мощное дерево, выросло нечто, становясь его остовом, тем, что не давало упасть на землю и предаться отчаянию.

Он выживет.

Он – Смерть-с-ветки!

Постепенно в голове прояснилось, и Хан начал рассуждать разумно. Первое – он слишком слаб, чтобы, поддавшись чувству мести, броситься за теми, кто уничтожил его клан и покончить с ними, поэтому его задача – выжить. Второе – он не давал Дархану слова, но приказ главы клана – закон, и он его выполнит. И третье – Асаш сказал, что бешеные уничтожают и своих, и чужих. А значит – деревенька Руби под угрозой!

Зохан подобрал выпавший из руки Дархана охотничий нож, вытер лезвие о траву и вернулся к матери. Опустился на колени, коснулся губами ее волос. Когда встал – его глаза были сухими, но горели едва ли не ярче, чем у зараженного бешенством Асаша. Он отправился на задний двор его дома, извлек мешок, табак в котором отбивал запах у лежащих в нем монет, пересыпал их в карман. В последний раз оглянулся на разгромленное стойбище и побежал прочь, в лес, к своему тайнику с припасами для побега. Собирая их, мог ли он предположить, что судьба так извратит его намерение жить самостоятельно? Познавать мир? Учиться новому?

Деньги исчезли в шитом им кофре. Хан накинул лямки на плечи и перекинулся. Его лапы все еще были в крови, но, подавив присущее всем кошачьим желание чистоплотности, он помчался прочь.

Потом, все потом.

Ему нужно предупредить людей!

Убегая от места, в котором, оказывается, был счастлив, Зохан Рысяш чувствовал, что его сердце осталось там, среди сожженных домов и трупов родных и близких. Осталось навсегда.

Ванилла топнула ногой так, что затряслись картины с сельскими пейзажами, украшающие стены дворцовых покоев четы рю Дюемнон.

– Я не пойду! – воскликнула она. – Сколько раз можно повторять – на этой свадьбе меня не будет!

Сидящая на диване Бруни с тревогой взглянула на Пипа Селескина. Главный королевский повар в белом одеянии и поварском колпаке с вышитым на нем гербом Ласурии выглядел очень внушительно, а сейчас даже грозно. Разговор повторялся не в первый раз.

– Дочка, ну ведь Перси придет с семьей, – примирительно произнес Пип, – сделай и ты отцу радость!

- Нет, папа, и не проси... - Ванилла развернулась от окна, в которое старательно выглядывала, чтобы не смотреть на отца. - Пойми ты, я не могу... Ну не могу и все! Ты же любил маму, как ты можешь так поступать?

По толстым, гладко выбритым щекам Пипа поползли красные пятна. Будто чувствуя волнение деда, захныкал на руках у Дрюни, который сидел рядом с принцессой, маленький Людвин рю Дюемнон.

- Как - так? - ровным голосом спросил Пип.

Бруни торопливо протянула руку шуту. Тот помог ей подняться, но сам остался сидеть, укачивая младенца.

- Ванилька, времени прошло с тех пор много, - заговорила она. - Человеку по любому плохо одному, и каждый из нас ищет того, с кем не будет ощущаться одиночество. Я - нашла. Ты - нашла. И Пип нашел. Он достоин счастья не менее тебя или меня, понимаешь?

Ванилла снова отвернулась к окну.

- Я тебе платье закажу у Артазеля и оплачу его, - добавила Бруни, - соглашайся!

Подруга повернулась и прищурилась.

- И ты туда же, Твое Высочество? Вчера Перси приходила к «Старому Другу», все уши прожужжала об этой проклятой свадьбе и о своем наряде, сегодня папа, вот, ты... Вы сговорились, что ли?

- Любимая, так времени осталось всего ничего, - пропел Дрюня с дивана, подбрасывая Людвина и ловя его, - а такие праздники нужно планировать заранее. Разве мы плохо спланировали нашу свадьбу?

- Дрюня, речь не о нашей свадьбе! - отчеканила Ванилла. - Речь о том, что отец собирается связать жизнь с какой-то подколодной змеей и привести ее в нашу семью!

- Ну ты-то меня приве...

Дрюня не договорил.

- Не приходи даже если передумаешь! - рявкнул вдруг Пип так, что Людвин, который было успокоился, снова заплакал. - Я тебя видеть не желаю!

И он вылетел из комнаты со скоростью и силой пушечного ядра и хлопнул дверью. Одна из картин упала на пол.

Дрюня вскочил с дивана. Бруни впервые видела его сердитым, и это ее сильно удивило.

- Знаешь что, любовь моя, мы с Людвином пойдем на свадьбу, даже если тебя там не будет! - сообщил он. - Так-то!

И вышел из комнаты, видимо, намереваясь догнать Пипа. Крик Лягушонка еще какое-то время доносился из коридора, а потом затих.

У Ваниллы задрожали губы. Подойдя к ней, Бруни обняла подругу и заставила положить голову себе на плечо.

- Ну и чего ты добилась, дуреха? - глядя ее по спине, спросила принцесса. - И с отцом поругалась, и с мужем, и с сыном!

- А с Лягушонком-то почему? - всхлипнула та.

- Ну он же был недоволен? - невозмутимо ответила Бруни. - Пойдем, сядем, а то мне тяжело стоять, и поговорим по душам.

- Мы уже поговорили, - снова всхлипнула Ванилла, но послушно пошла с подругой и села рядом с ней.

- Давай я расскажу тебе историю об одном бравом парне, - сказала Бруни. - Жил да был в квартале Мастерových такой видный парень Пип: буян, драчун и заводила. Девки за ним хвостом ходили, они таких любят. А он однажды увидел девушку из соседнего квартала. Она с родителями в Вишенрог переехала недавно и еще никого по соседству не знала. Пип увидел ее и пропал...

Ванилла перестала шмыгать носом и подняла голову.

- И как же звали эту девушку? - спросила она.

Бруни улыбнулась.

– Не догадалась еще? Ее звали Аглая.

Ванилла судорожно вздохнула и прижала руки к груди. Бруни знала, что она носит, не снимая, медальон с изображением матери.

– А дальше?

Принцесса порылась в поясной сумочке. Достала платочек с королевскими вензелями, протянула подруге и продолжила:

– А потом была свадьба. Самая шумная свадьба в квартале Мастеровых, потому что на нее явились все друзья Пипа и все его бывшие подруги. Но он ни на одну из них не смотрел, он смотрел только на молодую жену. И смотрел на нее с таким же обожанием все годы, что они прожили вместе. На все воля Индари, Аглая ушла в самом расцвете лет, оставив Пипу двух обожаемых дочерей.

«Женись, – в один голос твердили ему кумушки квартала, – пусть у девочек будет мать!» А он отвечал: «Ни за что не приведу девчонкам мачеху!» Его родная сестра, Хлоя, говорила ему: «У меня на примете есть хорошая женщина, добрая, работающая и детей любит. Давай, братец, я вас познакомлю?» А он сердился: «Не будет чужих в нашей семье!»

– А потом? – тихо спросила Ванилла, комкая платочек в ладони.

– А потом дочери выросли и повыходили замуж, – Бруни отняла платочек и вытерла мокрые щеки подруги.

– Откуда ты все это знаешь? – Ванилька забрала платок обратно и принялась с силой тереть опухшие глаза.

– Мама рассказывала, – улыбнулась принцесса. – Они даже ругались с Пипом по этому поводу. Он ей говорил: «Хлоя, ты хоть и моя работодательница, и любимая сестра, но в это дело не лезь! А то будешь искать себе нового повара!»

– Узнаю папеньку, – хихикнула Ванилла. – Хлоя – хорошее имя. Мне всегда нравилось. Жаль, что первым будет Редьярд.

– Ну, Редьярд всегда первый, – засмеялась Бруни и поднялась. – Мне пора идти. Прошу, помирись с ним. И все-таки подумай о своем присутствии на свадьбе. Пип делал для тебя гораздо больше!

Ванилла насупилась:

– Подумаю.

– Обещаешь? – не отставала принцесса.

– Обещаю, Твое Королевское Высочество, – пробурчала подруга.

Холодный предрассветный сумрак сегодня не потревожил Узаморского наместника. Сны герцогу не снились давно. Наверное, с тех самых пор, как Рейвин перестала принадлежать ему и начала принадлежать Ласурии. Но сегодня приснилось, что он, мальчишка еще, водит любимого жеребца князя Моринга по кличке Яростный вдоль берега незамерзающей речки Вьюшки, давая остынуть после скачки.

Яростный обладал всеми характерными чертами Узаморской породы лошадей: широкой грудью, мощным крупом и мохнатой шкурой, защищавшей его от жестоких морозов. Кроме того, он был подозрителен и обожал кусать зазевавшихся конюших. Атрона ему удалось укусить всего один раз, поскольку мальчишка оказался не менее подозрительным, чем он сам. Единожды оплошав – более слабины не допускал, был настороже, спиной не поворачивался. Пожалуй, Яростному он нравился – за крепкую руку, хозяйственную жилку и вот эту, очень близкую ему, подозрительность. Коню не было дела до весьма скромного титула потомка обедневшего дворянского рода, до его небогатой одежки и отсутствия монеток в карманах его куртки. Честно говоря, морковка в этих самых карманах привлекала Яростного куда сильнее. Ведомый провожатым конь вышагивал важно, дышал глубоко, успокаивая ходящие ходуном после бега по лесной чащобе бока. На другом берегу реки, в отдалении, слышался детский смех и лепет. Яростный недовольно всхрапывал и косил глазом – ему хотелось заснеженной тишины, но смех приближался. Что-то очень похожее на меховой шар «катилось» без остановки к берегу, оканчивающемуся обрывом. Следом бежали три женщины в темных одеждах, причитая и протягивая руки, но маленькие ножки мехового шара были слишком быстры.

Атрон дернул повод, остановив коня, и тоже повернулся в ту сторону. И вдруг закричал смешным баском:

– Эй, малявка, а ну стой! Стой, не беги на кромку!

Из-под белого пушистого меха на него глянули неожиданно темные глубокие глазенки, полные озорства. Девчушка, укутанная в меха, не послушалась – ступила на обрыв, с интересом посмотрела вниз, на быстро бегущую, укутанную паром, воду. Под дружный крик ужаса нянек снег под ее ногами осел, и она полетела в реку.

– Вот Аркаешева дочь! – как взрослый выругался мальчишка, бросил повод и побежал к берегу, на ходу снимая куртку.

Яростный, хоть и подмывало смыться, чтобы заставить пацана побегать за собой до ночи, порысил следом.

Намокший мех шубки уже утащил девочку на дно. Ледяная вода ожгла кожу мальчишки так, что у него перехватило дыхание. Стиснув зубы, он нырнул, шаря руками в поднявшейся со дна мути до тех пор, пока не нащупал полу одеяния. Потасил наверх, чувствуя, как сводит мышцы от холода. Вынырнул, глотнул воздуха, поволок утопленницу к низкому берегу, откуда прыгал. На воду упал повод... Яростный стоял у самой воды, делая вид, что он тут не при чем.

Бросив на него благодарный взгляд, мальчишка схватился одной рукой за повод, другой за девочку, и гаркнул:

– Н-ну, пошел! Пошел!

Жеребец принялся осторожно отступать, вытаскивая его из реки. Наверху, на обрыве, в голос выли две няньки, а третья закричала:

– Парень, вези ее прямиком во дворец князя, не то замерзнет! А мы следом поспешим!

Атрон согласно кивнул. Стащил с девочки намокшую шубейку, подхватил со снега свою куртку, укутал худенькое тельце, перевалил через лошадиную спину, ловко оседлал коня. Духи Ветров свидетели – князь прикажет высечь за то, что сел на его любимца, ну да Индари с ним! Это если еще сам Яростный не сбросит! Но к удивлению всадника, конь стоял смирно, а едва мальчишка сел, сжимая коленями его бока – всхрапнул и помчался к городским стенам.

От тряски из горла девочки полилась вода. Она прокашлялась и заревела.

– Тихо, дура! – от холода голос у Атрона почти совсем пропал.

Он крепко держал спутницу, чтобы не сползла с лошадиной спины, и под его рукой она затихла. Несмотря на неудобное положение, повернула голову, облепленную темными, почти черными, волосами, и он снова поймал взгляд ее глаз. Испытующий, глубокий взгляд.

Яростный ворвался в открытые ворота, промчался по улицам и узким мостам. Процокав копытами по подъемному мосту, ведущему в древнюю резиденцию Морингов, стал как вкопанный во внутреннем дворе. К нему уже бежала стража.

Сильная рука стражника стащила мальчишку на землю, привычно поднялась – дать оплеуху негоднику, посмевавшему оседлать княжеского любимца.

– Нет! – вдруг хрипло произнесла девочка и закашлялась, выплевывая остатки воды.

– Пресветлая! – ужаснулся стражник, скинул с плеч подбитый мехом плащ, завернул в него девочку и помчался внутрь замка так, словно за ним гнались полярные волки.

– Эй, парень, иди-ка в караулку покамест, – позвал мальчишку второй стражник.

– Но конь... – осипшим голосом произнес тот. – Я за него отвечаю.

– Вон с конюшни бегут. Иди давай, а то околеешь!

У маленькой печурки, стоящей у стены караулки, мальчишку начала бить сильная дрожь. Он уже плохо соображал, что происходит – кто-то сунул ему в руки кружку с дымящимся напитком и резким запахом алкоголя, кто-то тряс его, раздевал, растирал ноги, уже потерявшие чувствительность...

– Где он? – слышался властный голос.

– Вот, мой господин!

– Перенесите его в княжеские покои! Целитель Гаркест уже там, осматривает княжну.

- С ней все в порядке?
- Слава Пресветлой и Духам Ветров - все! Испугалась только сильно.
- Как же так вышло, а?
- Кончайте разговорчики!
- Есть!

Атрона куда-то несли, а ему казалось, он парит по воздуху, а рядом летит большая белая птица, заглядывая ему в душу темными, полными озорного лукавства глазами...

...Его Светлость резко выдохнул и проснулся. Несколько минут бездумно смотрел в высокий потолок, укрепленный мощными балками, затем повернул голову. Стакан с талой водой стоял на тумбе рядом с кроватью - Тиона, бывшая нянька Рейвин, которую он, став наместником, сделал своей экономкой, ставила его для герцога с ночи. Поскольку в покоях герцога топили только в самые лютые морозы, вода была ледяной, и глоток ожег горло, приводя Атрона в себя. Прошрое - отвратительная вещь! Оно приходит, когда не зовешь, и не уходит, если гонишь.

В круговорот привычных дел герцог окунулся с удовольствием. И пусть дел было бессчрное количество, он знал, что заботится об Узаморе... Пожалуй, впервые о чем-то заботится в своей жизни! За прошедшее с начала своего правления время, рю Воронн перетряс все службы, закосневшие при прежнем князе. Набрал молодых и дерзких, отправил в отставку тех, кого служба интересовала лишь с точки зрения кошелька. Будучи опытным дипломатом, он помогал государствам в решении проблем, но нынче все решал сам, и это оказалось куда интереснее, чем быть посредником! Вступая в должность, Атрон беспокоился, что Его Величество Редьярд начнет закручивать гайки, однако этого не случилось. То ли король приглядывался к своему ставленнику в Северных землях, то ли ему было не до Узамора.

Секретаря герцог не держал. Он предпочитал общаться напрямую с главами служб. Для документов от каждой из них было отведено определенное место на его столе, что позволяло Атрону сразу видеть по количеству прошений, какое из ведомств нуждается в пристальном внимании.

С докладов от пограничников он начинал каждое утро. Хотел знать, кто въезжает на Северные земли, и с какой целью. Опытный глаз сразу выхватил знакомое имя, ожегшее яростным жаром: Ягорай!

Судя по документам, граф путешествовал с женой и охраной. Значит, женился все-таки, негодяй, на крейской девке, в которой только и было-то, что смазливое личико и протекция Ласурского архимагистра!

Путешественники направлялись в Рокунар. Атрон посмотрел на дату въезда. Похоже, они уже здесь! В столице.

Он сердито бросил бумагу в кипу просмотренных. Аркаеш с ними! Судя по докладу, долго не пробудут, поскольку направляются в Весеречье, на поклон святым местам. Жесткая улыбка тронула губы герцога - и Боги против их союза, раз не дают зачать дитя. Боги - они все видят!

Работая, он на какое-то время забыл о Ягорае...

Нет, не забыл!

Имя крутилось в голове, как заезженный музыкальный свиток, который уже и шипит, и скрипит, но исправно играет одну и ту же мелодию. Атрон знал, что увидев приемного сына, удержит себя в руках - за прошедшее время многое перегорело, и на прежней своей жизни он поставил жирный крест. Но... почему-то увидеть Яго хотелось.

Эта мысль отравила Его Светлости весь день. Он боролся с ней до наступления темноты, и сдался, когда закончил дела. Отказался от ужина, накинуд легкий черный плащ, делавший его похожим на вора, и вышел в город. Конечно, он не станет искать сына в лабиринтах Рокунара, накрытого звездной ночью, он просто прогуляется...

Ноги сами понесли в центр, на площадь Вийеталлы-ветреницы, где каждый вечер горожане устраивали танцы и катания на ледяных горках. Эта площадь, наверное, была единственным более-менее просторным местом в столице Узамора. Сейчас оттуда раздавалась музыка, тянуло ароматами горячего морса на меду, маленьких северных яблок, запеченных в карамели и шоколаде, жареных колбасок и свежего мясного хлеба.

Народу было много, как и всегда. Рокунар являлся последним из крупных городов на Северном

тракте и одним из основных торговых центров Ласурии.

Накинув капюшон и держась в тени стен, Атрон обходил площадь по кругу. Странное это было ощущение – смотреть на людей, которые и не подозревали о его присутствии, и знать, что все они зависят от него. Что их жизнь и благополучие – в его руках. Его Светлость на миг попытался представить, как ощущает себя король Ласурии, от которого зависит гораздо больше жизней на Тикрее, как вдруг увидел Яго... Уже потом он разглядел тех самых сестер-рубак, которые когда-то вынудили его отступить от жены, крейскую волшебницу с зелеными глазами, горящими, как у кошки, ее скучного слугу с туповатым выражением лица и какого-то бледного молодого человека в шубе из шкуры гризли.

Герцог остановился. Сын стоял лицом к нему, хорошо освещенный светом магических фонарей, и держал в объятиях крейку. Под медленную музыку они двигались в толпе танцующих узаморцев, и было видно, что близость тел в танце доставляет обоим наслаждение.

Атрон не верил, когда ему говорили, что Яго похож на него, ведь у него была на это веская причина. Но в это самое мгновение он вдруг увидел сходство и... растерялся. Ягорай был чужим ребенком, сыном человека, отнявшего у него Рейвин. И хотя спустя столько лет Его Светлость знал, что выбор короны был и ее личным выбором, и почти смирился с этим, ненависть к Ласурскому королю продолжала разъедать сердце, как кислота. Но сейчас не в чертах лица он нашел сходство приемного сына с собой! Во взгляде, которым Ягорай смотрел на свою жену... Атрон также смотрел на Рейвин, с немym обожанием и бесконечной нежностью, с желанием защитить, но не сделать ничего лишнего, что могло бы ее обидеть, с восхищением и уважением.

Атрон оперся затылком о холодную стену дома, а затем вовсе отвернулся, тяжело дыша. Пресветлая, почему так больно? Он вычеркнул прежнюю семью из своей жизни! У него есть дело, ради которого стоит жить, дело, которое доставляет ему радость и занимает дни и ночи – величие Узамора! Так отчего же так больно?!

Несколько минут герцог провел в оцепенении, а когда отдышался, покинул площадь, променяв ее свет и музыку на темноту и тишину окраинных улиц. Снега здесь лежало не в пример больше. Мелькнула мысль: «Пора направить сюда магистратских магов, растопить сугробы».

Взгляд Его Светлости зацепился за темный комочек в снегу, наверное, кто-то из детей потерял варежку. Он наклонился: замерзший комок оказался котенком со слипшейся шерстью и закрытыми глазами. Решив, что зверек мертвый, герцог равнодушно распрямился, но котенок вдруг приоткрыл маленькую пасть и беззвучно мяукнул. Атрону вспомнились люди на площади, чьи жизни были у него в руках, но сейчас в ладони просилась смерть, маленькая и милосердная, хватала за полу плаща... Атрон протянул руку – свернуть зверьку шею, избавив от мучений...

«В эту самую минуту Боги смотрят на тебя сверху, Атрон рю Воронн, и раздумывают, раздавить ли тебя, как ничтожную букашку, или дать шанс?» – шепнул внутренний голос. От такой дикой мысли Его Светлости неожиданно стало смешно. Запрокинув лицо в темное небо, герцог засмеялся, а затем резко оборвал смех. Наклонился, поднял шерстяной комок, сунул за пазуху.

У искорки кошачьей жизни, угасающей на широкой ладони Узамора, больше никого не было. Как и у самого герцога.

Погранец, толкнувший ворота и выпустивший «призраков» в Весеречье, был облачен в зимнюю форму белого цвета. И неудивительно. Чем дальше путешественники удалялись от Ласурии, тем больше снега лежало вдоль дорог и на ветвях деревьев.

В Рокунаре, столице Узамора, в которой пришлось задержаться на недолгое время, чтобы пополнить запасы провианта, снег уже вовсю оккупировал крыши домов и улицы. Сугробы в человеческий рост высотой возвышались под стенами домов, и дети с визгом съезжали по ним, вылезая прямо из окон. Из всех «призраков» в столице Северного княжества доводилось бывать, как выяснилось, Яго, Дикраю и Грою, поэтому остальные с удовольствием посвятили свободное время ее изучению. И сошлись во мнении, что Рокунар им не нравится. Рубак не устроил традиционный простор в жилых помещениях, Альперта и Вителью – постоянный холод везде, и на улице, и в домах, Таришу – теснота, с которой были возведены здания, а Дробуша – ширина городских улиц. «Троль не пройдет!» – возмутился он, и был прав. Когда столица осталась позади, потянулся однообразный пейзаж – снежные заносы, белая утоптанная дорога, перелески, заваленные снегом по самые древесные кроны. К Весеречью знаменитый Узаморский лес редел, сменяясь пустынными пространствами, с кое-где торчащими скалами.

Дробуш, сидевший на козлах кареты, приподнялся и обернулся, провожая взглядом удаляющуюся границу Ласурии. Скажи ему кто тогда, когда он был прикован к мосту заклатьем Богов, что ему суждено увидеть другие страны, он бы проглотил такого выдумщика, не жуя!

Тигрица и барс носились вдоль дороги, взметывая снег – дурачились. Грой, который устроился

рядом с Вывиглотом, смотрел на них снисходительно, как смотрят взрослые на шалости детей. В карете кутался в меховую шубу, купленную в Рокунаре, Альперт Попус. Несмотря на разрешенный волшебникам самоподогрев, оказавшись на севере, маг начал нещадно мерзнуть. Сообща с Витой они решили, что проблема носит психологический характер, и может быть решена при помощи стороннего инструмента утепления. Шубу из шкуры гризли увидел Дробуш во время прогулки по Узаморской ярмарке, и указал на нее Вителье. Волшебница «сторонний инструмент утепления» одобрила, и Попус с тех пор с шубой не расставался.

– Это первая шуба в моей жизни, – смущенно улыбаясь, признался он. – Такое не забывается!

Карета подпрыгивала на снежных торосах, но рю Воронн крепко спал. Вита знала, что он способен уснуть где угодно и когда угодно, и так же мгновенно проснуться. Положив голову ему на плечо, она задумчиво рисовала в дорожном блокноте один круг внутри другого. Мысли о пророчестве ведьмы не шли у нее из головы. Оказавшись в Рокунаре, она вместе с Дробушем и Алем посетила городские библиотеки, но не нашла ничего о малом солнце, стоящем в центре большого. Возможно, фраза имела иной, скрытый смысл, и тогда могла обозначать, что угодно!

– Ты все думаешь о том, что сказала старуха? – негромко, чтобы не разбудить Яго, спросил Альперт.

Вителья кивнула.

– Знаешь, я тоже об этом думаю, – признался маг. – Это все так интересно... Ее Могущество права – бумажки в Департаменте перебирать скучно, хотя мне нравилось.

Вителья понимающе улыбнулась и спросила:

– У тебя есть какие-нибудь идеи насчет пророчества?

– С первого взгляда оно похоже на набор слов, – виновато улыбнулся Альперт. – Но если перестать думать о том, что же они на самом деле обозначают, многое становится понятным.

– Да? – послышался недоверчивый голос снаружи.

В окно кареты заглядывала Торусилья, ехавшая верхом.

– Да, – кивнул Попус. – Давайте не будем разбирать его сначала, а возьмем то, что наиболее ясно.

– И что тебе ясно? – вздохнула Вителья. – Я уже всю голову сломала, Богами клянусь!

– Ведьма сказала о Ягорае: «Ты для нее – чужеземец, захватчик из другой страны!» А если это не иносказание? Граф – ласурец. Давайте вспомним, для каких стран Ласурия была захватчиком?

– Формально – Узамор добровольно примкнул к Ласурии, – не открывая глаз, сообщил Яго. – Фактически – Ласурия заставила его это сделать, введя войска четыреста лет назад, после нашествия одержимых...

Альперт испуганно посмотрел на него, а Вита засмеялась и поцеловала рю Воронна куда дотянулась – в подбородок.

– Драгобужье отпадает, – сообщила из другого окна Руф, – Ласурия и гномы официально никогда не воевали, хотя стычки на границе случались.

– Крей – без комментариев, – прогудел Дробуш сверху.

В окно, сдвинув занавеску, ввинтилось гибкое тело Вироша. Оборотень ловко прыгнул на сиденье рядом с Альпертом и заявил:

– Давайте не будем забывать о Весеречье, в котором мы сейчас находимся!

– Дык мы о нем никогда не забываем, ведь мы именно здесь получили звание рубак, – хохотнула Тори.

– Итого подведем итоги, – продолжил Грой, – место, где видно два солнца, может располагаться в Узаморе, Крее и Весеречье! В Узаморе мы ничего такого не видели...

– И не искали, – проворчал невидимый Дробуш.

– Оказаться в Крее в ближайшее время нам не светит, – не обратив на него внимания, сказал оборотень, – значит, сосредоточимся на Весеречье. Послушаем местные мифы и сказания, посетим библиотеки – нам все равно искать могильник... Навестим то место, ради которого наши молодожены отправились в это путешествие.

– Могилу последней королевы Весеречья? – уточнила Вителья. – А кстати, как ее звали? Я всегда увлекалась историей Тикрея, но эта часть как-то прошла мимо меня.

– У нас в университете Весеречью тоже было уделено меньше трети урока, – подтвердил Альперт, – видимо, страна настолько неинтересная, что и говорить не о чем!

– Маленькая она, но гордая, – сообщила Руф, – мы с сеструхой тут учились на рубак, когда покинули Синие горы. Весеречье до сих пор не признает протекторат Ласурии, хотя Ласурия считает иначе. Да и сброда тут всякого полно – беглые преступники, фанатики, сумасшедшие.

– Чудесное место для тренировок рубак, – хмыкнула Тори.

Ягорай открыл глаза и с задумчивым видом засмотрелся в окно. Выражение лица у него было недовольным.

– Что с тобой? – тут же среагировала Вита.

– Я же помнил, как ее звали... – пробормотал рю Воронн.

– Кого? – не понял Альперт.

– Последнюю королеву Весеречья. Ту, чьей могиле мы, по нашей легенде, должны поклониться, – поморщился Яго и зажмурился, заставляя себя вспоминать. – Пресвятые тапочки, ну надо же...

Выражение лица Вироша изменилось. Изменилось так, что Вителья пристально посмотрела на оборотня. Его желтые глаза напомнили ей две безжалостные луны, в свете которых и полуночи не удалось бы ничего скрыть.

– Так как же ее звали? – взмолилась из окна младшая рубака. – Может, кто-то из вас вспомнит, умники?

Ягорай рю Воронн открыл глаза и торжествующе воскликнул:

– Эстель! Ее звали Эстель!

Уже приближаясь к человеческому жилью, Хан вновь ощутил тот самый отвратительно-манящий аромат безумия. Несколько бешеных, почуяв запах людей, решили вернуться. Пока они были далеко, однако быстро приближались, гонимые болезненной жаждой разрушения.

Он обернулся, едва ступил за околицу Зыбин, и ворвался в первый же попавшийся дом. Завизжала женщина, возившаяся у печки. Не обращая на нее внимания, Хан нашел склянку с лампадным маслом, выхватил из печи горящее полено и закричал хозяйке:

– Беги на площадь! Предупреди, сюда идут оборотни! Они хотят вас убить! Пусть поджигают заборы!

Долго было объяснять, что это оборотни не его клана, а огонь не даст бешеным подойти ближе, пока люди поборют панику и организуют оборону... Пусть думают, мол, Смерти-с-ветки на что-то ополчились на своих человеческих соседей!

Женщина с криком бросилась прочь. Хан выскочил за ней, плеснул масло на забор, поджег. Когда-то давно Дархан рассказывал маленьким оборотням про бешеных, как делал глава любого клана. Из того рассказа Зохан запомнил, что зараженные боятся огня и воды – такое вот странное сочетание.

Мощный удар сбил его с ног. Резкая боль прошла спину – напомнили о себе старые раны. Хан вскочил, обернулся. Перед ним стоял красивый дюжий парень, потирая костяшки пальцев, отбитые об твердую, будто железную, хребтину оборотня.

– А ну-ка, пошел отсюда! – рявкнул он. Прищурился, оглядел Зохана. – А ведь я тебя знаю! Ты – бывший дружок моей Рубинки!

Хан стиснул зубы, заставляя унять ярость, бурлившую в крови. И сказал – отдельно, четко, холодно:

– Торн Степин, так тебя зовут? Отведи меня к своему отцу, Торн! Сюда идут оборотни. Они хотят вас убить. Нужно поджигать заборы!

– Да ты сбрендил! – усмехнулся парень и пошел на него. – Вот я тебе мозги сейчас-то вышибу!

Словно в ответ на его слова, из леса раздался многоголосый вой.

Кровь схлынула с лица Торна. Он развернулся и побежал прочь, вопя во всю глотку:

– К оружию, к оружию! Оборотни!

А Зохан повел носом, разыскивая в куче запахов, самым главным среди которых становился страх, знакомый аромат. Рубина была где-то там, на площади. И он помчался следом за Торном, тоже крича: «К оружию! Пожар! На помощь!»

В центре деревни спугнутой птичьей стаей кружился человеческий табор. Мелькали цветастые платки на плечах женщин, сверкали клинки в руках мужчин. Крик, плач, вой. Паника.

Могутный деревенский голова, стоя на крыльце и размахивая булавой, призывал всех успокоиться, женщин и детей – укрыться в домах, мужчин – дать захватчикам отпор. Его голос звучал спокойно и уверенно, но Хан уже чувствовал беду. Там, в родном стойбище, напившись духом смерти, он научился понимать, когда она не собирается шутить. Жители Зыбин были обречены так же, как и Смерти-с-ветки.

Бешеных оказалось четверо. Двое тигров, медведь и волк. Выйдя на открытое пространство, они разошлись, беря деревеньку в кольцо. Спрятавшись под телегой с мешками муки, Хан чуял их передвижения, но продолжал отчаянно искать аромат Руби, который появлялся то тут, то там, и, наконец, начал удаляться по направлению к ее дому. Тогда он выскочил из-под телеги, едва не угодил под чей-то клинок, поднырнул под него и бросился за девушкой. Перемахнул забор, становясь рысью, помчался вдоль улицы, с легкостью перепрыгивая околицы.

Он догнал ее, когда она почти добралась до дома. Выпрыгнул, обернулся, схватил, взвалил на плечо и понес прочь. Рубина почему-то молчала. Не возмущалась, не кричала.

Зохан притащил ее на задний двор какого-то дома, где, судя по запаху талой воды, был оборудован ледник под землей. Нашел крышку ледника, открыл и кинул Руби вниз. Собирался захлопнуть люк, но наткнулся на ее взгляд, как на острие ножа. И осознал, почему она молчала – каким-то наитием девушка, только взглянув в его лицо, поняла всю степень опасности, грозившую деревне.

Разлепив побелевшие от страха губы, она произнесла лишь одно слово:

– Матушка...

– Я найду ее! – пообещал Хан. – Холод не даст твоему запаху выйти наружу, и они тебя не почувствуют! Только заклинаю тебя всем святым – сиди тихо! Поняла?

Руби мелко затрясла головой, до крови закусил губу. Зохан вернул крышку люка на место, забросал землей, накатил сверху садовую тачку. И побежал к ее дому. На площади матушки не было, значит, должна быть там!

Он опоздал. Когда ворвался в дом, увидел лежащее на полу женское тело. В носшибануло кровью, и ее запах показался сладким. Мотая головой, чтобы избавиться от наваждения, Хан выскользнул на крыльцо. Нет, человеческая кровь для него не пахла сладко, какой бы свежей не была! То был запах безумия, зовущий погрузиться в его ласковые крепкие объятия.

Краем глаза Зохан уловил движение и сиганул с крыльца. Вовремя, потому что крупный серый волк, взлетев в воздух, проломил в прыжке балясины перил и оказался наверху. Широко расставив лапы, задрал голову и завыл – и торжествующий голод звучал в его песне.

Волка отвлекли человеческие крики с улицы. Он неторопливо спустился с лестницы, перемахнул ограду, и криков стало больше.

Больше не теряя времени, Хан вернулся за Рубиной, вытащил ее из ледника, закинул себе на спину. И, обернувшись, помчался к лесу, надеясь лишь на то, что бешеные предпочтут остаться там, где держит их человеческий страх и реки крови, и не станут их преследовать. Девушка ни о чем не спросила, но он слышал ее сдавленные рыдания, и его сердце сжималось от невозможности остановиться, обнять, утешить.

Они миновали поля, окружавшие деревню, и, не снижая скорости, ворвались под лесной полог. Успокаиваться было рано – следовало уходить как можно дальше от Зыбин, помня о том, в каком направлении движется основная часть оборотней.

Новый запах обрушился на Хана, как булава, заставив резко прыгнуть в сторону. Как крепко ни держалась Рубина за его холку, как ни сжимала коленями его бока, скатилась со сдавленным криком.

Зохан остановился, будто налетел на невидимую стену. Потому что следом за четырьмя бешеными шел пятый. И это была рысь.

«Среди них твой брат, Улиш. Но если встретишь его – беги прочь и не оглядывайся!»

На миг пришла безумная мысль – пойти навстречу, заглянуть брату в глаза, попытаться отыскать в них свет разума... А затем Хан услышал стон Руби. Девушка поднялась с земли, шагнула к нему.

Никого... Никого он не смог спасти! Ни мать, ни близких, ни людей из деревни. И Улишу ничем не помочь! Осталась только она!

Зохан зарычал и переступил с лапы на лапу, подгоняя ее. Рубина с трудом взобралась ему на спину, вцепилась в лямки дорожного кофра.

Запах Улиша приближался. Ощущая, как рвется последняя ниточка, связывавшая его с родным кланом, оборотень помчался на шум ручья, прыгнул в русло и побежал по ледяной воде, сбивая след. Быстрее, быстрее, быстрее...

Когда, спустя час, его перестала преследовать мысль вернуться в Зыбины, чтобы налакаться крови, Хан понял – безумие осталось позади. Брат отстал, наверняка предпочтя присоединиться к тем, кто продолжил бойню, однако делать передышку Зохан не стал. Выскочил на берег и помчался дальше, к тому самому каменному языку, о котором рассказывал Рубине. Должно быть, они сильно отклонились на восток, потому что добирались до отрогов гор дольше, чем Хан рассчитывал. Но не было времени посмотреть старую карту...

Наступила ночь. Под лапами оказались округлые камни, отполированные в незапамятные времена уходящим на Север ледником. Хан упал, тяжело дыша, у какой-то расщелины. Рубина, словно куль с мукой, повалилась рядом. В воде ручья юбка ее платья промокла насквозь, и девушку трясло от холода.

Отсюда, с возвышения, черный лес без единого огонька казался озером тьмы, поглощающим свет, тепло, все хорошее в жизни.

Зохан сменил ипостась, стащил с себя кофр, негнушными пальцами достал флягу с водой и две полоски вяленого мяса, и протянул Рубине. Выражение ее лица напугало его. Словно она все еще была там, в Зыбинах, и наблюдала, как Смерть идет по улицам, заходит в дома, уводит людей.

– Руби! – тихо позвал он. – Посмотри на меня!

Она моргнула. перевела на него непонимающий взгляд.

– Поешь? – предложил он, а когда она отрицательно качнула головой, повысил тон: – Ешь, говорю! Нам предстоит долгая дорога!

Она послушно взяла флягу, отпила воды, клацая зубами от холода. Спросила:

– К-к-куда н-нам идт-ти? И з-з-зачем?

Хан отобрал флягу, сделал несколько жадных глотков. Заговорил, иногда прерываясь, чтобы прожевать мясо. Он рассказывал о том, что увидел, когда вернулся в стойбище. О Шамисе, о Ранише, о словах Дархана Асаша. И о его страшной смерти.

Говорил все как есть, не жалея ни себя, ни спутницу.

Как бежал в Зыбины, надеясь предупредить людей, как искал Руби, что увидел в ее доме, о чем рассказал ему волчий вой с крыльца и чей запах он учуял в лесу.

Слушая его, девушка держалась за горло, словно не давая вырваться рыданиям.

– Нужно предупредить людей в Вишенроге, поэтому мы поспим пару часов и двинемся дальше! – жестко довершил он.

В темноте ее огромные зрачки казались бездонными. Она вцепилась в его руку ледяными пальцами и сжала.

– Хорошо, Хан. Дай мне поесть.

Он молча вложил ей в ладонь полоску мяса. Обернулся рысью, улегся вокруг нее, как мать-рысь укладывалась вокруг рысят, чтобы обогреть.

Тонкие пальцы забрались в густой мех на его загривке и замерли, ловя жар его тела. Все так же молча она поела и прижалась к нему, кутаясь в шаль, которую каким-то образом умудрилась не потерять во время безумной скачки. Зохан отчаянно хотел спать, но уснуть не мог. Слушая дыхание Рубины, понимал, что и она не смыкает глаз. В воздухе чуть-чуть пахло солью. Одинокая слезинка – все, что позволила себе Руби, оплакивая прежнюю жизнь.

Его Светлость рю Вилль смотрел в зеркало связи, и ему казалось, он тонет в этих глазах, полных

прозрачной серо-синей магмы. Но, увы, он слишком хорошо знал, что в них нельзя утонуть, потому что об лед разбиваются насмерть. Впрочем, от улыбки розовых губ Ласурского архимагистра он бы тоже не отказался, поэтому улыбнулся первым и потряс в воздухе музыкальным свитком, ловко извлеченным из рукава.

Ники просияла.

– Ты его нашел?

– Нашел, – хмыкнул Троян. – Голос, и правда, отличный! Приходи, послушаем вместе.

– Дай мне пару минут, – зеркало чуть сдвинулось, и рю Вилль на мгновение увидел обнаженное бедро... Такое ослепительное бедро, что сидеть ему стало неудобно. – Я только оденусь! – лукаво уточнила Ники и отключилась.

Она появилась в его кабинете через некоторое время, одетая в бархатный брючный костюм цвета опавших листьев, расшитый самоцветами, и держа на руках... поднос со здоровенной лягушкой.

– Кракена тебе в глотку, Ники! – воскликнул рю Вилль, вскакивая и пододвигая ей кресло. – Это еще что такое?

– Ее зовут Марья, – не моргнув глазом, ответила волшебница, – она гораздо более умная лягушка, чем ты можешь себе представить.

– Но зачем она тебе? – изумился рю Вилль, садясь за свой, заваленный бумагами, стол.

– Раздумываю над ее судьбой, – пожала плечами Ники, – мне лучше думается, когда я вижу объект приложения. Кстати, что слышно от наших «призраков»?

– Миновали границу Ласурии, сейчас находятся в Весеречье, направляются в Кариоланн.

– Верхом? – подняла брови Никорин. – Идет пора осенних выюг...

– У них с собой куча свитков, – отмахнулся рю Вилль. – Мне кажется, что последний год все ласурские артефакторы только на «призраков» и работают.

Ники задумчиво посмотрела на лягушку. Та в ответ заворчала, как старая собака.

– Ты знаешь, – вдруг сказал Троян, – я понимаю, что опасность велика, но, Аркаеш меня побери, она так... невозможна!

– Тебе кажется, мы зря занялись могильниками? – Архимагистр сразу поняла, что он имеет в виду. – Думаешь, бесцельно тратим людей и ресурсы?

Начальник Тайной канцелярии кивнул.

Ники покачала головой.

– Ты нужен мне, Трой, – призналась она, – и поэтому не должен сомневаться в том, что я делаю. Таких, сомневающихся, полно в Ласурии! Если ты готов, я могу показать ту ночь, во время которой было светло как днем... Я видела ее своими глазами от заката до рассвета, и, как ни стараюсь, не могу забыть... Повторюсь, если ты готов!

Рю Вилль молча разглядывал ее: Ники говорила прямо, а значит, ставки были высоки. Наконец, он откинулся на спинку стула и сказал:

– Ники-Ники, я давно готов узнать о тебе чуточку больше, ты это знаешь.

– Эта «чуточка» может лишить тебя рассудка, – криво усмехнулась она, – а я бы не хотела терять... такого друга, как ты.

Начальник Тайной канцелярии, яхтсмен и ресторатор встал, обошел стол, наклонился над волшебницей и подарил ей долгий нежный поцелуй. Нет, прощальным он не был – еще не пришло время. Но какую-то точку в их отношениях, несомненно, ставил.

– Давай, показывай свой конец света, – хрипло сказал он, возвращаясь на место. – Нам всем иногда нужен волшебный пинок, чтобы понимать, что и для чего мы делаем!

Никорин легко вздохнула и встала. Оказавшись позади рю Вилля, дотронулась прохладными пальцами до висков Его Светлости и заговорила:

– Цель любого Бога – получение от тех, кто ему поклоняется, некоей эманации, называемой верой.

Чем сильнее вера – тем сильнее становится Бог. Самую сильную эманацию дает смерть. Душа отданная за веру – вот высшая награда для Бога! Пятьсот лет назад Бог огня Гересклет едва не стал сильнее Богов, что выжили после Вечной ночи...

Ее голос постепенно отдалялся, отдалялся, пока не сделался неслышимым... А затем Его Светлость услышал крики. Страшные крики людей, сгорающих заживо.

Темнота перед его глазами сменилась странными сумерками – в них не было света, только полутень. Не сразу Троян осознал, что полутень – это падающий с неба тончайший пепел, который усыпал все вокруг. И каменистую пустошь, и торчащие из нее скалы с гранями острыми, как бритва. И гору со скошенной вершиной, хорошо видимую на фоне заходящего солнца. И другую гору, которая в окружающей серости выглядела ослепительно белой и почти закрывала рассветную сторону неба. Между ними, спина к спине, окруженные волнами сияния, стояли мужчина и женщина. И если статного, красивого, чернобородого мужчину он не знал, хотя сразу наитием распознал в нем бывшего морского бродягу, то женщину узнал мгновенно... Это юное лицо, приоткрытый, будто от страсти, рот, эти четкие движения рук, короткий ежик светлых волос – ничего не изменилось за прошедшие столетия. Ничего, кроме взгляда.

Волна за волной на волшебников накатывали одержимые. В одежде и без, выставив вперед скрюченные, как птичьи когти, пальцы, мужчины, женщины, дети и дряхлые старики шли к тем двоим, что стояли последним заслоном разума, ибо только в их глазах разум еще и оставался. Во взглядах нападающих пылала единая, всепоглощающая страсть к уничтожению. Наталкиваясь на выставленные магами щиты, одержимые вспыхивали и начинали кричать. От их криков воздух гудел, как от набата, и у герцога моментально заболела голова, хотя в бытность свою ему частенько случалось слушать крики умирающих.

Женщина полуобернулась к мужчине и крикнула:

– Каждый сожженный делает его сильнее! Надо с этим заканчивать!

– У тебя есть идеи? – спокойно ответил тот, будто не удерживал на кончиках пальцев щит от сотен тысяч ненормальных.

– Не дать им гореть... – глухо ответила женщина, и в этот миг – Троян ясно увидел это! – в ее небесно-голубых глазах впервые появилась тонкая прослойка льда.

– Плети, – решительно кивнул мужчина. – Я поделюсь...

Его Светлость попытался закрыть глаза, потому что понял, что сейчас произойдет, и не желал видеть. Но немилосердно прохладные пальцы вонзились в его виски, не позволяя этого сделать. И Троян смотрел. Смотрел, как живые люди, один за другим, начинают пропадать с пустоши, будто их никогда не существовало. Будто некто вычеркивал их из реальности, стирал с лица земли, выкидывал с Тикрея, не оставляя даже воспоминаний. Мужчин, женщин, стариков и детей...

Герцог не знал, как долго это продолжалось, не заметил, как на пустошь опустилась ночь. Но когда солнце показалось на востоке, очертив контуры белой горы, он понял, что во всем видимом пространстве осталось лишь два человека. Мужчина поддерживал женщину, которая едва стояла на ногах. Лица у обоих были серыми от пепла, гонимого резвым утренним ветром.

– Это не конец, – хрипло сказал мужчина. – Он еще жив!

– Я знаю, – тихо ответила женщина и прикрыла веки.

Мужчина поднял ее на руки и медленно пошел в сторону восходящего солнца, свет которого падал на пепел и казался мертвым. Как и все вокруг...

Рю Вилль открыл глаза и уставился в одну точку перед собой.

Архимагистр с жалостью коснулась его волос, прихватила со стола музыкальный свиток, забрала поднос с лягушкой и сказала:

– Мы поговорим, когда ты будешь готов, Трой.

Спустя миг ее уже не было в кабинете.

Герцог с усилием заставил себя увидеть окружающее, хотя перед глазами продолжали гореть живые факелы, а страшная пустота Весеречской равнины разворачивалась, будто ковровая дорожка в Вечность. Он невольно посмотрелся в зеркало связи – не отображается ли весь этот ужас в его зрачках? И только сейчас понял, почему Ники провела ладонью по его волосам.

Вернувшись в свои покои Ласурский архимагистр отпустила лягушку плавать в аквариуме, сорвала

оплетку с музыкального свитка и положила его на стол. Приятные переливы лютни наполнили комнату. Они рассказывали о первых каплях дождя, коснувшегося уже засыпающей земли, о свежести и прохладе туманов, накрывших поля, о листве, меняющей цвет... Они рассказывали об осени. Затем зазвучал уже знакомый Ники голос. Голос, который она услышала единожды, но после поняла, что готова слушать еще и еще – голос того самого юного менестреля, что проходя мимо Золотой башни пел романс на слова Одувана Узморского.

Подойдя к окну, Ники уперлась лбом в холодное стекло и прикрыла глаза от наслаждения, повторяя сохранный памятью первый куплет:

С тоской смотрю в туманные осколки лета
Куда же ты спешишь, зачем меня бросаешь?
В глазах лесных озер все больше полусвета
И, солнце, как снежинка, ты все сильнее таешь!

Несмело тренькнуло зеркало связи. словно секретарь сомневался, стоит ли беспокоить хозяйку. Волшебница поморщилась, но вернулась к столу. Накрыла свиток ладонью, заставив замолчать золотой голос, и заглянула в зеркало. Бородатое лицо гнома с насупленными бровями закрыло всю амальгаму.

– К вам гость, которого вы, возможно, не захотите видеть, – проворчал Бруттобрут. – А, возможно, захотите. Пускать?

Ники изумленно округлила глаза. Обычно секретарь был более сдержан в характеристиках посетителей. Впрочем, она догадывалась, о ком идет речь. А когда он чуть сдвинулся, успела мельком увидеть туго заплетенную красную косу с вплетенным в нее тяжелым боевым подвесом, и едва удержала маску равнодушия на лице.

– Приму, – коротко сказала она и отключилась.

Когда полковник Торхаш появился на порталной плитке, голос менестреля выводил второй куплет:

Объятий наших жар ты скоро позабудешь – Суровая зима так забывает лето!
За нежность и любовь, ужель меня осудишь? И если так – то как мне пережить все это?

– Неужели Ее Могущество тоскует по нежности и любви? – насмешливо спросил Лихо, шагнув из портала в комнату, проходя к столу и останавливаясь.

Ники резко обернулась от окна. Его голос всегда подстегивал ее, как кнут – норовистую лошадь.

– Мальчик хорошо поет, не находишь? – не менее язвительно ответила она. – Настолько хорошо, что я попросила Троя разыскать его для меня...

И опять она не успела среагировать на его движение. Миг – и Торхаш навис над ней, перехватив ее руки и прижав к оконному стеклу.

– Я уточню: его или его голос? – спросил он шепотом.

Ники закрыла глаза и вдохнула его запах: запах оборотня, разгоряченного ее близостью, запах мужчины, по которому она тосковала... Запах чего-то, что давно исчезло из ее жизни, и она думала, уже никогда не вернется.

Волшебница открыла глаза и встретила оранжевый яростный взгляд Лихая холодной насмешкой.

– Какая тебе разница, Торхаш? Ты – бродяга, сегодня здесь, а завтра – там, как поют моряки. Так какая тебе разница, что или кто у меня в приоритете?

– Мне... есть... разница...

За каждым его словом следовал болезненный укус в шею. Боль заставляла остро ощутить этот мир и это мгновение, боль обещала сладость. Ники сама не заметила, как подалась навстречу его зубам и языку. Его поцелуи бесцеремонно опустились ниже – в глубоко открытый вырез белоснежной рубашки.

Свиток начал проигрывать песню заново.

– Руки... отпусти... – прохрипела Никорин, ощущая, как от страсти плавится сознание, теряет мысли, а любовный жар заставляет тело пылать.

Оборотень резко освободил волшебницу, и тут же пустил ладони гулять по ее телу, бесстыдно забираясь под одежду.

– Чего зря время терять... – пробормотала она.

Движения Лихая прекратились на мгновение – он не сразу понял, как оказался лежащим в кровати, хотя только что стоял у окна в тесных объятиях с женщиной, чей невозможный взгляд делал из него настоящего зверя.

– Ну же! – прорычала Ники из-под Лихо, пытаясь содрать с него пропыленную куртку и перевязь с мечом и кинжалом. – Индари свидетель, я их развею, если ты...

Он закрыл ей рот поцелуем и принялся торопливо стаскивать с себя одежду. С себя, с нее. Волшебница не помогала – мешала, хаотично шаря руками по его крепкому телу, сжимая, сдавливая, словно пыталась утолить жажду трогать его, и никак не могла.

Песня началась заново...

Оборотня и волшебницу охватило желание стать единым целым, вытеснившее все: цвета и звуки, свет и запахи, прошлое и будущее. Даже настоящее схлопнулось до единого мига, в котором они слились в одно, и длилось-длилось-длилось вне времени и пространства. Под хрустальный голос молодого менестреля они не разрывали объятий, позабыв о всегдашней язвительности по отношению друг к другу, шептали такое, что никогда не повторили бы после, признавались в таком, в чем не признались бы никому другому. Целовали друг друга так, как целовали всегда – будто в последний раз... А потом в изнеможении затихли, так и не размыкая рук.

– Аркаеш меня побери, только сейчас я понял, как скучал по тебе! – рассмеялся Лихай. – Общаться с тобой совершенно невозможно, но заниматься любовью – это что-то!

Ники вдруг оперлась о его грудь ладонью и резко села в кровати.

– Что? – тут же подобрался он.

Но она закрыла ему рот ладонью, не давая говорить, и замерла, словно к чему-то прислушивалась.

Свиток в очередной раз заканчивал романс:

Любовь моя, ты – жизнь, но смерти не желая, И понимая, что разбитые не склеить зеркала, Взгляну я в новое стекло, внимая Надежде, что несет с собой весна!

– Разбитые не склеить зеркала – вот оно, решение! – воскликнула Ники и, повернувшись к Лихаю, принялась его целовать: – Ты понимаешь, Лихо? Осколки нельзя склеить, надо менять зеркало!

Он затащил ее себе на грудь, крепко обнял и тихо произнес:

– Сумасшедшая...

Следующие несколько дней слились в памяти Зохана в один. Он бежал до тех пор, пока не начинал шататься от усталости, и только тогда залегал в укромном месте, устроив в лапах измученную скачкой Рубину, которую периодически начинал сотрясать сухой кашель – все-таки она простыла, оказавшись в студеной воде ручья.

Они почти не разговаривали. Час-два спали. Просыпались. Жевали вяленое мясо и сухари, запивали из фляги. Если рядом был водоем, ополаскивали лица. И все повторялось: бег – до невозможности бежать дальше, сон без отдыха, еда без вкуса.

Лишь спустя три дня Зохан позволил себе и Рубине стоянку на всю ночь. Разжег костер, вскипятил воду, сыпанул в нее сушеной брусники из своих запасов. Дождался, пока морс закипит, налил в свою деревянную кружку, протянул спутнице, на чьем лице отсветы огня сделали резче тени, залегшие под глазами и скулами. Сейчас было хорошо видно, как истощил ее этот безумный побег. Девушка напомнила Хану свечу, неумолимо истаявающую в темной комнате. Невыносимо было видеть ее такой, и оборотень, порывшись в кофре, достал ту самую книгу, что они, рассорившись, оставили на заимке. Раскрыл страницы и начал негромко читать. Роман повествовал о молодом короле, его возлюбленной и его друге, об их запутанных и мучительных отношениях, о безумствах, которые совершали оба, чтобы добиться расположения прекрасной дамы. История была не такая героическая, как похождения славного рыцаря Озиллы Крокцинума, но захватывающая. Впервые с тех пор, как они покинули Зыбины, в глазах Рубины, смотрящей на языки пламени, появился интерес к жизни.

– Знаешь, теперь я понимаю, почему образованные люди говорят, мол, книги – это дверь в другой мир, – сказала девушка, когда Хан замолчал, чтобы отпить морса.

Она сидела, привалившись к его боку – так было теплее. Повернув голову, оборотень разглядел тень от ресниц, падавшую на ее щеку.

– Только почему книжные страдания стали казаться мне надуманными? – добавила Руби.

Хан молча кивнул, показывая, что понимает. Перед глазами до сих пор стояло застывшее лицо Шамисы... Какие книжные страдания могут сравниться со страхом во взгляде матери, обернувшимся вечностью?

Он снова покосился на девушку, задумчиво смотревшую в огонь. Исхудавшая, бледная... Ему стало жаль той румяной, полной трепета и волнения девчонки, чья тяга к приключениям могла сравниться с его собственной. Станет ли Рубина когда-нибудь прежней? А он сам? Вряд ли...

- Расскажи мне, как там, в Вишенроге, - попросила она. - Что тебе рассказывал тот лис?

Зохан заговорил. Он столько раз вспоминал этот разговор и каждое слово в нем, что, кажется, выучил наизусть.

- Лихай Торхаш Красное Лихо говорил: в Вишенроге оборотни и люди не стремятся обидеть друг друга. Мирно ходят по одним и тем же улицам, едят в одних трактирах, а непримирим к другим расам тот, у кого не хватает собственного достоинства. Тикрей никогда не будет прежним. Оборотни, истребив людей, не смогут властвовать над миром, потому что история... - он запнулся перед незнакомым словом, - идет по спирали, то есть, в одном направлении, и не повторяется, хотя многие думают именно так. Да, люди склонны ошибаться и с пеной у рта отстаивать свое мнение, но если их удастся переубедить - это все меняет! Меняет сознание, отношение, меняет народы и даже границы государств. Он рассказал мне, как воевал с людьми бок о бок, и каждый из них понимал, за что воюет. И это «что» было общим! Как у него на руках истекали кровью друзья, а он, теряя их, осознавал: «Я не скорблю по кому-то больше, лишь потому, что он оборотень, а другой - нет. Я просто скорблю. Скорблю всем сердцем!» А еще говорил, что по отдельности можно перебить сколько угодно народа, а вместе - невозможно!

Хан замолчал. Сердце гулко билось в груди, волновалось, боялось верить словам лиса-одиночки, но отчаянно желало поверить!

- Знаешь, я думаю, если бы ваши пришли в деревню, чтобы вместе с нашими дать отпор бешеным - не все бы погибли, - помолчав, сказала Руби, и Зохану стало стыдно: мысль о возможности совместного отпора даже не пришла ему голову!

Чтобы скрыть растерянность, он пожал плечами и пояснил:

- Бешеных тяжело завалить. Когда мы были маленькими, старший рассказывал нам об опасностях, подстерегающих за границами стойбища. Об обманчиво толстом льде на водоемах весной, о том, что лучше обойти медведя-шатуну, чем сцепиться с ним, о змеиных укусах... и о бешенстве. Зараженные не чувствуют боли и не знают сострадания. Их гонит жажда к уничтожению, которая проявляется как в желании ощутить на языке кровь любого встреченного существа, так и разрушить все, что попадает на пути, будь это нора, шалаш или дом... - Он замолчал. Вспомнил горящие дома, мертвые тела... Вновь заговорил, с трудом выталкивая слова, каждое из которых било острием клинка: - Чем ближе финал болезни, тем больше возрастают их силы, делая их практически непобедимыми... Если сказанное мне Дарханом о бешеных, пришедших с Севера, - правда, напавшие на стойбище и деревню уже давно должны быть мертвы и гнить в земле, ведь болезнь длится недолго! Но они живы. Живы и безумны. Безумны, но... действуют, как будто нормальные! Нет, я не понимаю!!!

Последнюю фразу он едва не прокричал. Скорбь проклюнулась из сердца, как птенец, и принялась раздирать его острыми коготками и клювом. Дом, близкие, родные - в его памяти все было залито кровью.

Рубина выпутала из шали тонкую руку. Обняла его и заставила положить голову себе на плечо. И принялась тихонько гладить по спине, напевая колыбельную:

ТишинаСтруной звенит,Что никак не разорвётся.ПолночьКанула в зенитСвежий ветер сладко пьётся.ЗвёздыПадают в сирень -Потаён полог зелёный.Под закатомДремлет день,Летним солнцем утомлённый.СонКак маленькая смерть -Приоткроет в вечность дверцу.Ты услышишьТишину... Тишину в усталом сердце.

От ее голоса - слабого, нежного, в душе Зохана окончательно рухнула плотина воли, которую он так тщательно выстраивал, пытаясь забыть произошедшее. Осознание того, что он никогда больше не увидит мать, а брат стал чудовищем, обрушилось на него с силой неумолимого палаческого удара. Хан застонал, обхватив голову, заскрежетал зубами.

- Матушка всегда говорила: поплачь, и тебе станет легче, - донеслись до него слова девушки.

Он поднял на нее красные от невыплаканных слез и отчаяния глаза, и хрипло спросил:

- А ты?

Она горько улыбнулась. Хотела ответить, но кашель начал бить ее с новой силой. На миг Зохан погрузился в отчаяние, и все вокруг стало черным-черно, ему даже показалось – он уже умер и бежит по тропе Вечной охоты навстречу смеющейся прекрасной Шамисе, из-за плеча которой выглядывает улыбающийся Дархан Асаш. Но теплая рука человеческой девушки все так же гладила его по плечам и спине, возвращая в реальность, и – возвращаясь, – Хан осознал, что жизнь лучше, чем смерть, а борьба важнее покорности.

– Я – Смерть-с-ветки! – прошептал он. Было бы тут ведро холодной воды, вылил бы на себя, не задумываясь, чтобы привести в чувство. И повторил громче: – Я – Смерть-с-ветки! Последний в клане! Я должен быть сильным!

Рубина смотрела на него широко раскрытыми глазами. Когда он замолчал, прошептала:

– Ты действительно сильный, Хан! Не то, что я...

И заплакала сама. Закрыв лицо руками и раскачиваясь, как старуха-плакальщица на похоронах.

Зохан обнял ее. Уткнулся лицом в волосы. Шептал какую-то успокаивающую ерунду, в душе радуясь, что девушка, наконец, начала оттаивать. Руби уже рыдала во весь голос, бессвязно вскрикивала: «Мама! Мамочка!», билась об него, как раненая птица, но он держал крепко. А когда она, измученная слезами, уснула прямо у него на руках, осторожно стер пальцем мокрые дорожки с ее щек, загасил костер, сменил ипостась и обернулся вокруг нее большущей кошкой-ночью. Несмотря на усталость, ему не спалось. Он ощущал себя изменившимся, и неудивительно, ведь он выдержал самый главный бой – с самим собой! Самые страшные грехи – отчаяние и страх. Сегодня он смог побороть первый, и был благодарен Руби за то, что она явилась его невольной причиной.

Девушка в объятиях его мохнатых лап спала тихо, но ее измученное лицо больше не казалось застывшим, неживым. Хан долго разглядывал ее светящимися в темноте зелеными глазами, а затем смежил веки.

Наутро пошел снег. Не растаявший, он долго держал следы, поэтому оборотень отчаянно надеялся, что борьба осени и зимы хотя бы на сегодня закончится победой осени.

Руби больше не казалась бледной – теперь на ее щеках горел лихорадочный румянец, и это тоже было нехорошо. Они быстро поели, причем Хану опять пришлось нарычать на нее, чтобы заставить взять полоску вяленого мяса, и отправились дальше.

Летом Зохан нашел бы лечебные травы и приготовил бы спутнице отвар от озноба и кашля. Но эти растения боялись холодов и вяли уже в конце лета. Если бы путь пролегал севернее – Хан мог бы для тех же целей использовать мох, которым лечились олени. Однако, возвращаясь к первоначальному маршруту, он и Руби все больше отклонялись на юго-запад, в направлении столицы.

С каждым днем девушке становилось все хуже. Организм, подточенный скорбью по родным и близким, не хотел бороться с болезнью. На стоянках Руби почти не спала, пытаясь справиться с кашлем. Горькое питье из брусничных листьев не облегчало ее состояние. Меда у Зохана не было, как не было времени искать гнезда диких пчел. Он торопился, насколько хватало сил, потому что ощущение опасности становилось более отчетливым, будто бешеные шли за ними след в след, уже дышали в затылок. Конечно, это было не так. Скачка без сна и отдыха позволила Хану обогнать их и даже получить фору, первым достигнув Ласурской чаши. Но чем больше он слабел, чем более долгие часы отдыха требовались Руби, чтобы и дальше ехать верхом, тем неумолимее приближались зараженные, неся с собой смрад сладостного безумия.

Наконец, наступил момент, когда девушка упала со спины оборотня, и не смогла забраться обратно. Дыхание с хрипом вырывалось из ее груди, губы запеклись, она горела от жара и не желала открывать глаза. В отчаянии Зохан когтями разодрал в щепы молоденькую ель и улегся на землю рядом со Рубиной, чтобы дать хоть немного отдохнуть ноющим лапам. Он не мог бросить спутницу, и не мог не торопиться в Вишенрог! Неожиданно ее жизнь оказалась равнозначна жизням сотен других людей, а он – между выбором. На какой-то миг Хан впал в ступор, пытаясь решить дилемму, но затем попробовал посмотреть на проблему по-другому. Нет никакого выбора! Ему надо спасти Руби и предупредить горожан! Одно не исключает другое!

Безмолвный зов, прозвучавший в сознании, прозвучал ответом на его мысли. Зов, на который сердце потянулось, будто привязанное на ниточке. Вскочив на лапы и оскалившись, Хан принялся: не заструится ли из-за деревьев пугающий запах, не из-за него ли ему чудятся голоса в голове? Но в лесу было тихо, лишь пересвистывались, перелетая с ветки на ветку, синички, да изредка каркали над кронами вóроны.

Перекинувшись, он поднял девушку на руки и побежал, следуя голосу, тем более что путь лежал в нужном ему направлении.

Столько, сколько за последние дни, Хан не бегал даже в сезон Больших охот. Оборотни были значительно сильнее людей, но их сила и выносливость имели предел. Зохан был измучен уже в своей звериной ипостаси, а в человеческой вообще каждый шаг давался ему с трудом, хотелось упасть, даже не поспать, нет, просто полежать, вытянув конечности и глубоко дыша. Но он смотрел на запрокинутое лицо Рубины, от жара алеющее соком осенних ягод, и понимал – надо торопиться, потому что ей все хуже и хуже! Какая ирония судьбы, получить взамен целого клана одну человеческую девушку! Мелькнула мысль, что, наверное, ему следует ненавидеть ее. За то, что выжила, за то, что вообще родилась на свет! Но он вспоминал ласковую ладонь на своей спине и понимал – замена равноценна. Потому что вместо целой деревни она получила его – Зохана Рысяша. Оборотня.

От тряски Рубина пришла в себя, облизала пересохшие губы. Хан думал, она попросит воды, но вместо этого девушка, вцепившись ослабевшими пальцами в ворот его куртки, прошептала:

– Брось меня!

Оборотень, не снижая скорости, молча мотнул головой.

– Мне... очень... плохо!

– Это простая простуда! – рявкнул Зохан. – Не смей сдаваться! Вспомни Озиллу!

Приснопамятный Озилла Крокцидум выбирался из таких ситуаций, которые им и не снились!

– Великолепный Озилла! – слабо улыбнулась Руби и потеряла сознание.

А оборотень резко остановился, но вовсе не из-за нее. Его носа достиг запах дыма, мирного дыма топящейся печи, в которой жарилось мясо. Станный, нехарактерный запах для самого средоточия засыпающего осеннего леса, не несущий ни чувства опасности, ни смертоносного дыхания бешенства.

Более не задумываясь, Хан ринулся вперед. Через какое-то время выскочил на поляну, спрятанную в кустах шиповника, дикой малины и роз. Если бы с них не облетели листья, а ветер не погнул их к земле, желая на зиму укрыть под снежным одеялом, оборотень не прошел бы так просто – ободрался до крови! В середине поляны стояла избушка, старая, но крепкая, из цельных бревен, с гнездом на коньке крыши, каким-то чудом там державшимся. Едва Хан ступил на основательно протоптанную тропинку, ведущую к дому, как дверь распахнулась, словно его ждали, и на пороге показалась красивая женщина с волосами, распущенными по плечам. Зохан узнал ее сразу. Узнал не только лицо, издали кажущееся лицом молодой женщины, узнал запах – диковатый, страстный, пропитанный ароматами трав и зелий.

Ведьма Эстель молча ждала, пока молодой оборотень подойдет к крыльцу. Так же молча посторонилась, впуская его в дом. Указала на лежанку у печки. Хан аккуратно опустил на нее Рубину и едва не осел на пол рядом – силы его оставили. Не по-женски крепкая рука придержала его за шиворот, чтобы не упал, а затем подтолкнула к столу, на котором дымилось в котелке молоко, а на сковороде еще шкворчал большущий кусок мяса, только снятого с огня.

– Поешь, парень, и не мешай мне! – приказала хозяйка.

Присела рядом с Рубиной, принялась распутывать ее шаль, растягивать шнуровку на платье.

Хан стыдливо отвел глаза, а после и вовсе позабыл о спутнице, вгрызаясь в сочное, с кровью, мясо. После еды на него навалилась тяжелая дрема, и, кажется, он отключился прямо за столом, потому что опомнился и вскочил, выхватив нож, лишь тогда, когда в дверь кто-то с силой заскребся.

– Открой дверь! – спокойно сказала Эстель.

Она обтирала полностью обнаженную девушку губкой, которую макала в миску с каким-то резко пахнущим настоем, а затем укутывала ее льняным полотнищем.

Хан подошел к двери и открыл ее. В избу заскочил здоровенный серый пес с оранжевыми глазами, завертел хвостом, заскулил, глядя на лес.

– Знаю, знаю, – проворчала ведьма, – скоро будут здесь, окаянные. Уймись пока!

К удивлению оборотня, после этих слов собака перестала волноваться и улеглась у огня, положив большую голову на длинные лапы. По ее шее змеился искусно сплетенный травяной ремешок.

Эстель влила в рот Рубине дымящееся питье из кружки, накрыла девушку одеялом и вдобавок медвежьей шкурой, и перешла за стол. Сев напротив Хана, принялась испытующе его разглядывать. Он вновь, как и тогда, когда пришел в себя в родном доме, поразился силе ее взгляда – темного,

непонятного, пугающего. Казалось, в загадочной бездне этих зрачков может утонуть весь Тикрей! Но для него, Зохана Рысяша, в нем не было угрозы. Лишь бесконечное понимание.

– Отсюда до Вишенрога шесть часов твоего бега, – заговорила ведьма, ни о чем его не спрашивая. Осознание того, что она и так все знает, оказалось для Хана куда более шокирующим, чем ее взгляд. – С конца лета в столице введено особое положение, пройти в город можно только при наличии документов и ясной цели путешествия. У тебя же есть второе, но нет первого!

Зохан упрямо скрипнул зубами.

– Я все равно пойду!

– Знаю. Но ты пойдешь не один. С тобой пойдет Стрема.

Пес, задремавший у очага, вскочил на лапы, трубно залаял.

– Ты скажешь охране на воротах, что, охотясь, ушел далеко от стойбища и нашел собаку в лесу, – продолжила ведьма. – Ты узнал ее и хочешь вернуть хозяину. Тогда они пропустят тебя.

– Я знаю эту собаку? – вытаращился Хан.

Пес, названный Стремой, обиженно смолк.

– Ты – нет, – улыбнулась Эстель. Морщинки лучиками побежали от уголков ее глаз и рта, добавляя годы, но не отнимая красоты. – Но знает Вишенрог. Стрема, ко мне!

Пес подошел и сел рядом, не спуская с нее умного взгляда. Склонившись, Эстель взяла его за брылы, заставив смотреть себе в глаза.

На миг оборотню стало не по себе. Ему почудилось, или ведьма действительно безмолвно говорила с собакой, а та так же безмолвно отвечала ей?

– Отпускаю! – прошептала Эстель и оттолкнула голову пса. В этом движении сожаления было больше, чем воли. Она посмотрела на Зохана. – Я дам тебе зелье, которое сейчас подстегнет твои силы и поможет добежать до Вишенрога. Но потом тебе будет плохо. Очень плохо.

Оборотень поднялся.

– Я готов!

Стрема нетерпеливо приплясывал у двери.

Ведьма накапала из матовой склянки в стакан с молоком бесцветной жидкости, протянула Хану. Он выпил. На миг его окатило жаром, а затем из перетруженных мышц ушла боль, сменяясь горячей радостной силой, а сознание стало кристально ясным, позволив Хану мгновенно осознать опасность, угрожающую мирной полянке посередине Ласурской чащи.

– Они идут за нами и могут прийти сюда! – воскликнул он. – Вам нужно уходить вместе со мной!

Эстель покачала головой.

– Первое: девушка не выдержит дороги. Второе: бешеные больше животные, нежели оборотни, а животными я могу управлять. Не настолько, чтобы остановить их движение к Вишенрогу, но достаточно, чтобы они прошли мимо моего дома, не почуяв его. Об этом не беспокойся!

– Хорошо, – кивнул Хан, прихватил свой кофр и направился к двери. На пороге обернулся: – Спасибо, госпожа Эстель!

– Стой! – она указала на лежащую девушку.

– Я вернусь за ней! – пообещал оборотень и вдруг увидел, что глаза Рубины открыты.

Она что-то прошептала, но так тихо, что он не расслышал. Подошел к лежанке, опустился на колени. Горячие пальцы погладили его по щеке.

– Будь осторожен, Хан, – прошептала девушка. – У меня никого не осталось, кроме тебя...

Решение пришло внезапно. Зохан вытащил из-за пояса нож Дархана Асаша и полоснул себя по предплечью. Протянул залитое кровью запястье Рубине:

– У меня тоже никого не осталось, кроме тебя!

Понимание расширило ее зрачки. Она с трудом выпростала руку из-под полотна, в которое была

закутана, и доверчиво подала Хану. От движения ножа не только не дернулась, наоборот, слабо улыбнулась. Оборотень осторожно приложил свою руку к ее – рана к ране, произнес:

– Я – Зохан Рысяш Смерть-с-ветки, брат!

– Я – Рубина Раскин, сестра!

И они посмотрели друг на друга по-новому. Кровь близких, огонь и смерть никуда не делись из их памяти, но мир никому не покажется холодным и одиноким, если в нем есть хотя бы одна родная душа! Зохан легко коснулся губами ее лба и вышел.

Стрема уже скулил у крыльца, неотрывно глядя на дверь – ну где там тот, кого следует проводить в Вишенрог? Когда Хан перекинулся в рысь, он обнюхал его, гавкнул и помчался прочь от избушки.

Пес несясь стремительно, будто паря над едва заметной тропинкой, вьющейся между узловатыми древесными корнями, но оборотень после принятого зелья не отставал, хотя и держался позади. Ведьминский напиток не только изгнал из его тела усталость, но и повысил настроение, придал уверенности – Хан выжил, не сдался, не бросил Рубину, доставил ее туда, где она будет в безопасности! И он всего в нескольких шагах от своей цели!

Погруженный в собственное ликование Зохан не сразу заметил молниеносное движение сверху, а когда заметил – было уже поздно. Крупная рысь прыгнула на собаку с дерева, заставив ее покатиться по земле. Палево-рыжий самец пах так знакомо – и на долю секунды для Хана застыло все вокруг: иней, падающий с ветки, черная птица на фоне неба, поднявшийся на лапы и ощерившийся Стрема... Вот он и наступил – момент истины. Выбор, которого Хан с самого начала страшился, ибо другого выхода, как убить брата судьба для Зохана Рысяша не предусмотрела. Убей – или уподобься бешеному!

Опомнившись и повторяя себе, что стоящий перед ним оборотень больше не его брат, он прикрыл собой пса, однако тот встал рядом. В собачьих глазах не было страха, наоборот, в них горел мрачный огонек решимости. А вставшая дыбом по хребту шерсть и утробное рычание, шедшее из самой глубины груди, сами могли напугать кого угодно.

Глядя на агрессивно сгорбившего спину противника и отмечая его замедленные, будто задумчивые движения, Хан думал о том, что предчувствие его не обманывало: смерть действительно шла за ними след в след. Видимо, почуяв знакомый запах, безумец не смог ему противостоять, отделился от остальных и ринулся в погоню. Да, сейчас брат выглядел заторможенным, но Зохан видел, с какой скоростью он метнулся с ветки, ударом лапы отшвырнув пса с тропинки. Улиш Рысяш вступил в пору зрелости на четыре года раньше младшего брата, поэтому тягаться с ним силами для Хана было не самой лучшей идеей. Оставалось надеяться на ведьминское зелье, которое сделало его сильнее, быстрее и маневреннее.

Зохан передернул плечами, освобождаясь от кофра. Улиш беззвучно оскалился, показывая острые зубы. С них обильно текла слюна, много говорящая о его состоянии. Хан оскалился в ответ. Ему показалось, что он спит, и все происходящее – кошмар, от которого он никак не может проснуться. А когда проснется, услышит с кухни голоса матери и брата, за окном – птичье пение, почувствует на щеке ласковый солнечный луч, упавший на подушку...

Все так же молча Улиш бросился на брата, и тот едва успел увернуться. Второй бросок отбросил его прочь – старший брат ударил его обеими лапами в грудь с такой силой, что Зохан какое-то время не мог дышать. Но бешеный был вынужден оглянуться и погнаться за Стремой, который вцепился ему заднюю лапу. Пес удрал и теперь кружил вокруг Улиша, отвлекая внимание на себя. Хан напал на бешеного сзади, почти повалил, крепко удерживая лапами, но в последний момент увидел беззащитно белеющее белым мехом горло брата и промешкал – и тот мощным ударом задних лап отшвырнул его, вскочил, низко зарывчав. А Зохан спиной ударился об сосну и тявкнул от боли, чувствуя, что шкуру что-то распорол. Приземлился на лапы, посмотрел вверх – из ствола торчал обломанный сук, чье заостренное острие поранило ему кожу, отчего кровь заструилась по спине.

Почуяв вожделенный запах, бешеный молча прыгнул на брата. Хан увернулся и бросился прочь, не давая ему приблизиться. Со стороны казалось, будто две большие рыси ловят мышей в затихшем лесу, такие прыжки и кульбиты они совершали. Но в глазах Улиша горела жажда крови, делавшая изящные танцы кошачьих – пугающими.

Стрема оказался умным псом. Он не рвался любой ценой сцепиться с опасным противником, однако приходил на помощь Хану тогда, когда тот думал, что все кончено, и сейчас блестящие от слюны клыки брата сомкнутся на его плоти. Тем не менее, бой следовало заканчивать – он отнимал драгоценное время! Боль в спине подсказала Зохану идею. Он заставил Улиша еще погоняться за собой, а затем остановился у той самой сосны. Голодный и невыносимо тоскливый взгляд, брошенный на него бешеным, прогнал всякие сомнения – перед Ханом стояло существо, которое не следовало называть ни Улишем Рысяшем, ни старшим братом. От него осталась лишь оболочка,

знакомая и потому причиняющая боль. А то, что скрывалось под ней, не задумываясь, убило бы и самого Зохана, и Шамису, и любого члена клана, попавшегося ему на пути.

Когда безумец, коротко рыкнув, устремился вперед, Хан был готов. Позже он оплачет брата, но не эту тварь, несущую смерть и разрушение! Эта должна умереть! Зохан почти ушел с траектории броска... В последний момент Улиш полоснул его когтями по плечу, однако не смог справиться с собственной инерцией, и напоролся грудью на обломанный сук.

Остановившимся взглядом Хан смотрел на его предсмертные муки, и отчаяние снова грызло сердце, а скорбь опаляла глаза... В себя его привел собачий лай. Зохан даже не заметил, как сменил ипостась. Он стоял за спиной брата, занеся над его шеей нож Дархана Асаша. Но нож не потребовался – Улиш был мертв.

Стрема гулко лаял – торопил. Стараясь не смотреть на повисшее на сосне, словно куль, тело, Хан разыскал кофр, обернулся и коротко мявкнул, показывая псу, что готов следовать за ним. Его раны почти не кровоточили – сказывалось действие зелья. Солнце уже клонилось к закату, когда они выскочили из леса на свободное пространство, расчерченное квадратами полей до самого Вишенрога и, не останавливаясь, понеслись дальше.

Молоденький стражник, вооруженный до зубов, был полон важности от осознания своей миссии. Он держал Хана под прицелом арбалета, подозрительно щуря светлые глаза и грозно хмурия брови. В башне послышался грохот подкованных железом каблуков, и к воротам выкатился круглый, словно сырная голова, офицер с гривной начальника караула на шее.

– Кто тут у нас? Ась? – рявкнул он, заставив дрогнуть арбалет в руках стражника. – Нарушитель?

Стражник вытянулся, отчаянно скосил на командира глаза, пытаясь видеть одновременно и его, и Зохана, и отпартовал:

– Оборотень без документов, Ваше Благородие! Грязен, истощен и на вид дик! Наверняка – опасен!

Внимательно слушавший Стрема, которого Хан удерживал за ошейник, насмешливо фыркнул.

Офицер перевел взгляд на собаку и изменился в лице. Одним прыжком пересек разделявшее его и Хана расстояние, схватил оборотня за грудки.

– Откуда у тебя этот пес? Отвечай!

Внутренний зверь Зохана ощерил зубы. Что-то такое промелькнуло в его зеленых глазах, что офицер отпустил его и даже отступил на шаг.

– Я охотился, ушел далеко от родного стойбища, – вспомнив наставления Эстель, произнес Хан, – собаку нашел в волчьей яме... Хочу вернуть хозяину!

– А документов нету! – напомнил стражник из-за спины начальника.

– Пса мы сами вернем хозяину! – тут же сориентировался офицер. – А тебя, клыкастый, до выяснения обстоятельств подержим в кутузке! Если не врешь – отпустим на все четыре стороны! Ну-ка, собака, иди сюда! Ко мне, Стремительный!

Оборотень с удивлением посмотрел на пса. Еще одно имя? Тот, пригнув голову к земле, разглядывал офицера своими оранжевыми глазами, и непонятно, чего в них было больше – превосходства или насмешки.

– Дай мне ошейник! – рявкнул офицер, протягивая руку и... собачьи зубы многозначительно клацнули.

Чтобы уж быть совсем понятым, Стрема зарычал.

– Пробле-е-ема! – протянул молоденький стражник.

– Нет проблемы! – решительно ответил офицер и также решительно отошел еще на шаг. – Тоффин, Дижон и Стайлис – проводите парня и собаку во дворец и сдадите на руки начальнику дворцовой охраны. С оборотня глаз не спускать!

«Во дворец? – напрягся Хан. – Мне не нужно во дворец! Мне нужно найти Лихая Торхаша Красное Лихо!»

Между тем, его окружили стражники, и самый усатый из них кивнул:

– Идем, клыкастый! И давай без глупостей!

Следуя за ним, Зохан думал о том, что несмотря на настороженность людей, он не ощущает по отношению к себе ни страха, ни презрения, ни ненависти. Да, они отнеслись к нему, как к бродяге, но не как к врагу! Неужели, рассказывая о Вишенроге, лис не лгал?

На столицу медленно опускалась тьма. Погромыхивали доспехи конвоиров. Стрема спокойно шел рядом. А Хан, который впервые оказался в городе, отчаянно принюхивался и стремился увидеть как можно больше. Его поразил свежий запах соленой воды. Судя по нему, этой воды где-то неподалеку было очень и очень много! Вдоль улиц на равном расстоянии друг от друга возвышались кованые фонари, горящие ярким, но мягким светом. Окна мерцали вечерними огнями, как лестные светляки в весеннюю пору. Сахарные кости, сколько их, этих окон? Сотни? Тысячи? Хан потрясенно разглядывал каменные дома – двух-трех, даже четырехэтажные, с фасадами, выкрашенными краской разных цветов, с красивыми черепичными крышами, вытаращился на храм, мимо которого они проходили. К нему вела лестница, казалось, стремившаяся к небесам, а шпили пронзали облака. Оборотень удивлялся хрупким изящным скамейкам, одиночным деревьям, горожанкам, поглядывавшим на него с интересом, и в конце концов вообще позабыл, куда идет, пока не увидел на площади странное сооружение, похожее на пустую чашу. В середине нее возвышалась фигура Океанского Творца, держащего в руках витую раковину.

– Ты чего встал? – оглянулся усатый стражник. Проследил за его взглядом и пояснил не без гордости: – Сия шедевра была подарена городу Его Величеством Йорли Гаракенским после свадьбы его дочери Ориданы и нашего принца Колея! Сейчас фонтан не работает, а летом тут полно малышни, лезут шмакодавки, прямо в воду. Не успеваем вытаскивать!

– Фонтан? – переспросил Хан, смакуя на языке неизвестное слово, как вдруг Стрема, твякнув, вырвался и помчался прочь.

– Куда? – закричал оборотень.

– Ловите собаку! – вторил ему усатый стражник, бросаясь в погоню. – Если она опять потеряется – нас ждет Гнилой лабиринт, не меньше!

Конвоиры побежали следом.

Хан понял, что это его шанс, мгновенно перекинулся в рысь и тенью метнулся к проему между домами. Оказавшись на внутреннем дворе, взобрался на дерево, с него перепрыгнул на крышу соседнего дома. По счастью, время было позднее, и большую кошку никто из жителей не заметил.

Оборотень остановился, лишь миновав пару кварталов. Спугнул нескольких котов и устроился под трубой, держа нос по ветру, который таскал за собой разнообразнейшие ароматы: жилья, еды, конского навоза, железа, молока. Невозможно быстро встать на след, когда их так много! Поэтому Хан глубоко вдыхал воздух, поворачивая голову во все стороны. И, наконец, учуял знакомый запах. Его путь лежал в сторону возвышающейся над городом башни, которая сияла так, что глазам становилось больно.

Его Величество Редьярд разрывал мясо на куски и любовно раскладывал на краю тарелки. Сбоку от него, образовав полукруг, сидели уже подросшие щенки Стремы, числом три, из которых один был черный, другой серый, а третий – белый с серыми пятнами. Но у всех троих глаза горели чистейшим янтарем – в папу.

– Ваше Величество, меня не будет на завтраке, – сказала принцесса Бруни, втихую спуская руку с куском сыра под стол – черный щен метнулся под скатерть и бесшумно заглотил угощение.

– Не порть собаку! – поднял на нее тяжелый взгляд король. – Это почему же – не будет?

– Я тебе говорил, отец, – пришел на помощь супруге принц Аркей. – Завтра – свадьба дядюшки Бруни – Пипа Селескина. Бруни будет на ней присутствовать.

– Мой повар действительно женится на бывшей горничной моей бывшей любовницы? – хмыкнул Его Величество. – Они меня не отравят, вступив в преступный сговор?

– Как можно? – воскликнула Ее Высочество Оридана, изменившись в лице.

Бруни кротко вздохнула. Король был в своем репертуаре.

– Его Величество шутит, дорогая, – сказала она.

Королевский шут с совершенно серьезным видом посмотрел на Оридану и сообщил:

– У моего братца луженый желудок, Ваше Высочество, а собственного яда столько, что чужие ему не страшны. Посему не извольте беспокоиться – вам нельзя волноваться!

Гаракенка расцвела благодарной улыбкой. В последнюю седмицу дурнота начала понемногу проходить, и принцесса снова могла радоваться жизни. По крайней мере – иногда.

– В Вишенроге беспокойно, – буркнул король. – Надо бы отложить свадьбу.

– Да ты что, братец, как это – отложить? – возмутился Дрюня. – Платье невесты уже пошито мастером Артазелем, как и платье для моей драгоценной женушки. Милейший Пип решительно настроен на брак! Что касается его возлюбленной – тут уж ничего наверняка сказать нельзя...

Бруни скрыла улыбку. Ванилькина нелюбовь к Туссиане Сузон, похоже, была заразна. Впрочем, Дрюня еще вел себя деликатно по отношению к ней.

– Мою жену будут сопровождать гвардейцы под командованием подполковника рю Фринна, – сказал Аркей. – Бруни знает, что идея со свадьбой в такое опасное время мне тоже не по душе, но у них с Пипом Селескиным есть характерная родственная черта – упрямство.

Шут захохотал, да так, что порционные куски мяса с тарелки короля дружно упали вниз – прямо в ждущие их раззявленные пасти. Раздалось дружное «кляц» – и мясо исчезло.

Его Величество укоризненно посмотрел на шута.

– А я чего? Я ничего, – пожал плечами тот, успокаиваясь. – Я лишь желал бы указать благородному семейству Ласурингов на их характерную родственную черту – упертость.

– Ну тогда мы с Арком нашли друг друга, – засмеялась Бруни.

На бледном лице Ориданы появилась мечтательная улыбка.

Двери распахнулись, являя на пороге Его Высочество Колея во всем великолепии. Принц был умыт, причесан, одет в украшенный стразами голубой бархатный камзол, цвет которого так соответствовал цвету его глаз.

Щенки дружно сказали: «аф!», а выражение лица Ориданы неуловимо изменилось.

– Добрых улыбок и теплых объятий, семья! – провозгласил младший принц, шагнув в комнату. – Мы ведь семья, не так ли?

– Ты об этом помнишь? – осведомился Редьярд. – Ну надо же!

– У меня отличная память! – скромно сообщил Колей, подошел к столу, подарил жене дежурный поцелуй в лоб, отцу – легкий поклон, а остальным – ослепительную улыбку. – Как ты себя сегодня чувствуешь, дорогая? – обратился он к Оридане. – Не желаешь ли прогуляться по саду?

– Так поздно? – изумилась та.

– Ой, – принц хлопнул себя по лбу. – Я решил, что сейчас утро!

– Перепутал день с ночью, – громким шепотом подсказал Дрюня Его Величеству, – в младенческом возрасте такое случается.

– Хорошо, что я никогда не стану королем, – с притворной грустью вздохнул Колей, – моим первым указом был бы указ отрубить голову одному шуту. Но сначала – вырвать язык!

– Это очень хорошо, даже отлично, Ваше Высочество! Мы все этому ужасно рады! – горячо уверил его Дрюня.

Король потянулся за новым куском мяса. Щенки тут же сделали стойку.

– Вон тот больше всего похож на Стрему, да? – спросил Колей. – Только он черный.

Редьярд ничего не ответил. Он до сих пор болезненно переживал побег волкодава.

– Вы с Ориданой думали, как назовете ребенка? – спросила Бруни, желая перевести тему.

– А что, уже пора? – искренне удивился Колей. – Но целитель Жужин пока не сказал нам, кого мы ждем.

– Как это не сказать? – возмутилась Оридана. – Сказать! Он сказать – мы ждем ребе-но-че-ка!

– Вот именно! – поднял длинный палец Дрюня. – Можно придумать два имени – для мальчика и для девочки. Мы с Ванилкой так делали.

– А какое имя вы выбрали бы, родись у вас дочка? – заинтересовался король.

– Брунгильда, конечно, – хмыкнул шут. – Какие могут быть сомнения?

– А почему Людвин? – улыбнулся Аркей. – Не знаю никого с таким именем.

– Зато я знаю, – пожал плечами Дрюня. – Еще до знакомства с братцем Рэдом случилось мне путешествовать по Тикрею в компании бродячих артистов. Главным у них был маг и волшебник мэтр Людвин – большой мастер по части иллюзий, скажу я вам. Более умелого иллюзиониста я после не встречал! Собственно, он-то и сделал из меня человека.

За дверями раздался неожиданный шум и изумленные возгласы.

Аркей тут же поднялся и вышел вперед, словно пытаясь закрыть собой сидящих за столом. Бруни видела, что муж сделал это машинально, и ощутила сильное желание подойти и обнять его: он уже брал на себя ответственность за них всех, даже за отца!

– Ваше Величество, Ваше Величество! – слышались крики, а затем странный звук – будто кто-то скребся в двери.

Король вскочил с прытью, которая никак не соответствовала его комплекции.

Щенки заголосили.

Двери были распахнуты одним из гвардейцев, стоящих на часах. И в комнату прыгнул... Стрема. Увидев Его Величество, кинулся к нему, сшибая все на пути бешено виляющим хвостом.

– Стрема! – воскликнула Бруни. – Стремочка, ты вернулся!

– Хорошая собака! – обрадованно возопил Колей.

– Он цел? – уточнил его практичный старший брат. – Ран, покусов нет?

Редьярд наклонился над псом, умело прошелся ладонями по его шее, бокам и крупу, попутно отгоняя щенков, которые лезли к Стреме целоваться.

Затем выпрямился.

– Цел.

У короля было очень странное выражение лица. Настолько странное, что Аркей взглянув на остальных, сказал:

– Время уже позднее, давайте расходиться.

И предложил Бруни руку.

Колей открыл было рот, но наткнувшись на взгляд брата, промолчал и подал руку Оридане.

Дрюня, оказавшийся последним, замешкался на пороге и обернулся.

Король обнимал пса за шею и перебирал пальцами его ошейник. Ошейник, кем-то умело сплетенный из сухих трав.

Большую часть пути Хан прошел по крышам, слушая встревоженные крики стражников снизу – видимо, о его побеге стало известно городским патрулям. Однако вокруг башни, куда, действительно, вел запах Лихая Торхаша Красное Лихо, зданий не было. Она казалась перстом, направленным в небо из середины огромной, почти пустой площади. Интуиция подсказывала Зохану, что ему не стоит выходить на открытое пространство, но другого пути он не видел. Поэтому спустился с крыши, сменил ипостась и направился к башне, стараясь идти, словно гуляка, который никуда не спешит.

– Вон он! Стоять! Стоять, я сказал! – закричал с другого конца площади знакомый Хану усатый охранник.

Оборотень припустил к башне со всех ног. Как там сказал офицер? Кутузка? Ладно, пусть будет кутузка, но сначала он скажет лису то, что должен!

Стрельчатая дверь в башню неожиданно распахнулась, впуская его, однако не захлопнулась. На порог вышел низкий и широкий гном, преградив путь подбежавшим стражникам.

– Почтенный мастер, мы ловим сбежавшего преступника, дай нам пройти! – прокричал усатый.

– К сожалению, ничем помочь не могу! – мирно ответил гном, не сдвинувшись ни на шаг, хотя охранник нависал над ним, как утес над рекой. – Согласно пункту А-3 «Магического кодекса»

Золотая башня не входит в юрисдикцию королевства. Соответственно, при возникновении спора о доступе в башню, решить его может только Ее Могущество Ласурский архимагистр!

Что ответил охранник, Зохан не расслышал, потому что из него будто выкачали воздух. В единый миг заболели и закровоточили все раны, заныли перетруженные мышцы. Он пошатнулся и едва не упал, если бы не чьи-то сильные руки, поддерживавшие его. Хан поднял ослепленный взгляд и увидел Красное Лихо, в косу которого были вплетены тяжелые боевые подвесы. Умеючи, такими можно было покалечить противника, например, выбить глаз или сломать челюсть.

– Что здесь происходит? – раздался звонкий женский голос. – Брут, зачем эти славные парни берут на абордаж мою башню?

Повернув голову на источник звука, Зохан разглядел невысокую хрупкую блондинку в пушистом розовом халате, таких же тапочках и с полотенцем на голове. Та кинула в его сторону ответный взгляд... Ее глаза сияли, как звезды перед рассветом, и такое ощущение силы исходило из них, что у Хана поднялись волосы на коже. Он едва удержался, чтобы не перекинуться, не выгнуть спину и не завывать от ужаса, прижав уши.

– Тихо, парень, тихо, – Красное Лихо тряхнул его, приводя в себя. – Ники...

Женщина вспорхнула на порог (гном, поклонившись, отступил в сторону) и замахала тонкой рукой на столпившихся за дверью стражников.

– Кыш, кыш отсюда, ребята! С оборотнем я разберусь сама!

– Но он... – попытался возразить усатый.

– Раз-берусь сама! – по слогам повторила женщина, вперив в него взгляд своих невозможных глаз. – Что неясно?

После чего шагнула назад. Дверь сама захлопнулась за ней. А незнакомка уже подходила к Хану, трогала холодными пальцами его щеку, подбородок, разорванное плечо... Ему показалось, или и руки ее светились в полумраке?

– Сейчас тебе станет лучше, – ласково сказала женщина и с неожиданной силой сжала его виски.

От тонких пальцев потянуло холодом, потом жаром. Хан ощутил, как в него вливаются силы – бережно, комфортно, чтобы не привести и так истощенный организм в шоковое состояние. Спустя несколько минут Зохан почувствовал, что может стоять без поддержки, и оттолкнул красноволосого. Облизнув пересохшие губы, посмотрел на него:

– Дархан Асаш просил передать тебе, Лихай Торхаш Красное Лихо, что ты был прав...

Тот, приподняв бровь, переспросил, голосом выделяя слово:

– Просил?

Хан коротко кивнул.

– Брут, приготовь парню поесть, – приказала женщина. – Идемте наверх!

– Сначала горячего молока, пожалуйста, – вежливо добавил Лихай.

Гном молча поклонился.

Зохан не помнил, как они оказались в другой комнате. Вроде бы, было ощущение полета, которое и напугало его, и привело в восторг. Сидя за огромным столом и иногда отпивая из кружки принесенное Брутом молоко, он рассказывал обо всем, произошедшем с момента его возвращения в родное стойбище. Умолчал лишь о смерти брата... Пусть никто кроме него, Зохана Рысяша, не узнает, как это случилось! Отчего-то ему казалось важным не запятнать память об Улише описанием последних дней его жизни.

– Мне нужно тебя осмотреть, парень. Лучше, если ты перекинешься! И, Ники, потом доставь нас во дворец! – приказал Лихай Торхаш, когда Хан закончил повествование.

Женщина прищурилась, похоже, не любила, когда ей приказывали. А Хан послушно сменил ипостась, подчиняясь старшему и более опытному оборотню. Пока Лихо осматривал его раны, он стоял спокойно – сила, которой с ним поделилась пугающая хозяйка башни, позволяла, по крайней мере, не изнывать от усталости.

– Оборачивайся, укусов на тебе нет! – закончив осмотр, сообщил Торхаш. – Царапины глубокие, но скоро заживут, особенно, если мэтр Жужин приложит к ним свои замечательные конечности!

Ники...

В ее глазах промелькнула то ли ненависть, то ли обожание. В следующий момент она оказалась одетой в мужской костюм – штаны, короткую черную кожаную куртку, из-под которой выглядывали белопенные кружева рубашки, и высокие ботфорты. Ни следа розовых тряпок, делавших ее похожей то ли на статуэтку богини, то ли на детскую игрушку! Зохан решил, что от всего произошедшего помутился рассудком, и когда пришла его очередь шагнуть в дырку в воздухе, за которой виднелся слабо освещенный коридор, уже ничему не удивлялся.

Гвардейцы в синих мундирах, стоящие по обе стороны от высоких дверей, не только не изумились внезапному появлению женщины и двух оборотней, но даже отдали честь и открыли перед ними дверь.

Откуда ни возьмись, выпрыгнул еще один гвардеец – молодой парнишка в форме и громко отрапортовал:

– Его Высочество Аркей...

Однако Торхаш только качнул головой, стремительно минуя комнату. И парень растерянно замолчал.

В помещении, в которое они попали, друг напротив друга стояли два стола. За правым сидел мужчина, что-то писал, иногда заглядывая в лежащие рядом бумаги. За левым расположилась темноволосая женщина. Она была молода, но почему-то, взглянув на нее, Хан вспомнил мать. Ему потребовалось несколько минут, чтобы загнать скорбь в самую глубину сердца. А когда он опомнился, темноволосая уже покинула помещение. Хозяйка башни, которая без полотенца оказалась блондинкой, молча выглядывала в окно, а владелец кабинета разглядывал Зохана внимательными темными глазами и словно чего-то ждал.

– Расскажи еще раз с самого начала, – приказал Лихо. – Это важно!

Хан заговорил. Когда закончил, мужчина, подозвав к себе молодого гвардейца, отдал несколько приказаний, а после того, как тот вихрем унесся прочь, зачем-то посмотрел в стоящее на столе зеркало и сказал:

– Отец, срочное донесение!

– Стрема вернулся! Вот радость-то! – прогудело оттуда. – Приходи.

– Передай его под опеку Веслава, – сказал хозяин кабинета Торхашу, – и возвращайся.

– Есть! – коротко ответил тот, и взглянул на Ники.

– Ну ты и нахал! – одними губами прошептала она, и в следующее мгновение Зохан, крепко удерживаемый за шкирку Красным Лихо, уже стоял на улице, перед двухэтажным каменным зданием с небольшими окнами.

А спустя еще несколько минут разглядывал крупного зеленоглазого и черноволосого парня, судя по запаху, из псовых кланов.

– Это Веслав Гроден из Черных ловцов, – представил его Лихай, – Весь, это Зохан Рысяш из Смертей-с-ветки. Его клана больше нет. Возьми парня под опеку, пока Его Высочество не решит, что с ним делать. Свонишу скажешь – я разрешил Зохану пожить здесь. А мне нужно вернуться во дворец. Ники!

И он исчез.

Хан только рукой махнул, оказывается, и от чудес устаешь, если их слишком много!

Веслав Гроден испытующе оглядел его.

– Голодный?

– Есть немного, – не стал отпираться Рысяш.

– Идем, познакомлю с ребятами. Накормим тебя и раны промоем. Заживет, как на собаке!

– На коте... – поправил Зохан.

– Короче, заживет! – хохотнул Весь. – Идем!

Изумлению Хана не было предела, когда по запахам он определил, что в казарме Военного

университета – так назвал это место Гроден – и люди, и оборотни живут под одной крышей. Но он совсем растерялся, увидев в комнате, куда его привел Веслав, еще одного оборотня и смуглого человеческого юношу.

Они ни о чем не расспрашивали новенького, будто прекрасно понимали. Сообща обработали ему раны. Сероволосый оборотень, оказавшийся с Зоханом одной комплекции, поделился с ним чистой рубахой и штанами. Его накормили ломтем хлеба с толстым куском ветчины, напоили морсом с медом. Сидя за столом с кружкой в руках, Хан молчал, ощущая, как потихоньку раскручивается внутри него та пружина, что не позволяла сдаться. Он выжил! Добежал! Предупредил! Наваливался тяжелый, без сновидений, сон, однако на сердце скреблось рысенком еще одно незаконченное дело.

– Откуда здесь, в городе, я могу увидеть Ласурскую чашу? – спросил он, решительно отставив кружку, и поднялся.

Обитатели комнаты переглянулись. Веслав отложил книгу, которую читал, и тоже встал.

– Пойдем, я покажу.

Они вышли на улицу и направились к огромному черному зданию.

– Это и есть Военный университет, в котором мы учимся, – пояснил провожатый.

Запрокинув голову, Хан разглядывал остроконечную крышу. Над Вишенрогом перемигивались холодные осенние звезды, обещая скорые морозы.

Они вошли внутрь, прошли длинными пустыми коридорами, ступили на винтовую лестницу, ведущую в башню, и поднялись на самый ее верх, на открытую площадку.

– Северо-восток там, – показал Гроден. В темноте его глаза светились не слабее, чем у самого Зохана. – Вон, пятно на горизонте, видишь? Это Ласурская чаша.

Хан посмотрел в указанном направлении. На городских стенах, один за другим, зажигались сигнальные костры: Вишенрог готовился дать отпор опасности, надвигающейся с Севера.

Оборотень перевел взгляд дальше – на пятно черноты, в котором не было видно ни единого огонька. Но он знал – в избушке ведьмы горит очаг и пахнет травами. Там тепло и безопасно. И там его ждет белокурая девушка по имени Рубина. Отныне и навсегда его кровница.

Аркей заставил отца уйти поспать глубокой ночью, пообещав, что сам не сомкнет глаз. Но даже лежа в постели, на восхитительно пахнущем чистотой свежeweыглаженном белье, король не мог уснуть. Сердце болело за Вишенрог, как за любимого ребенка, на которого кто-то собирался поднять руку.

Ровно сопел набегавшийся Стрема. Жаль, что собаки не говорят – Редьярд хотел бы услышать, где пес был и что видел. Кого он видел – Его Величество знал и так. Помнил это семичастное плетение, когда-то украшавшее гриву непокорных черных волос.

Король потер левую сторону груди и повернулся на правый бок. Воздуха не хватало, то ли от того, что окна спальни были закрыты, то ли от звуков ее имени. Эстель. Эс-тель. Эс... Тель... Весенняя капель? Звук набата? Звон осколков?..

Он хотел бы ее увидеть! Снова заглянуть в темные, как сливы, глубокие глаза, провести пальцем по губам, когда-то пухлым и ярким. А сейчас? Какие они сейчас?

Отчего-то Редьярд не помнил, как она выглядела, когда он видел ее в последний раз – в храме, во время венчания Аркея и Бруни. Не помнил, как выглядела, когда он сказал ей, что женится, и после – когда отбирал сына. В своих воспоминаниях он видел Эстель молодой и красивой, дерзкой, резкой – такой, какой он любил ее. Такой, какой он ее ненавидел – он помнить ее не желал!

Данжер...

Это название всплыло из глубин памяти. Когда он ехал в Данжер, ему казалось, у них с Эстель все будет хорошо. Несмотря на его брак, они будут продолжать встречаться, ведь они не могут друг без друга! Как он был глуп и самонадеян! Ему нужна была корона и законная жена. Ей – он и весь мир. Мир, который значил куда больше короны.

Над Вишенрогом занимался рассвет, когда король понял, почему вдруг после стольких лет вспомнил Данжер – этот городок разделил его жизнь на до и после. Разделил навсегда.

В пограничном городе, в котором каждый дом выглядел, как крепость, подготовленная к многолетней осаде, в городе, где под старинными мостами до сих пор висели клетки для оружия на случай непредвиденного нападения, а жители разговаривали так, будто выталкивать слова из ртов

им было не под силу, Его Высочеству Редьярду было до ужаса скучно. Но, увы, он обещал отцу во время смотрин вести себя прилично. А если принц что-то обещал – держал слово даже будучи пьяным в стельку. Положенная ему свита в основном состояла из вельмож в возрасте – отец перестраховывался, однако среди них было несколько молодых людей из окружения самого Рэда. Коротая долгие вечера за картами и привезенным с собой вином, молодежь ломала головы, как бы повеселиться, не нарушая приказ Его Величества.

Здесь рано ложились и рано вставали, поэтому официальные мероприятия с участием наследника и отцов города проходили в те часы, когда на родине Редьярд еще сладко дрых, видя едва ли не первый сон – ночи принц предпочитал проводить бурно, и отец никогда его в этом не упрекал. «Станешь королем – время для развлечений кончится», – говорил он, посмеиваясь в седую бороду. «А как же твои любовницы?» – удивлялся наследник. «Так это, скорее, обязанности, а не развлечения!» – хохотал король.

С огромным трудом вылезая утром из-под кипы мехов, наследный принц, тем не менее, по привычке ложился поздно.

Эта мысль пришла ему в голову, когда было объявлено о прибытии княжны Моринг в Данжер. Поскольку узаморцы приехали под вечер, официальное представление решили провести на следующее утро.

– Она не красавица, но интересная, Ваше Высочество, – сказал один из приближенных принца, разглядывая миниатюрный портрет Рейвин, врученный Редьярду главой Ласурской делегации, дабы он не опозорился на представлении, перепутав княжну с кем-нибудь из ее фрейлин.

– Это всего лишь рисунок, – фыркнул другой, – а художники, как известно, любят украшательство!

– Хочешь сказать, она страшна, как Аркаешева дочь? – уточнил наследник, начиная злиться.

Бесило все – необходимость сидеть в четырех стенах, видеть одни и те же лица, мерзнуть, ложась спать, мерзнуть, просыпаясь. Пусть Рейвин не была его невестой, но мысль о том, что она дурна собой, тоже бесила.

Приближенные переглянулись. В гневе Рэд мог и руку приложить к источнику недовольства.

– Мы хотим сказать, что рисунок никогда не передаст, каков человек на самом деле, – вывернулся один из молодых людей, самый ловкий. – А доверять можно только собственным глазам!

Гнев неожиданно ушел, как шторм, к другим горизонтам. Вместо него появилось любопытство.

– Хм... – Редьярд взъерошил молодую, еще мягкую бородку. – А это мысль! Как бы узнать, где остановилась княжна?

Обрадованные изменившимся настроением принца приближенные повскакали с мест и бросились искать необходимую информацию.

Незадолго после полуночи наследник через окно покинул свои покои, следуя за жадным до чужих монет местным слугой, который вел его к поместью, принадлежащему одному из самых знатных Данжерских семейств. Туда, где остановилась княжна со свитой.

Прокравшись во двор, Рэд укрылся за огромной елью, которой не была страшна смена времен года. С немногочисленных лиственных деревьев в этой неприветливой местности уже начинала облетать листва, а ель казалась укутанной в шубу с королевского плеча – такими пушистыми были ее ветви.

Покои княжны располагались на втором этаже. Из окон струился слабый свет, это давало надежду на то, что княжна еще не спит, и наследнику повезет увидеть ее, а не груды мехов на кровати в алькове, скрытом глубокой тенью.

Индари не обделила принца силой, поэтому он легко взобрался на средние ветви ели, оказавшиеся вровень с освещенными окнами. И едва не упал от неожиданности – Рейвин подошла к окну и застыла, глядя на низкое северное небо. Он с жадностью рассматривал лицо с правильными чертами, обрамленное темными волосами, сейчас свободно распущенными по плечам. Да, она не была яркой красавицей, каких он предпочитал, но в твердой линии маленького подбородка, в том, как она сжимала губы, таился характер, который Редьярд разглядел. А ее выражение лица напомнило ему собственное... когда он раздумывал о предстоящем браке. Не красавица, но и не дура! Своенравная лошадка. Сейчас княжна не выглядела высокомерной, но он догадывался, с каким презрением могут смотреть на чужака эти глубокие темные глаза. Темные, как омуты, в которых пропадает свет.

Лишь на миг Рейвин прижала ладони к совершенно сухим глазам и, отвернувшись, отошла от окна. На ней была ночная сорочка в пол и шаль из красной узаморской шерсти. Впрочем, глядя на то, как

двигается девушка, принц не сомневался, что с фигурой у нее все нормально.

Так и не оглянувшись на окно, Рейвин исчезла из вида. Рэд подождал, пока в комнате погаснет свет, слез с дерева и отправился к слуге, который ждал его в условленном месте. От увиденного у него осталось странное впечатление: будто не на живого человека он смотрел, а на тень. Тень чьего-то далекого прошлого.

На следующее утро княжну Моринг представили наследнику Ласурского престола. В честь этого события вечером был объявлен бал, на котором молодые люди могли потанцевать вместе, пообщаться и познакомиться поближе.

На утреннем представлении Редьярд сполна ощутил то самое северное высокомерие, о котором размышлял накануне. Княжна казалась высеченной из куска льда, слова произносила тихо и только те, чтобы были обязательны по этикету. На «жениха» не смотрела, лишь вначале кинула на него такой взгляд, что он едва устоял на ногах от плескавшейся в нем ярости. Редьярд никому не признался бы, но после этого утра он еще сильнее захотел вернуться домой. В Вишенрог, где на улицах пахло медом и печеными фруктами, где было еще тепло, а дожди не портили настроения, где с моря дул всегда свежий ветер. Где люди были не в пример доброжелательнее здешних! Наследник уже был готов сообщить главе Ласурской делегации, что девушка ему не подходит, но понимал, что тот ничего не решает. Это следовало сказать отцу, и никому больше. А значит, нужно было немного потерпеть.

На вечерний бал Его Высочество отправился, «надев» знаменитую маску всепобеждающего Ласурского радушия. Он был обязан пригласить княжну на первый (и все последующие танцы), что и сделал, ощущая себя человеком, вынужденным есть клюкву без сахара большими ложками.

Следовало признать, что танцевала она прекрасно, хотя некоторые па и показались принцу старомодными. Но грация княжны, ее плавные движения завораживали так же, как движение стального клинка в руках мастера. Они были столь же точны и неумолимы. Казалось, она не танцевала, а билась с наследником Ласурского престола за что-то, о чем он пока не подозревал. Лишь много позже Редьярд поймет, что Рейвин в тот момент переживала битву с самой собой. А тогда он начал с комплиментов, на которые она ничего не отвечала, лишь смотрела на него своими глазами, похожими на оленьи, но ни следа покорности не было в них. Когда Рэд перешел от комплиментов княжне к восхвалению Узамора, она оборвала его неожиданно грубо:

– Ваше Высочество, прекратите лгать! – сказала она. – Вы ненавидите мою страну и, вполне возможно, меня, поскольку я – или любая на моем месте! – станет той границей для вашей свободы, которую вы не сможете преступить.

Изумленный принц даже споткнулся – никто из его многочисленных фавориток во дворце или любовниц в Вишенроге и окрестностях не позволял себе так говорить с ним.

– Я не ненавижу Узамор... – растерянно сказал он и вдруг признался: – Скорее – ситуацию!

Княжна внимательно взглянула на него. В ее голосе сквозила печаль, когда она сказала:

– Мы оба – заложники...

– Я рад, что вы это понимаете! – хмыкнул принц.

– Но я сделаю все ради Узамора – негромко добавила она, однако в ее голосе было столько силы, что Редьярду стало не по себе.

– А вы могли бы сказать подобное о Ласурии, княжна? – спросил он, пытаясь за насмешкой скрыть замешательство.

Он полагал, что на вопрос она не ответит, как истинная дочь Севера, не признающая Юг.

В ее глазах промелькнуло нечто, что принц не успел понять, но отчего его сердце заныло, как от потери. Надо бежать прочь от этой странной девушки, вызывающей в нем такие противоречивые чувства! Она слишком сложна для него! И тут она посмотрела ему прямо в глаза и твердо произнесла:

– Да, Ваше Высочество! Я могу сказать то же о Ласурии!

В ее взгляде не было ни лжи, ни лести. Она смотрела на наследного принца одной из самой больших Тикрейских стран как равная. Этот взгляд засел в его памяти, как игла...

Ласурская делегация отбывала из Данжера первой. Его Высочество источал улыбки направо и налево, а сам поглядывал на застоявшихся лошадей кортежа, ощущая себя таким же жеребцом – замерзшим и жаждущим движения. Ноги его больше не будет в Данжере, в частности, и в Узаморе,

вообще! Пропади пропадом это княжество, где женщины кажутся молчаливыми рабынями, но стоит им сказать одну фразу, и ты понимаешь, кто тут главный, где в жилых покоях не топят, чтобы не спугнуть холод, а звериных шкур гораздо больше, чем где бы то ни было.

На прощание принц и княжна не сказали друг другу ни слова. Он холодно поцеловал ей руку. Она кивнула коротко и равнодушно. Если между ними и был момент откровения, он прошел, навсегда оставшись в прошлом. Глядя на них, стоящих рядом, – на высокого статного светловолосого Редьярда и маленькую хрупкую княжну, – все понимали, что более неподходящих друг другу людей не найти на всем Тикрее.

Едва карета тронулась, наследник вздохнул с облегчением. Внутри было тепло, даже жарко – топились дорожная печь, и Редьярда резко потянуло в сон. Как будто он не спал все то время, что провел в Данжере. Он плотнее закутался в меховой плащ, откинул голову на настенную подушку, прикрыл веки и блаженно улыбнулся. Домой! Он едет домой!

На столе, стоящем в отцовском кабинете, были выложены миниатюры с изображениями претенденток. Мрачный, как туча, Редьярд, старательно воротил от них лицо, ибо пробил час выбора.

– Я объясню тебе еще раз, остопоп, – сказал Его Величество голосом, в котором гнев был тщательно заглушён заботой. – Я не вечен и срока своего не знаю, но я хочу уйти к Пресветлой под смех внука – твоего наследника. Наследника Ласурского престола! Если бы у гаракенцев была подходящая для тебя принцесса, я бы и спрашивать не стал – такой брак выгоден Ласурии, а значит, выгоден и тебе! Но в их роду в последнее время рождаются только мальчишки. Гномы никогда не позволят дочери своего народа выйти замуж за человека. С Креем связываться – себе дороже. Именно поэтому мы обратили взор внутрь страны, а не за ее пределы. И сейчас я хочу услышать о твоём выборе.

Редьярд сморщился, как будто съел червивое яблоко.

– Но я...

– И ты его уже сделал! – с нажимом сказал Его Величество. – Просто ткни пальцем в картинку, все остальное – моя забота.

«Ни хрена я не выбрал!» – хотелось заорать принцу, но отец был единственным в замке, на кого он не позволял себе повышать голос.

– Давай! – приказал король.

Редьярд разглядывал лежащие перед ним миниатюры, как в первый раз, хотя с каждой из претенденток он встретился лично в рамках своего путешествия по Ласурии. Он каждой наговорил комплиментов или хотя бы сказал несколько слов, каждую мысленно раздел и завалил, кого на кровать, кого на стол, а кого и прямо на пол... Но все они, дочери самых древних и знатных родов Ласурии, в его памяти смешались в единый образ... Закололо сердце горячей иглой... Заглянули прямо в душу бархатные оленьи глаза...

«А вы могли бы сказать подобное о Ласурии, княжна?»

«Да, Ваше Высочество!»

Принц взял в руки миниатюру с изображением Рейвин и протянул отцу.

– Эта.

– Почему она? – уточнил король. Въедливость была в крови у всех Ласурингов.

– Она похожа на королеву... – буркнул Редьярд. – Я могу идти?

– Иди, – милостиво кивнул отец. Было видно, что выбором он доволен. – О лучшем я не мог и мечтать, сын!

Посмотрев на него, наследник Ласурского престола длинно и витиевато высказался о сыновьем послушании, миссии наследного принца, претендентках на роль его невесты, Морингах и Узаморе. И выскочил из кабинета, хлопнув дверью.

Какое-то время Его Величество пристально разглядывал миниатюру, потом положил ее на стол и пробормотал:

– Ты прав, сын. Она похожа на королеву!

Этим утром ворота Вишенрога остались закрытыми. Снаружи столпились крестьяне,

намеревавшиеся доставить продукты на столичные рынки. Подводы запрудили дороги, мешая продвижению всадников в военной форме, которые гнали коней галопом, и выглядели чрезвычайно озабоченными – их единственных пускали за городские стены и выпускали обратно. Офицеры караулов со стен грозно призывали людей разойтись. Но они не слушали до тех пор, пока караульные не пообещали вызвать на подмогу гвардейцев.

Толпа разошлась, покричав напоследок:

– Да вы хоть объясните, что происходит?

– Когда ворота откроют?

– Безобразия! Куда смотрит король?

– Пропадет товар-то, пропадет!

Между тем к столице начали стягиваться армейские части, стоящие лагерем неподалеку.

Встревоженные горожане делились друг с другом версиями, и каждая была чуднее другой. Однако скоро слухи были опровергнуты: на всех площадях королевские герольды напомнили о необходимости время от времени вспоминать о возможной войне с Креем и объявили о проводимых в связи с этим в окрестностях Вишенрога широкомасштабных армейских учениях. На улицах города появились патрули магистратских стражников и одного-двух королевских гвардейцев. Они убеждали горожан расходиться по домам, стучались в магазины и лавки, требуя их закрыть. Выражения лиц военных к препирательствам не располагали.

Площадь Святого Умника Базилия была непривычно пуста, когда на нее выехал скромный свадебный кортеж, состоящий из нескольких карет, в сопровождении конного отряда синих мундиров. Когда кареты подъехали ближе, со ступеней одноименного храма поднялся наряженный Пип Селескин, в окружении близких друзей. Казалось, он до последнего сомневался в том, приедет ли невеста.

Редкие прохожие начали подтягиваться к Храму. Свадьбы в Вишенроге любили.

Храм, расположенный в Сакральном квартале, светлый, украшенный изящными барельефами, был тем самым, в котором венчались Ванилла и Дрюня. Его выбрали по нескольким причинам. Во-первых, Туссиана Сузон не имела к кварталу Мастеровых никакого отношения, во-вторых, храм располагался неподалеку от дома новобрачных и, в-третьих, отсюда был виден дворец – случись что, Ее Высочество Брунгильду охрана вмиг доставила бы под защиту замковых стен. Кроме того, накануне вечером решено было обойтись без традиционного одаривания подруг невесты и последующей прогулки свадебного кортежа по городским улицам с угощением для толпы. Немалую роль в этом сыграл принц Аркей, напомнивший мастеру Пипу, что данною ему властью может вообще не отпустить Бруни на свадьбу, ежели его требования не будут выполнены. Селескина Его Высочество вызвал к себе на рассвете, не поставив в известность супругу. Повар выслушал его и ответил: «Я ж все понимаю, Ваше Высочество, не маленький! Подарки можно и потом подарить, верно?»

Аркей облегченно вздохнул. Он еще ни разу не вступал в конфликт с родственниками жены и этого совсем не хотел. Честно говоря, принц с удовольствием вступил бы в конфликт с самой Бруни, чтобы запретить ей вообще покидать дворец, но... не решился. «Пип мне как отец!» – как-то сказала она, и Арк знал, что это действительно так. Толстяк был ей и помощником, и другом, и просто близким душевным человеком.

Целуя жену на прощанье этим утром, Его Высочество знал, что поступает верно, хотя на сердце плитой лежала тревога.

Дверцы карет распахнулись одновременно. На улицу высыпались, будто разноцветные леденцы из коробок, дамы в ярких платьях.

Редкая толпа встретила их аплодисментами и поздравлениями.

– Я себя ощущаю арестанткой! – воскликнула Персиана, цепляясь за руку мужа и косясь на гвардейцев, которые тоже спешили.

Их собственных детей и Лягушонка Людвина сообща решили оставить дома, под присмотром подруги Перси, поскольку новость об учениях достигла и квартала Мастеровых.

– Не ты одна, – буркнула Ванилла, подавая руку Дрюне.

Шут, кажется впервые на памяти Бруни, был одет прилично – из яркого на нем был лишь бирюзовый шейный платок, в цвет платья жены, и такие же туфли.

– В городе такая неприятная тишина... – пробормотала сидящая в другой карете Туссиана Сузон, одетая в изящное серо-жемчужное платье невесты, расшитое серебряной вышивкой. – Так и кажется, что Индари не одобряет наш с Пипом брак!

– Это обычные переживания новобрачной, госпожа Сузон, поверьте, Пресветлая вовсе не против, – добродушно усмехнулся Григо Хризопраз, толкнул дверцу и первым выпрыгнул наружу.

– Ах, если бы это было так... – пробормотала Туссиана, выглядывая из кареты.

К ней, широко улыбаясь, шел мастер Пип, поминутно вытирая пот со лба. Вид у него был такой, будто он только что побывал у домны.

– Ваше Высочество! – позвал снаружи секретарь.

Бруни, сидевшая рядом с невестой, молчала, хотя на Туссиану поглядывала с искренним сочувствием. Поправив порталный перстень, который недавно растягивал королевский ювелир, да видно растянул слишком сильно – тот так и норовил соскочить с пальца, принцесса подала руку Григо. Как назло, сегодня она чувствовала себя особенно нехорошо. Ночью не выпалась – было тяжело дышать, тянуло ноги и поясницу, все время хотелось в туалет. Кроме того, Арк так и не пришел в спальню, чего еще ни разу за время супружеской жизни не случилось, из чего Бруни сделала вывод, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Утром принц зашел в башню, взял с жены клятвенное обещание, что она будет осторожна, и быстро ушел. Выражение его лица ей не понравилось. Впрочем, когда она увидела свой эскорт – половину полка Аркея под руководством его заместителя, подполковника Форша рю Фринна, она поняла если не все, то многое, и на ее самочувствии это, естественно, тоже отразилось. «Будет совсем плохо, Ваше Высочество, сразу говорите, – предупредил ее Григо, когда они покидали дворец – а, впрочем, можете не говорить. Я и сам узнаю!»

– Моя дорогая! – воскликнул Пип, беря руки Туссианы в свои.

Госпожа Сузон, взглянув в его полное искреннего волнения лицо, судорожно всхлипнула и на миг прижалась виском к его плечу.

– Вот увидите, все будет хорошо! – им в спину сказал Григо и повернулся к Бруни. – Идем в храм.

– Сразу? – громко изумилась подошедшая Персиана, а Марх нахмурил густые брови. – А танцы? Угощение?

– Еще как сразу! – гроыхнул бесшумно подкравшийся подполковник рю Фринн. – У нас приказ – провести церемонию максимально быстро и по-военному четко. И сразу возвращаться во дворец!

– Это не свадьба, а какое-то недоразумение... – недовольно проворчал Дрюня, но замолк, едва подполковник бросил на него грозный взгляд.

На верхней ступени храма уже стоял священнослужитель, по обеим сторонам которого застыли два гвардейца в синих мундирах. Выглядел святой отец испуганным, однако при приближении новобрачных постарался мило улыбнуться.

Несколько гвардейцев скрылись внутри. Как потом выяснилось, они освободили первые две скамьи для прихожан, попросив посетителей пересечь подальше, и выставили караул по внутреннему периметру храма.

Пип с силой сжал пальцы Туссианы, выпустил ее ладонь, и, поднявшись по ступеням, скрылся в храме.

– Введите деву в храм! – согласно традиции, провозгласил священник.

Поскольку у невесты не было ни отца, ни брата, ни другого родственника мужского пола, которые могли бы ввести ее в храм через высокий порог, символизирующий рубеж между земным и возвышенным, чтобы передать жениху, священнослужитель спустился сам и подал Туссиане руку.

Бруни, держась за поясницу и с ужасом глядя на лестницу простонала:

– Ох, я не поднимусь!

– Не бойсь, Твое Высочество, мы тебя подтолкнем, – впервые с самого утра улыбнулась Ванилла. – Давай, раз-два-три...

– Обопритесь на меня, – шепнул принцессе на ухо Хризопраз. – Не стесняйтесь, поверьте, я гораздо сильнее любого знакомого вам мужчины, и с вашим весом как-нибудь справлюсь.

– Вы чудовищно любезны, Григо, – пропыхтела она, заставляя себя идти вверх.

Поясницу пронзило болью. Тупой, но очень сильной. Бруни замешкалась, однако заметила пристальный взгляд рю Фринна и заставила себя двигаться дальше.

За порогом священник передал невесту жениху, и повел пару к алтарю. В полупустом храме шаги и шепотки звучали раскатами грома, и поневоле все: горожане, которые зашли помолиться, служки, моющие полы, и даже неугомонные Перси с Ванилькой, которые перешептывались и хихикали, как школьницы на задней парте, затихли. Официальные приглашенные чинно уселись на вторую скамью. На первую Григо посадил Бруни.

Тишина упала, будто перед грозой. Принцесса зябко повела плечами и оглянулась на дверь под охраной тех гвардейцев, что первыми вошли в храм. При взгляде на высоких и статных, как на подбор, мужчин в военной форме ей должно было быть не так страшно, но отчего-то было. Ощущение близкой беды коснулось черным крылом, да так, что Бруни захотелось повернуть порталный перстень, чтобы в тот же миг оказаться рядом с мужем.

Священник у алтаря начал молитву – обращение к Индари. Хризопраз, который сел с краю, нетерпеливо повел плечами и покосился на принцессу. Ей показалось, или в полумраке его глаза вспыхнули, как уголья?

У дверей произошло какое-то движение. Повернув голову, Бруни увидела гвардейца, быстро идущего к рю Фринну. Он прошептал что-то ему на ухо, и подполковник зычно произнес, обращаясь к священнику:

– Святой отец, приступайте к самому основному!

– Но... – растерялся тот.

– Это приказ! – отчеканил рю Фринн таким голосом, что священнослужителю ничего не оставалось делать, как перейти к положенным церемонией вопросам.

Бруни заметила, что Пип и Туссиана крепко держатся за руки. В это странное мгновение, мгновение перед бурей, стоя пред ликом Индари, они словно ощутили, что их судьба – быть вместе, что бы ни случилось! А потом принцесса услышала вой... Он захлебнулся воплем, полным боли, а затем вдруг воскрес из секунды тишины, и умножился. К нему прибавились людские крики.

– Они внутри городских стен! – взревел подполковник. – Все внутрь, забаррикадировать двери!

Испуганный священник замолк.

Выражение лица рю Фринна тут же сменилось на крайне любезное. Он повернулся к священнику:

– А вы продолжайте, Святой отец! Эти двое должны обвенчаться сегодня, иначе Ее Высочество сильно расстроится, а ей это вредно.

И он с обожанием взглянул на Бруни.

Принцесса нашла в себе силы улыбнуться.

Священник задавал вопросы с такой скоростью, что новобрачные едва успевали на них отвечать. Его искаженное страхом лицо было бледно-зеленого цвета.

Неожиданно Григо с силой вздернул Бруни со скамьи и толкнул к ближайшей колонне, поддерживающей храмовый свод. Почти в то же мгновение со всех сторон раздался оглушительный грохот, запахло горячим металлом и зазвенели разбитые витражи. В помещение запрыгнули несколько огромных зверей: медведь, два волка и тигр.

Присутствующие разразились криками ужаса. Гвардейцы образовали кольцо вокруг сбившихся в центре зала гражданских.

Туссиана вскрикнула и попыталась вырвать руку из цепких пальцев Пипа, но не тут-то было. Он дернул ее, как маленькую, и зарычал не хуже, чем ворвавшиеся в храм оборотни:

– Туся, стоять! Я не для того тебя так долго ждал, чтобы уйти от алтаря без жены!

Несчастный священник прыгающими губами объявил их мужем и женой.

А затем Бруни потеряла новобрачных из виду, потому что все происходящее слилось в ужасающий калейдоскоп, из которого ее выдернул голос Григо, раздавшийся у самого уха:

– Я сейчас возьму вас на руки и понесу, не пугайтесь, будет темно и страшно...

– Не пугаться? – дрожащим голосом переспросила принцесса.

Она невольно пыталась прикрыть ладонями огромный живот, а сердце ныло от страха за еще не рожденного ребенка. словно ответом на страх вернулась боль. Полоснула по низу живота, по ногам...

- Но мои близкие... - простонала Бруни.

- За них не беспокойтесь - гвардейцы их защитят!

- Тогда почему они не смогут защитить меня? - возмутилась принцесса.

- Закройте глаза, Ваше Высочество! - прошептал секретарь.

Она почувствовала, как ее ноги отрываются от земли. От стоящего вокруг непонятного грохота, воя и рычания со слухом творилось что-то не то, поэтому она не была уверена в том, что Григо произнес: «Потому что вы - будущее Тикрея...».

Хан проснулся, будто от толчка. Несколько мгновений лежал, глядя в беленый потолок, не понимая, где находится. И хотя обоняние уже рассказало ему об окружающем, разум категорически отказывался поверить в то, что Зохан Рысяш, рыжий юнец, последний из клана Смерть-с-ветки, добрался до Вишенрога живым и невредимым.

- Не нравится мне все это, - услышал он голос того парня, что вчера показывал ему Ласурскую чашу, Веслава. - С чего это занятия отменили? Мне даже запретили на свадьбу к дядюшке Пипу сегодня идти!

- И завтрак запаздывает... - тяжело вздохнул его друг, Рахен.

- Тебе бы только жрать! - хмыкнул их третий товарищ, имени которого Хан не запомнил - черноволосый человеческий юноша.

Хан повернул голову.

Черноволосый стоял у распахнутого окна и выглядывал наружу.

- Пусто как... - заметил он и обернулся. - Знаешь, Весь, мне это тоже не нравится.

- У меня шерсть вдоль хребта дыбится, - ответил тот. - Прямо чувствую какую-то пакость!

В голове у Хана что-то щелкнуло, и все, наконец, встало на свои места.

- Бешеные, - сказал он и сел. - Бешеные идут на Вишенрог. Наверное, уже близко.

Остальные уставились на него.

- Расскажешь? - осторожно спросил Веслав.

Хан почесал за ухом, посмотрел на Рахена, от которого пахло волчарой, и пробормотал:

- Ты прав, серый, жрать хочется!

- Терпи теперь, кошка, - добродушно усмехнулся тот в ответ, - у нас приказ коменданта - жилые комнаты не покидать. А это значит, что до столовой нам не добаться.

- Жаль, - вздохнул Хан.

Взгляды парней сверлили его так, что он ощущал их физически. Поэтому встал, потянулся и подошел к окну, от которого отошел черноволосый. И не оглядываясь, заговорил. Он рассказал то же, что и Лихо, и принцу Аркею. Но почему-то в те разы на душе было невыносимо тяжело, а в этот она словно капля за каплей, воспоминание за воспоминанием, освобождалась от груза. То ли дело было в понимании, которое он увидел вчера в глазах сверстников-оборотней. Не просто в понимании - в общности с теми, кто тоже терял близких, терял жестоко и страшно. То ли сон придал мыслям окончательную ясность: приказ Дархана Асаша он выполнил, Рубина в безопасности, а это значит, что у Хана развязаны руки для... мести. Как ни силен был его обезумевший брат - он, Хан, с ним справился! Значит, справится и с другими, заберет с собой хотя бы нескольких!

В полной тишине, наступившей после его рассказа, Хан дернул створку закрытого черноволосым окна, как вдруг дверь тихо скрипнула, и в помещении появился еще один человек - запах рассказал о нем, прежде чем Рысяш обернулся.

Крупный светловолосый парень проскользнул в комнату, держа в руках мешок, из которого призывно пахло хлебом, сыром и ветчиной.

- Лови, - он бросил мешок Веславу. - Небось, слюнями истекаете, лохматые, с самого утра?

- Рю Кравиц, это что - жалость к нам, горемычным? - картинно заломил бровь Рахен.

- Пусть будет жалость, - хмыкнул Веслав и полез в мешок. - Сандр, неужто сам добыл?

- Пришлось, - хохотнул парень и для наглядности похлопал себя по брюху. После чего взглянул на Хана. - А это кто такой? Гражданский?

Веслав переглянулся с друзьями, а затем тоже посмотрел на Хана. Тот пожал плечами - какая теперь разница, кто и что узнает о нем?

- К Вишенрогу идут бешеные оборотни, - коротко ответил Веслав Сандру. - Его клана больше нет.

Светловолосый присвистнул.

- Так вот почему объявили широкомасштабные учения сегодня утром! - протянул он. - И по этой же причине нас заперли.

Рахен поморщился.

Хан рванул оконную створку. В лицо ударил холодный ветер, принесся знакомый сладковатый аромат, от которого скручивало внутренности.

- Они в городе, - пробормотал он и вспрыгнул на подоконник, но тяжелая рука придержала его.

- Ты куда собрался? - спросил Веслав.

Хан оскалился, однако вовремя взял себя в руки, лишь дернул плечом. Парни не виноваты в том, что ему довелось пережить.

- Отсиживаться не буду! - бросил он. - Хочу видеть их кровь.

- Не боишься заразиться? - впервые обратился к нему смуглый юноша с внимательным взглядом. - Нужен только один укус, я правильно понимаю?

Хан вспомнил искру разума в глазах главы клана, когда тот полоснул себя ножом по горлу. Этот самый нож сейчас висел у него на поясе, и он сможет сделать то же самое, если другого выхода не останется. Но сначала заберет несколько ИХ жизней!

Рысяш слез с подоконника, откинул полу куртки, показывая нож в ножнах и упрямо повторил:

- Отсиживаться не буду!

- Я, пожалуй, с ним пойду, - Рахен поднялся с кровати, на которой сидел, взял с кровати Веслава мешок с припасами и перенес на стоящий в комнате стол. - Вот только предлагаю вначале перекусить. Хан, ты как?

- Собираешься нарушить приказ, серый? - прищурился Сандр и тоже подошел к столу. - Последствий не боишься?

Веслав, наконец, убрал руку, позволяя Хану двинуться. Ветчина пахла очень соблазнительно. «На охоту следует уходить полуголодным, - так учил их Асаш. - Тогда и силы для погони будут, и азарт никуда не денется».

- Не боюсь, - Рахен любовно клал на кусок хлеба несколько кусков ветчины и сыра. - Родина в опасности! От нас пользы на улице больше, чем под замком.

- Это если тебя не укусят, - заметил черноволосый.

- Меня, Карс? - Рахен вздернул верхнюю губу. - Меня не укусят! А вот он, - оборотень кивнул на Хана, - если один пойдет - пропадет. А он пойдет!

- Пойду, - кивнул Хан и тоже полез в мешок.

- Никто никуда не пойдет, - качнул головой Веслав. - Вы спятили, что ли? У нас приказ, и мы обязаны его выполнять!

- А я за! - вдруг улыбнулся Сандр. - Все лучше, чем как куры на насесте сидеть. Парень, как тебя зовут? Возьмешь с собой?

- Хан. Возьму, - коротко ответил Рысяш, поскольку торопливо заталкивал в себя еду.

- Эй, прекращайте шутить! - воскликнул Веслав.

Карс взглянул на него.

- Весь, они не шутят! Они на самом деле собрались сбежать.

- Я против! - Веслав упрямо наклонил голову, становясь похожим на разъяренного бычка, и шагнул к окну. - У нас приказ!

- Донесешь на нас? - глаза Рахена азартно блеснули. - Или с нами подерешься?

- Только этого не хватало... - вздохнул Карс.

Хан торопливо проглотил бутерброд и шагнул к Веславу.

- Тебе меня не остановить, волк, хотя с виду ты и грозен. Встанешь на пути - окажешься там же, где те бешеные, до которых я сегодня дотянусь! И у меня приказа нет. Он есть у вас. А мне терять нечего.

- Я не хочу драки, - сердито заметил Веслав. - Ни с тобой, ни с парнями. Но то, что ты собираешься сделать - самоубийство!

- Моя жизнь - я сам решаю, что с ней делать, - пожал плечами Хан.

- Приказ - приказом, а моя жизнь принадлежит только мне, - хмыкнул рю Кравиц и встал рядом с Ханом. - Ох, и выдерут нас потом!

- Могут и исключить, - заметил Карс.

- Героев не исключают! - хохотнул Рахен и встал с другой стороны от Хана. - Парень идет мстить за свой клан, понимаешь, Весь? Он идет делать то, что в свое время не сделали мы с тобой, потому что были слишком малы. Арристо свидетель - это наш шанс искупить вину!

- Весь, это опасно, - негромко сказал черноволосый.

- Пресвятые тапочки, Карс, если бы я не был знаком с тобой, решил бы, что ты трусил, - усмехнулся Сандр.

На щеках Карса заиграл румянец.

- Я не боюсь, я пытаюсь слушать голос разума! - воскликнул он. - Надеюсь, что и Веслав его послушает!

Сладковатый запах усиливался. Странно, что остальные оборотни его не ощущали. Бешеные были где-то в городе, и у Хана кровь начинала кипеть, когда он представлял, как будет перерезать им глотки. Разговоры, разговоры... Почему люди так любят их, когда можно просто действовать?

Не дожидаясь ответа Веслава, Хан развернулся и легко выпрыгнул в открытое окно. Рахен молниеносно выскочил за ним. Сандр крикнул, но тоже полез на подоконник.

- Сандр! - воскликнул Весь.

Крепыш обернулся. На его лице играла совершенно авантюрная усмешка, делавшая его не похожим на себя самого.

- Один раз живем, лохматый! - сообщил он и спрыгнул на узкий карниз, проходящий под окном, а с него - вбок, к водосточной трубе.

- Психи, - констатировал Карс, глядя на Гродена. - Что будем делать?

Веслав тяжело вздохнул. Правильных вариантов было несколько, но они его не устраивали.

- Ты и сам знаешь, Карс, - буркнул он и направился к окну. - Идешь?

- Думаешь приволочь их обратно за шкуру? - хмыкнул тот. - Иду, куда ж я от вас, дураков клыкастых, денусь!

Сказать, что они были растеряны, значило не сказать ничего.

- Каменные ядры, а где дорога-то? - воскликнула Торусилья.

Отважная рубака стояла в чистом поле, по пояс в снегу, и усиленно чесала в затылке. Рядом с ней застряла в снежных торосах накренившаяся карета.

– Вот это я понимаю, метель, – из открывшей дверцы прыгнул Грой Вирош и тут же провалился в снег. – Хорошо хоть, мы догадались лошадей привязать, а сами внутрь влезть, а то сейчас искали бы друг друга под снегом по запаху!

– Кони-то целы? – раздался голос Яго.

Грой перевел взгляд на нервно фыркающих лошадей, запутавшихся в упряжи.

– Целы, – ответил он, – такое ощущение, что ветер тащил их вместе с каретой.

– Я слышал об осенних бурях в Узаморе, но видеть не доводилось, – фыркнул Дикрай, вылезая наружу. – Зато какой воздух, а? Давайте мы с Тари сгоняем на разведку?

– Подожди ты со своей разведкой, – Яго шагнул из кареты и протянул руки, чтобы снять Вителью с подножки. – Давайте сначала попробуем понять, далеко ли нас унесло от тракта? Вита, сможешь определить, где мы?

Волшебница кивнула и огляделась. Метель, налетевшая внезапно, еще клубилась позади, скрывая горизонт. А вокруг расстилалось белое поле, ровное, как стол. Ни дерева, ни кустика. Лишь вдали виднелся какой-то холм.

Вителья закрыла глаза, чтобы белый не так слепил и не мешал сосредоточиться, и попыталась найти линии Силы, по которым можно было бы определить местонахождение. Шли минуты, а она ничего не чувствовала.

– Я не понимаю... – пробормотала она.

Тряхнув головой, решительно пошла вперед, с трудом переставляя ноги, вязнущие в глубоком снегу.

В этом месте не осталось никакой Силы, никакой магии. Словно прореха в ткани бытия, словно бельмо на глазу – оно было тем кошмаром, который каждый маг мечтал никогда не встретить на своем пути. Мертвая пустошь...

– Вита, что не так? – окликнул ее Яго, всегда тонко чувствовавший ее настроение.

Дробуш на всякий случай подошел поближе.

Волшебница обернулась, взгляд был растерянным.

– Со мной впервые такое! Я не могу определить, где мы.

– Но почему? – удивленно воскликнул выглянувший из кареты Альперт.

– Не могу, и все! – возмутилась Вителья. – Если хочешь, попробуй сам!

– Ну-у, если нужно, – пробормотал маг и с опаской спустился с подножки.

– Давай, Аль, не подведи! – подбодрила его Руфусилья.

Старшая рубака все это время стояла с другой стороны кареты и, прикрыв глаза козырьком, смотрела вдаль.

Спустя некоторое время Альперт помотал головой, будто отгоняя наваждение.

– Вита права. Здесь нет линий Силы, а значит, не к чему сделать привязку на местности. Надо же, читал о такой редкости, но встречать не доводилось!

– То есть, мы заблудились? – констатировал Грой.

– Похоже на то, – кивнула Торусилья. – Вот если бы сверху посмотреть...

– Холм? – в один голос сказали Дикрай и Тариша, указывая на возвышение неподалеку.

– Есть кое-что получше, взгляните-ка туда... – позвала их Руф.

И гномелла указала в ту сторону, куда ушла метель.

Горизонт закрывала гора. Не холм, не скала, а самая настоящая гора, с каменистыми склонами, с вершиной, убеленной снежными сединами.

– День пути, – прикинул на глаз Ягорай. – Кони по такому рыхлому снегу карету не проволокут, хоть она и на полозьях. Если только верхом.

- Значит, верхом, - пожала плечами Тори и принялась распутывать лошадей.

- Подожди, уважаемая рубака, - придержал ее Грой. - День к закату пошел, скоро стемнеет. Давайте сегодня здесь заночуем, а кони пусть отдохнут - они вон до сих пор неровно дышат. Дробуш, ты молодец, что успел привязать их! Я такой кутерьмы в жизни не видел!

- Меня не сдувало, - важно пояснил тот.

- Не могло нас далеко от тракта утащить, - произнесла Руф, возвращаясь к карете. - Авось с горы увидим, что и где?

Ночь прошла спокойно. Накормленные и напоенные кони отдохнули и резво несли всадников по белому полю. Вителья, ехавшая за спиной Яго, все время пыталась «прощупать» пространство, чтобы найти линии Силы, но их не было. Казалось, вся энергия этого странного места растворилась в Вечности, оставив после себя простую картинку реальности, даже не черно-белую, а просто - белую. Волшебница оглянулась на Альперта, который сидел позади Руфусильи. Маг сосредоточенно хмурил брови, словно вспоминал что-то. Вита догадывалась, о чем он размышляет, и надеялась, что он придет к определенным выводам. Учась в университете, она читала много книг, не имеющих отношения к ее основным курсам. Но Альперт Попус явно читал больше!

До горы добрались под вечер и встали на ночевку. Ушедшие на охоту оборотни притащили снежных куропаток, выловленных в зарослях кустарника, растущего в отрогах.

- Подъем крутой, но в одном месте между камнями можно пройти, - сообщил, сменив испостась, Грой. - Предлагаю завтра с утра оставить кого-нибудь в лагере с лошадьми, а остальным подняться.

- Я могу остаться, - предложила Руфусилья, споро ошипывая попавшую к ней в руки птицу. - Я под горой лазить люблю, а не на гору.

- Я тоже останусь, если не возражаете, - подал голос Альперт.

- А ты почему? - тут же прицепилась к нему неугомонная Тори.

На его щеках заиграл румянец, однако маг старательно «держал лицо»:

- Потому что я боюсь высоты, уважаемая Тори, - с достоинством ответил он и поклонился.

Торусилья, сдерживая улыбку, поклонилась в ответ.

- А можно мы с Тари вокруг побегаем? - просительно протянул Дикрай. - Лапы разомнем, может, и на тракт наткнемся?

Яго и Грой переглянулись.

- Да пусть идут, любовью ушибленные, - проворчала Руф.

Тариша бросила на нее разъяренный взгляд, но увидела добродушную ухмылку гномеллы, и промолчала.

- Так и поступим, - констатировал Яго. - А сейчас ужинать и спать.

Засыпая, Вителья смотрела на звезды, которые здесь, на севере, висели целыми гроздьями, будто налитые соком южные ягоды. Звезды сонно перемаргивались, навевая ощущение покоя. Но волшебница знала, что оно обманчиво.

Принцесса очнулась в темноте. Где-то капала вода, пахло сырой землей - запах вызвал не самые приятные ассоциации. А еще что-то поскрипывало. Тихонько и мерзко. От паники Бруни спасла крепкая рука Григо, сжавшая ее пальцы.

- Где мы? - прошептала она. - Что это за звук?

- В склепе, в окружении крыс, - охотно ответил секретарь. Словно не было ворвавшихся в храм оборотней и последующей суматохи. - Здесь нас не найдут.

Принцесса пошевелилась и поняла, что полулежит, привалившись спиной к какому-то выступу. Живот снова прихватило. И еще раз. И еще.

- Григо... - прошептала она и вновь ощутила ласковое пожатие пальцев.

- Роды начались, я знаю, - спокойно ответил Хризопраз. - Нам нужно немного переждать, чтобы выбраться отсюда.

- Но они нас учуют! - забеспокоилась Бруни и отдернула ногу - ее что-то коснулось.

- Я нес вас на руках, а мой запах им не почуять, - все также спокойно пояснил секретарь.

Однако волнение и страх за еще не родившегося ребенка одолевали принцессу все сильнее. Мерзкий скрип крыс действовал на нервы.

- Мне надо к Арку! - воскликнула она и попыталась нащупать порталный перстень.

Его не было.

- Он соскочил с вашей руки, когда я тащил вас со скамьи, - признался Григо, - к сожалению, возможность вернуться за ним мне не представилась.

Бруни несколько раз глубоко вздохнула, подавляя панику, и села ровнее.

- Так, - твердо сказала она, - сейчас же говорите мне, чего я не знаю, но что знаете вы!

- Хорошо, - тоже вздохнул Хризопраз. - Вчера вечером стало известно, что бешеные идут на Вишенрог. Поскольку Его Высочество под предлогом учений предусмотрительно стянул к столице войска, угроза извне будет предотвращена в течение нескольких часов. Однако никто не мог предположить, что многие из бешеных проникли в город ранее! Из чего следует, что опасность может грозить нам из-за каждого угла.

- Вам нужно вернуться за перстнем, - предложила принцесса, - а я подожду здесь... - Она замолчала, глядя широко раскрытыми глазами в темноту, а потом поспешно добавила: - Нет, я пойду с вами!

- Нас будут ждать, - качнул головой Григо, - рисковать вашей жизнью я не могу. Сейчас вы отдохнете, и мы продолжим путь. Храмовое подземелье соединено с системой городской канализации. Это самое ароматное место в Вишенроге, если не считать Улицы Кожевников, но оно скроет от оборотней ваш запах. Конечно, рано или поздно нам придется выбраться наружу, однако это будет уже у самого дворца.

- Откуда вы столько знаете о Вишенроге? - удивилась Бруни.

Хризопраз засмеялся.

- Я слишком давно живу в этом городе, Ваше Высочество.

Потянулись долгие минуты. Бруни боролась с регулярно возвращающейся болью и судорогами, и вспоминала все, что рассказывала о родах Ванилька. Тишина, заполняемая лишь звуками капающей где-то воды и скрипом крыс, давила на уши.

- Григо, - спросила принцесса, чтобы разбить ее. - А что это грохотало так страшно, там, в храме?

- Полагаю, это малопушки, которыми Его Высочество Аркей вооружил вашу охрану.

- Ма... Малопушки? - изумилась Бруни. - Но король запретил их использовать!

- А принц решил не рисковать жизнями своих подчиненных, - хмыкнул Григо, и непонятно, чего было в его голосе одобрения или наоборот.

- Так вот почему вы были так уверены, что с остальными ничего не случится! - воскликнула принцесса. - Но почему не со мной?

Секретарь молчал.

Боль вернулась. От неожиданности Бруни вскрикнула и поспешно зажала ладонями рот.

Григо шевельнулся, словно плечами пожал.

- Ваша жизнь слишком ценна, чтобы допустить хотя бы маленький риск. Никто не знает, по какой причине бешеные вообще напали на Вишенрог, но, подумайте, как бы они повели себя, узнав среди гостей в храме Ласурскую принцессу? Мне страшно об этом подумать!

- Вам? - прошептала Бруни. - Страшно?

Секретарь поднялся.

- Если понадобится, идти сможете, Ваше Высочество?

Бруни встала, с опаской прислушиваясь к себе - не скрутит ли по новой?

- Вроде бы, могу, - пробормотала она, сделала первый шаг и тут же снова почувствовала, что Григо подхватывает ее на руки.

- Вот когда я скажу, тогда и пойдете, - судя по голосу, он улыбался. - Разве вы видите в темноте? Вы же не кошка!

Принцесса не сдержалась, фыркнула в ответ:

- Вы тоже не кошка!

- Я-то? Я гораздо лучше! - хмыкнул Хризопраз.

Он шел быстро, почти бежал, однако, судя по голосу, совсем не запыхался.

- Мэтр Жужин меня убьет, за то, что начала рожать без его ведома, - пробормотала Бруни, пытаясь сдерживать дыхание - от едкой вони, царившей в канализации, резало глаза.

И пахло чем-то еще... Чем-то очень знакомым.

- Думаю, ему будет не до этого по той же самой причине, - сообщил секретарь и вдруг остановился.

- Что? - тут же спросила принцесса.

- Нам нельзя идти туда, куда я собирался, - напряженно произнес Григо. - Нужно в обход.

Принцесса чихнула и узнала запах - запах табака. Похожим Эдгар Мореход любил набивать свою трубку!

- Вы чувствуете? - прошептала она. - Откуда здесь табак?

Григо пожал плечами, развернулся и двинулся в обратную сторону. Послышался скрип открываемой двери, стало немного светлее. Серые тени прыснули из-под ног - крысы стремились на поверхность.

Бруни запрокинула голову - над ней находилась сточная решетка, сквозь которую падали лучи света. И доносились крики. И звуки битвы. И рычание. И удары. И еще много чего... Она прислушивалась, глядя расширившимися от боли и страха зрачками на свет до тех пор, пока он не исчез, вновь сменившись темнотой.

- Вы правы, Ваше Высочество, теперь и я чувствую табак! Да что ж такое... - пробормотал Григо и резко свернул.

- Что случилось? - шепотом спросила принцесса.

- Здесь оказывается, полно не только крыс, но и оборотней! - пояснил секретарь. - Я понятия не имею, бешеные они или нет, но, как вы понимаете, рисковать не хочу. Кажется, нам придется провести здесь больше времени, чем я предполагал.

Паника накрыла Бруни с новой силой. Она невольно прижала ладони к животу, - тот был, как каменный. Нужно сделать все, чтобы остаться в живых, сберечь ребенка и вернуться к мужу! Все, что угодно! И самое главное сейчас - не поддаваться страху и боли!

- Вы сможете принять роды, Григо? - облизнув пересохшие губы, произнесла она.

- Канализация - не место для рождения наследника престола, - буркнул секретарь.

- Но если придется? - принцесса была настроена решительно.

Впереди, в очередном столбе света, падающем отвесно из решетки, клубились испарения.

- Сейчас я вас поставлю, и посмотрю, где мы, - сказал Хризопраз. - Отклонившись от первоначального маршрута, мы могли уйти в сторону от дворца.

Бруни кивнула. Как секретарь дотянется до решетки, которая находилась на высоте более трех метров, ей оставалось только догадываться.

Григо поставил ее на пол и крадучись двинулся в сторону решетки. Принцесса следила за ним до тех пор, пока не почувствовала, как что-то дергает ее за юбку. Опустив взгляд, она из последних сил удержалась от вскрика: прямо перед ней, на поблескивающем от влаги бордюре сточного канала, стояла здоровенная крыса. Вообще-то одиноких крыс Матушка Бруни не боялась - там, где не помогал яд, здорово помогал тяжелый башмак. Однако крыс в боевом доспехе, в алом плаще с гербом, изображающем оскаленную крысиную морду на геральдическом поле, крыс с мечом в лапе,

закованной в стальные наручи, ей видеть ни разу не доводилось! И уж точно она никогда не видела, чтобы крыса разговаривала!

– Ваше Высочество Брунгильда Ласурская, – пропищала крыса, – простите великодушно, что без официального представления, но ситуация не располагает к реверансам. Я – Благословленное Хвостом Величество Ласурии Альтур Пенкрысон Первый! Можете обращаться ко мне просто – Ваше Хвостатое Величество.

И крыса... точнее крыс, отсалютовал ей мечом и склонился в изящном поклоне.

Бруни перевела полный ужаса взгляд на Хризопраз, но ему было не до нее – секретарь неведомым образом добрался до решетки, приподнял ее и теперь висел, держась за край стока и оглядываясь по сторонам.

– До... добрых улыбок и теплых объятий, Ва... Ваше Хвостатое Величество! – заикаясь, пробормотала принцесса. – Я очень рада познакомиться!

– Когда ваш секретарь вернется, передайте ему, что надо двигаться за крысами, – заявил Альтур Пенкрысон Первый, глядя на нее блестящими глазенками, – они следуют туда, откуда оборотни уже ушли. Вы сможете выйти на поверхность неподалеку от Золотой башни, где будете вне опасности.

Несмотря на вновь скрутившую живот судорогу, Бруни присела в реверансе, на всякий случай держась за склизкую стену, чтобы не упасть перед коронованной особой.

– От всего сердца благодарю вас, Ваше Хвостатое Величество! – искренне воскликнула она.

Крыс поклонился и сиганул прямо в канал.

– Однако мы заплутали, – послышался голос возвращающегося Хризопраз. – И теперь мы намного дальше от дворца, чем я мог себе представить.

– А где мы сейчас находимся? – поинтересовалась принцесса.

– На площади Оливии-с-бубном.

– Это неподалеку от Золотой башни, – нашла Бруни.

Узнай Григо, что она только что разговаривала с крысой... точнее, с крысом, решит, что от страха принцесса помутилась рассудком!

Секретарь задумался, а потом кивнул.

– Вы правы, Ваше Высочество. Если где-то и можно сейчас быть в безопасности, так это за стенами Золотой башни. Ее и из катапульты не разрушить! Идемте!

Он снова подхватил принцессу на руки и побежал вперед.

Бруни увидела, как жирная крыса, метнувшаяся из-под его ног, прыгнула в правый коридор.

– Держитесь правее, так мы сократим путь, – посоветовала принцесса, от всего сердца мысленно благодаря Индари за неожиданную и непонятную помощь в лице... точнее в морде Альтура Пенкрысона.

– И откуда вы столько знаете о Вишенроге? – хмыкнул Хризопраз.

– Я слишком давно живу в этом городе... – в тон ему ответила Бруни.

Его Высочество Аркей застыл у окна. Казалось, в череде бесконечных дел и срочных новостей он нашел паузу для отдыха.

Дверь распахнулась. На пороге показался полковник Торхаш.

– Арк!

Принц не шевельнулся.

Лихай только сейчас обратил внимание на стоящих у стола подполковника рю Фринна в разодранном мундире и бледного как смерть Лисса Кройсона.

– Что случилось? – спросил он, подойдя к ним.

Рю Фринн отдал ему честь, и с трудом подбирая слова, доложил:

- Ее Высочество пропала из храма, где проходила свадьба ее дяди...

- На вас напали? - быстро спросил Торхаш.

- Оборотни. Пятеро. Все уничтожены, - по-военному четко ответил подполковник.

- Потери?

- Семеро гвардейцев. Было бы больше, если бы не малопушки! Гражданские целы и препровождены во дворец.

- Вместе с Ее Высочеством пропал секретарь Хризопраз, - шепотом сообщил Лисс.

Лихай резко развернулся и вышел. И едва успел отступить в сторону, чтобы дать дорогу Его Величеству, который спешил в кабинет сына.

- Это правда? - с порога спросил король. - Про Бруни?

Арк, наконец, обернулся. Едва взглянув на него, Редьярд понял, что то, о чем ему доложили - правда.

- Та-а-ак! - угрожающе протянул он, чувствуя, как зашлось сердце от страха за невестку и нерожденного внука. - Я предупреждал тебя, что нельзя ее отпускать? Предупреждал?

- Эта свадьба была для нее важна, - тихо ответил Аркей. - Я не мог не отпустить.

- Все - вон! - прошипел Его Величество.

Рю Фринн и Кройсон испарились в долю секунды.

- Ты слышишь крики? - продолжал король. - Это кричат ласурцы, которых разрывают на части бешеные оборотни, оказавшиеся в городе несмотря на все предпринятые меры предосторожности! Где-то там может быть и наша Бруни!

В другое время Его Высочество обязательно обратил бы внимание на это «наша», и порадовался. Но не сегодня. Он молча подошел к своему столу, выдвинул верхний ящик, достал лежащую там малопушку и направился к выходу.

- Куда? - опешил Редьярд.

Принц обернулся на пороге.

- Бруни жива, отец, я это знаю. Она где-то в Вишенроге - женщина, которая дорога мне больше всего на свете! Я иду за ней.

В коридоре послышались быстрые шаги.

- Ты... Ты не смеешь! - воскликнул Его Величество. - Я тебе запрещаю! Ты нужен здесь!

Охраняющие кабинет принца гвардейцы и те, что пришли с королем, отсалютовали подошедшему принцу Колею. Тот остановился, прислушиваясь к разговору.

- Отец, я еще не король, - качнул головой Аркей. - Поэтому у меня есть выбор - уйти или остаться.

Он развернулся и вышел из кабинета, толкнув плечом младшего брата и, кажется, даже не заметив его. Уже из коридора послышалось:

- Рю Фринн, поднимайте полк! Мы идем в город.

- Арк?! - изумился Его Величество. - Сын?

Звук удаляющихся шагов был ему ответом.

Некоторое время Колей растерянно переводил взгляд с короля на опустевший коридор, а потом почему-то шепотом произнес:

- Отец...

- Стоять! - взревел король, стремительно краснея лицом. - Аркей, это приказ! Верните...

Он не договорил - захрипел и зашатался. Колей едва успел подхватить его. Принц с ужасом наблюдал, как с ярко-красного прежде лица короля уходит кровь, а потом закричал:

– Ожина сюда, скорее! Кто-нибудь, ко мне!

В кабинет вбежали гвардейцы, которые помчались было за Аркеем, выполняя королевское указание.

Дрожащими руками Колей стащил с пальца Его Величества перстень связи, и с силой вдавил в пол.

– Да, Ваше Величество? – тут же откликнулся тот голосом Ники.

– Ожина! – заорал Колей прямо в перстень и принялся трясти отца, который обмяк у него на руках. – Быстрее!

Спустя мгновение в кабинете стояла архимагистр, держа за плечо растерянного мэтра Жужина. Однако увидев лежащего короля, тот быстро пришел в себя. С прытью, которую трудно было ожидать от высокого мэтра, метнулся к лежащему, упал на колени и повел ладонями над его телом.

– Помощь нужна? – спросила Ники.

На ее лице не было ни капли волнения, лишь сосредоточенность.

Ожин молча кивнул.

– Готовы? – буднично спросила Никорин. Словно не умирал у ее ног правитель Ласурии.

Ожин снова кивнул.

Ники положила руку ему на плечо, и целитель дернулся, будто от удара. Не обращая на него внимания, архимагистр посмотрела на Колея.

– Что здесь произошло, Ваше Высочество?

Тот поднял на нее безумный взгляд.

– Бруни где-то в городе... Арк ушел за ней... Отец... Отец!!!

Ники мягко дотронулась до виска принца.

– Тише, Ваше Высочество, не надо кричать!

Несколько мгновений Колей смотрел на нее так, словно не узнавал, но затем в его глазах начал проявляться проблеск разума. Он кивнул.

– Лучше переместить Его Величество ко мне, – напряженным голосом сказал Ожин. – Если бы мэтр Квасин не был так плох, он бы мне понадобился тоже!

– Я позову его ученика, – кивнула Ники и снова взглянула на принца. – Ваше Высочество, в коридоре, насколько я могу судить, ждут вестовые, чтобы сообщить, как проходит уничтожение бешеных оборотней. Вам нужно их принять...

– Мне? – одними губами спросил тот.

– Его Величество сейчас несколько занят – он борется со смертью, – прищурилась Никорин. – Ваш брат сейчас тоже несколько занят, он спасает жизнь своей жене. Так кто, кроме вас? Желаю удачи! Ожин?

– Готов!

Ники взмахнула рукой и исчезла вместе с целителем и королем.

Его Высочество Колей схватился за голову и едва не застонал, как вдруг заметил толпящихся в дверях гвардейцев и придворных.

– Вон! – севшим голосом проговорил он.

Оставшись в одиночестве, принц поднялся с колен, подошел к окну и рванул створку. Ветер принес запахи зимы и гари. И человеческие крики. И страшное рычание. Колей слушал их, будто впад в ступор, и очнулся только на звук открывшейся двери.

– Я же сказал: все – вон! – зарычал он, становясь очень похожим на отца.

– Муж мой!

Он обернулся. Оридана, подойдя, взяла его руки в свои.

– Муж мой, я услышать! Я очень испугана! Что будет с Вишенрогом? Что будет с нами? Что нам делать?

Принц смотрел в ее залитые чернотой страха глаза, ощущал тонкие дрожащие пальцы в своих ладонях и впервые осознал: какие бы отношения не связывали его с супругой, они – семья. И случись что с ним – то же случится с ней и их ребенком.

Колей поднес к губам ее пальцы и поцеловал. Между ним и Ориданой никогда не было любви. Но кое-что общее у них, несомненно, было!

– Останься со мной, Ори, – попросил он. – Мне предстоит делать то, чем я никогда не занимался, и твое присутствие придаст мне сил.

– Ты справишься? – требовательно спросила она.

Так требовательно, что он едва не улыбнулся. И искренне сказал:

– Я попробую, только совершенно не представляю, что мне делать!

– Когда в нашем замке в Гаракен завестись мыши и сжирать зерно, отец выписать большие кошки из Дикоземья, – задумчиво произнесла Оридана. – Сейчас мыши жрать зерно Вишенрога... А где же кошки?

Колей смотрел на нее, опешив. Решение только что молнией сверкнуло в его голове. Решение, достойное Ласуринга!

Он обогнул жену и рванул к дверям. Распахнул створки и крикнул:

– Кто отвечает за оборону города?

Из толпы, собравшейся за дверями, выступил согбенный седой старец. Его спина более не держала военную выправку, но ее держали глаза – пронзительные глаза старого полководца.

– Я, Ваше Высочество!

Колей набрал в грудь воздуха, и запретил себе оглядываться на Оридану, которая наверняка ждала его дальнейших слов, как и все остальные.

– Главнокомандующий Рю Саднес, я приказываю вам открыть ворота и ввести войска в Вишенрог! – стараясь, чтобы голос не дрогнул, произнес он. – Пора показать этим бешеным мышам наших кошек!

Густой туман клубился у ног, поднимался выше. Он появился, стоило Яго, Вителье, Дробушу, Грою и Тори немного пройти по едва заметной тропе, что вилась меж камней к вершине горы. Ветер бил по лицам, казалось, для него туман – флер, который он без труда порвет в клочья легким движением крыла. Но тот никуда не исчезал.

– Ни Аркаеша не видно, – пробормотал Ягорай, держа Вителью за руку, чтобы не потерялась.

– Зато слышно, – раздался из тумана веселый голос оборотня, шедшего впереди всех. – Тори, осторожно, камень!

– Ты его видишь, что ли, уважаемый Грой? – проворчала гномелла.

– Я его чую, – ответил Вирош. – Осторо...

– Ай!

– Ну я же предупреждал, уважаемая Тори!

– Дык ни кирпичи не видно!

– А как же гномы в темноте подземных шахт ориентируются? – удивилась Вителья.

– Так то́ в темноте, – фыркнула младшая рубака. – А тут чисто мел перед глазами. И для чего нам волшебница, я вас внимательно спрашиваю?

– Тори права, – послышался голос Дробуша, замыкавшего шествие. – Вита может развеять туман?

– Я попытаюсь, – ответила Вита и, действительно, попыталась.

Туман прынул от ее пассов, будто испуганная лошадь, приоткрыв завесу на несколько шагов вокруг. Но развеиваться полностью, похоже, не собирался.

– Надо подняться повыше и найти какую-нибудь площадку, – буркнула волшебница.

Неудача ее разозлила. И вообще это место, начиная с равнины, на которой не определялись координаты Силы, и заканчивая «горой в меле», – как метко выразилась Тори, – исподволь, незаметно, раздражало волшебницу все сильнее.

Туман так и двигался вместе с путешественниками, взяв их в кольцо, ваял фантастические фигуры впереди и белыми вратами смыкался сзади, оставляя неприятное ощущение потери.

Подъем неожиданно закончился. Грой исчез в белом мареве, но скоро вернулся и сообщил:

– Вита, здесь подходящее место. Слева от меня отвесный склон горы, справа – обрыв. Так что советую держаться кучнее!

– И левее! – добавил Вырвиглот, за руку утаскивая Виту, а вместе с ней и Яго, под прикрытие склона.

Туман раздался, являя взглядам угольно-черный, потрескавшийся камень горы.

– Странно, – Тори поскребла его ногтем, – никогда не видела обугленный гранит...

Волшебница шагнула к ней, вгляделась. Поверхность камня крошилась так, будто однажды магический напалм огромной силы пытался испепелить это место.

– Драконы могли бы, – проворчал Дробуш, – но где они, те драконы?

– Драконы? – Тори даже подпрыгнула. – Ох, бородатая мама моя, вот бы и правда!

– И что бы ты сделала, уважаемая рубака? – скрывая улыбку, поинтересовался Грой.

– Сразилась бы с ними, конечно! – возмутилась Тори. – Что еще можно делать с драконами?

– Вот только драконов нам и не хватало, – пробормотал Яго, озираясь.

Туман клубился по-прежнему, и что там было за этим туманом? Кто там был?..

Вителья подумала, что в череде головокружительных чудес, подаренных ей судьбой, драконов, кроме Змея Горянича из другого мира, ей не встретилось. И поняла, что жалеет об этом. Однако если след огня на каменной стене впрямь принадлежал драконам, и сохранился здесь с незапамятных времен, наткнуться на него тоже было чудом.

Волшебница тронула крошащуюся поверхность горы и... застонала от яркого света, едва не выжегшего глаза. Она стояла, прижатая к склону неведомой силой, и не могла шевельнуться. Она чувствовала, что могущества в ней ровно столько, чтобы произнести несколько последних слов. И еще – что неистовая, ранее наполнявшая ее ярость и жажда мести истекают вместе со струйками крови, сочащимися из пор. Опустив взгляд, она увидела мужское тело в лохмотьях, покрытое многочисленными ранами и забрызганное кровью, и вдруг с ужасающей ясностью поняла, что это тело – ее. Вокруг отвратительно, ужасающе пахло горящей плотью, с неба падали черные хлопья, засыпая бескрайнюю равнину, хорошо видимую с площадки на склоне горы. А на равнине метались, сгорая факелами, люди, толпы людей.

Прямо напротив Вительи стоял незнакомый мужчина – красивый, черноволосый, с аккуратно подстриженной бородкой. У него было странное выражение лица, словно он и жаждет, и боится услышать те самые «последние слова» существа, прикованного его волей к стене, в теле которого Вита себя обнаружила.

– Дети, какие же вы дети, – неожиданно для себя, произнесла она чужим, хриплым голосом, – дети, которые могут изменять мироздание, но предпочитают спасать никчемные миры!

– Этот мир – наш, Гересклет, – прорычал незнакомец, делая шаг вперед, – кому, как ни нам его спасти?

– А зачем? Зачем вы его спасли?

– Тебе не понять, бог!

На долю секунды Вита забыла о том, кто она. Она была тем, кто сейчас утирал угольные разводы с лица, тем, кто истекал Силой, как кровью, и стоял на пороге Вечности. Тем, кто ясно видел, как однажды черноволосый красавец с бородкой тоже захочет властвовать над Тикреем, ибо власть – сладкий дурман, которому не каждый может противостоять.

– Отчего же? – прищурилась Вита, точнее, тот, кем она была в этом мгновенье. – Я, как и любой из

богов, понимаю все сущее и вижу дальше любого из вас! Например, я вижу, как ты...

Незнакомец вскинул руки с гудящим на них синим огнем заклинания. Огонь вплавил Виту в камень.

– Не желаю слышать твои лукавые речи, – крикнул он, – я видел тех, кто поддался им – они лежат там, у подножия горы все до единого обратившиеся в пепел!

– Их убивали вы, а не я... – прохрипела волшебница, ощущая ненависть к нему той искрой, что продляла мгновенья жизни. – Вера в меня делала их счастливыми!

Еще один энергетический удар потряс гору до основания, вышибив сознание Виты из чужого тела, а местность на века превратив в кладбищенскую пустошь, спекшуюся землю которой первые живые ростки пробили лишь спустя двести лет. Волшебница ощутила себя отлетающей душой и увидела, как в глазах прикованного к горе мужчины вспыхнули и погасли злые искры.

– Лжец и ублюдок, – сплюнул черноволосый, – покойся с миром!

Только тут Вителья заметила еще одного человека – невысокого и хрупкого. Тот стоял в стороне, зябко охватывая себя руками, и, не шевелясь, смотрел в пропасть. Незнакомец подошел к нему, обнял и повел прочь. Ступая на тропу, ведущую с площадки вниз, второй обернулся, и Вита узнала этот взгляд: взгляд, в котором время и одиночество смерзлись в ледяные торосы. Вместе с пониманием пришло предвидение – однажды и она, и Ники Никорин, и еще многие и многие окажутся здесь, чтобы застыть на пороге Вечности перед финальным шагом.

Скрипнула решетчатая калитка, ведущая из грота, в котором скрывался один из городских каналов. Григо выглянул. Пригибаясь, поднялся по потемневшим узким ступеням, ведущим вверх – на набережную. Поманил Бруни к себе.

Принцесса вышла, держась за стену, чтобы не упасть, и с наслаждением вдохнула сырой воздух. Да, от вод канала несло болотом, но, слава Пресветлой, уже не нечистотами!

– Григо, я не поднимусь, – задыхаясь от боли, прошептала она, – у меня ноги подгибаются...

– Дайте руку!

Секретарь буквально втащил ее наверх, подхватил на руки и рванул с места. Между домами, стоящими у канала, виднелся просвет – площадь Оливии-с-бубном, от которой было рукой подать до Золотой башни.

Бруни уже плохо соображала от боли. Город казался опустевшим, но стоило приглядеться, как то тут, то там, появлялись из ниоткуда стремительные силуэты. За появлением обычно следовали человеческие крики, полные ужаса.

– Григо, сколько же их в городе!.. – простонала принцесса.

– Я обязательно узнаю и доложу вам, Ваше Высочество, но позже, – ответил Хризопраз. – Сейчас я несколько...

Они выскочили на площадь и оказались в центре боя. Горожане, вооруженные кто чем, отбивались от десятка огромных зверей. На мгновение Бруни показалось, что она видит иллюстрацию из сказки «Капор из красной шерсти», которую в детстве ей читала мама. Ее внимание привлек мощный мужчина, который без особого труда держал за горло бурого волка, не давая шелкающим зубам сомкнуться на своем горле. У силача была абсолютно лысая голова и шикарная борода, а на голой груди висело множество цепочек и ремешков с амулетами. Белозубо хохоча, мужчина свернул волку шею и поймал в прыжке следующего оборотня – здоровенную рысь.

В этот момент Григо затормозил и едва не упал – ушел от атаки напавшего на них тигра. Тот низко зарычал и припал к земле.

– Держитесь крепче, – выдохнул Хризопраз и понесся вперед с такой скоростью, какую нельзя было ожидать от человека.

Оборотень растерянно рыкнул и рванул за ними.

В сознании Бруни все смешалось: белозубая улыбка бородача и оскаленные клыки тигра, кровавые ошметки на стенах и камнях мостовой, какофония криков. В какой-то миг ей показалось, что на площадь Оливии-с-бубном пролились чернила – так черным-черно стало там, откуда они с Григо убегали. Мимо проносились стены, деревья, опрокинутые телеги, чьи-то искаженные лица, а впереди уже виднелся просвет между домами. Тигр мчался за ними огромными прыжками, и в каждом прыжке разевал в рыке пасть, из которой падали на мостовую хлопья желтой пены.

Хризопраз остановился так резко, что чуть не повалился на землю вместе с принцессой. Путь был

закрыт – с площади Золотой башни на улицу, по которой бежали Григо и Бруни, вынырнули двое оборотней: росомаха и рысь.

Секретарь поставил принцессу на ноги, толкнул к стене дома и закрыл собой.

– Если рядом с вами все-таки окажется дракон, берегитесь хвоста, Ваше Высочество, – пробормотал он, утирая пот со лба. – О хвосте я иногда забываю, и он творит, что хочет.

Бруни не знала, плакать ей или смеяться. Страх за ребенка был слишком силен, но еще сильнее было желание бороться за его жизнь. Драконий хвост? Пресвятые тапочки, все что угодно, лишь бы победить три смерти с горящими глазами и пастями, полными пены!

Григо шагнул вперед. Принцесса расширившимися зрачками следила не за ним – за теми двумя оборотнями, что были ближе, чем тигр, которого Хризопраз значительно обогнал. Как вдруг увидела появившийся в просвете между домами человеческий силуэт. Человек был высок, худ и одет в черное. От напряжения глаза у Бруни заслезились... Она моргнула и поняла, что незнакомец стоит уже не вдаль, а совсем рядом – прямо перед росомахой и рысью. От неожиданности те затормозили, упиравшись растопыренными лапами в мостовую. Незнакомец повернулся и посмотрел на принцессу. И улыбнулся. И слегка поклонился. Глаза у него были такие же желтые, как у того тигра, что сейчас спешил к ним с другой стороны. А затем он махнул рукой на оборотней и негромко произнес:

– Пошли вон.

Он сказал это так буднично, что Бруни изумленно открыла рот и... вдруг поняла, что незнакомца нигде нет, а рысь и росомаха со всех лап улепетывают туда, откуда пришли.

– Куда это они? – удивился Хризопраз.

Неизвестного в черном секретарь не увидел.

Принцесса хотела было поторопить его, потому что тигр оказался уже на расстоянии в несколько прыжков, как произошло сразу несколько событий: боль, пронзившая Бруни, заставила ее, вскрикнув, упасть на колени. Словно в ответ прозвучал грохот, уже слышанный ею в храме, и несущийся к ним зверь кубарем покатился по земле, истекая кровью. Улицу заполнили солдаты в черных мундирах, ведомые офицером, чью красную косу Бруни узнала даже сквозь боль.

– Лихай... – прошептала она, протягивая к нему руки.

Однако Григо подхватил ее с земли и побежал в сторону площади.

– Там... там полковник Торхаш... – простонала принцесса.

– Я видел, – ответил секретарь, – вот только он не поможет попасть в замок так быстро, как это сделает Ее Могущество.

Бруни услышала зычный крик Лихо: «Прикрывать их!», но уже не увидела, как солдаты метнулись вперед со скоростью, не меньшей, чем развил Григо, как огромной черной каплей, взявшей в кольцо бегунов, вытекли на площадь, на которой сияла Золотая башня, и смели огнестрельным огнем рыскающих там бешеных. Она не видела, как распахнулась дверь башни, а на пороге показался гном в одежде простого канцеляриста, вооруженный боевой секирой, как Григо закричал ему:

– Нам нужна Ее Могущество!

И не слышала, как гном, недовольно нахмутив густые брови, ответил:

– Заходите, господин Хризопраз, как-нибудь разберемся...

Рахен, увидев, что их догоняют Веслав и Карс, ухмыльнулся и издевательски протянул:

– О-о-о, вы с нами? Какая неожиданность!

Гроден молча ткнул его кулаком между лопаток. Лицо у него было мрачное.

Хан притормозил, а потом резко свернул в проулок.

Чужак стоял неподвижно. Едва взглянув на него, они поняли, что это и есть бешеный. Сутулый, высокий мужик застыл у стены, уткнувшись лбом в каменную кладку. Казалось, он прислушивается к чьему-то безмолвному голосу. Ощущение того, что и они могут услышать этот волшебный голос, ударило по нервам, да так, что Рахен не выдержал – обернулся и шагнул вперед.

Чувствуя, что еще чуть-чуть, и он тоже потеряет контроль над собой, Весл положил руку другу на

загривок и ощутимо сжав, тряхнул.

Чужак медленно повернул голову в их сторону и с трудом произнес:

– Уходите... прочь... вам я не желаю зла!

– Скольких из наших ты уже заразил? – голос Хана сорвался. – Скольких послал на верную смерть?

Глаза чужака налились красным, будто в них насыпали углей.

– Смерть одного из нас – это смерть десятков людей! Тех самых людей, что сотнями убивали нас, прогоняли с насиженных мест... Людям нет места рядом с нами!

– Это неправда! – Карс встал рядом с Ханом. – Слепы те, кто этого не видит. Ты – слеп. Неужели это болезнь так тебя ослепила?

– Да ты дергаешь его за усы, парень? – восхищенно прошептал Сандр.

Карс пожал плечами и покосился на Веслава. Тот едва заметно кивнул. За прошедшее время бок о бок на учениях и в казармах они научились понимать друг друга без слов.

Лицо бешеного искривилось. Спустя мгновение перед ними стоял огромный черный пес, опустив голову к земле и прижав уши. От его низкого рычания дрожали стекла в окнах.

– Хан, – позвал Весь, – Хан, посмотри на меня!

Ярость, плескавшаяся в глазах Рысяша, отступила, он повернул голову к Гродену.

– Карс и Сандор отвлекут его, – одними губами сказал Весь, – я и Рахен заманят в драку. А ты – жди момент.

Хан чуть приподнял верхнюю губу и показал клыки.

– Это не простая охота, – рыкнул Весь.

Рысяш на мгновение прикрыл веки, успокаиваясь. Затем вновь посмотрел на Гродена.

– Я тебя услышал.

– Или ты – или он, – добавил Карс, проходя мимо Хана, – отец всегда говорил, что месть должна быть холоднее льда.

Креец вышел вперед. Как-то сразу стало заметно, что из жилистого невзрачного мальчишки он превращается в стройного красавца, на которого просто обязаны заглядываться девушки из Вишенрога.

Сандр, который из-за своей крепкой фигуры и до сих пор казался толстым, хмыкнул и шагнул за ним.

– Ко мне, пес! – вдруг крикнул Карс. – Быстро ко мне!

Бешеный зарычал и закачался на длинных лапах, словно не мог двинуться.

– Осторожно... – прошептал Сандр.

С молниеносной скоростью оборотень прыгнул на них. Мальчишки разбежались в перекрест прямо перед его носом – Сандр, стоящий слева, метнулся направо, а Карс, перепрыгнув его траекторию, – налево. Бешеный клацнул зубами по пустому воздуху и тут же был сбит с ног мощным ударом серого и черного волков. Он покатился по земле, вскочил на ноги и бросился за ними. Рю Кравиц ухватил бешеного за хвост, его мышцы под мундиром вздулись, однако он удержал оборотня, оказавшегося в опасной близости от Рахена. Бешеный обернулся в прыжке и... снова был сбит с ног Гроденом. В запале боя бешеный не видел, как, держась то за одним из нападающих, то за другим, к нему приближается Хан – единственный, у кого было оружие.

Черный пес заметался в круге из людей и оборотней. До одних он хотел добраться, но они были так же быстры, как и он сам (сказались совместные тренировки факультетов) – и его это озадачивало. Других ему хотелось порвать на части просто потому, что ярость в крови достигла максимального предела. Но они действовали так слаженно, будто у них был один разум на всех. А болезнь застила глаза, полностью растворяя рассудок, и вот он уже не соображал, на кого и зачем нападал, лишь бы напасть, лишь бы ощутить, как вонзаются клыки в живую плоть, лишь бы налакаться алой, горячей крови, которая и есть жизнь и спасение...

Клинок Хана вошел бешеному в основание затылка, прекратив его мучительное существование. Жалобно взыв, черный пес упал у ног Рысяша и заскреб лапами по земле. Хан присел на корточки и хладнокровно перерезал ему горло.

Остальные столпились рядом, хрипло дыша.

В пустой тихой улице повисла тяжелая пауза, заполненная запахом крови.

- Загонял нас, собака, - с трудом произнес Рахен, - если они все такие быстрые, придется туго!

- Все целы? - деловито спросил Гроден.

Взял Хана, застывшего над трупом, за плечо, поднял.

- Он тебя не достал? Рахен, тебя? Ребят, вы как?

- Я цел, - Рысяш вытер нож о кожу бешеного. - Но Рахен прав - нам нужно оружие. И о чем мы думали, когда шли на них безоружные?

- О мести? - неожиданно захохотал Рахен, однако его смех прервало холодное:

- Курсанты, смир-р-на!

Все машинально вытянулись в струнку.

Улицу наводнили солдаты в синих мундирах.

- Что здесь происходит? - раздался знакомый голос. - Курсант Гроден, повернитесь и отвечайте!

Чувствуя, как от стыда заполыхали кончики ушей, Весь повернулся к Его Высочеству Аркею. И понял, что слова испарились.

- Гнилой лабиринт... - простонал из-за его спины Рахен.

- Гаракенские галеры... - не согласился Карсатис.

Рысяш загородил собой Гродена и выпалил:

- Я пошел мстить за свой клан. Ребята пытались меня остановить, когда на нас напал бешеный.

- А в казармах они тебя не пытались остановить, сынок? - доброжелательно поинтересовался подполковник рю Фринн.

- Пытались, - набычился Хан, - но я не послушал.

С минуту принц смотрел на него, и его лицо ничего не выражало. Затем он повернулся к подполковнику.

- Эти четверо пойдут под университетский трибунал. С Рысяшем будем разбираться отдельно. Сейчас всем встать в строй и следовать за нами. Рю Фринн, выдайте Гродену малопушку, а остальным - холодное оружие.

Произошла быстрая перегруппировка. Курсанты влились в ряды солдат. Отряд обогнул истекающее кровью тело и двинулся вперед.

Хан легко бежал среди людей, и удивлялся сам себе. У него было ощущение, что он находился рядом с ними всю жизнь. Оборотень не чувствовал враждебности, наоборот, в направленных на него взглядах мелькало что-то вроде уважения. Каково же было его удивление, когда вместо того, чтобы убивать бешеных по всему Вишенрогу, они прибыли в какой-то храм.

Несколько человек склонились над полом, будто искали следы. Другие обошли зал по кругу, заглядывая под каждую скамью, за каждую колонну.

- Здесь была Ее Высочество Бруни! - радостно сообщил Рахен, принохиваясь.

- Что ты сказал? - повернулся к нему принц, и оборотень поразился бледности его лица.

- Ее... Высочество, - растерялся он. - Запах висит...

Он замолчал и с ужасом оглянулся на Веся. Тот оттолкнул его, встав напротив принца.

- Арк, с ней все в порядке? Ой... Я хотел сказать - Ваше Высочество!

– Она не вернулась со свадьбы, которая, как ты знаешь, проходила в этом храме, – процедил принц.

Спустя долю секунды рысь и два волка – серый и черный – кружили по залу, уткнув носы в пол. А затем дружно направились за алтарь, где под ковром был спрятан люк. Лестница привела в подвал. Пройдя его насквозь, оборотни остановились у сточной решетки одного из погребов.

– Нам туда, – пояснил Карс.

Рю Фринн посмотрел на принца:

– Какие будут указания, Ваше Высочество?

– Идем за ней, – коротко ответил тот и первым потянулся к решетке.

Перед дверью, ведущей в покои мэтра Жужина собралась целая толпа, которую с трудом удерживали дюжие гвардейцы в красных мундирах.

– Простите-извините... ногу убери, дубина... двигайтесь, а ну! – послышалось глубокое контральто, и на пороге возникла Клозильда Вистун, похожая на истинного демона войны.

Следом за ней, тараном разбившей толпу, спешила процессия, состоящая из Дрюни с супругой Ваниллой, ее сестры Персианы и герцогини рю Воронн.

На оглушительный вопль матроны Вистун: «Открывайте, свои!» дверь распахнулась. Всклоченный целитель obeжал глазами присутствующих и поспешно посторонился, пропуская процессию.

В просторной комнате, ярко освещенной магическими шарами, находились две кровати, одну из которых скрывала высокая ширма, украшенная вышивкой с изображением экзотических птиц. Рядом с первой кроватью стоял высокий и красивый маг, держа открытые ладони над грудью Его Величества Редьярда, казавшегося... мертвым.

Дрюня бросился к королю и рухнул на колени рядом с кроватью. Маг не обратил на него внимания – так был сосредоточен.

– Где она? – вскрикнула Ванилла. – Где Бру... принцесса?

Ожин махнул на ширму.

Дамы поспешили в ту сторону, стуча каблуками подобно стаду гаракенских степных кобылиц. И застыли, увидев бледную принцессу с мученическим выражением лица и закрытыми глазами, лежащую на второй кровати.

– Эй, мэтр, – рявкнула Клозильда, – что с ней? Чем помочь?

– Ничем, – раздался его голос из-за ширмы, – схватки идут с равным промежутком, между ними я поддерживаю ее силы.

– Она не ранена? – спросила герцогиня, садясь на край кровати рядом с Бруни и бережно беря ее руку в свои.

– Цела, только измучена погоней, Ваша Светлость, – послышался приятный голос.

Григо Хризопраз поднялся со стула в углу комнаты, на котором сидел бездвижно, и поклонился в сторону ширмы.

– А ну-ка, – пробормотала Ванилька, – Перси, давай-ка ее поднимем – так будет легче толкать ребеночка. Брунька, открывай глаза! Давай, не ленись! Ой... какое тяжелое ты, Высочество...

– Дай мне, – подвинула ее Клози, подхватила принцессу подмышки и посадила выше.

Бруни открыла помутневшие от боли глаза и вдруг улыбнулась:

– Клози... Ванилька... как я рада вас видеть!

– Мы в гляделки играть не будем, – погрозила ей пальцем Ванилла, – мы будем тужиться как следует! Давай дышать правильно. Меня мэтр Жужин учил...

– А где он? – прошептала принцесса.

– Я рядом, Ваше Высочество, – послышался напряженный голос целителя, – но сегодня вы – не единственный мой пациент.

– А кто еще? – удивилась Бруни.

- Его Величество, – одними губами произнесла Фирона, – мы все молимся о его здравии!

- Пресветлая... – с ужасом выдохнула принцесса и выгнулась с криком в очередной мучительной схватке.

- Дыши, глубоко дыши! – воскликнула Ванилька, залезая на кровать, садясь рядом с принцессой и обнимая ее. – Давай, на счет раз, два, три...

- Дорогая моя принцесса, деточка, ну, давайте... – в голосе герцогини рю Воронн прорвались слезы.

Входная дверь с треском ударилась об стену. В покои ворвался принц Колей, держащий за руку запыхавшуюся супругу.

- Ожин, что с отцом? – с порога крикнул он.

- Закройте, пожалуйста, дверь, Ваше Высочество, – подал голос маг, стоящий рядом с королем.

Ожин в сторону двери не посмотрел – водил ладонями над телом короля. Лицо целителя подергивалось от напряжения.

- Что?! – опешил Колей. – Вы вообще кто такой?

- Я – Варгас Серафин, ученик мэтра Квасина. Закройте дверь – мэтр Жужин не станет ничего говорить, пока его могут услышать посторонние.

- Он быть прав, муж мой, – коротко взглянув на мага, сказала принцесса Оридана. – Вы подумать сами!

- Я подумать... – пробормотал Колей, с грохотом захлопнул дверь и с вызовом уставился на Жужина: – Ну?

- Варгас, перехватите у меня сердечный контур, – приказал Ожин и устало взглянул на принца: – Он на пороге жизни и смерти, Ваше Высочество. Спасти его может только чудо – сердце слишком изношено.

- Но вы должны были лечить его... исцелять!.. – голос Колея сорвался.

- Увы, мое регулярное вмешательство не могло исправить неистовость Его Величества, – ответил мэтр с горечью.

Несколько мгновений принц с яростью смотрел на целителя, и казался вылитой копией своего отца в гневе. Неизвестно, чем бы это закончилось для Жужина, но из-за ширмы раздался новый, полный боли крик.

Оридана побледнела, как мел.

- Кто это?! – с ужасом спросила она. – Кто так кричать?

Из-за ширмы выскочила Клозильда и проревела:

- Мэтр, показалась головка!

- Пресвятые тапочки, – пробормотал целитель. – Варгас, вы справитесь?

- Идите, – кивнул маг, – я бывал на войне и знаю, как вести бой со смертью. Только, умоляю, не задерживайтесь!

Ожин взглянул на Колея.

- Уведите отсюда супругу, Ваше Высочество, ей дурно. Вы сможете казнить меня после, когда все закончится – так или иначе.

Новый крик заставил Оридану пошатнуться. Принц вовремя подхватил ее на руки – иначе она бы упала.

- Казнить? – растерянно произнес он.

- Да идите же! – рывкнул Ожин и скрылся за ширмой.

Колей молча направился к дверям. Посмотрев через его плечо, гаракенская принцесса наткнулась на взгляд Варгаса Серафина, направленный на нее. «Все будет хорошо!» – одними губами сказал маг и снова сосредоточился на Его Величестве.

«Все быть хорошо!» – подумала Оридана и проговорила:

– Муж мой, отнесите меня в часовню...

– Зачем? – удивился принц.

Принцесса не ответила – ее губы шевелились в безмолвной молитве.

Когда архимагистр Никорин возникла из ниоткуда рядом с кроватью, на которой лежал Его Величество, Варгас Серафин лишь покосился в ее сторону. Поддержание, а точнее удержание Редьярда от шага в сторону Вечности давалось ему едва ли не тяжелее, чем стабилизация самого нестабильного из попадавших к нему за всю деятельность мага энергетических полей. Однако он стискивал зубы и повторял про себя слова, которые часто слышал на фронте: «Выполнить приказ чего бы это ни стоило!» И хотя приказа мэтр Жужин не отдавал, а лишь просил о помощи, в свое время Ники Никорин, говоря о короле, была более категорична: «Защищать сильнее, чем любые секретные оборонные объекты!»

Не говоря ни слова, архимагистр коснулась плеча Варгаса, и его будто током прошило ощущением исходящей от нее Силы.

– Я справлюсь, Ваше Могущество, – процедил он.

– Зовите, если что, – холодно кивнула она, и Варгас подумал, что он отдаст королю свою жизнь до последней капли и сдохнет сам, но не станет просить помощи у ЭТОЙ женщины.

Даже не посмотрев в сторону Его Величества, Никорин отошла от кровати и направилась в тот угол, где недвижно, словно статуя, сидел секретарь принцессы Брунгильды.

Когда архимагистр подошла, он уже поднялся и склонился в поклоне.

– Я слушаю, – коротко сказала Ники.

Григо разогнулся, в его золотых глазах мелькнула усмешка. Более никак не выдавая своего отношения к происходящему, он принялся рассказывать о том, как вместе с Бруни спасался от напавших на храм оборотней в канализации Вишенрога.

Никорин слушала молча, отстраненно разглядывала гобелен с вышивкой различных трав и цветов, которым были затканы стены целительских покоев, и лишь один раз разлепила губы, переспросив:

– Табак?

– Да, Ваше Могущество, сильный запах табака...

Он растерянно замолчал. Потому что архимагистр растворилась в воздухе.

Лежать спиной на ледяном камне было неудобно, и Вита пошевелилась.

– Вита, Вита, очнись!

Голос Яго доносился издалека, словно ласурец заплутал в белом тумане и никак не мог найти дорогу обратно. Волшебница открыла глаза и увидела спутников, склонившихся над ней с взволнованными лицами.

– Слава Пресветлой, очнулась! – воскликнул Грой, а рю Воронн приподнял ее с земли и прижал к себе.

– Что... что произошло? – прошептала она, чувствуя, как еще царапают пересохшее горло слова из видения.

– Вита казалась мертвой, – грустно сообщил Вырвилот. – Мы волновались!

– Что с тобой? – во всегда спокойном голосе Яго прорвались нешуточные эмоции. – Ты дотронулась до камня, вскрикнула и упала.

Вителья дрожащей рукой коснулась лба. Видение запечатлелось в памяти так ярко, что будь она художником, нарисовала бы картину: белая гора с обугленным сердцем, истекшее кровью безжизненное тело и маг, в чьих руках ярится злой синий огонь. Однако увиденное было настолько неоднозначным, что ей следовало подумать, кому рассказать о нем и рассказывать ли вообще.

– Я ничего не помню, – тихо сказала она. – Кажется, именно здесь и произошел магический катаклизм, из-за которого вся местность лишилась Силы. А мне повезло наткнуться на какую-то

остаточную линию.

– Вот уж повезло, так повезло... – проворчала Тори. – Ты нас знатно напугала, уважаемая Вителья!

Волшебница посмотрела на Яго и поняла, что он ей не верит. Губ ласурца коснулась нежная улыбка – он не верил, но предоставлял своей женщине право выбора. Не осознавая, что делает, Вита потянулась к нему и поцеловала.

– Нашли время, – фыркнул Вирош, отходя. – Надо же, какой туман! Чистое молоко!

– Ничего мы отсюда не увидим, – грустно сказала Тори, – а так хотелось...

– Какого Аркаеша вы тут делаете? – вдруг прозвучал голос, куда более холодный, чем камень, с которого Яго помог Вите подняться.

Все обернулись.

Архимагистр Никорин парил в воздухе над краем пропасти. Туман тщился, но не мог дотронуться до нее.

– Мы заблудились, Ваше Могущество... – поклонилась ей Торусилья.

– Попали в осеннюю бурю, – уточнил Ягорай.

– Воспользовались возвышенностью, чтобы посмотреть, в какой стороне тракт, – конкретизировал Дробуш.

– Ясно.

Ники ступила на край и подошла к ним. Тут только они поняли, что выглядит архимагистр так, словно только что покинула клетку с тиграми, сброшенную с обрыва. Зрелище было настолько необычным, что все застыли, не в силах вымолвить ни слова.

– Э-э-э... Как там дела? – наконец, нашелся Вырвиглот.

Ники изломала тонкую бровь и ответила:

– Ничего так. Но вы нужны мне в Вишенроге. Немедленно.

По приказу Ее Могущества все спустились к стоянке за оставшимися там спутниками.

– Вещи бросить, – распорядилась Никорин, – с собой берете только оружие.

– Что случи...? – заикнулся было Грой, но она окатила его таким холодом лазоревых глаз, что он замолчал, и процедила:

– Сейчас сами все увидите...

Повинуясь движению ее руки, воздух свился в зеркальную раму портала. На той стороне показалась заржавленная калитка, за которой царил темнота.

– Фу! – скривилась Тариша, зажав нос. – Чем это пахнет?

– По-моему, ответ очевиден, – буркнул Вирош и первым шагнул за Никорин, ушедшей в портал.

– Пахнет очистными сооружениями, – пояснил Дробуш на недоуменный взгляд Альперта.

– «Очистные сооружения» – как звучит, да, сеструха? – воскликнула Тори, прыгая в портал. – Неужели мы с вершины горы попадем, наконец, под землю?

– Сейчас и посмотрим, – ухмыльнулась старшая рубака, привычно помахивая боевыми топорами.

– Вита, подойди, – приказала Никорин.

Волшебница подошла и Ники протянула ей раскрытую ладонь, на которой плясала... маленькая красная корона.

– Это визуализация привязана к порталному перстню наследника Ласурского престола, – пояснила архимагистр, – я создала ее для тебя – так будет легче найти Его Высочество в этих вонючих лабиринтах...

– И что Его Высочество делает в «вонючих лабиринтах»? – заинтересовался Грой.

- Принц ищет свою жену, - глядя на Виту и не обращая на оборотня внимания, продолжила Ники, - но он еще не знает, что Бруни в безопасности во дворце, и у нее начались роды. Твоя задача, Вителя, найти его, сообщить необходимую информацию и вывести наружу с минимальными потерями, желательно прямо во дворец - мэтр Квасин уже предупрежден, он тебя пропустит, если ты решишь открыть портал. Думаю, говорить о том, что за жизнь Его Высочества Аркея вы все отвечаете головой, не стоит?

- Не стоит, - согласился рю Воронн, потянув меч из ножен. В его черных глазах плескалась тьма, словно не было Белой горы, накрытой молочным туманом, будто саваном, и не существовало клыкастой смерти, притаившейся в хитросплетениях подземного лабиринта. - Но у Его Высочества есть порталный перстень, который он мог бы...

- Не мог бы! - прищурилась Никорин. - Принц никогда не оставит свой полк, а перстень на такое количество людей не рассчитан.

Вита кивнула. В крови уже танцевали обжигающие пузырьки азарта, приглушая впечатление от видения о несостоявшемся конце света.

- А почему вы сами не можете вывести Его Высочество? - заалев щеками, спросил Попус.

- Потому что Его Величество Ласурский король при смерти, - отчеканила архимагистр. - Разорваться между ним и наследником я не могу, - она посмотрела на Виту: - Будь на связи! - и исчезла.

- Милосердные братья Его Величеству Редьярду здоровья и сил пошлите! - ахнула Торусилья.

- Не время молиться, уважаемая Тори, время убивать! - по-волчьи усмехнулся Ягорай и толкнул калитку. - Вита, веди. Аль, нам нужен свет, много света.

- Есть! - совсем по-военному ответил маг, зашептал заклинание и выпустил из горсти магических светляков, взлетевших под потолок и осветивших бесконечные коридоры Вишенрогской канализации.

Лиф платья Ее Высочества Бруни мэтру Жужину пришлось разрезать - не было времени облачить принцессу, поступившую к нему в покои прямо из Золотой башни, в одежды, подходящие царственной роженице. Сейчас, между раздвинутыми половинками лифа, на пышной груди принцессы сладко сопел младенец, чью головку украшали густые темные волосы.

- Вылитый Его Высочество Аркей в детстве, - вытирала слезы герцогиня рю Воронн и как заведенная гладила принцессу по плечу, - и волосики, и носик, и ротик... Интересно, чьи будут глазки?

- Или мамины, или папины! - важно кивнула матрона Вистун. - Мне кажется, нам пора выпить!

- Клози! - возмутилась Ванилька.

- Кроме Ее Кормящего Высочества, разумеется, - улыбнулась та.

- Молока-то нет, чем же я буду Рэдьку кормить? - слабо прошептала Бруни. Ее щеки были мокрыми от слез и пота, но губы улыбались.

- Будет молоко, куда денется, - со знанием дела сообщила Персиана и выглянула за ширму.

- Как там? - громким шепотом спросила Клозильда.

Персиана вернулась к кровати принцессы и молча покачала головой.

- Арку сообщили уже? - прошептала Бруни, накрывая ладонью смешной затылок Редьярда Ласуринга-младшего и разглядывая завитки темных волос на его макушке - точно, как у Аркея.

И не заметила, как переглянулись подруги.

- Я сейчас же разыщу его, Ваше Высочество, - торопливо поднялась Фирона.

Графиня рю Воронн поманила Ваниллу за ширму, вышла и замерла.

Королевский шут тихонько раскачивался, закрыв лицо руками, потому что сосредоточенная тишина, окружавшая Ожина и молодого ученика мэтра Квасина, стала иной...

В комнате неожиданно возникла архимагистр Никорин, положила руку на плечо Жужина. Тот, не глядя на нее, отрицательно качнул головой.

– Не позволю! – негромко сказала Ники.

– Мы испробовали, что могли... – прошептал целитель.

И в этот момент из-за ширмы раздался испуганный голос принцессы:

– Мэтр, со мной что-то происходит... Пресвятые тапочки... Опять!

– Мэтр, сюда! – взревела Клозильда. – Скорее!

Целитель поднял полные муки глаза на архимагистра.

– Идите, – прищурилась она и, опустившись на колени рядом с Дрюней, взяла холодную руку короля в свои.

– Его сердце бьется только потому, что я держу контур... – глухо сказал Серафин. – Мои действия?

– Держите, – сквозь стиснутые зубы процедила Ники, – держите, Варгас! Перед вами – не простой обыватель, а король Ласурии! Он не может просто взять и умереть от сердечного приступа!

– Фактически он уже мертв... – прошептал маг. По его лицу текли струйки пота, а ладони, которыми он водил над телом Редьярда, дрожали.

Архимагистр прикрыла веки, и Серафин ощутил, как под ногами заколыхался пол. Из-за ширмы донесся полный страдания крик Ее Высочества, но слышать его Серафину было не так больно, как смотреть на постепенно обретающее покой лицо короля.

– Что?! – вдруг раздался полный изумления вскрик мэтра Жужина.

Эмоция была настолько не характерна для целителя, что и Варгас, и Ники оглянулись на ширму, откуда доносился голос.

– Что?! Этого не может быть!

– Да что происходит-то, мэтр! – заорала Клозильда так, что задрожали стекла в окнах. – Чего вы орете?

Крик Бруни перешел в тяжелое дыхание и стоны.

– Это вы орете, матрона Вистун, – сердито ответил целитель, – мешаете Ее Высочеству рожать!

– Что-о-о?! – взревела Клози. – Как рожать? Она уже родила!

– Мэтр, вы про послед? – с сомнением спросила Персиана.

– Да какой уж тут послед... дышите, Ваше Высочество, толкайте ребеночка!

– Пресвятые тапочки, откуда ребеночек? – из последних сил взмолилась принцесса. – Мы ждали одного...

– Да я тоже ждал одного! – завопил в ответ мэтр Жужин. – И видел только одного – маленького Рэда! А тут у нас...

– И кто у нас тут? – громко осведомилась архимагистр, не отпуская руки короля. – Варгас, не отвлекайтесь от Его Величества!

– Сейчас посмотрим, Ваше Могущество...

Кажется, Ожин взял себя в руки, потому что в его голосе появились деловые нотки.

– Головка вышла... плечико...

– Волосики светленькие, в деда, видать, – констатировала Ванилла.

– А вот и...

Жужин растерянно замолчал.

– Ожин, срыгни вас кракен, быстро говорите, кто там! – рявкнула Никорин.

От звука ее голоса неожиданный новорожденный крякнул и заплакал – громко, звонко и сердито.

– Ники, – прошептал Варгас, – Его Величество...

Дрюня вскочил и склонился над кроватью.

– Вижу, – ответила архимагистр, тоже вглядываясь в лицо короля, с которого начал исчезать пугающий покой. – Ожин, плевать, кто там, не давайте ребенку замолчать, пусть поорет еще немного!

– Это девочка! – вдруг разревелась Ванилла и обняла Бруни. – Это девчонка, Брунь, ой, какая голосистая! У тебя, значица, двойня!

Безвольные пальцы Редьярда слабо сжали ладонь архимагистра. Его губы шевельнулись.

– Что? – Ники наклонилась над ним. – Что, Ваше Величество?

Жужин уже стоял рядом, сменив мага – обессиленный Варгас серой тенью сполз на пол.

– Кто... это... вопит...? – прошептал король.

Глаза Никорин подозрительно блеснули. Она поцеловала Его Величество прямо в губы и ответила:

– Это вопит жизнь, Редьярд.

Вителья подкинула «корону» ладонью. Та поднялась в воздух и полетела в темноту, сопровождаемая, словно эскортом, магическими светляками Альперта. Вирош двинулся первым, однако Яго положил руку ему на плечо.

– Ты с Раем и Таришей пойдешь в середине группы, с магами, – мягко сказал он, – не хочу, чтобы вас покусали. Со мной идет Дробуш, замыкающие – уважаемые рубаки. Я бы вообще оставил вас на поверхности, но вы же откажетесь.

– Конечно, откажемся! – хохотнул Дикрай.

Спустя мгновение барс нетерпеливо переступал лапами рядом с белой тигрицей, беззвучно оскаливающей огромную пасть.

Грой прищурился, но ничего не ответил и занял место рядом с Витой.

– Погнали! – с азартом воскликнула Торусилья. – Ох, прямо рученьки чешутся поотрывать бешеным зверям бошки!

Стоящая рядом Руф снисходительно улыбнулась, хотя ее глаза горели с не меньшим энтузиазмом.

– Прямо и направо во второй коридор, – сообщила волшебница, и группа слаженно двинулась в указанном направлении.

Барс и тигрица активно приняхивались.

– Запах очень сильный, – пояснил Грой, который звериную ипостась принимать не стал. – Похоже, здесь полно бешеных.

– Хорошее убежище, – кивнул Дробуш. – Звуков не слышно, запах нечистот собьет с толку тех, оборотней, что остались наверху, ну а что темно – так вы в темноте видите.

Тариша чихнула. Рай укоризненно рыкнул на нее.

Яго вопросительно взглянул на Вироша. Грой с силой потер нос и пробормотал:

– Ф-ф-у, как воняет табаком!

– Интересно, зачем здесь табак? – удивилась Тори.

В глазах Вироша загорелся недобрый огонек.

– Табак отбивает у нас нюх, – ответил он. – Чую, неспроста его здесь рассыпали! Тот, кто задумал эту гадость с бешеными для Вишенрога ответит, я буду не я!

Коридоры были пусты, вонючи и сочились влагой, стекающей в желоба вдоль стен. Густая жидкость поблескивала в центральном канале, источая такой аромат, что резало глаза. По полу серой лентой тек поток крыс, которые совершенно не обращали внимания на людей, торопясь по своим делам.

– Фу, мерзость! – буркнула Руфусилья.

Летящая корона повернула в левый коридор. Дружно устремившиеся за ней светляки вдруг вылетели оттуда и заметались под потолком.

Не учащая дыхания Ягорай поймал на острие клинка тенью выскочившего из прохода бурого волка, с клыков которого свисали длинные нити слюны. Однако волк оказался не один. Перепрыгивая через сточный канал на другую сторону коридора и посылая сгусток огня, чтобы хорошенько осветить помещение, Вителья заметила, как рубаки слаженно обогнули Дикрая и Таришу, и встали перед ними, прикрывая. Но если Рай стоял спокойно, то тигрица ярилась: била себя хвостом по бокам и страшно рычала. Руфусилья с удивлением оглянулась на нее. На мгновение волшебнице почудилось, что Виден готова броситься на гномелл и растерзать их, лишь бы добраться до братьев, однако издав рык, больше похожий на стон, Тариша отошла к стене и легла. Что-то с ней было не так, но Вита не успела понять, что, потому что из прохода полезли сразу несколько бешеных, тесня друг друга. Звери дошли уже до такой степени безумия, что не очень соображали, что делают. Действуя они слаженно и разумно, «призракам» не удалось бы покончить с ними столь легко. Спустя некоторое время они смогли продолжить путь, оставив позади груды бездвижных тел с отрубленными для верности головами. На лице Вироша застыло странное выражение – то ли боль, то ли презрение, то ли недоумение. В другое время Вителья обязательно спросила бы его, все ли с ним в порядке, но сейчас ее внимание было сконцентрировано на светящейся короне, которая, как назло, вела все дальше и дальше. Журчание воды в стоках и каналах здесь становилось шумом, скрадывающим другие звуки и, если бы не оборотней, предугадывать атаки бешеных было бы очень непросто. Нападений было еще три – двое одиночек, с которыми разобрались быстро, и одна группа из пяти псовых. С этими пришлось повозиться, поскольку длиннопалые жилистые звери, явно из одного клана, оказались очень прыткими.

Хотя магия на оборотней не действовала, Вита и Альперт времени не теряли – использовали пугающие файерболлы, стены огня, кулаки ветра и тому подобные заклинания, которые могли хотя бы отвлечь нападающих. Дикрай и Тариша рвались в бой, однако гномеллы непреклонно держали их позади себя, не обращая внимания на оскаленные пасти.

После очередного поворота впереди неожиданно показался яркий свет и раздался грозный окрик:

– Стой, кто идет?

– Адептка Вителья Таркан ан Денец с поручением к Его Высочеству Аркею от Ее Могущества Никорин! – звонко крикнула Вита и махнула рукой, подзывая светляков, чтобы ее было лучше видно.

Спустя минутное замешательство чей-то властный голос поинтересовался:

– Кто еще с вами?

– Ягорай рю Воронн и «призраки», Ваше Высочество, – сказал Яго, вставая рядом с Вительей – он узнал этот голос.

– Пропустить, – приказал принц.

«Призраки» вышли в подземный зал, куда сходились сразу несколько сточных каналов. Вода с шумом падала в сливное отверстие, уходящее на нижние уровни Вишенрогского лабиринта. Несмотря на скопление людей, крысы все так же деловито бежали вдоль стен прочь – туда, откуда только что пришли «призраки».

Вита видела принца Аркея всего несколько раз в жизни, и каждый раз в его присутствии ощущала надежность, словно укрывалась за скалой от ураганного ветра. Вот и сейчас, несмотря на опасность, грозящую из-за каждого поворота, выражение лица Его Высочества было абсолютно спокойным. У волшебницы даже мелькнула мысль, может быть, кто-то уже доложил ему, что его супруга в безопасности? Однако она поняла, что ошибалась, едва произнесла первую фразу:

– Ваше Высочество, архимагистр просила передать вам, что ваша жена сейчас находится во дворце...

Одним прыжком принц преодолел разделяющее их расстояние (Дробуш машинально подался вперед, но передумал) и, схватив Вителью за плечи, встряхнул:

– С ней все в порядке?

– Ее Могущество сказала лишь, что она в безопасности и у нее начались роды, – клацнув зубами, пробормотала волшебница.

Ягорай кашлянул. Аркей, опомнившись, отпустил Виту и переглянулся со стоящим рядом офицером в форме подполковника.

– Ура! – воскликнул тот. – Мы можем возвращаться во дворец.

– Ваше Высочество, – вдруг проговорил Грой, – можно?

Принц кивнул.

– В наружных коридорах чувствовался сильный запах табака, а здесь его нет, зато полно бешеных. Тот, кто придумал этот аркаешев план, использовал табак, чтобы скрыть их местонахождение. Пока здесь бродят бешеные – наверху не будет спокойно.

Яго и Вита переглянулись, одновременно шагнули вперед и добавили:

– Ждем ваших указаний!

Аркей молчал, раздумывая. В лицах столпившихся за его спиной гвардейцев, среди которых к удивлению Вители оказались пятеро подростков, не было ни волнения, ни страха, лишь привычная решимость опытных воинов, оказавшихся в эпицентре битвы.

Один из мальчишек выбрался из толпы и встал рядом с Вирошем.

– Я пойду с ними, – сказал он голосом, в котором чувствовалась отчаянная решимость, так знакомая самой Вите – когда-то она покидала Грапатук, будучи в подобном настроении.

– Ха-а-ан... – укоризненно качнул головой его товарищ – крупный, черноволосый оборотень с зелеными глазами.

Его Высочество посмотрел на подполковника. Обмен взглядами был коротким. Офицер отдал честь, повернулся к гвардейцам и скомандовал:

– В боевой порядок стройсь! Малопушки наизготовку!

Принц взглянул на мальчишку и улыбнулся уголками губ:

– К сожалению, ты прав, Зохан Рысяш, уходить еще рано.

И тут волшебница опомнилась, ведь вторым указанием, полученным от Ее Могущества, был приказ доставить наследника королевского престола во дворец живым и невредимым!

– Я могу открыть портал прямо отсюда, Ваше Высочество, – поспешно сказала она, – возможно, в эти мгновения вам лучше быть с супругой?

– Раз она во дворце, я могу заняться безопасностью Вишенрога, – невесело усмехнулся Аркей, а затем добавил совсем уж непонятное: – Я и так задолжал Ласурии...

Он резко повернулся к Грою:

– Вирош, ведите нас на запах. Мы уничтожим их всех до единого!

– Да! – воскликнул Зохан.

Тори толкнула локтем сестру и прошептала:

– А этот парнишка-оборотень мне нравится! Буду за ним приглядывать, чтобы не покусали.

Руф ничего не ответила. С непонятым выражением лица она смотрела на Таришу.

В королевских покоях окна были распахнуты настежь – Редьярду все еще не хватало воздуха, и он с наслаждением, хотя и не без труда, дышал свежим ветром, заигрывающим с занавесками. Румянец пока не коснулся королевских щек, однако и восковая бледность его покинула.

Король с наслаждением пил из большой кружки горячий морс. В комнате оглушительно пахло медом и травами.

– Вот надо было вам, мэтр, испортить такой замечательный напиток своими настойками! – проворчал он. – Нельзя было подождать до второй чашки?

– Нельзя! – даже без «Ваше Величество» рявкнул целитель, который выглядел не лучше своего пациента. – Нужно подкормить ваше сердце, пока оно еще чего-нибудь не выкинуло!

Король внимательно посмотрел на него.

– Впервые вижу, чтобы вы злились, Ожин. Было так плохо?

– Хуже некуда, – поморщился Жужин. – Ваше Величество, мой дорогой король, вы понимаете, что следующий приступ будет для вас последним? И никакие силы в мире, кроме запретного на Тикрее искусства некромантии, не смогут вас воскресить?

Редьярд допил морс и поставил кружку на тумбочку у кровати.

– Мой дорогой мэтр, – вздохнув, сказал он, – раз дела обстоят таким образом, я могу вам поклясться, что знаю, где хочу умереть... Вот только разберусь с делами! Где мой сын и моя невестка?

– Никаких дел, Ваше Величество, или я опою вас сонным зельем и продержу в целительном сне до тех пор, пока в Ласурии не будет убит последний бешеный оборотень! – рассердился целитель.

– Тогда позовите сюда моего шута, – фыркнул король, – ибо мне грустно жить дальше.

Жужин возвел глаза к потолку и судорожно вздохнул. Его Величество смотрел на него, не мигая, и напоминал филина, разбуженного посередине дня.

– Ну хорошо, – сдался целитель, – С Ее Высочеством все в порядке. Она родила вам двух прекрасных внуков – мальчика и девочку...

– Девочку? – изумился Редьярд. – Да ну?!

– Ну да, – кивнул Ожин. – Принцесса и новорожденные чувствуют себя прекрасно. Полагаю, во дворце теперь будет очень шумно – детки голосистые, особенно принцесса Хлоя.

– А как называли маленького принца? – заволновался король.

– Редьярд, – улыбнулся целитель. – Теперь у нас есть Редьярд-старший и Редьярд-младший. Малыш – вылитый папа в детстве.

– Что с Арком? – напряженно спросил Редьярд-старший. – Он жив?

– Он жив, здоров и, полагаю, с наслаждением сносит головы бешеным, используя те самые малопушки, которые вы запретили, Ваше Величество, – прозвучал хрустальный голос и следом за ним в покоях появилась его обладательница.

Никорин подошла к кровати, бросила испытующий взгляд на короля.

– Выглядите неплохо... По крайней мере по сравнению с тем, что было – небо и земля.

– О земле не надо, – поморщился король. – По словам мэтра Жужина, я чуть было в ней не оказался.

– Ожин не лжет, – пожала плечами Ники. – Если бы не он, а также новый помощник королевского мага Варгас Серафин, и толика чуда – лежать бы вам сейчас в пышных одеждах на возвышении в Большом тронном зале. В окружении цветов и скорбящих подданных.

Целитель укоризненно покосился на архимагистра и поспешил перевести тему:

– Как там Варгас? Парень – молодец, держался до последнего.

– Ему потребуется пара недель на восстановление, но все поправимо, – кивнула Ники. – Я рада, что не ошиблась в нем!

– Подожди, ты сказала малопушки? – запоздало подскочил на подушках король.

Архимагистр кивнула.

– Я подумал – ослышался, – нахмурился Редьярд и вдруг рассмеялся. – Вот ведь... королевский сын! От Колея я мог ожидать такой пакости, но не от Арка!

– На этом разговор о делах будем считать законченным, – нудным тоном произнес Ожин. – Или я попрошу Ее Могущество ввести вас в магический транс, дабы вы могли наслаждаться прекрасными видениями.

Ники прищурилась.

– Не надо в транс! – воскликнул Его Величество. – Позовите моего шута, и я буду самым примерным из ваших пациентов. А когда сочтете нужным, Ожин, будьте так добры, принесите мне внуков – я хочу на них посмотреть.

Архимагистр, скрывая улыбку, чуть повернула голову к двери, и та распахнулась. В комнату осторожно, словно олень, выходящий из леса, шагнул Дрюня и тут же просиял, увидев сидящего в кровати короля.

– Иди сюда, дурак, – улыбнулся король. – Будешь меня веселить, раз уж делами мне заниматься запретили! Ты еще не забыл, как меня веселить?

Дрюня покосился на Ники и промолчал.

– Он забыл, – доброжелательно сообщила та. Вынула из кармана бутылек с прозрачной жидкостью и потрясла им перед лицом короля: – Имейте в виду, Ваше Величество, если шут еще раз попытается принести что-то из запрещенного вам с этого дня мэтром Жужином, – у него, у шута, отнимутся руки и отсохнет язык. Я прослежу за этим лично!

– Даже не знаю, что страшнее, – пробормотал Редьярд, сочувственно взглянув на побелевшего Дрюню. – Ладно, братец, иди сюда – будешь веселить меня рассказами о моих внуках!

– Так-то лучше! – кивнул мэтр Жужин. – Я вернусь через полчаса с новой порцией лечебного морса, Ваше Величество. У дверей дежурят гвардейцы, которые не пропустят сюда никого, кроме меня или Ее Могущества, имейте в виду.

– Но... – попытался возразить король.

– Никаких «но», Редьярд, – промурлыкала архимагистр, – ведь приказ отдан твоим сыном, и будет выполняться неукоснительно до тех пор, пока мэтр Жужин не решит, что ты окреп настолько, чтобы вновь заняться делами.

– Арк отдал такой приказ? – округлил глаза король. – Он же где-то в Вишенроге, э-э-э, лупит по бешеным?

– Не Арк, – с видимым удовольствием вновь мурлыкнула Ники и исчезла.

– А кто же? – удивился Его Величество.

– О, братец, это и есть главная новость дня! – воскликнул Дрюня, наконец, приходя в себя, и привычно упал в кресло, стоящее у окна. – Сейчас ты будешь изумлен, как говорят гномы, «по самые ядры»!

Огромная крыса метнулась из-под ног Руфусильи, заставив гномеллу от неожиданности подпрыгнуть.

– Да что б тебя! – пробормотала она и махнула топором, но крыса уже скрылась за поворотом.

Вителья проводила ее задумчивым взглядом. То, что грызуны спасаются с тонущих кораблей, ей было известно, но от чего спастись здесь, в канализации большого города – в месте, которое словно создано для жизни крыс?

«Кипиш!» – мысленно позвала волшебница, привычно не ожидая ответа.

Но божок проявился в воздухе, полупрозрачным контуром напомнив привидение.

«Что, моя жрица, тайн становится слишком много?» – невинно осведомилась противная старушенция и сложила ручки на животе.

«Крысы бегут от бешеных? – спросила Вита, не обращая внимания на предыдущий вопрос. – Но ведь и наверху они есть?»

Она заметила, как замедлил шаг барс, как насторожились Яго и Дробуш, прислушиваясь к разговору, неслышимому никому другому, кроме них.

«Ты мыслишь верно, но не совсем, – наморщил лобик младенец, – крысы бегут не от бешеных, но от бешенства. Подумай над этим, может быть, что-то и придумается в твоей хорошенькой головке?»

Волшебница хотела съязвить в ответ, однако впереди послышался грохот малопушек и звериный рев.

Залп, произведенный первой линией гвардейцев, заставил нападавших покатиться по земле. Будто танцуя, солдаты перегруппировались – вперед вышла вторая линия, а первая спешно заряжала оружие.

– Го-о-отовсь! – слышался спокойный и даже ироничный голос подполковника рю Фринна. – Лу-у-у-у! Третья линия – го-о-отовсь!

– Торусова плешь, если они не расступятся и не пропустят меня вперед – я их порубаю! – возмутилась младшая рубака, подпрыгивая, чтобы заглянуть за высоких гвардейцев.

– Подождите, уважаемая Тори, всему свое время, – улыбнулся рю Воронн, посмотрел на Виту и прошептал:

– Крысы бегут не от бешеных? И как это понимать?

У волшебницы мелькнуло какое-то воспоминание, но строй гвардейцев неожиданно расступился, а от рыка подполковника задрожал воздух:

– Холодное оружие к бою!

Фраза еще не прозвучала до конца, как вперед, стремясь опередить друг друга, прыгнули Ягорай, Торусилья, Дробуш, Грой и Дикрай. За ними бросились гвардейцы, вооруженные клинками. Остальные спешно перезаряжали малопушки.

Альперт, не дожидаясь Вительи, с решительным выражением лица выпускал из ладоней полчища магических светляков, которые вырвали из темноты очередной подземный зал. В ответ жутковато засветились десятки звериных глаз.

– Ваше Высочество, их очень много, а патроны у нас кончаются! – раздался голос подполковника.

– Тем более с ними надо покончить, – процедил принц и потянул меч из ножен.

Вителья поискала глазами старшую рубаку и увидела ее стоящей чуть в стороне. На этот раз Руфусилья в бой не стремилась. Она... следила за Таришей.

Тигрица застыла у стены с опущенной головой, слегка покачиваясь.

От ужаса понимая волшебнице стало холодно. Она невольно обхватила себя руками. И как не сообразила раньше!

Словно ощутив ее взгляд, фарга подняла голову и посмотрела на нее. В помутневших глазах еще теплился огонек разума...

– Уходи! – одними губами прошептала Вителья. – Уходи пока можешь!

Ей послышалось или в стылом воздухе действительно раздался голос Тариши Виден: «Уже не могу...».

Зарывав, тигрица бросилась к Его Высочеству Аркею. Руф прыгнула наперерез и ударила ее плашмя топором, однако Таришу это не остановило. Мощным ударом лапы она отшвырнула гномеллу, и та со всего размаха шмякнулась об стену. Несколько гвардейцев из тех, кто уже перезарядил малопушки, вскинули руки...

– Не-е-ет! – с отчаянием закричала Вита.

Светлая тень промчалась по стене, бесшумно стекла на пол...

Грохот выстрелов поглотил рычание и крики...

На полу, крест на крест, лежали два звериных тела – полосатое и пятнистое.

По залу со спокойствием палача ходил Дробуш Вырвиглот с позаимствованным у Зохана Рысяша охотничьим ножом, и отрезал головы трупам бешеных. Тела десятка погибших гвардейцев были аккуратно сложены у стены, рядом сидели и лежали раненные. Путь в закуток коридора, в котором разместился принц Аркей и остальные, был перекрыт кордоном из тех солдат, что еще держались на ногах.

В неверном магическом свете лица Тариши и Дикрая казались зеленовато-мертвенными. Вителья, стоящая на коленях между ними, знала, что это не видимость – оборотни умирали, изрепеченные страшной силой гномьего оружия.

В разорванном рукаве куртки Виден виднелся подживающий шрам на левом плече.

– Как вы допустили это, ан Денец? – раздался холодный голос принца. – Почему не заметили?

Вита молча покачала головой.

Тариша дернулась, закашлялась и открыла глаза. Безумия в них почти не было.

– Я... я боролась... боролась с его волей... – прошептала она, и кровь весело запузырилась на ее губах. – Не хотела... вашей гибели...

Она с трудом повернула голову и посмотрела на застывшего рядом Дикрая, который так и не сменил облик. Оборотень лежал спокойно, лишь четче проступили черные пятна на почти белом мехе.

Грой, который стоял рядом с рю Воронном, зарычал и ударил кулаками об стену.

– Ви-та... – прохрипела Виден, не сводя глаз с Дикрая. – Я никогда... ни о чем... не просила... чело- века. Сейчас... прошу тебя! Умоляю!

Глотая слезы, волшебница склонилась к ней.

– Я сделаю все, что ты хочешь!

– Спаси... его! Забери... остаток... моей жизни... Я знаю – ты можешь!

Вита отпрянула, но с неожиданной силой фарга схватила ее за руку и заговорила быстро, с каждым словом теряя последние силы.

– Однажды вы, люди, отняли жизнь у моего любимого... Сейчас в твоих силах вернуть моего любимого к жизни!.. Сделай это, тогда я и люди будем квиты... Я хочу уйти, уйти со спокойным сердцем...

Волшебница вырвала руку и с ужасом воскликнула:

– Я не могу!

– Ты обещала!.. – прошептала Виден и потеряла сознание.

Вителья оглянулась на Яго, ища поддержки. Он молча смотрел на нее, и в черных, как Вечная ночь глазах, ничего нельзя было прочесть. Рано или поздно выбор между жизнью и смертью делает любой – рю Воронн, всегда ходивший по острию ножа, знал это.

– Сделай это для нее, – тихо сказала старшая гномелла.

– Тариша так и не смирилась со своей потерей, – с болью произнес Грой и сел на пол, прижавшись затылком к холодному камню стены. – Она заслужила покой!

– Вита... – Альперт смотрел на нее, и его глаза казались бездонными. – Она хочет исправить свою ошибку... Если бы у всех был такой выбор!

– Надо спросить Дикрая, хочет ли он этого? – воскликнула волшебница, и ее голос оборвался рыданием.

– Рай не ответит, – качнул головой Яго. – Он прикрыл Таришу собой, и ему досталось сильнее.

Вита с отчаянием посмотрела на Тори. Маленькая рубака, никогда не лезшая за словом в карман, промолчала впервые на ее памяти. Лишь кивнула, заметив взгляд волшебницы.

– Она сказала, что боролась, – прогудел сзади подошедший Вырвиглот и сунул нож мальчишке, у которого его позаимствовал.

Подростки, все пятеро, стояли рядом с Его Высочеством, расширенными зрачками следя за происходящим.

– Да, Дробушек... – пробормотала Вителья.

Знала, что однажды придется выбирать между жизнью и смертью, знала... Но одно дело – знать. А выбирать, оказывается, совсем другое!

– Значит, она была больна давно, – добавил Яго.

– Как вышло, что никто из вас ничего не заметил? – удивленно спросил рю Фринн.

– У нее была самая сильная воля из всех, кого я знал, – Грой поднялся, подошел к волшебнице и положил руку ей на плечо. – Вита...

Вителья подняла на него полные слез глаза и благодарно сжала его пальцы. Оборотень разделял с ней этот нелегкий выбор. Как и Яго. Как и Руф. Как и остальные.

Она закрыла глаза и повела ладонями над телом Денеша. Смертоносные железные шарики затаились в его теле, словно свернувшиеся ядовитые змейки. Их надо развеять, а внутренние раны зарастить, запаять сосуды, прекратить кровотечения. И запустить организм заново, добавив того желания жить, что отдавала добровольно фарга Тариша Виден.

Последней мыслью Виты перед тем, как уйти в целительный транс, была мысль о том, простит ли ее когда-нибудь Дикрай за то, что она для него сделала?

Вителья собиралась открыть портал в один из внутренних дворов замка, однако, глубоко подавленная произошедшим, ошиблась в расчетах, в результате чего все оказались в Большой тронной зале, прямо в центре толпы испуганных придворных. Это появление принца во дворце вместе с частью полка, «призраками», ранеными и телами погибших произвело фурор.

Раненых и погибших передали мэтру Жужину.

– Если позволите, Ваше Высочество, я заберу тело фарги и позабочусь о похоронах, – сказал по прибытии Грой, и принц не смог отказать.

– Надеюсь, вы знаете, что делать, – лаконично ответил он и отвернулся.

Лиц придворных Аркей не замечал – перед глазами стояло лишь одно лицо, его жены.

– Рю Фринн! – рявкнул он.

– Ваше Высочество, разрешите проследить за размещением раненых и проведением всех необходимых процедур с усовпшими? – вскричал подполковник, который стоял рядом.

– А что же делать мне? – опешил от его напористости принц.

– Навестить Ее Высочество, разумеется, – скрыл усмешку в усах рю Фринн. – Я доложу вам обо всем, как только вы будете готовы меня слушать.

Аркей развернулся и пошел прочь. Едва покинув тронную залу и скрывшись от направленных на него взглядов – побежал. Ворвался в свои покои и едва не налетел на полковника Торхаша. Тот, заложив руки за спину, кружил по комнате, словно запертый в клетку зверь.

– Ты здесь? – удивился Его Высочество. – Что-то случилось? С Бруни?

– С ней все в порядке – спит, измученная родами, – пояснил Лихо. – Я не задержу тебя надолго. Прикажи арестовать меня.

Брови Аркея поползли вверх.

– Что-о?! – воскликнул он. – Почему?

– Видишь ли... – Торхаш смотрел ему прямо в глаза, – когда я услышал, что твоя жена в опасности, я ушел и увел Черный полк искать ее. Не дожидаясь твоего приказа. Не дожидаясь ничьих приказов. Я виноват, мои оборотни – нет. Арестуй меня, а их не трогай.

– Ты... ушел? – Аркей выглядел растерянным. – Куда? Зачем?

– Я знал, что только мы сможем найти ее в городе, полном паники, – пожал плечами Лихо. – Не один нос, не два – а целый полк. И мы действительно...

– Лихо спас нас с Григо... Благодаря ему мы добрались до Золотой башни, – слышался слабый голос.

Бруни стояла в дверях, кутаясь в халат.

Аркей бросился к ней, схватил и с тихим стоном зарылся лицом в ее волосы.

– Кай, мой Кай! – шептала принцесса, целуя его, куда придется. – О Пресветлая, я не видела тебя целую вечность!

Она отстранилась, разглядывая мужа. От него пахло кровью, железом... смертью. Но он был жив, а значит, жизнь продолжалась и для Бруни!

– Какой ужасный запах, – пробормотала она, – где ты был?

Принц с жадностью смотрел в ее лицо. Что-то новое появилось в нем: что-то мудрое и отстраненное, что-то строгое и мягкое, что-то волнующее... Но это была его Бруни, знакомая и близкая до боли в сердце.

– Там же, где и ты, полагаю, – с облегчением улыбнулся он, – в канализации Вишенрога. Я шел по твоим следам.

– Там было полно бешеных, как же ты выбрался? – затаив дыхание, спросила Бруни.

– А у меня было полно помощников, – усмехнулся Аркей, – меня больше волнует, как выбралась ты!

– Меня вел Григо, – смутилась принцесса – перед глазами появился крысиный король в рыцарском

одеянии и с мечом в лапе. – Я расскажу тебе позже ...

Аркей внимательно посмотрел на нее и, видимо, все понял, потому что перевел тему:

– Ты покажешь мне нашего ребенка?

Бруни изумленно округлила глаза:

– Тебе никто не сообщил?

– О чем? – насторожился принц.

– У нас двойня – мальчик и девочка. Редьярд и... Хлоя.

С мгновение Аркей смотрел на жену в недоумении, а затем засмеялся и закружил по комнате с такой силой, что Лихай на всякий случай отступил к стене.

– Ох, немедленно пусти меня! – пыталась остановить его принцесса. – У меня голова закружилась!

Из открытых дверей спальни донеслось смешное кряхтение и звонкий плач. Аркей застыл на месте, осторожно поставил Бруни на пол. Его глаза сияли.

– Это Рэд?

– Это Хлоя-скандалистка, – хихикнула принцесса. – Ее так Ванилька прозвала. Идем, родной, я вас познакомлю.

Аркей пошел было за ней, но спохватился и вернулся к Торхашу.

– Наказан будешь не только ты, но и весь полк, – серьезно сказал он. – За принятые решения надо отвечать, не так ли?

– Как прикажешь, – тихо ответил Лихай.

– Завтра Черный полк принесет клятву верности Ее Высочеству Бруни, – в глазах принца запрыгали смешливые искры. – Будущей королеве понадобятся свои гвардейцы. Гвардейцы, готовые ради нее даже на самую страшную смерть. Свободен, Лихо!

Он вернулся к Бруни, обнял ее и увел в спальню, закрыв за собой двери.

Несколько мгновений полковник пораженно смотрел ему вслед, а затем пробормотал:

– Ну, Арк! А я-то, дурак, поверил!

Вита поискала глазами Яго и увидела, как он идет к ней через взбудораженную толпу придворных.

– Нам нужно покинуть дворец и вернуться в Вишенрог – тихо сказал он, оказавшись рядом. – Я только что узнал: в город ввели войска, но перед этим на улицах неведомо откуда появилось множество бешеных. Повсюду идут бои. Раю мы сейчас не нужны, он спит и останется под присмотром королевского целителя, пока не придет в себя.

– Знамо дело откуда появилось, – проворчала Тори. Гномелла времени даром не теряла – правила лезвие топора. – Из этих, как выразился уважаемый Дробуш, очистных сооружений.

– Мне нужно найти Ее Могущество, – так же тихо ответила Вита.

– У тебя есть, что ей сказать? – Яго пристально смотрел на нее.

– Есть, – коротко ответила волшебница, показывая, что не желает вдаваться в подробности.

Его горячая ладонь на мгновение прижалась к ее щеке. Затем рю Воронн развернулся и двинулся прочь, бросив остальным:

– Пошли.

– Но... – попытался воспротивиться Альперт, однако Руф вежливо взяла его под руку и потащила за Яго.

Дробуш остался стоять рядом с Витой.

Целительный транс, в который волшебница погрузилась, чтобы излечить Дикрая Денеша, расставил все по своим местам, извлек из калейдоскопа воспоминаний нужные и соотнес с происходящим. Догадка казалась слишком невероятной! Проверить ее без Ники было безумием. Адептке ан Денец

как воздух требовалась архимагистр со своей Силой, опытом и, чего уж там, нестандартным подходом к решению некоторых вопросов.

Один раз у нее уже получилось разыскать Ее Могущество на просторах Тикрея. Правда, тогда Ники обещала ее «отлупить, как неразумное дитя». Поэтому в этот раз Вита решила не пытаться сразу влезть в сознание Никорин со своими вопросами, а определить ее местонахождение, чтобы оказаться рядом. В голове сразу появилась схема Вишенрога, на одной из улиц которого, к удивлению волшебницы, и находилась архимагистр. Боги, что она там забыла?

Вита взяла Дробуша за руку и открыла портал, не обращая внимания на отшатнувшихся придворных. Ее каблучок еще не успел стукнуть по мостовой, как Вывиглот заревел и ринулся в самую гущу схватки – солдаты Ласурской армии теснили в тупик между домами кучку бешеных оборотней. Те пытались прорвать оцепление, однако стоящая тут же, привалившись плечом к стене Никорин, не позволяла им сделать это, периодически поднимая с земли стену гудящего пламени.

– Дальше, дальше гоните! – закричала она солдатам. – Ближе к забору!

Заметив Дробуша, Никорин огляделась. Увидела Вителью и поманила рукой.

– Принц Аркей во дворце, с ним все нормально, – поспешила доложить Вита, едва подойдя.

– Ты должна была сообщить мне об этом несколько раньше, не так ли? – проворчала архимагистр, следя за боем.

– Его Высочество принял решение уничтожить бешеных, обнаруженных в канализации, – смутилась Вита. – Мы все время были рядом...

Ее голос дрогнул. Вспомнились лежащие на полу крест-накрест тела – полосатое и пятнистое.

– Потери? – уточнила Ники, покосившись на волшебницу, и вдруг завопила: – А теперь назад все, быстро!

Повинуясь ее словам, качнулась стена огня, отгоняя солдат. Они поспешно отступили. На крышах образующих тупик домов заворочались, выламываясь из перекрытий, печные трубы. Славные Вишенрогские трубы, сложенные из добротных кирпичей! Спустя мгновение камнепад обрушился на оборотней, скрыв под собой.

Вителья, затаив дыхание, следила, как огонь успокаивается, втягивается в землю, как поднимается пыль с кучи каменного крошева.

– Так кто погиб?

Волшебница моргнула и перевела взгляд на архимагистра. Сердце отказывалось произносить имя, но похоже, Вителья становилась настоящим боевым магом, потому что без всякой интонации отрапортовала:

– Тариша Виден.

– Пожалуй, я послушаю об этом... потом, – кивнула Ники. – Ты же пришла не за этим, адептка ан Денец? Ты пришла, чтобы рассказать мне что-то, о чем я еще не знаю.

Последняя фраза не была вопросом.

Вита замешкалась, не зная, как начать рассказ о своем знакомстве с Альтуром Пенкрысоном.

Мимо прорысил вестовой, разыскал в толпе солдат офицера, что-то доложил ему, задыхаясь от быстрого бега. Офицер, выслушав его, быстро подошел к архимагистру.

– Ваше Могущество, войска замкнули круг. Большинство бешеных согнано на площадь Университетов, они очень сильны и в ярости крушат все вокруг – люди продолжают погибать.

– Провалить ее к Аркаешу, что ли, площадь эту... – пробормотала архимагистр.

Офицер с ужасом уставился на нее.

– Шучу, – улыбнулась Ники. – Отправляйтесь на соединение с основными частями. Мы с адепткой ан Денец будем там раньше вас.

Она положила руку на плечо Вителье, и та не успела ничего сказать, как обнаружила себя на одной из башен Военного университета. Собравшаяся внизу толпа казалась ярящимся морем. Одни оборотни бросались на забаррикадированные окна и двери обоих университетов, в которых укрылись жители ближайших кварталов. Другие, не зная усталости и не ведая боли, уничтожали

державших оборону ласурских солдат. Единственное преимущество людей – количество, могло быть сведено на нет многочисленными потерями, ведь бешеные продолжали убивать, даже будучи смертельно ранены.

Вита расширившимися зрачками следила за происходящим. Конечно, рано или поздно с оборотнями удастся покончить, но сколько погибнут ради этого?

Она порывисто схватила Ники за руку:

– Ваше Могущество, прошу, выслушайте меня прежде, чем что-то предпримите!

Холод, исходящий от тонких пальцев, прошил Вителью ударом молнии. Она поспешно отдернула ладонь.

– Каждая минута промедления – это несколько жизней, – пожала плечами архимагистр.

– Я знаю! И хочу спасти как можно больше, но для этого надо покончить со всеми бешеными – сразу и навсегда!

Ники подняла брови.

– Ты знаешь, как это сделать?

– Я не знаю... – Вита запнулась. – Я знаю того, кто знает! Его зовут Альперт Пенкрысон, но он называет себя Благословленным Хвостом Величеством.

– Пресвятые тапочки! – изумилась архимагистр. – Прямо так и называет?

Волшебница кивнула. Сделала глубокий вдох и в двух словах рассказала Ники о том, как появился на свет крысиный король. И о его словах, однажды сказанных ей на Весеннем балу: «Тебе известно, что нас называют переносчиками болезней, и в этом есть доля истины. Наша беда и проклятие, в результате которых мы гибнем в куда большем количестве, чем люди, вас не волнует, впрочем, дело не в этом! Как переносчики мы чуем инфекции, знаем, где и когда возможна эпидемия. Так вот, благородная дева, этой весной в Вишенроге пахнет безумием, и мне это не нравится!» Она тогда удивилась, услышав о безумии. И только теперь ей стал понятен смысл сказанного!

Ники слушала, не перебивая, смотрела вниз так, словно там и в самом деле бушевала стихия, не имеющая отношения к живым существам. Возможно, в это мгновение перед ее глазами действительно вздымались валы, тонны воды обрушивались друг на друга, скрывая глубину, а гонимые ветром буруны, спешили прочь, стремясь заглянуть за горизонт.

– Мы видели множество крыс, бегущих из канализации, и я знаю, от чего они бежали, Ваше Могущество – они бежали от бешенства! Они его чувствуют, как собаки чувствуют глубоко закопанную кость. Думаю, если бы крысы умели говорить, они сказали бы нам, где «закопан» источник болезни!

Вителья замолчала, запыхавшись от быстрой речи.

– Выпороть бы тебя, ан Денец, за своеволие и сокрытие информации, – задумчиво протянула архимагистр. – Но ты права – крысы говорить не умеют. Кроме... Его Благословленного Хвостом Величества.

Вита хотела было возразить, что кроме Альтура говорила еще и с Жруневьерой, однако вовремя спохватилась. Узнай архимагистр, что простой адептке довелось побывать на изнанке мироздания, в жутком теневом мире, куда она перед этим собственноручно засунула Бога Хаоса, – одной поркой бы не обошлось!

– Как нам найти это... – Ники иронично хмыкнула, – ...Величество?

– Думаю, нужно его позвать, – растерялась Вита.

– На вершину башни? – неожиданно захохотала Никорин. – Да у него лап не хватит сюда забраться! Нет, это плохая идея. Давай-ка мы сами к нему спустимся.

Вителья бросила взгляд вниз, где одни продолжали биться за свои жизни, а другие – чтобы отнять чужие, и прошептала:

– А как же время?

– Нам его одолжат уважающие себя мастера, – усмехнулась архимагистр и подняла руки.

В самой середине толпы бешеных раздался резкий хлопок и задрожал воздух. Сила формирующегося портала разбросала оборотней в стороны. Раздался мерный топот десятков

подкованных ботинок, и в пространство Вишенрога выдвинулось бронированное рыло гвардии Его Подгорного Величества Виньогрета Первого. Коренастые и крепкие сыны недр держали строй, несмотря на бросающихся на них обезумевших оборотней, а топоры, торчащие между щитами, били без промаха.

Вителья не успела восхититься их слаженными действиями, как в нос ударил спертый аромат, смешанный с сильным запахом соленой воды. Она обнаружила себя в большом помещении, скудно освещенном из тусклых оконеч под потолком. В помещении никого не было.

– Где мы? – удивилась она.

– Портовые склады, – пояснила Ники, – отличное место для ловли крыс – зерна полно, и никто не помешает.

Она замолчала и уставилась на Вителью своими невозможными глазами.

– Что? – почувствовав себя неуютно под этим взглядом, удивилась волшебница.

– Зови своего хвостатого поклонника! – воскликнула архимагистр и, неторопливо двинулась вдоль стены, засунув руки в карманы брюк и насвистывая какую-то песенку.

«Кипиш! – безмолвно взмолилась Вита. – Ты мне нужен! Прямо сейчас! Очень-очень!»

«Пр-р-родолжай... – мурлыкнул знакомый голос. – Пр-р-родолжай меня нахваливать!»

«Потом! – отрезала волшебница, разглядев, наконец, полупрозрачный кошачий силуэт в воздухе. – Люди гибнут, неужели ты не понимаешь?»

«Люди – не боги, но с ними весело, – помолчав, заметил божок. – Чего хочешь от меня, жрица?»

«Как можно быстрее найди Альтура и приведи сюда! Он поможет справиться с бешеными».

«Как? Отгрызет им пальцы на ногах? – свирепый воин смотрел на нее с издевкой. – Или покусает за причинные места?»

«Вот это я и собираюсь выяснить!» – начиная злиться, произнесла Вителья.

«Ну ладно-ладно, – черноволосая красавица картинно заломила руки, – чего не сделаешь ради жизни на Тикрее!»

– Ну что? – поинтересовалась архимагистр, возвращаясь. – Где он?

– Надо подождать, – пробормотала Вита.

– Долго ждать мы не можем, – пожала плечами Никорин и снова отправилась в дальний угол. Мелодия насвистываемой песенки изменилась.

«Кипиш!» – мысленно взмолилась Вителья.

Под половой доской что-то заскреблось.

Колей так и не решился сесть за стол в отцовском кабинете – притулился сбоку, на приставленном к столу кресле. В настоящее время он дул воду прямо из графина с грудастой эльфийкой и косил одним глазом на главнокомандующего рю Саднеса, который скрипучим от старости голосом докладывал о потерях людского состава.

Принц Аркей несколько мгновений постоял в дверях, наблюдая. Он впервые видел такое выражение лица у младшего брата. Обычно тот не слушал, а если слушал – не понимал. Но сейчас было видно, что он не только слушает и понимает, но и думает!

– Благодарю тебя, брат, – сказал наследный принц, входя в кабинет и занимая отцовское место.

– Пресветлая, ты?! – едва не прослезился тот, вскакивая.

Рю Саднес пытался вытянуться в струну, отдавая честь, но согбенная годами спина не давала этого сделать.

– Оставьте нас на несколько минут, Ликен, – попросил его Аркей, и когда тот вышел, внимательно посмотрел на брата. – Что, Коль, тяжело принимать решения?

Тот подошел к окну, рванул створку, впуская ветер и вдруг, развернувшись, заорал:

– О чем ты думал, когда покидал дворец, Арк, ты ведь всех бросил – отца, меня, Вишенрог! Отец

едва не умер...

Его голос сорвался.

Аркей встал, подошел к нему и обнял. Всклипнув, Колей уткнулся лбом ему в плечо и признался:

- Мне еще никогда не было так страшно!

- Я знаю, - ответил принц и отстранился, разглядывая его. - Но ты молодец! Все сделал верно.

Колей изумленно уставился на него.

- Ты меня хвалишь? Ты?! Меня?!

Аркей хлопнул его плечу и, вернувшись за стол, поинтересовался:

- Останешься со мной? Или сбежишь?

- Сбегу, - честно признался Колей и провел ребром ладони по горлу: - Вот мне где эти ответственные решения! Ужасно хочу выпить.

Он двинулся к дверям, однако Арк произнес:

- Ты не любишь моих советов, знаю...

Младший принц остановился и чуть повернул голову.

- Мне доложили, что Оридана до сих пор молится в часовне. Побудь немного с женой, успокой ее, а потом иди на все четыре стороны.

В широких плечах Колея появилась напряженность. Да, он действительно не любил советов старшего брата... потому что это были хорошие, правильные советы. В другой день он бы сказал какую-нибудь гадость и смылся, но не сегодня. В конце концов, гаракенка была рядом с ним в минуту слабости и поддержала.

Колей вернулся к столу. Помолчал.

- Мне ведь жить с ней всю жизнь, да, брат? - спросил он. - Такая, как твоя Бруни, мне не встретилась...

- Ты ничего не сделал, чтобы такую встретить.

Колей вскинулся, однако Арк говорил без тени насмешки. А когда он так смотрел, становился ужасно похожим на королеву Рейвин, и у младшего принца пропадали любые возражения.

- Можно не любить друг друга, но относиться друг к другу по-человечески, - мягко сказал Аркей. - Пресветлая любит тебя, брат! Она постоянно подкидывает тебе шансы все исправить.

- Но я дарю Ори подарки! - воскликнул Колей. - И даже играю с Саником! Он такой забавный. С характером...

- Ты не проводишь с женой время, - пожал плечами Аркей, - и я не имею в виду супружеский долг. Иногда нужно просто разговаривать.

- Пресвятые тапочки, о чем с ней разговаривать? - изумился Колей.

На брата старался не смотреть - его сходство с матерью нервировало все больше.

- О чем угодно, - старший принц потянул к себе последний доклад о ситуации в столице, который так и пролежал все это время на столе. - Я более не задерживаю тебя...

- Иногда мне хочется тебя придушить, - признался младший принц.

Аркей снова поднял глаза и вдруг улыбнулся.

- Я знаю, Коль. А теперь иди и позови рю Саднеса.

Ники, остановившись рядом с Витой, с интересом смотрела, как раскручивается сучок в половой доске, проваливается внутрь. Из открывшейся дырки черным глазом глянула тьма, а в ней розовым зрачком возник... уса́тый крыси́ный нос.

Альтур Пенкрысон выглянул из отверстия, пронзительно глянул на Ласурского архимагистра и приготовился нырнуть обратно.

- Нам нужна помощь, Ваше Хвостатое Величество! - воскликнула Вита. - Мы без вас не справимся!

Ники повела плечами, но промолчала.

- Помощь нужна тебе, прекрасная дама Вителья или демонице рядом с тобой? - пошевелив носом, спросил крысиный король.

- Это не демо... - попыталась возразить Вита.

- Я прекрасно знаю, кто это! - пискнул Альтур. - Поэтому и спрашиваю.

- Помощь нужна Вишенрогу, - подала голос Никорин и, запнувшись, добавила: - Ваше Благословленное Хвостом Величество.

Крыс заскреб когтями по доске и выбрался наружу.

- Вижу, вы слышаны обо мне, - осклабился он. - Что ж... Речь пойдет о бешеных, наводнивших город, не так ли?

- Вижу, вы слышаны о наших проблемах, - в тон ему ответила Ники.

Альтур поднял палец.

- Вот именно, о ваших проблемах! Мой народ многочисленен, но его представители слишком малы, чтобы интересоваться кого бы то ни было.

- Во время Весеннего бала ты сказал мне, что крысы могут чують болезни, - вмешалась Вителья. - Уже тогда ты говорил о безумии, но я не поняла тебя. А сейчас знаю, что ты имел в виду! Можешь ли ты указать нам, где находится источник бешенства?

- И ради чего мне это делать? - в крысиных глазах зажегся недобрый огонек.

- Могу предположить, что зерна в мирном городе больше, чем в городе после военных действий, - хмыкнула Ники. - Это недостаточная причина?

Альтур пожал плечами. Красный плащ торжественно шелохнулся.

- Что мне за дело до зерна, которым с нами не делятся? - уточнил он. - Что мне дело до зерна, которое охраняют коты, мышеловки и яды? Мы добываем себе пропитание сами, добудем и после того, как Вишенрог опустеет.

- Но ты же благородный король, Альтур? Как ты можешь так говорить? - возмутилась Вита.

- Благородных королей не бывает, - звякнул доспехами крыс, - демоница, вон, прекрасно знает об этом.

Ники села на пол, скрестив ноги. Вителья увидела, как архимагистр улыбается, и решила, что разговор начал доставлять ей удовольствие.

- Чего вы хотите за помощь, Благословленное Хвостом Величество? - поинтересовалась Ники.

- А что вы, люди, можете предложить крысам? - прищурился крыс.

- Пропитание? - предположила Вита.

- Уже было! - синхронно отмахнулись и Никорин, и Пенкрысон.

- Безопасность? - спросила архимагистр.

Альтур расхохотался.

- Казните крысоловов, удалите из Вишенрога котов, запретите мышеловки и яды? Я не так глуп, чтобы в это поверить!

- Тогда скажите сами, - развела руками Ники. - А я постараюсь сделать, что смогу!

Несколько мгновений крыс разглядывал ее прекрасное лицо блестящими глазками, а затем медленно произнес:

- Мне нужно признание моего народа - народом Тикрея.

Никорин присвистнула.

Вита, которая прекрасно знала, что Альтур всегда добивается своего, тяжело вздохнула.

– Вы всерьез думаете, что это возможно? – уточнила Ники.

– Чудеса случаются, – ответил Пенкрысон. – Я же случился? Но, естественно, это произойдет не сразу. Нужно с чего-то начинать.

– И что же Его Величество желает для начала? – в голосе архимагистра сквозила неприкрытая ирония.

– Я желаю встречу с королем Ласурии, – ничуть не смущаясь, ответил Альтур. – Конечно, я в любое время могу заявиться в его покои, дабы пожелать добрых улыбок и теплых объятий, как это принято у ласурцев. Но боюсь, Его Величество решит, что сошел с ума, и серьезного разговора не получится.

Вителья слушала крыса со все возрастающим удивлением и сильно жалела о том, что не уничтожила хвостатое порождение хаоса в первую же встречу.

Ники расхохоталась.

– Я вижу... вы думаете... на несколько ходов вперед... – смеясь, проговорила она. – Извините... представила сценку! Рэду не помешало бы иногда усомниться в собственной нормальности...

Никорин вытерла слезы, от смеха катящиеся по щекам, и покачала головой.

– Вы мне нравитесь, крысиный король, но почему вы думаете, что если подобную встречу Его Величеству предложу я, он не решит, что спятила Ласурский архимагистр?

– От вас можно ожидать все, что угодно, – пожал плечами крыс. – Коли это известно каждому ласурцу – известно и королю. Вас он выслушает или... вы заставите его это сделать. Мне, в общем-то, без разницы, как это будет. Главное, чтобы встреча состоялась!

Ники подтянула колено к груди и, опершись на него подбородком, выплеснула на Альтура всю лазурь своего взгляда.

– Я бы поговорила с Редьярдом, Ваше Благославленное Хвостом Величество, – промурлыкала она, – но бешеных в Вишенроге осталось немного, те, что шли к городским стенам – уничтожены. Так или иначе мы добьем и оставшихся. Война для Ласурии не новинка! Однако в рамках общетикрейской истории то, о чем вы просите – беспрецедентно. Или ваша цена слишком завышена, или вы соглашаетесь сделать для нас что-то еще, кроме простого указания на источник болезни.

Вителья пораженно взглянула на архимагистра и сжала зубы, чтобы не ляпнуть лишнего. Ники повернула беседу таким образом, что пришел черед Альтура решать, так ли нужно ему признание крыс людьми?

– Чего вы хотите? – спустя несколько мгновений, показавшихся Вите вечностью, спросил крыс. – Заметьте, я не говорю, что сделаю, что смогу!

– Ну конечно, – от нежности в голосе Ники у Вительи поднялись волоски на затылке. – Раз вы чувствуете местонахождение источника болезни, то не можете не знать о его природе. Какая сила заставляет зараженных становиться бешеными? Ведь это не магия, я точно знаю, потому что магия на них не действует!

– Всего-то? – с облегчением фыркнул Альтур. – Воистину у людей и у крыс разные приоритеты в том, что считать равным чаше весов с «общетикрейской историей»! Когда договоритесь с Ласурским правителем о встрече, просто произнесите мое имя – мне доложат об этом, и я приду. Источник – на западных болотах.

Крыс одним прыжком преодолел расстояние, разделявшее его и отверстие в полу. Ники не пошевелилась, напоминая Вителье ядовитую змею, замершую в засаде.

– Сила воли управляет ими... – ныряя в дыру от сучка, бросил Пенкрысон через плечо.

– Чья? – не выдержав, крикнула ему вслед Вита. – Чья сила воли?

– Да вы уже догадались! – донеслось из-под пола.

Вителья обессиленно опустилась на пол рядом с Никорин. Та, наконец, пошевелилась – повернула голову и подмигнула ей:

– Так я и думала! Без еще одного божественного засранца не обошлось.

Вита молча ждала продолжения. Разговор с крысом вымотал ее донельзя!

– Раз магия не при чем, в дело вступает вера, – Никорин поднялась на ноги, – чем сильнее вера, тем сильнее воля божества! Там, на западных болотах, сейчас выживает существо, когда-то бывшее одним из могущественных богов. У него, по-видимому, не осталось ничего, кроме силы воли, позволившей ему выбраться из могильника, и преданных последователей, которые своей верой вдохнули в него новую жизнь.

Перед глазами Вительи промелькнули воспоминания: о Буром Отшельнике, едва не погубившем Дикрая, о черном волке, пришедшем с севера и принесшим горе в клан Полярных Бегунов, о многих других, что заражались и заражали сами, не ведая пощады к тем, кто был с ними одной крови.

– Но почему оборотни? – тихо спросила она.

Никорин молчала. Казалось, она слушает мерный плеск волн, доносящийся с причалов, крики чаек и скрип снастей, но это была только видимость. Воздух вокруг архимагистра засветился – пытаясь услышать ответ в тишине огромного мира, Ники переставала контролировать свою мощь.

– Почему?.. – повторила Вителья, уже начиная догадываться.

Архимагистр легко вздохнула, будто только что издалека шагнула на скрипучие доски пола, и ответила:

– Потому что они – его собственность.

Когда Аркей ушел, Бруни потянуло в сон. Но она не могла уснуть – держа на одной руке Рэда, а на другой – Хлою, и отчаянно зевая, разглядывала головешки с еще влажными после мытья волосиками: темными на одной и светлыми на другой. Маленькие личики были сосредоточены, будто дети во сне решали какую-то сложную задачу, и пока не могли найти ответа.

Дверь в спальню приоткрылась, впуская Ваниллу.

– Я тут подумала, побуду с тобой пару месяцев, Твое Высочество, на подхвате, так сказать, – деловито сообщила та, отбирая детей у принцессы.

– А как же трактир? – испугалась Бруни.

– Виеленна меня заменит на это время, не бойсь. Давай, поспи. Если они есть захотят – я тебя разбуджу. Сейчас Дрюня Лягушонка притащит, и будет у нас полный комплект головастиков!

Принцесса закрыла глаза, но тут же открыла снова:

– Правда же Рэд на Кая похож?

– Правда, – улынулась Ванилла. – Интересно, каким он будет?

– Он будет как Кай, – блаженно улынулась Бруни и снова прикрыла веки, – я знаю!

В этот момент светловолосая девчушка на руках у Ванильки завопилась, закричала и требовательно завопила, не открывая глаз.

– Скандалистка! – пробормотала Ванилла и принялась укачивать ее с удвоенным усердием. – Дай мамочке поспать! Брунь, я их унесу в соседнюю комнату?

– Не надо, – принцесса с трудом вырвалась из объятий сна, – давай ее сюда. Может, она голодная?

Из-за двери донесся приветственный звонкий плач.

– А вот и Лягушонок, – хмыкнула Ванилла, передавая Хлою матери, – сейчас он покажет твоим головастикам, как правильно питаться!

– И не просто правильно, но и калорийно! – в спальню вошел сияющий Дрюня, держа на руках орущего Людвина. – Детские вопли оживляют любые дворцы, не правда ли, маменька?

– Ты прав, – засмеялась Бруни.

– Теперь иди отсюда, – Ванилька махнула рукой на мужа, – придешь, когда позову. У нас будет завтрак. Или обед?

– Постой, – остановила принцесса Дрюню, который собрался выйти из комнаты. – Как себя чувствует Его Величество?

– Он жив, – ответил шут и вдруг заорал так, что маленький Рэд проснулся и тоже заплакал: – Хоп-хоу, король Ласурии жив!

И колесом покатился прочь под гневные вопли Ваниллы рю Дюемнон.

Вита пораженно смотрела на архимагистра.

– Вы... – запнувшись, произнесла она, – вы думаете, что Арристо выпустили мы, когда выбирались из могильника на Версейском плато?

– Ему больше неоткуда было взяться, – пожала плечами Никорин. – Для запертого в могильнике еще живого бога единственная возможность выйти в мир – зацепиться за сознание попавшего туда разумного существа. Большинство людей там погибает – не имея возможности выбраться наружу, от голода и жажды, от смертоносной энергии, которую выделяют божественные останки.

Большинство – но есть единицы, которые выживают.

– Как выжили вы? – воскликнула Вита, будто защищалась, и вдруг застыла, потому что картинка сложилась.

Все, что Ники не договаривала, все, что Вита узнала за прошедшее время. Черный пепел и Белая гора. Вера и обман. Милосердная тьма и убийственный свет.

Архимагистр молча наблюдала, как меняются эмоции на лице крейской волшебницы. Девушка до сих пор не научилась лгать и скрывать свои чувства. Удивительно, что именно ей судьба преподнесла в дар могущество, способное уничтожать миры!

– Гересклет... – прошептала Вителья. – Он выбрался из могильника вместе с вами, и вы поняли это только тогда, когда толпы одержимых наводнили Север. Люди гибли из-за вашей неосмотрительности и желания выжить там, в пещере на берегу моря! Тысячи... сотни тысяч людей!

– Твои выводы верны, но неполны, адептка ан Денец, – усмехнулась Ники. – Это не то, чему я учу тебя. Размышляй дальше!

Вита вспомнила, как метались под потолком пещеры на Версейском плато ее магические светляки, как высвечивали чудовищные останки, сокрытые в полупрозрачных стенах. Как ей казалось, что творцы прошлого сейчас стряхнут с костей многовековой сон, дружно встанут и навсегда погребут в своей же могиле разношерстную компанию, состоящую из людей, гномов и тролля! Разве думали они тогда о безопасности Тикрея? Нет! Все, чего они хотели, вновь увидеть небо над головой, услышать шум ветра и крики птиц.

Она взглянула на Ники. В это мгновение архимагистр стала ей на шаг ближе. Раньше Вита считала ее сверхсуществом, а сейчас поняла – Ники всегда была человеком. Человеком, который пытался исправить свою ошибку!

– Раз за эпидемией бешенства стоит Арристо, значит, оборотни гибнут из-за меня, – сказала она, не пряча глаз. – Сотни, тысячи оборотней. И люди, которых они убивают.

– Вер-р-рно, – Никорин с видимым удовольствием раскатала на языке букву «р». – И что мы будем делать?

– Вы меня спрашиваете? – округлила глаза Вита.

– Разве я – не твой учитель? – вопросом ответила архимагистр. – Думай, Вителья, люди продолжают гибнуть каждую минуту нашего разговора.

– Тогда отчего вы медлите?! – топнула ногой волшебница. – Почему заставляете меня принимать решение?

– Если ты не научишься думать, ан Денец, людей может погибнуть намного, намного больше! А меня рядом не будет, чтобы подсказать...

О, Боги! Вита пораженно смотрела на архимагистра. Разве может наступить такое время?

– Думай, – мягко произнесла Ники.

Выпуская Арристо на волю, Вителья не подозревала об этом, хотя и напилась божественной силой, изменившей собственную сущность и сделавшей ее Сообщающимся Сосудом. Но тогда, поднявшись на поверхность благодаря Кипишу, волшебница оставалась простой адепткой с минимальным уровнем знаний и опыта. Даже увидь она Бога Плодородия перед собой, не смогла бы ничего сделать!

Тогда...

Не сейчас!

Ей потребовалось короткое время, чтобы научиться держать в узде новые способности. Потребовался болезненный опыт, который дал ей необходимые знания. И сейчас она точно знает, что нужно делать – то же, что сделала однажды с Богом Хаоса!

– Я его выпустила, значит, я и должна его заточить, – медленно произнесла она. – Ваше Могущество, Изнанка Бытия для этого подойдет?

Ники взглянула на нее с изумлением.

– Ты и об Изнанке знаешь? Мне бы такую скорость познания мира в твои годы! – произнесла она. – План хорош! Если нам удастся вышибить Арристо из этого плана бытия, он не сможет вернуться назад. Но сначала нужно прекратить проявление его воли. Ты готова, ан Денец?

– К чему? – напряглась Вителья.

– Нам нечего противопоставить божественной воле, кроме... воли человеческой. Арристо жаждет смерти, а мы должны жаждать жизни. Это не магия, Вителья. Это – сила желания одного человека спасти остальных.

– Но что мне делать? – растерянно воскликнула волшебница.

– Думай о тех, кого уже нет, и скорби о них, – голос Ники звучал мерно, словно шум волн, а в ее глазах разгорался неземной огонь, тот самый, из-за которого таких, как она и Вита, эльфы называли Рокури аркаэлья – Роковая звезда, – думай о тех, кто еще жив, и верь в них.

Повинуясь приказу, звучащему в голосе архимагистра, Вита закрыла глаза и представила, что сейчас творится на площади Университетов. В конце концов, неважно, ненавидели ли зараженные оборотни людей или нет – у того, кто в древние времена дал оборотническим кланам жизнь, не было права ее отнимать, раз они уже появились на свет и стали обитателями Тикрея наравне с остальными!

Спустя мгновение Вита оказалась на площади, в самом эпицентре толпы бешеных. Она, никем не замеченная, стояла, зажатая их телами, ощущала запах болезни и ненависти, видела слюну, капавшую с клыков – человеческих и звериных, слышала крики и вопли. И понимала, что это нужно прекратить! Ради тех, кто был жив. Ради тех, кого еще не заразили. Не только в Вишенроге, но и во всей Ласурии.

Вителье показалось, что она взлетает, чтобы зависнуть в самой высокой точке над городом. Как никогда ясно она видела улицы, трупы, валяющиеся тут и там, языки пожаров, лижущие здания... Видела светящиеся багровые точки – зараженных оборотней, многие из которых угасали, полностью выработав внутренний ресурс организма. Оставшихся держала только воля их Бога. Отдавая ему свою веру, они не знали, что однажды он прикажет им умереть за него...

– Они все погибнут! – прошептала Вита, не открывая глаз. – Все зараженные! Они давно должны были умереть, но Арристо не позволял!

– Зато будут живы остальные, – в голосе Никорин не осталось эмоций. Так могло бы говорить божество, которое тысячелетиями наблюдало за смертными, не вмешиваясь в их существование. – Смотри на запад, Вителья!

Болотистая местность, охватывающая Вишенрог с запада, была покрыта рощами и рощами, между которыми блестела водная гладь торфяников. Темная вода раньше отражала небо, а сейчас светилась мрачным красным светом. Свет усиливался, сходясь в одну точку, и смотреть на него становилось невыносимо.

Вита отстраненно подумала, что хотела бы увидеть лицо. Лицо божества, из-за собственной мстительности предавшего тех, кто истово верил в него. Но в поток ее мыслей вновь вмешался голос архимагистра: «Мертвые – должны умереть, ан Денец, а живые – жить!» «Сколько их осталось? – безмолвно воскликнула волшебница, пытаясь пересчитать багровые точки. – Несколько сотен?» «Это совершенно неважно. Они уже умерли, все что нам нужно – дать им покой!»

Покой... Правильное слово решило моральную задачу, с которой все это время Вита безуспешно пыталась справиться.

Покой!

Эти несчастные, – с изуродованной судьбой, совершившие преступления, в которых не были виноваты, убивающие тех, кто был с ними одной крови, обрекающие их на мучения, вызванные страшной болезнью, – заслуживали не прощения и слез, но покоя!

В сознании Вительи слово стало облаком, накрывающим Ласурию. Туманом, налетевшим неведомо

откуда. Багровые искры, попадая под него, тускнели и гасли...

Красное сияние на Западных болотах забилося, словно гигантское сердце, будто ощутило что-то. Вита почувствовала, как чуждый разум пытается вломиться в ее сознание, чтобы смять и растоптать его, погрузить в хаос и безумие. Мелькнула мысль о Кипише – хаос и безумие были знакомы тому не понаслышке. Но этот разум ощущался по-другому. Искореженный тысячелетним заточением, он не был наполнен интересом к новому миру, как у Кипиша, его переполняла лишь ненависть.

Прикосновение разума Ники поддержало Виту, помогло выстоять. Одиночные багровые искры, что еще оставались на просторах Ласурии, погасли. Лишь в Вишенроге, на площади Университетов, дрожал багровый свет, бился крыльями гигантской погибающей бабочки.

Чужая ярость накрыла Вителью, едва не поглотив. «Нет, – раздался голос Никорин, – все такой же холодный и отстраненный, – я тебе не позволю, Арристо! Тебе придется убраться с Тикрея, такова моя воля!»

– Такова моя воля... – пробормотала Вита и перестала сдерживать Силу...

Она не заметила, как рухнула на пол, раскинув руки. Сила не противостояла Арристо, она всего лишь не давала волшебнице умереть. Арристо противостояла сама Вителья, и Ники была рядом, словно последний бастион, который невозможно взять.

Один за другим падали бездыханными оборотни на площади – Смерть забирала тех, кого давно жаждалась.

Красный свет ревел на все голоса, бросаясь из стороны в сторону, но с каждым упавшим телом сил у него становилось меньше.

Неожиданно Вита увидела рядом с собой высокого и худого человека с красными глазами. У него были невообразимо длинные руки и ноги, а кожа на лице висела складками, складываясь в страшную маску. Из-под узких губ торчали кривые клыки.

– Ты... – проскрипело существо, словно забыло, как это – говорить вслух, – мне надо было убить всех вас, едва я выбрался из могильника!

Его взгляд подавлял. От его голоса хотелось пасть ниц.

– Отчего же не убил? – раздался голос Ники.

Вита медленно открыла глаза и увидела, что все еще находится в здании портового склада. Она лежала на полу, а над ней, разделенные ее телом, будто границей, стояли Ласурский архимагистр и... древнее тикрейское божество.

– Запахи, звуки, свет – все это сбilo меня с толку, – признался Арристо, – от свободы, знаешь ли, теряешь голову!

– Знаю, – кивнула Ники. – А когда ты опомнился, Сила Виты уже встала на защиту хозяйки и ее друзей, так?

– Так...

– Тебе нет места в этом мире, Арристо, – продолжала Никорин, не давая ему говорить, – или ты уходишь сам или мы тебя заставим. Выбирай!

– Как много ты берешь на себя, убийца богов, – усмехнулся бог, и его длинные руки угрожающе качнулись из стороны в сторону. – Ты забываешь, что мной созданы не только оборотни, но и звери, и птицы, и рыбы, для которых нет понятия веры, но есть понятие существования. И для меня этого достаточно, чтобы жить!

– Ты не будешь жить... – качнула головой Ники.

– Да кто ты такая, чтобы угрожать мне? – фыркнул Арристо, всплеснув руками. – Гересклет, поселившись на Безумной горе и назвавшись Белым Старцем, пожелал приручить тех, кто случайно освободил его из могильника – тебя и твоего друга, и сам не заметил, как позволил вам узнать свои слабые места. Лишь поэтому вам удалось убить его! Твой любимый Ясин поддался его влиянию, не отдавая себе в этом отчета, и решил править миром единолично, но ты убила его еще до того, как обрел силу, равную божественной. И кто ты такая, чтобы угрожать мне – Богу плодородия, покрывшему Тикрей лесами, реками и степями, населившему его жизнью? Я, я дал жизнь Тикрею! Я ее и заберу!

– Мне кажется, Пантеон будет против, как и другие выжившие боги! – хмыкнула Ники.

– Крейский пантеон? – расхохотался Арристо. – Семеро тупиц, удовольствовавшихся засыпанным песком Креем вместо всего мира? Они побоятся мешать мне, дабы не потерять свой кусок пустыни и живущих там верующих. Ведь пустыни тоже создал я!

– Индари? – подняла брови Никорин. – Океанский Творец?

– Боги низшего порядка, – презрительно скривился Арристо. – Никто из них не сравнится силами со мной! Гересклет мог бы, но вы так удачно покончили с ним...

Это был очень интересный разговор, однако Вита помнила о главном – сошедшее с ума в могильнике божество следовало уничтожить, пока оно не натворило еще каких-нибудь бед! А еще ей очень не нравились его руки! Они жили своей жизнью, свивались и развивались, как змеи.

Арристо замолчал и перевел горящий взгляд на нее.

– Ты похоронишь всех, кого знаешь, жрица Бога хаоса, – прошипел он, – она тебе этого не сказала? Хочешь, я избавлю тебя от плача у могильного камня?

Он молниеносно схватил Вителью за горло и сжал. Вита почувствовала, как его жесткие, словно стальные пальцы, каким-то образом пытаются получить контроль над ее Силой. Потеря воздуха привела к неожиданным рассуждениям. Увидев божество глазами гибнущего существа, она поняла, что все – и лицо, и тело, и красные радужки – обман. У Кипиша было несколько обликов, и Вита до сих пор не знала, какой из них истинный. У Арристо облик был один – лживый. Его мощь, его разум таились в руках.

– Ру... ки... – прохрипела она.

Ярчайшая вспышка лишила Виту зрения. Она не видела Никорин, но отчего-то знала, что та засияла для Арристо истинной роковой звездой.

Бог вскрикнул и отдернул одну из рук от горла волшебницы. Его пальцы сморщились и покрылись трещинами – тронь и рассыпятся.

– Отпусти ее, – прозвучал отстраненный голос.

– Отпущу, если дашь мне уйти, – прохрипел Арристо, встряхивая Виту, словно сломанную куклу. – Она не слишком опытна! Еще немного, и я возьму под контроль ее Силу, тогда и тебе несдобровать!

– Отпускай и... уходи!

Жесткие пальцы отпустили Вителью, позволив сделать первый вдох. Она закашлялась, держась за горло. Ноздрей коснулся запах паленого – это тлели вокруг доски, грозя вспыхнуть.

Ники подхватила волшебницу и вздернула на ноги.

– Давай-ка выбираться отсюда, – пробормотала архимагистр.

Арристо в помещении не было.

Не успели они выйти наружу и добежать до края причала, как старый склад загорелся сразу и с силой. Огонь с ревом выбирался наружу, грозя перекинуться на соседние здания и стоящие у причала корабли.

Никорин усадила Виту на доски и тыльной стороной ладони утерла пот со лба. Лицо у нее было совершенно мокрое.

– Посиди, я сейчас!

Несколько пассаов заставили огонь смириться и утихнуть. С треском просела крыша склада, но пожар умер, так и не натворив больших бед.

– Вы отпустили его! – воскликнула Вита, с трудом поднимаясь. – Как вы могли?

– Не делай поспешных выводов, девонька, – поморщилась Ники. – Я узнала от него даже больше, чем хотела. Но, к сожалению, пока ни ты, ни я не сможем причинить ему вред. Вот если бы у нас было то, что может убить бога!

– Вы сказали «пока»? – уточнила волшебница, пытаясь собрать спутавшуюся копну волос в хвост. – Значит, надежда еще есть?

– Он вернется, – невесело усмехнулась архимагистр. – Зло всегда возвращается! Теперь и нам пора возвращаться на площадь. Такое количество трупов, какое там навалено, без нашей помощи не

уничтожить.

Вителя обвела взглядом причал с бьющимися об него волнами, почерневшее от пожара здание склада с провалившейся крышей, покачивающиеся на фоне неба мачты кораблей, чаек, взбалмошно орущих над водой, и подумала, что она по крайней мере попыталась исправить свою ошибку. Пусть неудачно, но это значит, что надо пробовать дальше!

И было что-то еще... Что-то зацепило в словах Ники. Позже, когда будут уничтожены трупы бешеных, когда войска выведут из Вишенрога, когда на стол к Его Величеству ляжет полный доклад о произошедшем, она подумает об этом еще раз. А сейчас... Вишенрог спасен. Она жива. Она может дышать! И двигаться! И у нее есть Яго!

Оказывается, для счастья надо так мало.

Ночь накрыла Вишенрог траурным платом. Дворцовые потолки расцвечивали хаотичные отблески поминальных костров. Воздух пах гарью.

Тела бешеных собрали на площади Университетов, облили зажигательной смесью и сожгли при помощи Ласурского архимагистра и ее ученицы – молодой крейской волшебницы, о Силе которой уже ходили легенды. Погибших людей предстояло хоронить завтра.

Вопреки ожиданиям Аркей приказал не выводить войска из столицы, а бросить их на восстановление разрушенных зданий, разбор завалов, тушение пожаров, помощь обычным гражданам. На площадях разместили военно-полевые кухни для тех, кто потерял кров или пока был не в состоянии позаботиться о себе. Несмотря на уверения Никорин в том, что все бешеные мертвы, несколько отрядов направились в Вишенрогскую канализацию, чтобы уничтожить тех, кто мог там спрятаться. Стоит ли говорить, что вернулись они ни с чем?

Его Высочество Аркей только что отпустил адептку ан Денец, которая прибыла на доклад вместе с архимагистром Никорин, и теперь наблюдал, как на шкуре у камина возятся Саник Дорош в собачьем обличье, невесть как пробравшийся в кабинет, и щенок Стремы, тот самый, черный, толстолапый и тупомордый, который был любимчиком Его Величества.

– Отправить кого-нибудь к Ее Высочеству Оридане насчет Саника? – спросил герцог рю Вилль.

– Я уже сообщил Колею, – ответил принц и посмотрел на начальника Тайной канцелярии, взглядом отметив появившуюся в его волосах седую прядь.

В темных глазах наследника престола ничего нельзя было прочесть, но рю Вилль ясно видел в них приговор. Тяжело вздохнув, он тронул пальцем серьгу с радужником – свой талисман удачи. Такие драгоценные побрякушки носил каждый уважающий себя пират, уверяя себя, что это – его талисман.

– Я готов понести наказание, Ваше Высочество, – сказал он. – Бешеные в Вишенроге – моя вина.

Никорин покосилась на него, но промолчала.

Аркей постучал пальцами по столу.

– Казнить вас, Троян? – наконец, проговорил он. – Это самое простое, что я могу сделать. Но стоит ли оно того?

Герцог моргнул.

– Вины с вас никто не снимает, – продолжил принц, – однако есть одно сильно смягчающее обстоятельство.

– Какое же? – искренне изумился рю Вилль.

– Ты не оборотень, – пожала плечами Никорин. – Человеку невозможно узнать об оборотне то, что он предпочтет скрыть! Я права, Ваше Высочество?

– Увы, Ваше Могущество, – в тон ей ответил Аркей. – Рю Вилль, что вам удалось установить на текущий момент?

– Судя по найденным в канализации припасам, бешеные начали собираться там задолго до вчерашнего дня, – заговорил начальник Тайной канцелярии. – Но припасы сами появиться не могли. Значит, кто-то снаружи регулярно доставлял их туда. Однако проверить, откуда именно припасы, невозможно. Поэтому я пошел другим путем – приказал проверить всех столичных поставщиков табака, ведь канализация буквально завалена табаком! Он должен был отбить запах для тех оборотней, что оставались снаружи и были преданы Ласурской короне. Ночью мне удалось установить имя закупщика нескольких крупных партий товара, которые не были перепроданы. Я

тут же отправил туда своих агентов, но...

Рю Вилль снова тяжело вздохнул.

- Вы опоздали? - констатировал Аркей.

- Да, Ваше Высочество, - понурил голову герцог. - Здание уже полыхало, все доказательства, если они были, сгорели. Останки хозяина обнаружили сегодня на рассвете - об этом мне доложили перед тем, как я пришел к вам.

- Хозяин - человек? - уточнила Ники.

Рю Вилль кивнул.

- Люди продаются за деньги, а оборотни - за идею, - констатировала архимагистр. - Ваше Высочество, мне бы хотелось, чтобы оборотни узнали, кому поклонялись все это время. Как вы думаете, это возможно?

- Не поверят, - возразил рю Вилль. - Ты бы поверила, если бы тебе сказали, что Индари хочет уничтожить Тикрей?

Никорин посмотрела на него своими невозможными глазами. Их выражение едва не ввело начальника Тайной канцелярии в панику - Ники ничего не исключала!

- Это не поможет, - согласился принц. - Идею надо заменять равноценной идеей. Я думаю над этим, но пока слишком рано делать выводы. Нужно, чтобы народ Ласурии осознал трагедию, которую ему пришлось пережить. И люди. И оборотни. И гномы... Все, кто проживает в нашей стране.

Саник, с наслаждением валяющийся щена на шкуре, отскочил и принялся заливисто тявкать. Тявкал он с удовольствием и очень громко. Щен в ответ зарычал.

- А ну-ка тихо, - чуть повысил голос Аркей, - иначе выдворю обоих!

Оборотень тут же замолчал и уставился на принца блестящими живыми глазенками.

- Умный сукин сын, - улыбнулся Троян.

Саник выразительно поднял верхнюю губу, прошел мимо начальника Тайной канцелярии, толкнул носом дверь и был таков. Щенок Стремы потоптался в растерянности, затем улегся и тут же заснул.

Тренькнуло зеркало связи. Аркей тут же подобрался и коротко спросил:

- Что?

- Зайди, - прозвучал голос, знакомый всей Ласурии. - Ники и Трой у тебя? Бери их с собой.

- Хорошо, - ответил принц и поднялся. - Нам нужно идти. Его Величество зовет.

- Но что вы решите насчет меня? - спросил рю Вилль. - Какого наказания мне ждать?

- Если вы совестливый человек - возмездием послужит чувство вины за тех, кто безвинно погиб, - проговорил Его Высочество, наблюдая, как Ники открывает портал в королевскую спальню, - если же нет - наказанием станет работа. Копайте дальше, Троян, ищите любые зацепки. Спать не придется - это я вам обещаю!

Аль повернул ключ в замке, вошел в мансарду и огляделся. Кроме пыли, лежащей на немногочисленных предметах мебели - шкаф, стол со стулом, кровать и старое кресло под окном на крышу, - здесь ничего не поменялось. Комната принадлежала стажеру Департамента магического аудита, некоему Альперту Попусу... Вот только сам Альперт за прошедшее время изменился. Он не знал, к лучшему или к худшему, но ощущал себя другим - не тем, скованным правилами и условностями, собственным чувством вины и комплексами, юношей, который, скрепя сердце, отправлялся в опасную миссию под названием «Ласурские призраки».

Разглядывая бедно обставленную комнату, Альперт подумал, что Марья, будь она человеком, посмеялась бы над ним, ведь она выросла во дворце. И устыдил себя. Марья никогда не стала бы смеяться над ним! Или... или ему хотелось так думать.

Альперт поставил на пол дорожный кофр и открыл окно, впуская в комнату свежий воздух. Нужно сначала убраться, потом - поспать, ведь он терпеть не может беспорядка, а предыдущей ночью вообще не сомкнул глаз, и даже едва не распрощался с жизнью, воюя против бешеных оборотней! Однако вместо этого он сел в кресло, предварительно подняв с сидения недочитанную книгу, которая так и прождала его все это время. Убраться и спать решительно не хотелось! В крови

бурлил адреналин, полученный после ночной прогулки с «призраками» по канализации, а затем, уже без Виты, по улицам Вишенрога. Для Аля было открытием, что работа в слаженной команде может доставлять удовольствие едва ли не большее, чем работа в одиночку. Раньше он предпочитал действовать один...

Книга принадлежала перу магистра Остина Фофина, доктора магии, почетного артефактора Королевской ложи и называлась «Удивительные свойства обычных минералов, позволяющие использовать их в создании могущественных артефактов». Альперт взял ее в библиотеке, но еще не успел вернуть. Обычно он просматривал на ночь что-нибудь из магической арбитражной практики, но иногда вытягивал с полки первую попавшуюся книгу и заставлял себя прочитать ее от корки до корки, даже если она была смертельно скучна или вообще не имела никакого отношения к его увлечениям. В этом хаотичном вытягивании был элемент риска, случайность, которая стажера Департамента магического аудита забавляла.

Аль листал страницы, не воспринимая текст – перед глазами водили хоровод яркие и опасные события предыдущей ночи. Как вдруг что-то на развороте привлекло его внимание. На рисунке был изображен ограненный в виде яйца кристалл кварца. Очень похожий висел на цепочке на шее самого Альперта. Не веря своим глазам, он вытащил его из-под ворота рубашки и сравнил. Один в один!

«Название кристалл происходит от гномьего «кверетцальт», что дословно переводится как «руда секущих жил», – писал мэтр Фофин, – «Это шестигранные псевдогексагональные призмы, с одного конца (реже с обоих) увенчанные шести- или трехгранной пирамидальной головкой, сочетающей грани двух ромбоэдров. В чистом виде кварц бесцветен, но становится прозрачным при наличии в его структуре мощного магического артефакта».

Прочитав последнюю строку, Аль бросил книгу и поспешил к столу, где в выдвижном ящичке лежали письменные приборы. Там же находилась нужная и очень дорогая вещь, на которую он однажды потратил половину стипендии, а потом голодал, позволяя себе одну тарелку супа и одну булку в день – сработанный гномами ручной окуляр или, как говорили, лупа, с приличным увеличением. Волнуясь, он снял кристалл с шеи, положил на стол, подвинул к себе лампадку, зажег ее щелчком пальцев и, взяв лупу, принялся рассматривать то, что ранее посчитал за трещину в породе. Нет, это была не трещина – тонкая, толщиной в волос, игла, отливающая тусклым блеском!

Несколько мгновений Альперт изумленно смотрел на кристалл, затем надел цепочку с ним на шею, сунул лупу в карман и покинул комнату, позабыв и об уборке, и об усталости. Прежний Альперт Попус ни за что не вышел бы из дома, чтобы пойти туда, куда его не приглашали. Этот – был настроен решительно!

Уже подходя к дому графа рю Воронна, где, как он знал, проживала Вита, он увидел знакомые фигуры – волшебницы и сопровождающего ее Дробуша. Тот Альперт никогда не позволил бы себе повысить голос, этот – закричал во всю глотку:

– Вита! Вита, подожди!

Дробуш машинально закрыл волшебницу собой, но, увидев Альперта, заулыбался и отступил. Вителья поспешила к магу, издалека взволнованно спросила:

– Аль, что-то случилось? Что-то с Марьей?

Услышав имя, Попус замедлил шаг. С Марьей? Причем здесь она? И только потом сообразил, что Вита не может знать, почему он пришел.

– С ней все в порядке, она по-прежнему под опекой Ее Могущества, – ответил он, останавливаясь рядом. Искреннее волнение в лице волшебницы тронуло его. – Я пришел по другому делу. Нужно, чтобы ты посмотрела кое-что.

– Что? – заинтересовался Дробуш.

– Ну не на улице же!.. – возмутился маг и замолчал.

Он снова ощутил себя студентом, который знает больше остальных, но... которого никто не желает слушать.

Вита решительно взяла его под руку.

– Идем, Аль! Я проголодалась, соскучилась по Яго и жажду услышать то, о чем ты собираешься рассказать!

Попус покосился на нее и с сомнением спросил:

– Да?

– Даю зуб газорга, что Вита говорит правду, – проворчал Вывиглот.

Они подошли к дому и едва поднялись на крыльцо, как дверь распахнулась. На пороге стоял граф рю Воронн, за его спиной толпились взволнованные домочадцы, за которыми совершенно не было видно двух гномелл-рубак. Зато было слышно.

– У уважаемого Ягорая, слух, как у кота, – сообщила Торусилья. – Вот откуда он знал, что Вита возвращается?

– Он почувствовал! – важно ответила Руфусилья.

Яго шагнул к Вите и обнял ее. Альперт отвел глаза – в этом простом, даже без особой страсти, объятии было что-то слишком личное.

– Идем в дом, – коротко сказал рю Воронн, пропуская Виту вперед. – Аль, ты как?

Он не удивился, почему маг пришел без приглашения, хотя они расстались всего как пару часов. Просто спросил, как спрашивают старого друга, и у Альперта отлегло от сердца.

– Судя по всему, спать так и не ложился? – продолжил спрашивать Ягорай, пока натерпевшаяся страху в эту ночь плачущая Матушка Ируна обнимала Вителью, которую еще не видела после возвращения «призраков» из Узамора.

– Я нашел кое-что интересное и хочу это обсудить, – кивнул Альперт.

– Никаких обсуждений, пока не позавтракаете! – всхлипнула Ируна.

– Матушка, мы уже завтракали, – мягко укорил Яго.

– Вы – да, а Вита с Дробушком и вот молодой человек – нет! – возмутилась экономка. – Я же по их лицам вижу!

– Мы к ним присоединимся, – толкнула сестру в бок локтем Тори, – второй завтрак никогда не помешает.

– Это точно! – ответила та.

После сытного завтрака, все собрались в покоях Яго. И как-то вмиг затихли.

Не было Гроя, покинувшего их еще утром и до сих пор не вернувшегося.

Не было Дикрая, который пока не пришел в себя и находился под присмотром королевского целителя.

И не было Тариши.

Архимагистр Никорин, шагнув в королевскую спальню, обвела взглядом уже присутствующих там Первого министра Ложвина Свина, начальника Королевской канцелярии Викентия Висконсина, секретаря Яна Грошека, военкомандующего рю Саднеса, мэтра Жужина и королевского шута. Уголок ее губ дернулся. Она знала, что этот момент когда-нибудь наступит, но... Но неумолимое время вычеркивало и эту страницу из ее жизни. Ники не сожалела о ней. Пожалуй, нет. Она знала, что теперь все будет по-другому. Возможно, не хуже. Может быть, лучше. Но совершенно точно – по-другому.

Бросив взгляд на вошедших через портал, Его Величество Редьярд Третий недобро прищурился и сообщил Друне, видимо, продолжая разговор:

– Да мне действительно положить кто и что обо мне подумает! Я – тиран и самодур, забыл? И самодержец!

– Действительно, само... – пошутил шут, но его голос дрогнул.

– На чем мы остановились? – бросил король секретарю.

– «Мы, – полный титул и имя, – будучи в здравом уме и доброй памяти приняли следующее решение... – перечитал Грошек. – Поскольку последние события ощутимо подорвали наше здоровье, мы приняли решение оставить светскую жизнь и посвятить себя служению Индари в Обители Накусъвыксунской пустоши, в связи с чем заявляем о своем твердом и окончательном желании отречься от престола, дабы передать Ласурскую корону нашему старшему сыну, наследному принцу...»

– Отец! – воскликнул наследный принц.

Грошек взглянул на него своими голубиными глазами, полными самого настоящего горя, и растерянно замолчал.

– ...Наследному принцу Аркею, – отчеканил Редьярд, не глядя на сына. – Пишите, Ян! «Во имя горячо любимой родины призываем народ Ласурии сплотиться пред лицом грядущих испытаний и во всем поддерживать короля Аркея Первого». Дайте мне, я подпишу.

Секретарь подал бумагу, его руки дрожали.

Король размашисто расписался, отшвырнул перо куда-то в сторону и с облегчением откинулся на подушках.

В комнате повисла давящая тишина.

– Мэтр Жужин, свидетельствуете ли вы, что я подписал Указ по собственной воле, без принуждения, находясь в здравом уме и доброй памяти? – наконец, произнес Редьярд.

– Да, Ваше Величество, – тихо ответил тот.

– Архимагистр Никорин, свидетельствуете ли вы, что я подписал Указ по собственной воле, не находясь под действием каких-либо чар? – продолжал спрашивать король.

– Да, Ваше Величество, – кивнула Ники.

– Большую королевскую печать, Ян!

Секретарь открыл шкатулку, стоящую на прикроватной тумбочке, вынул круглую печать, украшенную шнуром с оттиском Ласурского герба, и подал Его Величеству.

Король подышал на печать, аккуратно приложил к бумаге, полюбовался результатом и вернул печать и Указ секретарю.

– Герольдов во все города Ласурии и по всем площадям Вишенрога – немедленно, – приказал он. – Рю Саднес, уведомите войска. Министр Свин, полный отчет о делах государства должен лежать на столе Его Величества Аркея завтра утром. – Он посмотрел на Аркея и завершил: – А теперь все свободны, кроме тебя, сын.

Процессия, направившаяся к выходу из королевской спальни, напоминала траурную. Однако не успели все выйти, как дверь в покои с грохотом распахнулась, и на пороге показался запыхавшийся Колей.

– Отец, – воскликнул он, – что происходит?

– Я, наконец, повзрослел, – без тени улыбки сообщил ему король. – Ян, выведите Его Высочество и дайте ему почитать то, что я сейчас подписал.

Когда двери закрылись, Аркей шумно выдохнул и рухнул в кресло рядом с кроватью.

– Ты мог бы предупредить меня заранее, – сказал он. – Я бы подготовился, сделал бы соответствующее лицо!

– У тебя всегда соответствующее лицо, в этом ты пошел в мать, – захохотал Редьярд, но тут же посерьезнел. – Ты преподавал мне урок, сын. Откровение, которое я не мог принять всю свою жизнь, ты принял за то короткое время, что женат. Но у каждого поступка есть последствия, знаешь ли. Я усвоил урок, и теперь пришла пора нам с тобой поменяться местами. Я уже не король, поэтому у меня есть выбор – уйти или остаться...

Несколько мгновений Аркей пристально смотрел в лицо отца, затем откинулся на спинку кресла и холодно заметил:

– Уходишь к НЕЙ? После всего, что было?

Глаза Редярда потемнели.

– Арк, там, за чертой, нет ни «было», ни «стало», ни «будет»! Все это – здесь. Ожин сказал, что еще одного приступа я не переживу. Я склонен с ним согласиться, так паршиво я никогда себя не чувствовал! И если мне суждено умереть, я хочу сделать это рядом с женщиной, которая дорога мне больше всего на свете. Я иду за ней.

Аркей молча смотрел на отца, и в этот момент кровь Морингов ясно проступала в чертах его лица.

Холодная северная кровь.

– Я мог бы соврать, что мне наплевать на твоё мнение, сын, – буркнул Редьярд, отворачиваясь, – но это не так... Однако удержать меня ты не сможешь!

– Я не стану, – ровно ответил Арк. – Более того, я понимаю тебя... Наверное, понимаю. Хотя и не могу одобрить. Теперь ты свободен и волен делать, что вздумается. Я искренне желаю тебе долгих лет жизни и душевного спокойствия!

Редьярд махнул на него рукой.

– Уходи. Все это тяжелее, чем я думал.

– Да, отец, – эхом ответил Его Величество Аркей Первый, поднялся и вышел.

– Возможно, когда-нибудь мы сможем снова разговаривать, как отец с сыном, – прошептал Редьярд.

Откинулся на подушку и в изнеможении закрыл глаза.

Альперт снял с шеи кулон и, волнуясь, протянул его Вите вместе с прихваченной из дома лупой.

– Вот, посмотри...

– На брак породы? – заинтересовался Вырвиглот.

Маг молча покачал головой.

Вителья взяла лупу и принялась разглядывать кристалл, держа его на ладони. Выражение изумления появилось на её лице.

– Яго... – прошептала она, отдавая ему лупу.

– Да что там такое? – возмутилась Торусилья. – Дайте мне посмотреть!

Рю Воронн с поклоном протянул ей лупу, а Вита опустила руку, чтобы маленькой гномелле было удобнее.

– Дык... проволока какая-то... – растерянно сказала рубака спустя пару минут. – Как она туда попала?

Вита с уважением посмотрела на Попуса.

– Как ты догадался, что это артефакт?

– Артефакт? – подпрыгнула Тори, едва не вышибив кристалл из ладони волшебницы. – Из другого мира?

– Магистр Фофин в своём исследовании кристаллов описал кварц как эффективный защитный материал, – пояснил Аль. – Поэтому я решил взглянуть на амулет повнимательнее!

– Дайте мне, – попросил Дробуш.

Он поднес амулет к носу, принялся пробовать на зуб... Кварцевое «яйцо» с громким треском распалось на две половинки.

– Пресветлая! – с ужасом воскликнул Альперт.

– Э-э-э... – протянул Яго.

– А... – сказала Вителья.

– Бородатая мама моя! – ахнула Тори.

– Ой, – сконфузился Вырвиглот.

Руфусилья молча отошла подальше.

На ладони Дробуша лежала тусклая игла, толщиной не больше конского волоса. От неё исходило едва уловимое свечение.

– На железо не похоже, – с сомнением протянула Тори, которая, встав на цыпочки, разглядывала артефакт. – Нам нужен тот, кто разбирается в металлах!

- Уважаемый Йожевиж Агатский нам нужен, – подала голос Руфусилья. – Почтенный мастер-ювелир, каковым он, на самом деле, является, должен прекрасно разбираться в металлах. Кроме того, они с уважаемой Виньовиньей еще не знают, что мы вернулись в Вишенрог...

Она замолчала. Йож и Винь не знали и о том, что Тариши больше не было в живых.

- Дело говорит уважаемая рубака, – согласился Ягорай. – Предлагаю незамедлительно отправиться к Йожу. Все равно сна теперь не в одном глазу!

- Точно, – хмыкнула Тори, – а можно его потрогать, артефакт этот?

Никто не успел ничего сказать, как раздался громкий хлопок, и гномеллу отшвырнуло в сторону. В полете она умудрилась уцепиться за старшую сестру, так что на пол, под грохот доспехов и вооружения, повалились они обе.

- Тори! – воскликнула Вита, бросаясь к ним. – Тори, с тобой все в порядке?

- С ней все в порядке, она лежит на мне, – глухим голосом сообщила Руф. – Сестра, слезь с меня сейчас же!

- Мои ноги! – простонала та. – Мои руки! Я их не чувствую!

Подскочившие Яго и Альперт стащили младшую рубаку на пол и уложили лицом вверх. Вита, опустившись на корточки, повела ладонями над ее телом, пытаясь понять, какие повреждения получила гномелла.

- Что с ней? – Руф, сидя на полу, с волнением следила за тем, что делает волшебница.

- Слава Богам, ничего! – Вителья опустила руки. – Кратковременный паралич конечностей, который скоро пройдет.

- Ох, уважаемая Торусилья, разве никто не говорил вам, что нельзя трогать незнакомые артефакты! – воскликнул Альперт.

- Ну Дробушек-то трогает? А мне почему нельзя? – возмутилась младшая рубака.

- А и правда! – пробормотал Яго, быстро подошел к Дробушу и дотронулся до иглы.

Спустя мгновение он лежал без движения в противоположном углу комнаты.

- Яго! – возмутилась Вита, и не успела опомниться, как Альперт, пробормотав: «Теперь моя очередь!», сделал то же самое.

В комнате стало одним парализованным больше.

Вителья и Руф обменялись ошеломленными взглядами.

- Я к этой гадости не прикоснусь, – сообщила ей старшая рубака. – Нам, простым гномам, имеющим свою голову на плечах, такого счастья не надобно!

И она сердито посмотрела на сестру. Тори виновато отвела взгляд.

- Ну, тогда я! – храбро заявила Вителья, подошла к Дробушу и кончиком указательного пальца коснулась до артефакта.

И...

Ничего не произошло.

Волшебница осторожно взяла «проволоку» и повертела перед глазами. Станный металл – если это был металл! – казался раскаленным и едва уловимо светился, но на ощупь был холоден, словно хранился в глыбе льда. На утолщенном конце артефакта было узкое вертикальное отверстие, другой его конец был заострен.

- Игла и есть, – заворчал Дробуш. – Вита, прости, я не хотел!

- Все нормально, Дробушек, – пробормотала она в ответ. – Ничего страшного эта вещь из другого мира пока не сделала, зато мы уяснили, что трогать ее не стоит никому, кроме тебя и меня.

«И меня! – раздался в ее сознании безмолвный голос. – Ну и еще некоторых товарищей, о которых знать тебе, моя жрица, еще рано!»

«Ты знаешь, что это такое?» – мысленно воскликнула волшебница.

«Конечно, знаю, – хихикнул божок, – но не скажу».

И пропал.

– Паразит! – одними губами сказал Дробуш, и Вителья была склонна с ним согласиться.

Немного подумав, она воткнула иглу под воротник куртки так, чтобы ее не было заметно, и повернулась к остальным. Тори, кряхтя и потирая отбитые об сестру места, уже поднималась с пола. Яго делал попытки встать. Альперт пока лежал неподвижно.

– Готовы? – спросила Вита и плавно повела руками, готовясь открыть портал.

Рубаки, не сговариваясь, подошли к Альперту и вздернули его на ноги.

– Благодарю! – повиснув на их крепких плечах, выдавил маг.

В открывшемся портале, словно в окошке, виднелось крыльцо дома.

Крыльцо, на котором выкуривал перед работой утреннюю трубочку почтенный Синих гор мастер Йожевиж Агатский.

Крыльцо пустовало, окна были закрыты ставнями, а из трубы не шел дым. Сердце Виты в буквальном смысле ушло в пятки. Конечно, Йож, как любой уважающий себя мастер, мог постоять за семью, да и Виньо прекрасно управлялась с луком. Но что такое двое даже очень опытных гномов против оравы бешеных оборотней?

– Яго! – вдруг раздался знакомый голос. – Вита! Дробуш!

Волшебница обернулась. К ним спешили вооруженный до зубов Йож и Виньо с верным луком за плечами.

– Други! Как я рад вас видеть! – возгласил гном и... замолчал.

– А где Тариша? – дрогнувшим голосом спросила Виньо.

Вгляделась в застывшее лицо Вительи, села на крыльцо и закрыла лицо руками.

– Рай? – осторожно спросил Йожевиж у Яго.

– Тяжело ранен, но выживет, – ответил тот. – Грой придет позже... Эта пара дней была для нас очень непростой. А как у вас? Где вы были?

– Когда началась заварушка, Его Сиятельство Арбиддон Снежский приказал нам с семьями укрыться в посольстве. Здание каменное, окна забраны решетками – оборотней мы могли не бояться. Только после того, как официально объявили, что с бешеными покончено, он разрешил разойтись, – пояснил Йож, с болью поглядывая на рыдающую Виньо, которую успокаивала Тори.

Вителья стояла в стороне, напряженная как струна. Казалось, она и хочет, и не может подойти, чтобы обнять и утешить подругу.

– Что произошло? – глазами указав на волшебницу, шепотом спросил Йож.

– Пригласишь нас с в дом, уважаемый мастер? – вмешалась Руфусилья.

– Ой, простите, уважаемая рубака! – спохватился гном. – Что-то я совсем растерялся от всех этих событий! Сейчас заварим морсу, да и в кладовке что-нибудь найдется.

Спустя некоторое время чайник весело свистел на печке, а на столе появились ломти хлеба, нарезанные ветчина и сыр, зелень.

Виньо немного успокоилась, но все равно продолжала всхлипывать и вытирать слезы.

Когда все уселись за стол, пустые места, которые обычно занимали Дикрай с Таришей и Грой безжалостно бросились в глаза. Вита глотнула горячего морсу, который разлила Виньо, выдохнула, словно собиралась броситься в холодную воду, и произнесла:

– Не знаю, простишь ли ты меня, уважаемая Виньовинья Агатская, за то, что я сделала, но хочу, чтобы между нами не было недомолвок. Если после ты или Йож перестанете со мной общаться – я пойму и приму.

– Вита, ты меня пугаешь, – пробормотала бледная гномелла и села рядом с мужем, приготовившись слушать рассказ.

О событиях прошедших дня и ночи Вита рассказывала кратко и без эмоций. Ее голос лишь чуть изменился, когда она говорила о том, последнем залпе малопушек, грохот которого все еще стоял у нее ушах. Она боялась постыдно расплакаться, а ведь боевому магу такое не к лицу! Поэтому представляла себя архимагистром и старалась говорить, используя те холодные и отстраненные интонации, которые часто слышала от Никорин.

Когда волшебница замолчала, в комнате воцарилась тишина. Виньо перестала шмыгать носом, и теперь сидела с прямой спиной, расширенными от волнения зрачками уставившись на Вителью.

– Эх, Тариша, Тариша, – тяжело вздохнул Йож, – так сильна была ее ненависть к людям, что она поддалась ей, а ведь совсем немного оставалось – она уже начала доверять нам!

От этих слов стена выдержки Виты рухнула, как трубы, обрушенные Ники на бешеных. Чувствуя, как в глазах закипают слезы, волшебница выскочила на крыльцо. Она боевой маг, а не сопливая девчонка! В ее багаже, несмотря на юный возраст, такие истории, какие опытным магам и не снились! В конце концов, она Сообщающийся Сосуд, рокури аркаэлья, та, что может уничтожить мир! Нет, не к лицу ей человеческие слабости!

Слезы покатались по щекам...

Дверь скрипнула и маленькие, но сильные руки обняли ее.

– Бедная моя, – прошептала Виньо, – я бы умерла прямо там, если бы мне пришлось принимать такое решение!

Порывисто обернувшись, волшебница схватила гномеллу за плечи.

– Ты простишь меня? За смерть Тариши – простишь? – плача, воскликнула она.

– Я прошу, Вита, – тоже плача, ответила Виньо, – я любила Таришу и уважаю ее последнее желание. Мне всегда казалось, она жалеет, что не умерла вместе со своим прежним возлюбленным... А сейчас – она умерла вместо...

Они плакали, обнявшись, не как приятельницы, не как боевые подруги, а как две сестры, оплакивающие смерть третьей.

На плечо Вителье упала снежинка. Одна, другая... Вместе со скорбью пришел в Вишенрог первый, самый чистый снег.

Вита и Виньо вернулись в дом спустя какое-то время, с одинаково красными глазами, и обнаружили Йожевижа, который с лупой разглядывал половинки кварцевого яйца.

– Уважаемая волшебница, покажи мастеру артефакт, – попросила Торусилья.

Вита вытащила иглу из-под воротника и стряхнула на стол. Ни слова не говоря, Йож отложил оболочку из кварца и передвинулся ближе к игле, направив на нее лупу.

– Вроде бы не ювелирный металл, – спустя несколько минут пристального разглядывания, сообщил он. – А также не железо, не медь и не бронза. Если бы я мог погрузить этот артефакт в некие растворы, я бы смог сказать точнее! Вита, как думаешь...

Он попытался взять иглу и...

Тарелка с ветчиной, стоящая справа от артефакта полетела в одну сторону, тарелка с сыром – в другую, а почтенный мастер взмыл вертикально, приложился спиной к потолочной балясине и рухнул на стол. Лицом аккурат в тарелку с зеленью.

Виньо, ахнув, бросилась к мужу.

– Горазд же ты, уважаемый Йожевиж, порхать! – заметила Руфусилья, помогая Яго и Дробушу стащить обездвиженного гнома со стола.

Вителья не выдержала – улыбнулась. Потеря Тариши застряла в ее памяти, как пресловутая игла в воротничке, но волшебница была не одна. Рядом были друзья, которые разделяли с ней и горе, и радости, которые понимали и поддерживали ее даже в таких непростых ситуациях, в каких им приходилось оказываться.

– Бородатая мама моя! – воскликнул Йож, свирепо играя бровями, и явно силясь подвигать чем-нибудь еще. – Что это было, други?

Тори захохотала. Виньо с ужасом посмотрела на нее. Вита оглядела всех, заприметила лукавые улыбки и все поняла.

– Они тебе ничего не сказали, почтенный мастер? – спросила она, присаживаясь рядом на корточки. – Ай, какие нехорошие!

– Это был эксперимент! – заалев щеками и явно набравшись храбрости (в компании Йожя и Виньо он пока робел), сообщил полностью отошедший от паралича Альперт. – Что интересно – меняется вектор отшвыривания! Меня, Тори и Яго бросало в сторону, а уважаемого Йожевижа – вверх. Интересно, от чего это зависит?

– Для выводов слишком мало статистики, – проворчал Дробуш, и посмотрел на Руфусилью, – из всех нас только почтенная рубака еще не испробовала на себе действие артефакта.

– Ну вот еще! – возмутилась та. – И не подумаю прикасаться к этой гадости! Зато я с удовольствием прикоснусь, наконец, к еде, пока никто больше не покусился.

– Ну, я бы не был так уверен... – послышался знакомый голос.

Кипиш, восседая в центре стола, держал в одной руке улетевшую ранее тарелку с сыром, в другой – тарелку с ветчиной и поглощал еду с неимоверной скоростью.

– Богов надо кормить не только верой, – сообщил рябой месяц, и слизнул зацепившийся за рог салатный лист. – Это открытие я совершил только что! Так что не стой столбом, уважаемая Виньовинья Агатская, а нести еще яства и выпивку. Твой супруг скоро оклемается и сможет присоединиться к нам. Будем пировать!

– И что же мы будем праздновать? – поинтересовался рю Воронн.

– Будем праздновать жизнь! – Прошамкала древняя старуха. – Это хороший повод, поверь мне, Ягорай рю Воронн.

– Верю, – просто ответил Яго.

Еще войска не покинули город, как была объявлена дата коронации для Их Величеств Аркея Первого и Брунгильды. Время всегда возвращало себе то, что должно, вернуло и в этот раз: дата пришлась на день зимнего солнцестояния, когда по легенде Индари меняла пресвятые тапочки на меховые и не менее святые сапожки. Когда-то, именно в этот день, состоялись свадьбы принца Аркея и Бруни, принца Колея и принцессы Ориданы.

В Вишенроге отгорели прощальные костры, уплыли погребальные ладьи, и жители города с энтузиазмом начали украшать его, готовясь к празднеству и стараясь забыть страшные события, произошедшие накануне и вошедшие в историю под названием Бунт бешеных.

Грой Вирош отсутствовал неделю. А затем появился – осунувшийся и уставший, казалось, все это время он не спал. Ранним утром он постучался в дом рю Воронна и уже спустя несколько минут грелся у очага с кружкой дымящегося морса в руках, споро приготовленного Матушкой Ируной. Когда в кухню спустились разбуженные Дробушем Яго и Вита, экономка тактично удалилась.

– Ну наконец-то ты вернулся! – воскликнула Вителья, увидев его. – Где ты был так долго?

– Искал место последнего упокоения для Тариши, – ответил он. – Для нас, оборотней, это важный ритуал. Обычно, место подбирают ближайшие родственники... Но Дикрай сейчас не в состоянии это сделать, а Тари, хоть никогда не говорила прямо, намекала, что из ее клана прямых родственников не осталось. Пришлось мне.

– Мы благодарны тебе за это, – кивнул Яго. – Ты похоронил ее?

Грой качнул головой.

– Я хотел бы, чтобы вы все проводили ее в последний путь. И Рай тоже...

Вита и Яго переглянулись.

– Он пришел в себя только вчера, – пришел на помощь Дробуш, – и был слишком слаб, чтобы слышать правду...

Волшебница до боли сжала кулаки и воскликнула:

– Я скажу – мэтр Жужин разрешил нам с Яго навещать Рая каждый день.

– Тогда поторопись, – посоветовал Грой. – По нашим верованиям сегодня хороший день для совершения обряда погребения. Место я запомнил, ты сможешь открыть портал, чтобы не терять времени на дорогу?

- Конечно, - Вита посмотрела на Яго, - будь со мной сегодня, Ягорай рю Воронн. Просто будь рядом!

Яго молча кивнул.

- Идите, а я отдохну, - Грой вытянул ноги, откинулся на спинку стула и закрыл глаза. - Устал, как собака...

Когда они покинули дом, Вирош уже спал.

- Вита, давай я найду наших, пока вы будете во дворце, - предложил Вывиглот, - пусть ждут вас у Яго. Так мы сэкономим время.

Поглощенная своими мыслями волшебница лишь кивнула, а Яго ответил:

- Спасибо, Дробушек, отличная идея!

Портал вывел к дворцовой стене - за ней вступала в действие магическая защита замка, за которую отвечал королевский маг, мэтр Квасин. Стражники пропустили Виту и Яго внутрь, и те направились, минуя дворец, в Аптекарский огород, откуда был сделан один из входов в покои целителя. Подмерзшая трава, не утратившая буро-зеленого осеннего цвета, хрустела под ногами, как осколки стекла. Ветви еще не поникли под тяжестью снега, но уже потеряли былую гибкость, застыв, словно неживые. Опавшая листва на многочисленных грядках была то тут, то там усыпана вчерашним нарастающим снегом. Природа готовилась к долгому сну, похожему на смерть. А вот Дикрай Денеш наоборот - недавно проснулся, чтобы вернуться к жизни.

Оборотень лежал на кровати, в комнате, которую мэтр Жужин использовал под карантин. Его грудь была туго перебинтована, как и левая рука. Помещение в светлых тонах заливал рассеянный свет. Окна выходили на кусты шиповника, на которых еще алели ягоды. Алели, как капли крови.

Перед входом в комнату, Яго крепко сжал пальцы Виты. А затем толкнул дверь и шагнул за порог.

- Забери меня отсюда! - увидев его, взмолился Дикрай. - Я устал валяться! А чем меня тут кормят - это просто ужас!

- Рай... - произнес рю Воронн и отступил, давая дорогу Вителье.

Она подошла к кровати.

- Как ты? - спросила, стараясь не смотреть ему в глаза.

Не спрашивая разрешения, провела ладонями по его груди и спине, оценивая последствия ранений. Страшные раны почти затянулись, но кровопотеря сделала свое дело - Дикрай был еще слишком слаб. Тариша оказалась права - без ее желания жить, отданного ему, он бы ни за что не выкарабкался.

Неожиданно оборотень схватил ее за руку.

- Ты нервничаешь, Вита? - удивленно спросил он. - От тебя пахнет тревогой. Но почему? Со мной все в порядке, теперь нужно лишь немного времени, чтобы прийти в себя.

Рю Воронн отошел к окну и отвернулся, делая вид, что разглядывает шиповник.

- Нам... мне нужно кое-что сказать тебе, - пробормотала волшебница и села на край кровати. - Ты что-нибудь помнишь о той ночи?

Дикрай нахмурился.

- Помню... помню, что Тари почему-то напала на...

Он изменился в лице. Яго потянул на себя створку окна, впуская звуки утреннего города.

- Так вот в чем дело! - воскликнул Дикрай. - Тари заразилась, так? Арристо! Она казалась мне несколько странной в последнее время, но с ней ни в чем нельзя быть уверенным. Как она сейчас? Ты помогла ей?

- Помогла, - медленно ответила Вителья, - но не в том смысле... Я буду говорить, а ты не перебивай меня, Дикрай Денеш, обещаешь?

- Обещаю, - кивнул оборотень.

- Нет, - качнула головой Вителья, - поклянись, что дашь мне договорить даже... даже если захочешь

убить меня!

– Да ты что? – возмутился Рай.

– Просто поклянись, – сказал от окна Яго.

Оборотень бросил на него взгляд, и Вителья увидела в нем испуг.

– Клянусь... – Дикрай выглядел таким потерянным, что Вита не выдержала и обняла его.

Обняла лишь на миг, а затем отстранилась и заговорила.

Как у Йожы с Виньо, она говорила кратко и отстраненно. И думала о том, что проговаривая свои ошибки, ты не исправляешь их, но принимаешь. Она жалела, что поддалась влиянию Тариши и исполнила ее желание. Но в то же время, до сих пор не знала, как поступила бы, если бы фарга ничего не предложила.

Слушая волшебницу, Денеш бледнел, и в какой-то момент Вите показалось, что он сейчас потеряет сознание от потрясения. Но он лишь тряхнул головой, словно отгонял надоедливую муху, и немигающим, очень кошачьим взглядом, уставился в спину Яго.

– Ты жив, благодаря Тарише Виден, Рай, в этом ее подвиг и дар тебе. Я исполнила последнее желание фарги. Твоя воля простить меня или возненавидеть – я все пойму и приму! Прости меня... Прости всех нас! – закончила Вита.

Она с болью смотрела, как эмоции уходят с его лица, оставляя холодную маску. В углах его рта появились жесткие морщины, а смех, всегда искривившийся в голубых глазах, растаял, как дым.

– Сейчас вам нужно уйти... – с трудом произнес Дикрай, спустя долгое молчание. – Я хочу остаться один.

Ягорай, наконец, повернулся к нему лицом.

– Грой хочет похоронить Таришу сегодня, по вашим обычаям, – произнес он, и Вита удивленно посмотрела на него – в голосе рю Воронна не было ни капли сочувствия. – Он уже нашел место. Ты пойдешь с нами?

Дикрай так сжал кулаки, лежащие поверх одеяла, что они побелели. А затем решительно откинул одеяло.

– Дайте мою одежду!

Вита поспешно вскочила, отвернувшись, чтобы не разглядывать оборотня в исподнем и пробормотала:

– Я сейчас найду мэтра Жужина.

И выбежала из комнаты.

Дикрай проводил ее взглядом, посмотрел на рю Воронна и прошептал:

– Яго...

В его голосе звучала живая трепещущая боль.

Ягорай быстро подошел к нему, взял за плечи и как следует встряхнул.

– Это был ее выбор – отнесись к нему с уважением! – рявкнул он. – Она доказала, что действительно любит тебя! А теперь возьми себя в руки, Рай, нам нужно достойно проститься с ней.

Отпустив оборотня, рю Воронн вернулся к окну.

Вошедшая Вителья, не глядя, протянула Дикраю сложенную стопкой одежду и вышла. В ее глазах блеснули слезы.

Скудный свет из единственного окна в конце коридора квадратом улегся на полу, под ноги двух гвардейцев в синих мундирах, стоящих на часах, и красноволосого оборотня в форме Черного полка, накануне в полном составе принесшего клятву верности королеве Брунгильде. Еще четверо гвардейцев охраняли двери в кабинет, который по праву занял Его Величество Аркей Первый. А у стены напротив маялись подростки, из которых четверо были курсантами Военного университета.

– Если нас выпрут, уйду в леса, – тихо сказал Рахен Вирон из Серых Разбойников. – Весь, пойдешь со мной?

– Неа, – мотнул головой тот, густые, черные, слегка вьющиеся пряди, сегодня не собранные в хвост, на миг закрыли его лицо. – Я – городской житель, для меня город – тот же лес, только каменный. Найду, чем заняться.

– А я – богатый наследник, буду кутить! – хохотнул Сандр рю Кравиц. – И правда, надоела уже эта зубрежка, ночные побудки и учения. А ты, Карс?

Четвертый, красивый юноша, улыбнулся уголком губ.

– Придется научиться торговать, как отец. Он давно мечтает вовлечь меня в семейное дело.

– Да ну вас, – шутливо обиделся Рахен. – Придется идти одному.

– Я с тобой пойду, – подал голос пятый подросток – широкоплечий голубоглазый юноша, единственный, который был не в форме. – Охота мир посмотреть!

Подростки бравировали, но на самом деле чувствовали себя подавленно. Университет уже успел стать частью их жизни. И даже для Зохана Рысяша – за то короткое время, что он провел в казармах.

Двери в кабинет распахнулись – на пороге появился адъютант Кройсон. Огляделся и звучно позвал:

– Полковник Торхаш, Его Высо... Величество вас ждет!

Лихай уже стоял рядом с подростками. Один его взгляд, и они подобрались и посерьезнели: то, что сегодня решается их дальнейшая судьба, понимали все.

Лисс, смутившись оговорки, торопливо отступил в сторону.

– За мной, – процедил полковник и шагнул через порог, раздраженно перекинув через плечо красную косу.

Его Величество Аркей подписывал бумаги, которые ему ловко подавал Ян Грошек. Так ловко, что, становилось ясно – другого секретаря новый король искать не собирается.

Торхаш с совершенно бесстрастным лицом вытянулся по стойке смирно перед столом. Виновные встали на шаг позади с такими прямыми спинами, будто проглотили оглобли, но в отличие от Лихая, с трудом сдерживая эмоции.

Минута шла за минутой. Казалось, стопка документов на подпись, которые держал на специальном подносе секретарь, не уменьшалась.

В распахнутое окно залетали редкие снежинки – в последние дни установилась устойчиво прохладная погода, однако холодные ветра с залива еще не проснулись, и снег кружился плавно и неспешно.

У едва теплящегося камина сладко посапывал щенок Стремы. Войдя в кабинет, Веслав его не заметил, – он смотрел на Его Величество, но нюх подсказал, что щен здесь и дрыхнет. Гроден тоже с удовольствием завалился бы спать, лишь бы не чувствовать неприятное сосущее чувство где-то в средостении. Неужели страх? Весь едва заметно поморщился. Знал, что виноват, и понести наказание не боялся, гораздо хуже было то, что он подвел Аркея. Не Его Величество Аркея, а того Арка, которого хоть и не считал отцом, однако глубоко уважал и ценил.

Напряжение в кабинете росло с каждой минутой. Видимо, ощутила его и собака, потому что вскоре послышался цокот коготков по каменному полу, и черный, как смоль, щен обошел неподвижную шеренгу людей и остановился перед столом Его Величества, широко расставив толстые лапы и наклонив голову. Несколько мгновений он с подозрением разглядывал подростков своими оранжевыми глазенками, а затем вдруг залился яростным лаем.

Аркей отложил перо, с интересом наблюдая за ним. Щенок облаивал каждого из стоящих по очереди, а затем всех разом, и в его голосе ощущалось нешуточное недовольство.

Когда лай поднялся до самой высокой ноты, Его Величество постучал ладонью по столу и негромко сказал:

– А ну-ка, тихо!

Щенок оглянулся на него, для верности гавкнул еще пару раз и лег, преграждая путь к столу.

Аркей и секретарь Грошек переглянулись.

– Идите, Ян, Лисс позовет вас, когда я решу продолжить, – произнес Его Величество.

Секретарь подхватил кипу подписанных бумаг, поклонился и вышел.

– Полковник Торхаш, озвучьте, какие разделы Устава Военного университета, нарушены этими курсантами, – приказал Аркей.

Не меня выражения лица, полковник озвучил.

– Курсант Вирон, как классифицируется повиновение командиру? – задал вопрос Его Величество.

Рахен судорожно сглотнул, но ответил четко:

– Повиновение есть душа воинской дисциплины.

– Курсант рю Кравиц, допустимо ли обсуждение приказа командира? – продолжал спрашивать король.

– Обсуждение приказа недопустимо, – мрачно сообщил Сандр.

– Курсант Астун, можно ли выполнить приказ частично?

– Никак нет, Ваше Величество! – отрапортовал тот.

Весь позавидовал его спокойствию и тут же затаил дыхание, потому что услышал:

– Курсант Гроден, чем является неповиновение или неисполнение приказа?

– Неповиновение или неисполнение приказа является воинским преступлением, Ваше Величество, – произнес Гроден.

– Особенно в боевых условиях, – подлил масла в огонь Торхаш.

Аркей постучал пальцами по столешнице и посмотрел на Зохана Рысяша.

– Полагаю, вы своей вины не признаёте, Рысяш? – сказал он.

– Я не звал ребят за собой, а моя жизнь принадлежит только мне, – набычился Хан. – Но я готов понести наказание наравне с ними, потому что они не бросили меня в трудную минуту. Если бы они не пошли за мной, я был бы уже мертв. Правда, – на его лице мелькнула и пропала злая улыбка, – кто-то из бешеных тоже был бы мертв!

– Что мы слышим, Лихо? – король перевел взгляд на Торхаша. – Как это называется?

– Глупость, недалёковидность и отсутствие опыта, – не задумываясь, ответил Лихай, – а также упорство, мужество и верность боевым товарищам.

Курсанты, забыв о том, что нужно стоять по стойке смирно, изумленно воззрились на него.

– Кроме того, известие о приближении бешеных в Вишенрог принесли именно вы, Рысяш, чем спасли множество жизней... – Его Величество в задумчивости потянул к себе какую-то бумагу. – Я даю вам выбор: служить Ласурии верой и правдой или уйти отсюда и принять судьбу оборотня, потерявшего свой клан.

– Семья или одиночество? – прищурился Лихай. – Рысяш, Его Величество слишком милостив сегодня. Выбирайте, пока он не передумал!

– А... – Зохан в растерянности почесал в затылке. – Я-то что должен сделать?

Аркей положил документ, который держал, на край стола.

– Прочтите и подпишите. Или не подписывайте и можете быть свободны.

Хан шагнул к столу. Лежащий щенок вскочил и низко зарычал, обнажив белоснежные клыки. Даже щенячьи, они выглядели устрашающе.

– Ты, неумный, иди сюда, – чуть повысил голос Его Величество.

Щенок нырнул под стол и улегся у его ног.

Между тем Хан не без труда разбирал красивый почерк, которым был написан документ, и выражение его лица было таким, что курсанты, переглянувшись, дружно побледили.

– Приказ о зачислении в Военный университет? – оборотень поднял потрясенный взгляд на короля. – Меня?! Но я же...

- По возрасту вы уже не годитесь для первого курса, - кивнул Его Величество, - поэтому будете зачислены на курс, на котором учатся ваши «боевые товарищи».

- Но нас же отчислят? - не выдержав, воскликнул Рахен. - Отправят в карцер или что там еще есть?

- Что у нас еще есть, Торхаш? - осведомился король.

- Во-первых, учебная программа нескольких курсов - ее Рысяш должен будет осилить за год... - принялся доброжелательно перечислять Лихо. - Во-вторых, его товарищи обязуются помочь ему в этом, но будут отчислены, если по истечении года Рысяш не сдаст все экзамены. И, в-третьих, университетские нужники, которые необходимо чистить два раза в день. Каждый день.

Рю Кравиц едва слышно застонал.

- Кто-то из вас не согласен? - изломал тонкую бровь полковник.

Веслав шагнул вперед, встал рядом с Ханом и произнес:

- Мы готовы, Ваше Величество.

- Рысяш, каково ваше решение? - Его Величество пристально смотрел на оборотня.

Зохан молча положил документ на стол, взял перо и криво расписался.

- Все свободны, - приказал Аркей.

Когда кабинет опустел, король вытащил из-под стола черного щенка, посмотрел в его оранжевые глаза и проговорил:

- Похоже, ты решил здесь поселиться, дружок?

Кончик черного хвоста шевельнулся.

- Тогда нужно дать тебе имя, - Аркей улыбнулся и принялся чесать щенка за ухом. - Как бы тебя назвать, такого сердитого?

От ласки щенок задремал. Его Величество вспомнил, как пес облаял посетителей, посмотрел на неумелую подпись Зохана Рысяша на приказе о зачислении и засмеялся.

- Быть тебе Яростным, - отсмеявшись, сказал он, и опустил щенка на пол. - Иди на место, Яро!

Ветер неумолчно гудел в горных вершинах.

То тут, то там шуршали, осыпаясь, мелкие камешки.

Шумели кроны столетних елей, взобравшиеся на склон в незапамятные времена.

Родник прыгал по прихотливо изогнутому руслу, скрываясь в кустарнике.

Тишины в этом месте не было - был покой. Это его жемчужное сияние лилось с распахнувшихся, будто врата, небес. Это он дарил взглядам простор, не ввергая в скорбь и отчаяние, и был прост, как сладко спящий новорожденный.

Едва оказавшись здесь, Вителья задохнулась от величественной красоты, видимой с естественной площадки на склоне горы. Человек не добрался бы сюда без портала - через глубокие расщелины и острые скалы, узкими звериными тропами. Здесь не место было ему, человеку! Так, как и хотела бы, наверное, Тариша Виден.

Дикрай Денеш стоял в самом центре площадки, рядом со сложенным погребальным костром, на котором лежало закутанное в плащ Гроя тело фарги. Он не смотрел на него - жадным взглядом окидывал пространство, словно пил и не мог им напиться.

- Благодарю, брат, - наконец, тихо сказал Дикрай стоящему рядом Вирошу. - Ей бы понравилось!

- Я рад, - просто ответил оборотень и отошел в сторону, позволяя Денешу побыть наедине с Таришей.

- Это впечатляет, - буркнула Торусилья, - однако мне здесь не по себе. Слишком много воздуха, мне кажется, я сейчас им задохнусь!

- Нельзя задохнуться воздухом, уважаемая рубака! - возмутился Альперт. - Так проявляется ваш страх открытых пространств, только и всего.

– Нету у меня страхов! – набычилась гномелла. – Они мне не нравятся, пространства эти... Хотя Грой прав – Тарише здесь будет хорошо.

Виньовинья, которая стояла рядом с Витой, вытерла слезы. Волшебница покосилась на нее, но ничего не сказала. Пораженная красотой этого места, она вообще не думала ни о Тарише, ни о чем бы то ни было. Простор захватил ее в плен, казалось, она слышит, как он поет, и его ликующая песнь меняет местами небеса и землю. Она сама не заметила, как закрыла глаза и... шагнула вперед.

Полный ужаса крик Виньо привел Вителью в себя. Она открыла глаза и обнаружила, что висит над пропастью, а кромка, с которой она шагнула в пустоту, осталась в полушаге позади. От неожиданности волшебница совершенно неслышно ойкнула и... полетела вниз. Справа взметнулся снег. Стремительное пятнистое тело пронеслось вниз по отвесному склону, руля хвостом, и толстая, вооруженная огромными когтями лапа загребла воздух вместе с капюшоном Витино плаща, того самого, подбитого волчьим мехом, что подарил ей Яго. В то же мгновение Вителья ощутила, как под ногами сформировалась воздушная подушка – прогибалась, но держала.

Волшебница подняла глаза – на обрыве стоял Альперт и, покраснев от натуги, плел заклинание. А справа, балансируя на узком каменном карнизе, застыл барс, держа Виту за капюшон и не давая упасть. В ее горле застрял комок. Вита убила любимую Денеша, но он, не задумываясь, спасал ей сейчас жизнь.

– Аль, «Кулак ветра» второго уровня, – судорожно выдохнув, крикнула волшебница, – толкни меня ближе к Раю!

Попус кивнул, не отвечая, чтобы не нарушать собственного сосредоточения, и взмахнул руками.

Воздушная подушка под ногами Вительи зашевелилась, как живая, и прыгнула вбок. Дикрай перехватил узкий стан волшебницы второй лапой и втащил ее на карниз.

– И что дальше? – послышался голос рю Воронна.

Вита разглядела его выражение лица – Ягорай не любил, когда что-то шло не по плану. Тем более, не по его плану.

– Тут веревка надобна, – сообщил Йож, с опаской заглядывая вниз.

Волшебница прижалась затылком и спиной к стылому камню и на миг прикрыла веки. Архимагистр Никорин так и не научила ее левитировать, хотя она неоднократно просила об этом. «Тебе еще рано летать, девонька, научись сначала владеть собой», – отвечала она каждый раз. Но ведь у Виты получилось! Получилось без всяких советов! Надо... Надо лишь вновь услышать голос этого места и внять ему!

Вита посмотрела на барса, который был ее кровником. Тот сидел на карнизе (и как поместился?), аккуратно составив лапы. Подняв руку, волшебница с благодарностью погладила его между ушами и прошептала:

– Спасибо, брат! А сейчас возвращайся. Я сама...

Он испытующе взглянул на нее, беззвучно разинул пасть, словно соглашаясь, и пулей взмыл вверх. Снег посыпался с камня, нависающего над карнизом, прямо волшебнице на лицо. Она непроизвольно зажмурилась. И не стала открывать глаза. Постепенно звуки отступили на задний план, оставляя шум ветра. Под этими небесами воздух звучал, как орган, и это низкое гудение наполнило тело волшебницы каким-то странным ощущением. Она вдруг почувствовала пространство. Здесь твердое и надежное, там – пустое, воздушное, но оно было везде: под ногами и над головой, справа и слева. Не геологическая опция, не физическая... Магическая.

Собственная Сила, будто разбуженная пением простора, мягко подхватила Вителью под руки и приподняла над карнизом. Всего на чуть-чуть – наблюдающие сверху друзья не увидели, как подошвы сапог Виты оторвались от земли. Но они затаили дыхание, а Альперт не сдержал полного ужаса возгласа, когда волшебница, словно в трансе, шагнула за карниз и повисла в пустоте.

Медленно, будто просыпаясь от тяжелого сна, Вителья развела руки, повернула ладонями вверх. И открыла глаза. Несколько мгновений она напряженно хмурилась, а затем улыбнулась и начала плавно подниматься к обрыву, откуда наблюдали встревоженные «призраки».

Ягорай не дал ей самой шагнуть на каменный край – когда волшебница поднялась достаточно, поймал за пояс куртки и рванул на себя. И на миг она почувствовала страх в его движениях.

– Тяжело с тобой, Вита, – прошептал он ей на ухо и отпустил, как ни в чем не бывало.

– Хоу, Вителья, это было потрясающе! – подскочил к ней Альперт. – Я... Может мне... может я...

– У тебя обязательно получится, Аль! – хлопнула его по плечу Тори. – Когда-нибудь получится, вот увидишь!

Дробуш молчал. Когда Вита посмотрела на него сияющими от собственного успеха глазами, он отвернулся и проворчал:

– Мы волновались!

И ей ничего не оставалось, как только обнять его – нескладного, и поцеловать в щеку.

– Б... больше так не делай, – заикаясь, сказала Виньо, обнимая их обоих. – Это было жуть как страшно.

Ее супруг многозначительно кашлянул, и все вдруг вспомнили, для чего пришли сюда.

Барс уже сидел рядом с погребальным костром.

– Он не будет оборачиваться? – спросила Торусилья.

– Не будет, уважаемая рубака, – ответил Вирош, – так легче.

Он отошел в сторону, где оставил свои вещи, и достал четыре факела. Вытащил из поясного кошелька огниво, высек искру, запалил их и позвал:

– Дикрай Денеш Охотник Мглы, выбери среди друзей тех, кто откроет путь для Тариши Виден Белой Смерти, чтобы она отправилась в дальнюю дорогу с легкой душой, зная, что о ней будут помнить, и во славу Арристо!

На его последних слова Вителья непроизвольно сжала кулаки. После событий в портовом складе вряд ли она захочет делать что-то во славу безумного бога, жаждущего поклонения и крови!

Один из факелов Грой воткнул в землю рядом с тем местом, где сидел Дикрай, и сам застыл рядом с ним.

Барс долго смотрел в огонь. Факел горел чистым пламенем, без копоти, танцующие языки двигались ровно – ветер вдруг стих, будто тоже ждал, какой же выбор сделает Денеш.

Дикрай переступил лапами и боднул головой Гроя в бок.

– Это большая честь для меня, брат, – склонил голову тот, и воткнул второй факел у противоположного угла погребального костра.

Между тем барс подошел к Виньо и ласково обтерся об нее боком.

Гномелла всхлипнула, на миг обняла его большую голову и пошла к Грою, который вручил ей третий факел. А барс развернулся и посмотрел на Вителью.

Они смотрели друг другу в глаза очень долго, и ветер терпеливо ждал окончания безмолвного разговора. Что они говорили друг другу? Просили понимания, прощения, обвиняли? Но о чем бы они ни говорили, четвертый факел Вирош отдал волшебнице, и она приняла его, и встала у своего угла погребального костра, вместе со всеми коснулась факелом политых горячим маслом бревен. Пламя радостно запрыгало по ним, заревело, охватив сразу весь костер.

Отступив назад, волшебница следила, как сгорает тело Тариши Виден, и думала о том, что вместе с ним сгорают и ее непримиримость, и ее сила воли, и ее любовь. Она старалась не смотреть на Дикрая, но даже не глядя на него, знала, что увидит – звериную маску безо всяких эмоций, черные зрачки, в которых бешено пляшет пламя, и навсегда застыло последнее прости и прощай.

Архимагистр Никорин затейливо расписалась в лежащем перед ней документе и ослепительно улыбнулась начальнику Тайной канцелярии, наблюдавшему за ней из волшебного стекла.

– Добрых улыбок и теплых объятий Твоему Могуществу! – воскликнул тот. – Не желаешь ли позавтракать со мной?

Ники с сомнением покосилась на грудку бумаг. Все они требовали рассмотрения, но после Бунта бешеных у нее совершенно не было возможности заняться делами. Секретарь Брут был сердит – он не терпел беспорядка и промедлений, – а расстраивать собственного секретаря величайшая волшебница Тикрея не любила.

– И тебе доброго дня, Твоя Светлость, – ответила Ники, – у меня другое предложение – приходи ко

мне? Мой завтрак, конечно, отличается от твоего, но мы что-нибудь придумаем.

Она махнула ладонью, позволяя амальгаме показать рю Виллю заваленный стол.

– Тебя поглотила рутина? – понимающе улыбнулся герцог. – Открывай портал!

Спустя мгновение он с комфортом устраивался в кресле для посетителей, а Никорин магическими пассажами разгоняла бумаги по углам стола, освобождая место для подносов с едой. Яства не заставили себя ждать – Бруттобрут ступил на порталную плитку, почтительно поклонился начальнику Тайной канцелярии, подошел к столу и принялся расставлять тарелки, неодобрительно косясь на нерассмотренные документы.

Когда секретарь ушел, рю Вилль азартно придвинулся к столу, оглядывая перепелов в брусничном соусе, королевский омлет с фасолью и ветчиной, восхитительные булочки, горкой лежащие на тарелке, и кувшин с горячим морсом.

– Отличный у тебя завтрак, Твое Могущество! – воскликнул он. – Пожалуй, я попрошусь к тебе на каждое утро.

– Приходи, – усмехнулась Ники, – только имей в виду, я не всегда ночую в башне, а в мое отсутствие вещи в этой комнате не привечают чужих. Поэтому не удивляйся, если письменный стол зажмет тебя в углу, а стулья надают тумаков.

– Жестокая, – с наслаждением сказал герцог и потянул с блюда одного из перепелов. – И почему я до сих пор не нанял для тебя опытного убийцу?

– Да простит меня Твоя Светлость, но у тебя нет настолько опытных, – рассмеялась Никорин, тоном выделив слово «насколько», – разве только Вирош, но насколько я знаю, убийства не доставляют ему удовольствия. А кстати, откуда ты его выкопал? Он уже так давно служит короне.

– Впервые мы столкнулись в Гаракене, – рю Вилль принялся за перепела. – После удачного рейда на Крейский торговый караван моя «Мурена» стояла в столичном порту, а я проигрался в пух и прах местному бонзе. Отступить было решительно невозможно, и тогда я поставил на кон корабль...

– И?.. – блестя глазами, Ники подалась вперед.

Начальник Тайной канцелярии с хрустом разгрыз тонкую косточку и торжествующе довершил:

– И проиграл его!

Ласурский архимагистр выругалась. Матерно, виртуозно и длинно.

– Вот и я так думаю, – согласился рю Вилль, приступая к омлету. – Я проиграл в первый и единственный раз в жизни! И дал себе слово – если мне удастся вернуть «Мурену», я сяду играть только при одном условии...

Он замолчал, поглощая омлет.

– Ты меня интригуешь, Трой? – промурлыкала Никорин, с явным удовольствием наблюдая за тем, как он ест.

– Конечно, – расхохотался герцог. – Так приятно видеть на твоём прекрасном личике живой интерес ко мне!

– Ты невыносим! – хмыкнула волшебница. – Давай, рассказывай дальше!

– Итак, я сяду играть только при одном условии, – повторил рю Вилль, явно дразня ее, – если моим партнером по игре будет сам король.

– Гаракенский? – подняла брови Ники.

– Неважно, – отмахнулся Троян. – Любое коронованное лицо Тикрея. И, между прочим, свое слово я держу и до сих пор.

– А как же «Мурена»? – взволнованно спросила архимагистр.

– Я был молод и глуп, – пожал плечами рю Вилль. – Капитан – проигравший корабль, обещен, а такого может убить любой. И я отправился искать смерти. Однако, прежде чем я с ней познакомился, меня нашел Грой Вирош Солнечный бродяга и предложил сделку. Он отыграет «Мурену» назад, а я обязуюсь бесплатно доставить его, куда он пожелает. Парень сказал мне, что знает Гаракен, как облупленный, и что ему бесконечно скучно, поэтому он собирается повидать мир, не имея за душой ничего, кроме ножа, плаща и нахальства.

– Узнаю негодяя... – пробормотала Никорин. – И что произошло дальше?

Троян стукнул пустой кружкой по столу и потребовал:

– Морсу, хозяйка!

Ники фыркнула, но морсу гостю налила.

– Он отыграл корабль, – вылив в себя напиток, сообщил герцог, – и поднялся на борт «Мурены» в качестве единственного пассажира. В моей команде были одни буйные, как и я тогда, собственно. Конечно, к нему цеплялись, насмехались над тем, что он сухопутный и оборотень. Но Вирош повел себя так, что насмешки быстро прекратились. Дорога была долгой, море беспокойным... Мы попали в бурю. Затем в штиль. Столкнулись с противником, превосходящим нас числом. Грой показал себя отличным бойцом, мои ребята его зауважали, а я подумал, что не отказался бы от такого парня в команде. Я доставил его до Вейерфона, и мы расстались вполне довольные друг другом, не зная, что нам еще суждено встретиться. «Мурена» пришвартовалась в Вишенроге, где в каком-то кабаке я познакомился с парнем по имени Рэд, даже не подозревая, кто он на самом деле. Он был бешеный, как и я сам, ни Аркаеша не боялся и творил такое, что кому рассказать – не поверят. Спустя три года Рэд стал Его Величеством Редьярдом Третьим. Он предложил мне должность, которая пришлась по нраву – буйства к тому времени мне порядком наскучили. И я вновь стал собирать команду – только теперь не для откровенного разбоя на воде, а для тайной игры на суше. Вот тогда я вспомнил о Вироше, разыскал его и предложил работу. Он согласился. Это вся история.

Ники тоже налила себе морса, выпила его, откинулась на спинку стула и воскликнула:

– Отличная история, Твоя Светлость! Как я понимаю, с тех пор Вирош ни разу не разочаровал ни тебя, ни Его Величество?

Троян пожал плечами.

– Он авантюрист. Есть такая порода людей, ну или оборотней, как в данном случае. Таким не нужен дом или нужен, но ненадолго, их не интересует власть, а деньги требуются ровно настолько, насколько могут облегчить жизнь. Кто-то, став старше, устает от этого, но Грой к ним не относится. Он родился бродягой и останется бродягой. Предпочтет смерть в какой-нибудь стычке при переходе границы – кончине в собственной постели в окружении скорбящих родных и близких.

– Ты прав, – Ники снова разлила морс и, подумав, положила себе омлет. – Приятно поговорить с человеком, который хорошо разбирается в своих подчиненных.

– У тебя к нему какой-то интерес? – тонко улыбнулся рю Вилль. – Я имею в виду, кроме постельного.

Тонкая рука Ники, держащая вилку с омлетом, на мгновение прекратила движение от тарелки.

– Подписывая вон ту бумагу, – архимагистр глазами указала на документ, – я размышляла о том, какую беспрецедентную на просторах Тикрея команду мы с тобой собрали. И какие это будет иметь последствия в будущем.

Герцог потянулся к документу:

– Я посмотрю?

Никорин кивнула и занялась омлетом.

– Собираешься присвоить ан Денец звание боевого мага? – рю Вилль, прочитав, отложил бумагу. – Не рано? Насколько я понимаю, она не закончила обучение в качестве адепта.

– У нее индивидуальная программа, – усмехнулась волшебница. – Девочка учится не столько теории, сколько практике. Мне глубоко плевать, что она не знает в каких годах состоялись пятнадцатый, двадцать третий и сороковой Высшие магические ковены, однако я вижу, что миссии, в составе которых ан Денец выполняет функции боевого мага, успешны. Потенциал у Вительи огромный, но время от времени следует напоминать ей, кому она обязана исполнением своей мечты.

Начальник Тайной канцелярии хохотнул.

– Ники-Ники, вы с Его Величеством Аркеем мыслите одинаково. Вчера вечером он подписал указ о присвоении Вителье Таркан ан Денец графского звания и соответствующих угодий в окрестностях Вишенрога. Вы оба привязываете девушку к Ласурии, каждый по-своему.

– Она – национальное достояние нашей страны, – пожала плечами архимагистр. – Аркей это понимает так же ясно, как и я.

– Но она крейка! Можно ли доверять крейке? – прищурился начальник Тайной канцелярии.

– Почему нет? Родина пыталась отнять у нее все, к чему она стремилась, а Ласурия подарила защиту, любимого и будущее.

– А если случится война?..

– Не если, Трой, – резче, чем хотела бы, прервала Никорин, – война случится при любом раскладе! Вот только отчего ты решил, что я собираюсь использовать ан Денец в войне с Креем? Это как из малопушек по крысам стрелять. С Креем справится и Аркей.

– Тогда для чего она тебе? Меня тебе не обмануть, Ники! Я-то вижу, как незаметно для остальных ты жестко контролируешь ее... Боишься, что девица разнесет Тикрей?

Ники положила вилку на край тарелки. Помолчала.

– Моли Индари, чтобы я ошиблась в своих предположениях, – наконец, проговорила волшебница. – Но если я не ошибаюсь – нам будет очень не хватать нескольких рокури аркаэля, таких, как Вита. Давай сменим тему? – предложила она. – Поговорим о новом короле? Как ты думаешь, каким он будет?

– Каким королем будет Аркей? – переспросил герцог, понимая, что продолжение разговора о крейской волшебнице теперь стало невозможным. – Мне гораздо интереснее послушать твои предположения.

– Ох, с ним будет сложно, Трой! – засмеялась архимагистр. – С Рэдом куда проще договориться, его можно читать, как открытую книгу, а наследник – вещь в себе. И хотя я наблюдаю за ним с детства, он остается для меня загадкой. Взять хотя бы его скоропалительную любовь с трактирщицей. Я совсем не ожидала от принца такой пылкости. Думала, он найдет себе невесту, такую же, как и сам – для которой долг превыше всего. И они будут жить долго, счастливо... и по правилам.

Герцог хотел было ответить, но откуда-то сбоку раздался громкий всплеск. Он повернул голову и наткнулся на взгляд прекрасных голубых глаз лягушки, которая сидела на листе кувшинки в аквариуме у окна. От этого взгляда холодок пробежал по спине начальника Тайной канцелярии – лягушка не просто смотрела на него и Ники. Она РАЗМЫШЛЯЛА!

– Пресвятые тапочки, Ники, зачем тебе это чудище? – пробормотал рю Вилль, невольно сделав оберегающий жест. – Она же душу выворачивает своими глазами!

– Это не просто чудище, – архимагистр с нежностью взглянула на земноводное, – это магический прецедент, проблема такого уровня, с которым мне еще не приходилось сталкиваться. Если бы Марьи не было – ее следовало бы придумать хотя бы для того, чтобы мне не было скучно. Скука, Трой, вечная проблема тех, кто может жить вечно...

Рю Вилль сглотнул и поспешно поднялся.

– Благодарю Твое Могущество за великолепный завтрак, в следующий раз жду у себя, – сказал он. – Откроешь портал?

Никорин милостиво улыбнулась и повела рукой.

Но едва герцог шагнул в портал, улыбка испарилась с ее бледных губ.

– И почему умные люди так боятся вечности? – спросила она сама себе. И сама же себе ответила: – Вопрос риторический.

Дверь, ведущая из королевских покоев на балкон, была распахнута. На балконе, в кресле-качалке, закутанный в медвежью шкуру, сидел Редьярд, – уже не Его Величество! – и терпеливо подписывал приглашения на коронацию собственного сына. Стопка справа – неподписанные письма – уменьшалась. Стопка слева росла.

У парапета слонялась долговязая, закутанная в зимний плащ фигура, и таким унынием веяло от нее, что Редьярд старался в ту сторону не смотреть.

– Да ты сядешь, наконец? – рявкнул он, когда терпение лопнуло. – У меня уже в глазах рябит. Давай, займись делом, расскажи что-нибудь, рассмеши меня!

– Я могу тебя разжалобить, чтобы ты решил вернуть себе корону? – мрачно спросила фигура и опустилась во второе кресло. – Прости, братец, у меня нет настроения веселить кого бы то ни было, включая тебя.

Редьярд кинул на Дрюню внимательный взгляд. В душе зашевелилось неприятное чувство. Похожее было, когда он уходил от границы леса, так и не дождавшись возвращения Стремы. Аркаеш его побери, этого шута! Мы в ответе за тех, кого приручаем, но иногда судьба сильнее нас. Или мы ее

сильнее?

– Не держи на меня зла, братец, – мягко сказал Рэд, – ты давно знаешь, чего я хочу на самом деле. Тебе и объяснять ничего не надо.

– Не надо, – качнул головой шут. – Но я не могу представить этот дворец – без тебя. И что я буду делать? Кого веселить?

– У твоего Лягушонка есть поместье с отличным доходом, – воскликнул Редьярд, – так что ты больше не беден, братец. Пораскинь, как распорядиться деньгами, да заведи собственное дело! Вспомни о своей книге, той, которую ты пишешь... Как, бишь, она называется?

– Путеводитель «Обжираловки, вкусняшки и вусмертьупиваловки славного города Вишенрога, с разбивкой на содержимое кошельков и силу желудков».

– Точно! Отчего бы тебе не стать ресторатором? Покушать ты любишь, жена у тебя – первоклассная повариха. Станешь толстым и важным, в бархатном камзоле за стойкой денежки считать, а? Воплотишь лучшие блюда из своего Путеводителя...

– Отстань, братец, – вяло махнул рукой Дрюня, вытащил из стопки подписанных писем первый попавшийся свиток и немного оживился. – О, и гномы ожидают? Во главе с Их Подгорным Величеством Виньогретом?

– Ну как же без него, – ухмыльнулся в усы Редьярд. – Драгобужье, считай, теперича первый друг Ласурии – вон как нам помогли, когда Бунт бешеных случился. Мы бы, конечно, и без них справились, но потери личного состава были бы совсем другими. Друзей надо всячески привечать, братец, да и просто приятно представить, что я утер нос Понтеломусу Крейскому, ведь ему приглашения я не отправлю!

– А ты отправь, – хихикнул Дрюня, – будет весело, если он решит приехать!

Рэд в задумчивости почесал бороду.

– Почему бы и нет? – пробормотал он. – Мы же – гонцы мира и понимания на Тикрее, не так ли?

Редьярд обмакнул перо в чернильницу и принялся писать. Заглядывая ему через плечо, Дрюня читал вслух: «Многие лета тебе, асурх Понтеломус Крейский, любимец богов! Как ты знаешь, в нашем государстве произошли некие события, которые серьезно подорвали мое здоровье, в связи с чем корона Ласурии переходит к моему сыну, наследному принцу Аркею. Мы были бы искренне рады видеть тебя на коронации, владетель Понтеломус, которая состоится...».

– Владетель? – уточнил шут. – Что еще за владетель?

– Асурх с крейского переводится как владетель мира, – пояснил Редьярд.

Дописал дату, подписался. Кинул свиток в одну из куч, посмотрел на Дрюню и добавил:

– Если он действительно приедет, я тебя казню. Как там Колька обещал: вырву язык и отрублю руки?

– Да не приедет этот... владетель, – презрительно заржал шут. – Зато о тебе пойдет слава, как о миротворце, мол давнишнего врага пригласил на коронацию сына. Да еще «искренне рад видеть»!

– Ну смотри, я предупредил, – предупредил Рэд. – А теперь давай-ка, проведай своего Лягушонка и моих внуков. А потом придешь, расскажешь мне, как они там...

– Могут и не ходить, так знаю – лопают да дрыхнут, – обиделся Дрюня, – и иногда... того...

– Про «того» не надо, а вот как лопают и дрыхнут, расскажешь! – повысил голос Редьярд. – Иди, я сказал!

– Ну ладно, понял-понял! – поднял ладони шут. – Ухожу!

Когда дверь за ним закрылась, Редьярд встал, сбросил шкуру и с наслаждением потянулся. Хорошо было ощущать себя живым. И вообще – ощущать!

Тяжело ступая, он вернулся в покои, сел за стол у окна, на котором уже дымился в кувшине горячий морс с медом и лежали на тарелке вафли, и подвинул к себе зеркало связи. Ответа ждать пришлось недолго. Амальгама потемнела, показала низкий потолок, стол из векового дуба, письменный набор из чистого золота, украшенный самоцветами, и его хозяина – рыжего, как пожар гнома, который читал какую-то книгу.

– Приветствую Твое Подгорное Величество и желаю тебе долгие лета и крепкого здоровья, дабы прожить их в достоинстве и удовольствии! – воскликнул Рэд. – Уделишь ли мне минуту?

– Твое Ласурское Величество! – радостно прогудел гном. – Рад, рад! Как драгоценное здоровье?

– Хреново, – подумав мгновение, честно признался Редьярд, – но я надеюсь еще поскрипеть. Правда, уже не в качестве короля всея Ласурии.

Виньогрет набычился.

– Слышал, и мне жаль! Страна – она как дите неразумное, без родителя болеет и идет вразнос...

– Аркей будет хорошим королем, – отмахнулся Рэд. – А ошибки... Кто из нас их не совершал?

Его Подгорное Величество закрыл книгу, отложил в сторону. И вдруг произнес:

– Я не должен об этом спрашивать и надеюсь, что ты не обидишься. Твоя невестка... принцесса Брунгильда, будет хорошей королевой? Она достойна твоего сына?

Редьярд внимательно посмотрел в лицо гнома. Тот интересовался не из простого любопытства.

– Сложный вопрос, друг мой, – искренне ответил он. – Она – хорошая хозяйка, и этим все сказано. Но будет ли она хорошей хозяйкой для страны все то долгое время, что ей выпадет быть рядом с моим сыном?..

– Она хоть его любит? – проворчал Виньогрет.

– Это без сомнения! – засмеялся Редьярд. – Но и ты не держи обиду на меня, ответь, зачем спрашиваешь?

Подгорный король поморщился.

– Дети... – проворчал он. – Они не всегда делают, как им приказываешь, не всегда оправдывают твои ожидания. Они взрослеют, уважаемый Редьярд, и иногда взрослеют слишком неожиданно...

– Постой, уважаемый, – Рэд помахал перед зеркалом подписанным свитком. – Это приглашение, Твое Величество, на коронацию моего сына. Я связался с тобой, чтобы пригласить лично, дабы ты узнал об этом от меня, а не от куска пергамента.

– Благодарю, – несколько удивленно ответил гном.

– Это я к тому, что, прибыв в Вишенрог, ты сможешь встретиться с дочерью и ее мужем, – ворчливо пояснил Редьярд. – Мне кажется, такая встреча вам не помешает...

– Плохо разговаривать с тем, кто знает не меньше тебя, – невесело улыбнулся Подгорный король, – но я искренне благодарен тебе за прямоту. Думаешь, – он заглянул ему в глаза, – пришла пора с ними свидеться?

Редьярд вспомнил, с какой прямой спиной уходил от него Аркей после их последнего разговора, и, тяжело вздохнув, ответил:

– С детьми надо говорить честно, Твое Величество, к каким бы последствиям это не привело. Лишь со временем станет ясно, кто был прав, а кто нет, но искренность они оценят.

– Я, пожалуй, поразмышляю над этим, – кивнул Виньогрет. – Прими мои сердечные поздравления для своего сына! Я обязательно прибуду на коронацию.

Рэд кивнул и выключил зеркало. На душе было тяжело, но он знал, что сказал верные слова. И что гном его услышал.

В отличие от многих своих однокурсников из Грапатукского университета, Вителья любила учиться. Ей нравилось искать и находить знания, собирать их в драгоценную шкатулку памяти, чтобы иметь возможность достать тогда, когда они будут необходимы. Неудача с лягушкой не шла у нее из головы. Вита терпеть не могла, когда в ее «шкатулке» ничего не находилось по какому-то конкретному случаю, как это произошло с «демонической» частью заклинания, наложенного на Марью. Поэтому, едва появилось свободное время, отправилась вместе с Дробушем в библиотеку Ордена Рассветного Лезвия, где пролистала все книги по нужной теме. Вырвиглот тоже открыл пару томов, но быстро закрыл, проворчав, что демонам надо «рвать бошки», а не тратить время на их изучение.

Пользуясь тем, что архимагистр Никорин была занята и не вспоминала о миссии «Ласурские призраки», Вита безвылазно провела в библиотеке несколько дней, заполняя собственные пробелы

в образовании. Подобных книг в библиотеке университета она не встречала, вероятнее всего, они хранились в закрытом для студентов разделе, доступ в который был лишь у посвященных. С теорией она совладала, однако практики не хватало. Самостоятельно вызвать демона волшебница не решилась, но в Вишенроге имелось место, где можно было заглянуть им в глаза и даже поговорить с ними. Таким местом была больница Святой Евгесии, располагавшаяся в Сакральном квартале. Простые горожане искренне верили, что это клиника для душевнобольных, однако магам было известно больше. Здесь содержали тех, чье безумие не поддавалось целительскому искусству. Чаше без причины, но иногда...

Ни от Яго, ни от Дробуша Вителья не скрыла, куда идет. И если Вырвиглот, выслушав ее, молча кивнул, то в глазах рю Воронна промелькнуло беспокойство.

– Вита, ты уверена, что хочешь увидеть подобное? – спросил он. – Когда я с отцом был в Крее, однажды стал свидетелем казни бесноватых, так их там называют. Лишь на мгновение – перед самой гибелью, когда демон покидает их тело, – они вновь становятся людьми и вспоминают все, что с ними произошло. Ты можешь представить себе их ужас и отчаяние в этот миг?

– В тех, кто уже был одержим, демонам легче вселиться повторно. Поэтому для освобожденных существует множество оберегов, которые они должны носить постоянно, дабы не допустить нового вторжения. Но, насколько я знаю, в Крее все проблемы решают радикально – нет человека, нет угрозы, – ответила волшебница. – Яго, я не боюсь смотреть на одержимых. Я боюсь однажды не суметь кому-то помочь!

– Кому-то, вроде Марьи? – кивнул рю Воронн. – Хочешь, я пойду с вами?н. ому-то помочь! Я боюсь однажды не суметь кому-то помочь. пустить повторного вторжения. ых. остатъ тогда, когда он.

Вителья покачала головой.

– Я пойду одна.

Одна она, конечно, не пошла. Вырвиглот упрямо топал за ней до самых дверей больницы, где она настоятельно попросила его остаться.

– Я здесь по поручению Ее Могущества Никорин, – сообщила она служителю на входе, нагло глядя ему в глаза. – Собираю для нее информацию. Кто-нибудь может показать мне больницу?

Надо сказать, что после Бунта бешеных, Вителью Таркан ан Денец жители славного города Вишенрога начали узнавать в лицо. Многие пришли на площадь Университетов, чтобы посмотреть, как будут гореть погибшие оборотни, и видели, как две волшебницы – ласурская и крейская, удерживали мощные языки пламени, поглощающие тела, и не давали им перекинуться на стены и крыши близъ стоящих домов.

– Конечно, госпожа, я сейчас кого-нибудь позову, – засуетился тот.

Спустя некоторое время к Вите вышла высокая и худая целительница, с таким пристальным взглядом, что волшебнице стало не по себе.

– Вителья Таркан ан Денец? – требовательно спросила женщина.

Сердце Виты ухнуло вниз – она решила, что ее обман раскрылся, однако она кивнула, пытаясь сохранить невозмутимый вид. Когда-то красивое лицо целительницы неожиданно осветилось ласковой улыбкой.

– Так вот какая ты, дитя! – воскликнула она. – Настоящая красавица – Софи меня не обманывала в своих письмах!

– Софи? – изумилась Вита. – Вы имеете в виду Софину Дали ан Денец, мою маму?

Целительница засмеялась.

– Я имею в виду Софину рю Кароль, мою подругу по университету, которая, влюбившись без памяти в крейского студента, – надо сказать, очень привлекательного! – уехала с ним в страну зноя и песков!

– О, Боги! – прошептала потрясенная Вита. – Должно быть, вы – Лисана рю Зарис, ее подруга – студентка целительского факультета, которую она называла Лиской?

– Да, это я, – кивнула женщина. – Не чаяла увидеть тебя здесь, Вителья, хотя о твоих подвигах наслышана. Ты простишь мне вольный тон? Софи в своих письмах много писала о тебе, и ты стала мне почти родной.

Вита помнила рассказы мамы о жизни в Ласурии, которая казалась девочке далекой, сказочной

страной. Больше всего она любила слушать о совместных приключениях и проказах мамы и ее рыжеволосой подруги Лисаны. Сейчас волосы целительницы были скрыты под белым чепцом, а веснушчатое лицо – изборождено морщинами. Для Витиной мамы жизнь сохранила красоту, а у этой женщины беспощадно отобрала, хотя она приходилась Софине ровесницей.

– Конечно, госпожа Лисана, – горячо кивнула она. – Вот мама обрадуется, когда я расскажу ей, кого здесь встретила!

– Зови меня матушкой Лисаной, – целительница взяла ее под руку, – так меня называют мои пациенты. Помня твое пожелание увидеть клинику, я сейчас тебе все покажу, но прежде обещай мне, что приедешь в гости!

Вита кивнула. Неожиданная встреча слегка сбила ее настрой, однако она уже научилась не отвлекаться от основного дела.

Рю Зарис повела ее вглубь здания, рассказывая об истории клиники. Вита не слушала – анализировала собственные ощущения. Прежде дремавшая Сила неожиданно проснулась, проявилась ощущением гудения в кончиках пальцев – так было всегда, когда волшебнице что-то угрожало. Но что могло угрожать Вителье в стенах Дома скорби? Так и не найдя ответа на вопрос, девушка прислушалась к словам целительницы.

– Больница небольшая, располагается в трехэтажном каменном доме, с толщиной стен, которой не могут похвастаться и некоторые здания квартала Белокостных, – с гордостью говорила Лисана. – Она была построена на средства, завещанные мэром Сольвегом, знаменитым целителем, который одинаково успешно лечил и богатых, и бедных, причем с бедных не брал и гроша, а с богатых – брал вдвойне. Ее месторасположение не случайно. Если ты взглянешь на карту Вишенрога, увидишь, что больница расположена на равном удалении от четырех старинных храмов, она будто окружена ими, словно они – крепости на границе государства...

Лисана замолчала и испытующе посмотрела на гостью. Вителья напряглась – целительница проверяла ее познания.

– Храмы создают дополнительный, так называемый «сакральный щит», – сказала волшебница, радуясь тому, что успела побывать в библиотеке и подчерпнуть нужные сведения. – Эманация веры отпугивает вредоносных существ, каковыми являются демоны, защищая пациентов больницы от повторных вселений.

– Умница, – похвалила Лисана. – Софи писала, что у нее растет не по годам умная дочь! Итак, на первом этаже расположены: приемный покой, кухня, целительская. Второй этаж занимают пациенты, из-за которых наша больница считается приютом для умалишенных. Те несчастные, которых ты хочешь увидеть, живут на третьем этаже. Слава Индари, их не много – всего семь человек. Шесть мужчин и одна женщина...

– И сколько из них одержимы? – не утерпела Вита.

– В настоящий момент – двое.

– А остальные?

– Еще в четверых демоны пытаются вселиться повторно, поэтому мы держим их под наблюдением. – Лисана тяжело вздохнула. – Разум последнего оставшегося настолько искорежен чужеродным вторжением, что мы и сами не понимаем, одержим он или нет. Кого именно из перечисленных ты хотела бы увидеть?

– Тех, кто одержим и этого, последнего, – решительно сказала волшебница.

– Идем вверх. Лестницы есть в конце каждого коридора, так что можем повернуть направо или налево, – кивнула Лисана.

Вителья проследовала за ней. Каменная широкая лестница была забрана решетками на всех трех этажах. Впечатление это производило удручающее.

В первой палате их встретил мужчина с всклокоченными волосами, который сидел на полу, вжавшись спиной в угол и обхватив колени руками. Он что-то говорил, обращаясь в пустоту, да так быстро, что невозможно было разобрать ни слова.

И опять Вителья отметила, как загудела Сила в кончиках пальцев. Остановившись на пороге, она наблюдала за одержимым. И едва не отшатнулась, когда его глаза вдруг залила чернота. Мужчина медленно встал и приподнял верхнюю губу, обнажая неровные желтые зубы. Так обычно скалились оборотни. Но он оборотнем не был.

– Смотри-ка, а они тебя боятся, – сказала Лисана.

Посмотрев на нее, Вита не заметила ни капельки напряжения или страха в ее лице.

– А вы их не боитесь, – заметила она.

– Мы с Софи мечтали стать боевыми магами, но она поторопилась выйти замуж за твоего отца, – улыбнулась целительница. – А я стала боевым магом Ордена Королевской Десницы и по иронии судьбы долгое время служила на границе с Креем, в который уехала жить моя лучшая подруга. Все работники этой больницы – маги, дополнительно освоившие целительское искусство. Это – гарантия того, что демоны не причинят вреда посторонним.

Мужчина зарычал. Негромко и жутко.

– Не наглей, Ваас, – не повышая тона, произнесла Лисана. – Эта девушка может развеять тебя, не пошевелив и пальцем.

Вита физически почувствовала ненависть существа, овладевшего сознанием несчастного. Она не испугалась, но ей стало не по себе, будто из залитых чернотой глаз мужчины глянула на нее совершенно другая реальность.

Волшебница развернулась и вышла. Лисана шагнула следом через порог и запечатала за собой дверь хитроумным магическим пассом.

– Зачем вы называли демона по имени? – спросила Вита.

– Для демона имя – сила, – ответила рю Зарис. – Тот, кто знает имя демона, отнимает его силу. Я просто напомнила ему об этом.

– Вааса нельзя изгнать? – продолжала спрашивать волшебница.

– К сожалению, он очень упорен и привязан к своей жертве. Но скоро он покинет нас сам.

– Почему?

– Его носитель умирает. Он не проживет и нескольких недель. Демон истощил его.

– И что тогда?

– Ваас отправится на поиски новой жертвы. Как ты знаешь, Вита, после изгнания Аркаеша и его свиты некоторым из демонов все же удалось остаться. Они бродят по Тикрею, продляя себе жизнь за счет тех несчастных, кто в минуту отчаяния, страха или безумия умудрился впустить их в свою душу. За годы существования больницы нам удалось уничтожить сорок из них и тем самым спасти сорок человек. Но далеко не все они смогли вернуться к полноценной жизни.

– Вы не убиваете людей из милосердия, да? – тихо проговорила Вита. – Не убиваете даже зная наверняка, что демон тоже умрет.

Лисана качнула головой.

– Если бы мы убивали людей, чем бы мы отличались от демонов? Нет, Вителья, у человека всегда есть возможность бороться. В демонологии известны случаи, когда одержимые были настолько сильны волей, что самостоятельно избавлялись от тех, кто захватил их в плен. Этот шанс есть у человека до самой его смерти.

Целительница двинулась дальше по коридору и остановилась напротив следующей двери. грусть.

– Здесь содержится второй человек из одержимых, – сказала она. – Дорого бы я отдала, чтобы избавить ее от демона, но он слишком силен.

– Сильнее Вааса? – уточнила Вителья.

– Увы, да, – грустно ответила Лисана и толкнула створку.

Вита вошла в комнату, залитую солнечным светом. На краю кровати, лицом к окну, сидела девушка с чудесными золотистыми волосами, который струились волной. На звук открываемой двери она не обернулась – так и продолжала сидеть, безучастно сложив руки на коленях.

Едва взглянув на нее, Вителья ощутила, как Сила свилась, будто змея, готовящаяся к броску.

– Тая, – ласково позвала целительница. – Посмотри на нас, девочка.

Названная Таей обернулась.

Вита прищурилась – солнце слепило глаза, и, рассмотрев девушку, едва не вскрикнула от изумления.

Перед ней сидела копия Альперта Попуса.

Дробушу стоять под дверями больницы имени Святой Евгесии не нравилось. Как и все древние существа он был очень чувствителен к «пограничным» состояниям – они заставляли его быть настороже, а между тем, пожив в Вишенроге, в относительной безопасности, под защитой Вительи и ее друзей, тролль почти позабыл, что это значит «быть настороже». Вот почему сейчас ему хотелось поскорее уйти отсюда.

Рассудив, что Вита вряд ли ограничится коротким посещением, Вырвиглот решил погулять по площади, заполненной рынком. Было шумно. Торговцы и торговки уже вовсю выкрикивали покупателей и бранились с поставщиками, стайки мальчишек носились по рядам, из-под их ног с привычной паникой взлетали голуби, чтобы уже через пару минут вновь опуститься на землю.

– Да что ж ты глупый такой! – вдруг услышал Дробуш. – Такой здоровый и такой глупый. Бочку ставить надо туда, куда я сказал!

Мало ли ругани на рынке? Тролль не обратил на крик ни малейшего внимания – засунув руки в карманы, шагал неспешно, поглядывая на прилавки. Как вдруг услышал в ответ:

– Здесь лучше стоит...

Голос был ему знаком. Развернувшись, Дробуш поспешил к источнику звука и увидел, как кругленький низенький торговец почему-то отчитывает высокого худощавого мужика. Как выяснилось, подоспел Вырвиглот вовремя – в глазах горе-грузчика уже вовсю разгорались багровые искры ярости.

Положив руку ему на плечо и заставив оглянуться, Дробуш мягко произнес:

– Поставь бочку куда он говорит, брат.

– Но...

– Поставь, – еще мягче повторил Вырвиглот, но было в его голосе что-то такое, что Лиат Вкровируки, – а это был он! – молча подошел к огромной бочке и переставил ее туда, куда указывал подрагивающий от гнева перст торговца.

– Благодарю, – буркнул купец, покосившись на невзрачного «мастерового», – парень силен как бык, но мозгов у него, как у курицы.

– Это мой брат, – ответил Дробуш, – позволь мне поговорить с ним?

– Валяй, – махнул рукой торговец.

– Идем, – сказал Вырвиглот Лиату и пошел в толпу, чувствуя, как тяжело ступает за ним базальтовый тролль, бывший когда-то пленником перевала «Воронье гнездо».

В маленьком сквере, украшенном изящной статуей из белого мрамора, изображающей королеву Рейвин, Дробуш усадил Лиата рядом на скамейку.

– Тот человек заплатил тебе монетами? – спросил он на родном языке, для наглядности достав одну монетку из своего, притороченного к поясу кошель.

– Дал железку, – набычился Вкровируки.

– Если дал – ты делаешь, что он говорит, и как он говорит. Даже если он прикажет тебе съесть ворону! – принялся объяснять Дробуш.

– А если я не хочу есть ворону? – возмутился базальтовый.

– Отдаешь ему железку и не ешь, сколько влезет, – кивнул Вырвиглот.

– Лиату Вкровируки очень сложно, – пожаловался горный тролль. – Людей и лошадей не ешь. Телеги не ломай. В дома не заходи. Да еще слушайся этого... Он сам не знает, чего хочет! Это туда поставь, а это – туда. Как понять?

За прошедшее время голос Лиата «ожил», стал звучать не так скрипуче, да и словарный запас немного пополнился.

Дробуш разглядывал белоснежную скульптуру королевы и напряженно думал. А затем, ткнул

коллегу локтем в бок и одобрительно воскликнул:

– Лиат Вкровируки правильно говорит, эта работа для него сложная! Надо простую. Хочешь бить молотом?

Базальтовый с подозрением покосился на него и переспросил:

– Просто бить? Не надо носить вещи? Не надо махать по земле палкой с листьями?

– Метлой? – догадался Дробуш. – Метлой не надо. Мастер Хлопблехель покажет тебе, куда бить молотом, и будешь бить так долго, как он скажет. За это он даст тебе железку – заплатит.

– Бить – это мне нравится! – осклабился Лиат. – Веди к этому... Хлопдохелю!

– Лиат Вкровируки выучит имя наизусть, – нахмурился Вырвиглот, – и запомнит одну вещь: маленькие люди, которые зовутся гномами, любят, когда им кланяются. И есть их нельзя, хотя очень хочется – в них много мяса!

Горный тролль непроизвольно облизнулся и тут же пригорюнился, видимо, осознав сказанное.

– Имя! – потребовал Дробуш.

– Хло... хлоп... бло... хель, – с трудом выговорил Лиат.

Они покинули сквер только тогда, когда Вкровируки смог без запинки выговорить имя уважаемого кузнеца, который после ухода мастера Йожевижа так и не нашел себе достойного подмастерья.

Вырвиглот вернулся к больничному крыльцу спустя пару часов – после того, как отвел Лиата в кузню и переговорил с Хлопблехелем, представив ему Вкровируки как своего племянника. Лиат мощно и с удовольствием лупил молотом по наковальне – и это уважающему себя кузнецу понравилось. Гном пообещал дать новичку работу и покамест поселить в своем сарае.

Вителья все еще была в больнице – Дробуш чувствовал ее и даже мог сказать, в какой именно точке внутри здания она находится. Тяжело вздохнув, он присел на ступени и застыл. Чего-чего, а ждать тролли умели.

Подойдя к девушке, Вителья остановилась спиной к окну. Сейчас стало заметно, что Тая – не точная копия Альперта, но несомненное сходство было: небольшие серые глаза, тонкий нос и губы, высокий лоб, линия плеч... Все, что делало Попуса непривлекательным и неказистым заиграло новыми красками в этом бледном лице с совершенно детским выражением.

– А ты красивая, сучка, – нежным голосом вдруг сказала Тая, – жаль, что тебя нельзя оседлать!

На мгновение Вита опешила. И только потом сообразила, с кем разговаривает. В душе моментально поднялся гнев – любое проявление несвободы крейка воспринимала болезненно с тех самых пор, как Самсан Данир ан Треток застегнул на ее шее Ожерелье признания.

– Она тебя провоцирует, Вита, – негромко сказала Лисана от двери. – Не ведись!

– Она... – пробормотала волшебница.

На миг прикрыла веки, вспоминая уроки Ее Могущества Никорин.

– Как тебя зовут, демоница? – спросила Вителья, открывая глаза.

– Так я тебе и сказала, – хихикнула девушка. – А вот твое имя я знаю, Вителья Таркан ан Денец, жрица Бога хаоса. Может быть, после того как сдохнет моя лошадка, я навещу тебя? Постучусь в твою дверь, и ты откроешь? Мы будем славно развлекаться вместе! Мой опыт плюс твои способности – Владыка бы порадовался, глядя на нас, если бы мог.

– Владыка? – переспросила Вита. – Так вы зовете проклятого бога? К счастью, он больше не появится на Тикрее. Да и вас немного осталось. А скоро будет еще меньше.

Собственный голос придавал уверенности. С каждым произнесенным словом волшебница успокаивалась. Сейчас ей не было дела до выходок демоницы – она напряженно думала, как помочь девушке, так похожей на Альперта.

– Зачем тебе Тая? – холодно спросила Вита. – Она слаба и долго не проживет, у нее нет власти и денег. С ней ты вынуждена сидеть тут, не имея возможности выйти в мир. А ты хочешь развлекаться. Так зачем тебе Тая?

Спокойное лицо девушки искривилось, будто разбилось на тысячу осколков, под которыми на

мгновение волшебница разглядела другое – уродливое, нечеловеческое. Это самое лицо она видела однажды в зеркале связи, принадлежавшем стажеру Попусу. Сила взгляда огненно-красных глаз демоницы была так сильна, что Вита едва устояла на ногах.

Губы девушки растянула издевательская улыбка. В тишине палаты, залитой солнечным светом, тоненький детский смех прозвучал жутко.

– Я всегда довершаю начатое, ан Денец, а здесь до завершения далеко...

Тая замолчала и с равнодушным видом уставилась в окно.

– Почему? – спросила Вита. – Почему далеко?

Девушка не отвечала.

– Она больше не заговорит сегодня, – пожала плечами Лисана, когда волшебница вопросительно посмотрела на нее. – Так всегда бывает.

Вита кивнула, направилась к выходу и вдруг увидела на столе раскрытую тетрадь.

– Что это? – спросила она у целительницы.

Та тяжело вздохнула.

– Посмотри сама.

Страницы были испещрены письменами. Написанные круглым детским почерком слова отражали недетские чувства.

Взяв тетрадь в руки, Вителья прочитала вслух:

Я плакать не умею, так случилось – Давно иссохли слезные протоки. И прошлое сто лет уже не снилось, И постепенно стихли кривотолки. И сердце слепо брошено по кругу Безжизненно-пожизненной рулетки... Я доверяю нынешнему другу. И, может, даже выберусь из клетки. А может быть, потом поверю в чудо! И все же... все же... Что случилось с нами? Я плакать не умею. И не буду. Я лучше закричу вот так... стихами.

Волшебница положила тетрадь на место и посмотрела на девушку. Солнечный луч полз по ее светлым локонам, будто ласкал.

– Тая, я найду способ тебя освободить, – пообещала Вителья. – Не сдавайся, слышишь?

Девушка не пошевелилась.

Лисана уже запечатывала дверь, когда вновь раздался детский смех.

Идя по коридору, Вита молчала. Перед ее глазами плыли строки из стихотворения.

– Девочка из семьи потомственных магов, – заговорила целительница, с сочувствием поглядывая на гостью. – Поскольку Сила не появилась у ее старшего брата, все ожидали, что Тая станет замечательной волшебницей, но, увы, этого не произошло...

– Что же случилось? – спросила Вителья, сдерживая волнение.

– Ее брат обрел Силу тогда, когда от него этого никто уже не ждал. Был спонтанный выброс энергии. По всей видимости, Тая присутствовала при этом и сильно испугалась. А как ты помнишь, страх – одна из лазеек для демонов.

– А родители? – спросила волшебница, уже догадываясь, какой услышит ответ.

– Произошел пожар, в котором они погибли. Дети спаслись чудом.

– Матушка Лисана, как вам хватает сил здесь работать? – пробормотала Вита.

Рю Зарис покачала головой.

– Сама не знаю... Но кто-то же должен!

Она остановилась у следующей двери и принялась снимать защитное заклинание. Створка еще не открылась, но Вителья уже слышала мужской голос, который повторял что-то снова и снова.

Она вошла и очень удивилась, увидев... пожилого гнома. Растрепанный, неопрятный, с безумным взглядом, он ходил из угла в угол, заложив руки за спину, и что-то бормотал себе под нос с такой

скоростью, что разобрать слова было невозможно.

Сила Вительи никак не отреагировала на его перемещения.

Довольно долго волшебница молча наблюдала за ним, пытаясь понять быструю речь, а затем взглянула на целительницу.

– Почтенный Текаарт утверждает, что боги-близнецы покинули гномов, дабы обосноваться на Тикрее и жить, как простые обыватели, – улыбнувшись, сообщила та.

– У них это получилось? – заинтересовалась Вита, и едва не вскрикнула от удивления, когда гном, остановившись прямо напротив нее, поклонился.

Общение с почтенными мастерами и их подругами дало свои плоды – волшебница машинально поклонилась в ответ.

– Они живут... Живут среди нас... Им не всегда нравится... Они не хотят вмешиваться... Но иногда приходится...

Текаарт старался говорить медленно, видимо, хотел, чтобы гостя его поняла.

– Но откуда вы знаете, уважаемый мастер? – с любопытством спросила Вителья.

Гном неожиданно подпрыгнул и принялся стучать себя по голове.

– Слышу-слышу-слышу... – затараторил он. – Я их слышу-слышу-слышу! Тут... тут...

Лисана шагнула к нему, коснулась лба и приказала:

– Спи!

Легко подхватила гнома, у которого подогнулись колени, и отнесла на кровать.

– Когда он сильно расстраивается, может причинить себе увечье, – пояснила целительница на вопросительный взгляд Вительи. – Поэтому мы следим за ним и погружаем в сон, если такое происходит.

– Но он не похож на одержимого демоном, скорее, просто на одержимого, – пожала плечами Вита. – Одержимого идеей.

– Возможно, – кивнула рю Зарис, – однако одержимость и причинение увечий самому себе – одни из признаков присутствия демона. Или мы ошибаемся насчет почтенного мастера, или его демон слишком хитер и не показывается.

– Хотела бы я им всем помочь, – вздохнула Вителья. – Но, наверное, это неосуществимо?

– Мы делаем, что можем, – грустно ответила Лисана. Выпустила гостя из палаты, запечатала за собой дверь. – Не все, к сожалению, в наших силах.

Обе молчали до самого выхода из больницы.

– Благодарю, матушка Лисана, – поклонилась Вита, прощаясь с целительницей. – Экскурсия была очень познавательной!

– Я была рада познакомиться с тобой, Вителья, – улыбнулась в ответ та. – И помни, ты обещала прийти ко мне в гости!

– Обязательно! – пообещала волшебница, гадая, как скоро она сможет это сделать, ведь в последнее время ее жизнь стала такой непредсказуемой, что уже сегодня она могла бы снова оказаться, например, в Узаморе. Или в Весеречье. Или, милостивые Боги, в Лималле, полном ужасающих чудес! Но... Вителье это нравилось.

Выйдя на крыльцо, она с наслаждением вдохнула свежий воздух – в больнице было душно.

– Вита довольна? – спросил Дробуш, поднимаясь со ступенек.

Лицо тролля украшала такая подозрительная улыбка, что волшебница внимательно оглядела его и поинтересовалась:

– Что-то произошло, пока меня не было?

– Ничего, – пожал плечами Вырвиглот. – Вита не нашла того, что может убить демона?..

Вителье показалось, будто она оглохла. Стих уличный шум, птичье пение... Она смотрела на тролля во все глаза, а в памяти всплывали однажды сказанные Кипишем слова: «Ты поймешь это, когда продолжишь фразу: «То, что может убить бога одного мира, вполне может...».

– Вита? – взволнованно спросил Дробуш.

Волшебница схватила его за руку и потащила прочь от больницы. Имели ли стены этого здания уши, она затруднялась сказать, но решила не рисковать.

Они миновали несколько кварталов и оказались в сквере, разбитом на улице, соседствующей с Золотой башней. Середину сквера украшал посаженный лично Его Величеством Редьярдом молодой дубок. Почти все листья с него слетели, а оставшиеся казались редкими золотыми монетками, подвешенными на ветвях.

Сквер имел какое-то возвышенное и красивое наименование, однако горожане называли его Саников сквер – в память о побеге воспитанника принцессы Ориданы, всполошившем весь Вишенрог.

Вителья рухнула на скамейку, задыхаясь от быстрого бега, выдернула из воротника иглу и помахала ей перед лицом тролля.

– Догадалась, наконец, – раздался ехидный голосок.

Волшебница и Вырвиглот дружно посмотрели на пустующее место на скамье. Впрочем, пустующим оно было раньше. Сейчас на нем сидело, сложив ручки на груди, существо с кошачьей мордой, довольно посверкивало зелеными, как у Вительи, глазищами.

– Кипиш! – вслух воскликнула волшебница – утром в сквере никого не было. – Эта игла – Василисина смерть, да? Поэтому она носила амулет?

– Немряу... – невразумительно ответил божок.

Дробуш постучал себя по лбу и посмотрел на Виту.

– Вита, не так! – сказал он. – Не ее смерть!

– Не ее... – волшебница открыла рот... и закрыла.

Какие бы отношения в прошлом не связывали Кошшея и Василису, в настоящем прекрасная чародейка решила обезопасить свое комфортное существование во дворце! Во время недолгого прибывания в другом мире Вителья успела заметить, что Василиса не считается с тем, кого по праву боятся и зовут хозяином. Сила и жизнь покидали властелина Черной башни, но было ли в этом виновато время?

Вита мысленно приказала себе успокоиться. Кипиш наблюдал за ее попытками с искренним интересом.

– То, что может убить бога одного мира, вполне может убить демона из другого, – проговорила она, не спуская с божка глаз. – Это ты хотел мне сказать тогда?

– Ну пр-р-редположим, – мурлыкнул кот, играя цепочками, свисающими с шеи.

– Игла может убить Кашшея, вот почему Василиса держала ее при себе, так?

– Так, – кивнул Дробуш.

– А значит, она убьет и демона! – торжествующе довершила Вителья. – Что в свою очередь означает, что мы можем помочь Алю!

– Стоит ли так распоряжаться могущественным артефактом? – прошамкала старуха, сурово сдвинув брови. – Чай не зубочистка!

– Я обязана попробовать, – Вита упрямо тряхнула гривой волос.

– Вита знает, что на это скажет Альперт? – спросил Дробуш.

– Вот именно! – черноволосая красotka кокетливо поправила неровно уложенный локон. – Что скажет Альперт?

Волшебница поднялась со скамейки.

– Мы это выясним прямо сейчас! Кипиш, найди мне его!

Некоторое время красавица смотрела на нее, надув алые губки. В какой-то миг ее лицо сменилось на лицо свирепого воина, который, поиграв бровями, заметил:

– Чего не сделаешь ради красивой женщины, даже если она наглеет! Следуйте за мной.

Божок взлетел в воздух и полетел прочь, оставляя за собой засыпающий перед долгой зимой сквер.

Фолиант, подаренный мэтром Жужиным королевскому портному, сыграл важную роль в формировании отношения привыкшего к одиночеству Артазеля к миру. Началось все с неопознанного на рисунке в книге растения, названия которого гном не знал, поэтому обратился за разъяснениями к королевскому целителю. Маленький мастер исключительно редко покидал свои покои, а в помещениях, принадлежащих Ожину вообще был впервые, поскольку, как и все выходцы из Синих гор, отличался завидным здоровьем и в услугах целителя не нуждался. Аптекарский огород он видел только из окна, а тут довелось даже прогуляться в нем, под обстоятельную беседу с мэтром. Профессионалы, каждый в своей отрасли, всегда найдут общую тему, как бы далеко эти отрасли не отстояли друг от друга. Нашли и Ожин с Артазелем. Мэтра Жужина очень заинтересовали ножницы из топенкогской стали, подаренные Ее Высочеством Бруни портному. Особенно восхищался он тем, что ножницы самозатачиваются в процессе работы. Слово за слово, беседа затянулась до обеда, и в конце концов оба уважающих себя мэтра были вынуждены разойтись для дел насущных. Но тема осталась открытой.

«А не повторить ли приятственное общение?» – подумал Ожин на следующий день и явился к Артазелю с горшком растения, название которого гном у него спрашивал.

– Я подумал, для вашей искусной вышивки лучше видеть оригинал, а не иллюстрацию, – смущенно заявил целитель, топчась на пороге – нрав маленького мастера, свирепо оберегавшего собственное уединение, придворным был хорошо известен. – Поэтому принес это...

Во взгляде гнома ничего нельзя было прочесть. Однако он не заорал, как водится, а позволил целителю войти. Разговор завязался быстро. Годы одиночества и, в некотором роде, молчания, сделали свое дело. Как оказалось, мэтры сходились во взглядах на искусство, музыку и кулинарию. Они не раздражали друг друга, тонко чувствовали, когда следует прекратить общение, дабы не пресытиться, и постепенно так привыкли заглядывать «в гости» хотя бы раз на дню, что уже не представляли, как раньше жили без этого.

Ожин, зашедший сегодня к мастеру Артазелю, застал портного стоящим посередине просторной примерочной залы, той самой, где принцесса Брунгильда примеряла свое первое дворцовое платье (и все последующие). Взобравшись на пуф, гном оглядывал пол, на котором в хаотичном порядке были разложены отрезки тканей разной фактуры и цветов.

– Я не помешаю? – осведомился Ожин, остановившись на пороге.

– Вы сейчас мне будете помогать, – сердито ответил гном. – Мне нужен свежий взгляд! Мой совершенно замылился. Уважаемый мэтр, взгляните на это великолепие и скажите, что, по вашему мнению, больше всего напоминает Ласурскую чащу?

– Э-э-э, из этих тряпок? – растерянно уточнил Ожин.

Артазель свирепо глянул на него и засопел.

– Ну-у... – поспешил ответить целитель, – вон та темно-зеленая, э-э-э, материя. Если к ней добавить немного серого и чуточку желтого...

– Руфусова борода! – возопил гном и подпрыгнул от возбуждения. – Берите эту «тряпку» и тащите вон в тот угол!

От вопля маленького мастера Жужин тоже подпрыгнул, а затем с энтузиазмом зарысился в указанном направлении. Ему так и хотелось спросить, чем именно занят портной, однако он промолчал, чтобы не нарушить его явный мыслительный процесс.

– Залив, – между тем, возбужденно бормотал гном, – цветá залива... Уважаемый Ожин, в какое время суток вы предпочитаете Вишенрогский залив? Атлас утра, лен полдня или, может быть, бархат вечера?

– Утро, – не задумываясь, ответил целитель. – Знаете, такое свежее голубое небо, будто умытое, с легким белыми облачками, и обязательно чайки с их голодными воплями...

– Великолепно! – воскликнул Артазель, соскочил с пуфа и, быстро передвигая коротенькими ножками, побежал в сторону рулона синего атласа. – В такое утро вода должна быть чуть темнее неба, – на бегу говорил он, – и легкие волны, без бурунов!

Взяв рулон, он потащил его в другой угол, заодно прихватывая по пути отрез голубого льна, какую-то пушистую белую шкуру и пару мотков синего с золотом шнура.

– Уважаемый мастер, а что мы все-таки делаем? – решился спросить Ожин, полагая, что во время бега думается хуже, а значит мыслительный процесс гнома он если и нарушит, то не сильно.

Гном остановился и посмотрел на целителя совершенно безумными глазами.

– Видите ли, уважаемый мэтр, я пытаюсь придумать платье, – сказал он. – Платье, какого еще не было на Тикрее!

Жужину не было нужды спрашивать, для кого предназначалось это платье, ведь дата коронации приближалась неумолимо.

...Покинет тебя...

Ники вздрогнула и проснулась. Под щекой мерно стучало чье-то сердце. Хотя она прекрасно знала – чье. Стоило лишь скосить глаза и увидеть на своей подушке россыпь красных волос. Пресвятые тапочки, у нее самой никогда не было таких локонов!

Кривая улыбка тронула губы архимагистра. Она села в кровати и выгнулась так, что соски вызывающе уставились в потолок.

– Тебе мало? – прозвучал вкрадчивый голос. – Хочешь еще?

– Позже, – холоднее, чем хотела бы, ответила она. – Нужно заняться делами, мы и так провалялись весь день.

– Непозволительная роскошь для архимагистра, да? – насмешливо уточнил он и губами прижался к ее спине между лопатками.

О, да, она хотела еще! Сладкая нега разлилась по низу живота, едва не заставила обернуться.

Ники резко встала и отошла к окну. На гавань спускался мокрый вечер, подслеповато моргая фонарями на пристани. Похоже, погода испортилась окончательно! А перед глазами почему-то тянулась до горизонта ровная, кое-где присыпанная песком, степь, над которой возносился, словно купол кочевника, блекло-голубой небосвод.

Архимагистр тряхнула головой, прогоняя видение, и направилась в купальню. Вернулась одетая. Лихо все так же лежал в ее кровати, заложив руки за голову. По его губам блуждала мечтательная улыбка.

– Мне пора, – сказала Ники, надеясь, что в ее голосе он не почувствует сожаления, – а значит, тебе тоже.

Лихай потянулся. Ники замороженно следила, как напрягаются жгуты его мышц: руки, плечи, ноги, ягодицы, бока. Светлокожий, он казался выплавленным из света. Цельнолитым.

У нее пересохло во рту. Не дожидаясь других реакций предательского организма, Ники выругалась про себя и шагнула из своих покоев прочь. Каблуки щегольских сапог цокнули по каменному полу, испещренному пентаграммами.

Девушка в кровати, стоящей посередине подземелья, спала похожим на смерть волшебным сном, но на ее щеках цвели розы, алые губы застыли в гримасе, подобной улыбке.

Ники остановилась рядом, взяла ее руку в свои...

Оглушающая тишина подземелья Золотой башни для других могла стать опасной, но не для той, под чьим руководством сотни лет назад эта башня возводилась. И не для Арины рю Сорс, которой более не существовало. Перед архимагром спала, беззащитно раскинувшись во сне и мерно дыша, привлекательная женская оболочка, сущность без сути, тело без души. Разбуди Ники ее – и тело в то же мгновение бы умерло, жизненные соки прекратили бы свой ток, а дыхание застыло бы на этих прекрасных губах.

– Надо решаться, – обращаясь к самой себе, сказала Никорин. – Времени нет дела до нее и никому нет дела! Кроме меня.

В сознании снова мелькнул залитый солнцем простор...

Ники скрипнула зубами и позвала в пустоту:

– Брут!

- Слушаю, - тут же отозвался тот, будто стоял рядом.
- Я жду у себя адептку ан Денец, стажера Попуса и Ягорая рю Воронна.
- И тролля? - спокойно поинтересовался гном из ниоткуда.
- А куда Вита без него? - парировала Ники. - Пусть приходит. Все равно тайны у них общие.
- Хорошо.

Теплые пальцы Арины в ладони архимагистра были совершенно безвольными.

- Доброй дороги тебе, девонька, - пробормотала волшебница, - надеюсь, Индари позаботится о твоей несчастной душе! А вот твоему телу еще придется послужить Отчизне, не держи на меня зла за это.

Она аккуратно положила руку на грудь Арине и покинула подвал Золотой башни, чтобы вновь оказаться в уже опустевших покоях с по-военному аккуратно заправленной кроватью.

Лихай покинул башню ахримагистра и на миг задержался у порога - с удовольствием вдохнул запах вечернего Вишенрога: готовящихся ужинов, снастей и масла - из порта, конского навоза, ветра, сулящего скорые холода. Оборотням не было дело до погоды - они не страдали от холода и неплохо переносили жару, была бы вода. Но зиму Лихо любил сильнее, чем лето. Воспоминания о родном клане сохранились почему-то именно зимними... Зимой же, в снежной шали, вспыхивающей волшебными искрами, он увидел однажды на улице светловолосую фаргу, чей запах свел его с ума...

Лихай резко тряхнул головой. Волосы, заплетенные в толстую косу с боевым подвесом, ощутило стукнули по спине. Он не вспоминал об Анасталь столько лет, отчего вспомнил сейчас, едва встав с ложа другой женщины, такой женщины, о которой только и можно помнить, как об единственной?.. Губы Лихо тронула улыбка. Угораздило же его связаться с самой ненормальной на Тикрее! Он не загадывал наперед - с Никорин это было невозможно. Он наслаждался теми моментами, что судьба дарил обоим, ничего не обещая.

Ники была права - нужно заняться делами!

Торхаш решительно двинулся прочь от Золотой башни и углубился в хитросплетение городских улиц, прикидывая, откуда начать разбираться с делами: с дворца, с казарм или с университета? Как вдруг его окликнули:

- Лихай Торхаш Красное Лихо?

Голос был незнаком.

Обернувшись, оборотень увидел, что к нему сквозь вечерние сумерки спешит гном в буро-зеленом камзоле члена Гильдии почтарей. За плечами гнома болталась дорожная сума, у пояса были приторочены боевые топоры.

- Да, это я, - кивнул Лихай.

Гном вежливо поклонился и принялся снимать с плеч суму, откидывать крышку и рыться внутри с таким видом, будто искал что-то эфемерное.

Торхаш, вежливо поклонившись в ответ, терпеливо ждал.

- Получите, - важно сказал почтарь, протягивая ему конверт. - Приятно оставаться!

И, едва конверт оказался в руке у оборотня, развернулся и был таков.

На конверте были написаны имя и город - расплывшимися чернилами, которые, впрочем, можно было разобрать.

Отчего-то волнуясь, Лихай разломал красную кляксу сургуча и вытащил из конверта письмо.

Городские фонари еще не зажигали - судя по отсветам, магистратский маг шел где-то в начале улицы. Однако полковнику свет был не нужен, и он быстро пробежал глазами неровные строчки...

«Долгих лет и удачной охоты тебе, брат оборотень! Мы с тобой не знакомы, и вряд ли когда-нибудь познакомимся. Я лишь возвращаю долг, выполняя обещание, данное одному старому лису. Не буду описывать тебе историю нашего с ним знакомства, но укажу, что мы встретились на знойных дорогах страны песков, и каждый из нас шел в свою сторону. Старик оказал мне услугу и попросил об ответной, узнав, что я направляюсь в Вишенрог. «Много лет я пытаюсь выяснить, что стало с ветвью моего клана, в незапамятные времена оторвавшейся от родительского древа Красных

Лихо, – так он сказал мне. – Во время пятилетней войны до меня дошли слухи о красноволосом оборотне, который храбро сражался на стороне Ласурии, однако военные действия помешали мне найти его или связаться с ним. Если вдруг, будучи в Ласурии, ты узнаешь о нем, передай ему мои слова – он может всегда вернуться в родной клан. Вернуться домой!»

К сожалению, мое пребывание в Вишенроге кратковременно, дела зовут меня дальше. Но, помня обещание, данное старику, я узнал о тебе, Лихай Торхаш Красное Лихо, сын своего клана, уже долгое время странствующего по Крею. И сейчас передаю тебе слова, что просил передать старик с огненно-красной косой. Поскольку клан Красных Лихо не живет оседлой жизнью, тебе придется поискать его в песках или навсегда отказаться от этой затеи. Выбор за тобой. Удачи!»

Не поверив прочитанному, Лихай перечитал письмо снова. И снова. И снова. Вскинул голову, потянул носом – нужно догнать почтаря, расспросить о том, кто передал письмо. Но в тысяче ароматов: съестного на ужин, снастей и масла – из порта, конского навоза, ветра, сулящего скорые холода, запах гнома, который оборотень на запомнил, растворился без следа. Его не было, как не было и подписи в письме, дарившем надежду на несбыточное.

Кипиш, летевший впереди Виты и Дробуша, вдруг воскликнул: «Ой!» и исчез.

– Куда? – изумился Вырвиглот.

И в то же мгновение и он, и Вителья услышали безмолвный голос секретаря Золотой башни: «Вас ждут в Золотой башне немедленно».

– Вита это слышала? – уточнил тролль. – Не знал, что почтенный мастер Бруттобрут – тоже волшебник!

– Нет, Дробушек, – качнула головой волшебница, – заклинание называется «Зов» – направленный вызов для конкретного лица или лиц. Должно быть, секретарь использовал магический свиток. Но что могло случиться, что мы нужны «немедленно»?

– Может быть, уже сегодня нам суждено вернуться в Узамор? – в ответ пожал плечами тролль.

Вита кивнула и открыла портал на площадь Золотой башни. Если Ее Могущество требовала присутствия немедленно, следовало поспешить.

Гном, сидящий на своем месте – за письменным столом, взглянул в сторону вошедших и указал на скамью для посетителей.

Ждать пришлось недолго. В башню влетел запыхавшийся Альперт Попус. Увидев Виту и Дробуша, бросился к ним.

– Что?.. Что случилось? – пытаюсь отдышаться от быстрой ходьбы, выпалил он. – Что-то с Марьей?

– С Марьей? – удивилась Вителья. – С чего ты так решил?

– Парниша не так уж и неправ, – хрустальный голос прозвучал отовсюду, хотя его обладательница находилась наверху. – Еще пара минут – и я жду вас наверху.

– Ох! – простонал маг и без сил опустился на скамью.

Дверь распахнулась и в башню зашел Ягорай рю Воронн. Сразу оценил обстановку, поклонился Бруттобруту и направился к остальным.

– Нас ждут, – одними губами произнесла волшебница.

Яго тут же сменил направление и первым ступил на порталные плитки пола.

Ее Могущество, против обыкновения, не сидела за столом, а энергично расхаживала по комнате – потревоженный движением воздух колыхал богато расшитую занавесь, скрывавшую личную часть покоев.

– Садитесь, – остановившись, бросила Никорин. – Прежде чем вернуть вас к выполнению миссии «Ласурские призраки» я хочу закончить то, что вы начали. Пришло время решать, что делать с вон той дамочкой, что сейчас дремлет на листке кувшинки в моем аквариуме.

– Вы обещали подумать, как ее спасти, – несчастным голосом сказал Альперт – он так и не сел, и теперь топтался на месте, словно не знал, куда ему кинуться – к аквариуму или прочь из башни.

– Я подумала, – ровно ответила архимагистр, – но решение несколько... неоднозначно.

Вита с Яго переглянулись. В устах Ники слово «неоднозначно» звучало пугающе.

- Тролль, ты умеешь считать? - мурлыкнула архимагистр и, наконец, вернулась за стол.

- Считал, - лаконично ответил Дробуш.

- Сколько будет один плюс один?

Вырвиглот еще более лаконично показал два пальца.

- А вот и нет, - хмыкнула Никорин, - потому что в нашем с вами случае один плюс один будет равен одному.

- Это невозможно, Ваше Могущество, - пожал плечами рю Воронн.

- Для моего могущества возможно все, граф, - холодно ответила архимагистр, - вопрос лишь в том, пойдете ли вы на это?

- Хватит загадок, - не выдержала Вителья, - пожалейте Альперта - на нем лица нет!

Маг, бледный как смерть, тихо опустился на сидение стула.

- Жалость - ненужное чувство для волшебника, - поморщилась Ники. - Что ж, начнем с азов.

Она повернулась к стоящему у окна аквариуму, взмахом руки заставила лягушку подняться в воздух, перелететь через всю комнату и опуститься на круглый поднос в центре стола.

- Один, - пояснила архимагистр. - Что мы имеем... Впрочем, что мы имеем ты, Вителья, знаешь и сама. Давай...

- Что? - растерялась волшебница.

- Рассказывай все, что знаешь о заклинании, наложенном на объект.

Никорин смотрела на нее так, словно Вита действительно знала... На миг волшебница растерялась, однако взгляд Яго вернул ей уверенность.

Вителья вспомнила, как выглядело заклинание. Само плетение было ей незнакомо, но за прошедшее время Вита многое узнала о демонологии и теперь ясно видела сходство.

- На первый взгляд это обычное зачарование долгосрочного действия, - заговорила она. - Однако Марья не зачарована, а превращена. Для этого требуется либо мощный артефакт, либо заклинание определенного уровня.

- Артефакта на ней нет, - заметил Яго.

- Нет, - согласилась Вита, - есть заклинательная нить, которая вплетена в основное полотно. В ее основе лежит одержимость - результат влияния демона на человека. И именно эту нить невозможно уничтожить без причинения вреда Марье, потому что заклятье наложено на крови.

- И как же тогда его развеять? - спросила Никорин.

- Если бы у нас был свиток с заклинанием, - вздохнула волшебница, - но, судя по всему, Темная богиня того мира его уничтожила.

- Так как же, ан Денец?

В глазах архимагистра не отражалось ни единой эмоции. Вита знала, что Ники провоцирует ее - такое случалось не в первый раз, и каждый раз она начинала злиться, теряя над собой контроль.

- Предлагаете уничтожить лягушку? - спросил Яго.

Вителья взглянула на него с изумлением и лишь потом сообразила: рю Воронн не желает Марье смерти, но, как и всегда, старается рассмотреть все варианты.

Земноводное мирно дремало на подносе. Казалось, в нем совсем угасла искра разума. «Может быть, в данном случае смерть - самый милосердный выход из положения?» - промелькнула у Виты мысль, но она устыдилась ее. В Крее она тоже оказалась в безвыходной ситуации, однако бросила вызов наперекор судьбе и победила. А эту несчастную девушку лишили такой возможности!

- Ваше Могущество, я не знаю ответа! - сердито воскликнула волшебница. - Но если потребуется, я буду искать его столько, сколько нужно. Я не сдамся!

- Я тоже, - решительно поддержал Попус.

– Я – как Вита, – кивнул Вырвиглот.

– Они не сдадутся, Ваше Могущество, – усмехнулся рю Воронн, – так что не тяните время, говорите свое решение, и займемся делом!

Никорин посмотрела на него с явным неудовольствием и поинтересовалась:

– И почему вы постоянно мешаете мне развлекаться, граф?

Ягорай пожал плечами. Его глаза смеялись.

Архимагистр махнула рукой. Портал открылся на фоне окон башни, смотрящих на гавань. В помещении по ту сторону было относительно светло и пусто. Лишь посередине стояла кровать, на которой кто-то лежал.

Рю Воронн присвистнул. Альперт ахнул и прижал руки к груди. Вита машинально вцепилась в плечо сидящего рядом Вырвиглота.

– Это наш второй номер один, – наслаждаясь реакцией собеседников, произнесла Ники. – Графиня Арина рю Сорс к вашим услугам. Ан Денец, о тебе говорят, что ты неплохой целитель. Иди туда и посмотри, что с ней.

Вителья послушно встала и пошла в портал, чувствуя за спиной взволнованное пыхтение Дробуша – тролль последовал за ней.

– Стажер Попус, вы готовы попать морально-этические принципы традиционной магии ради спасения гостя из другого мира? – проводив их глазами, спросила Никорин. – Мне, как архимагистру, приходится заниматься этим постоянно, но я, как преподаватель, учу молодых магов совершенно противоположному. Вы в самом начале пути, Альперт. Не сомневаюсь, что вас ждет блестящее будущее на магическом поприще. Хотите ли вы сейчас отказаться от него и сделать выбор, которым вряд ли будете гордиться?

Альперт качнул головой.

– Не хочу, Ваше Могущество, но если от меня зависит спасение Марьи, я пойду на это! Я уже терял близких из-за собственной ошибки и не желаю, чтобы из-за моего выбора пострадал кто-то еще!

– Я знаю историю вашей семьи, – кивнула Никорин, и Яго внимательно взглянул на нее, – и мне понятна ваша решительность. Но я не знаю, каковы будут последствия того, что собираюсь сделать. Последствия нашего общего решения.

Маг покосился на лягушку. Сейчас она казалась обычной лягушкой, разомлевшей от дремы.

– Каковы бы ни были последствия, Ваше Могущество, если есть шанс спасти ее – я согласен! – дрогнувшим голосом произнес он.

– Когда ты перестаешь чего-то бояться, ты обретаешь над этим власть, – усмехнулась Никорин. – Прошлое все еще довлеет над вами, Альперт, но вы уже сопротивляетесь. Это хорошо.

– Благодарю, – покраснел маг. – Могу ли я задать вопрос Вашему Могутельству? Всегда мечтал его задать...

Архимагистр, повернув голову, следила, как Вита и Дробуш пересекают помещение, приближаясь к порталу с той стороны.

– Задавайте.

– Если вы знаете историю моей семьи, вы не могли бы...

– Нет, – Никорин посмотрела на Альперта.

Он едва не отшатнулся от силы ее взгляда. Ягорай с интересом наблюдал за ними.

– Не в вашем случае, стажер, – гораздо мягче сказала Ники, – поверьте мне.

Альперт потерянно кивнул и сел.

Вита вернулась в комнату. Волшебница казалась растерянной.

– Что с тобой? – спросил Яго.

– Не со мной, с графиней, – тихо ответила она. – Рю Сорс мертва... То есть...

- То есть, не совсем, - вмешалась архимагистр. - Девушка была молодой и сильной, организм до сих пор работает, как часы. Но душа не выдержала испытаний, которым ее подверг муженек. Формально - рю Сорс жива, фактически - нет. Арина отправилась к Индари, оставив нам свое тело...

Ники замолчала и принялась разглядывать свои ухоженные пальцы и перстни на них.

- Вы опять заставляете нас думать! - топнула ногой Вита. - Почему не сказать сразу?

- Потому что мне нужны маги, способные самостоятельно принимать решения, а не тупые метатели заклинаний, - язвительно улыбнулась Никорин. - Даю подсказку - у нас есть тело и есть...

- Душа, - неожиданно вмешался рю Воронн. - Если заклинание привязано к Марье кровью - его надо отвязать!

Вителья оглянулась на графиню. Даже отсюда было видно, какой здоровый румянец покрывает ее щеки, как привлекательные алые губы, как блестят черные волосы, волной лежащие на подушке.

- Душа без тела, тело без души, - пробормотал Дробуш, и тут волшебницу осенило.

- Не так, Дробушек, - потрясенно воскликнула она. - Душа для тела, тело для души! Так, Ваше Могущество?

- Пресвятые тапочки! - ахнул Альперт.

- Люблю наблюдать за мыслительным процессом, - мурлыкнула Ники. Встала и взяла в руки поднос с лягушкой. - Что ж, прямо сейчас и попробуем, раз вы согласны. И будь что будет!

Почтенный мастер Йожевиж шел домой, с удовлетворением глядя по сторонам. Настроение у него было отличным. Прошли те времена, когда он погрязал в бумажной волоките. Конечно, бумаг на его столе меньше не стало, но первый секретарь Драгобужского посольства в Вишенроге, Застыл Венский, оказался хорошим учителем, и научил Йожа в буквальном смысле читать между строк. Теперь бывший ювелир читал все документы, которые должны были попасть на доклад послу, и делал по ним аналитическую справку со своими комментариями о том, что ему самому показалось заслуживающим внимания. Видимо, справки Йожевижа были хороши, потому что полученные за работу монеты приятно оттягивали карман.

Памятуя о любви супруги к баблию, Йож зашел в пекарню, которую держала семья гномов, в незапамятные времена перебравшаяся из недр Синих гор в столицу Ласурии, и купил печенье с опятами и белыми грибами. Предвкушая неспешную вечернюю трапезу с последующим распитием морса и запахом свежее испеченных баблию, гном заторопился домой.

Когда он вошел, Виньовинья спешно поднялась с пола. Глаза у нее были на мокром месте, а вокруг лежали какие-то вещи.

- Прости, муж мой, - поклонилась гномелла и шмыгнула носом, - я совсем забыла, что уже вечер!

- Что это, Виньо? - удивленно спросил Йож, кивнув на беспорядок. - Решила разобрать шкаф для одежды? Тогда отчего слезы?

- Это вещи Тариши, - тихо ответила Виньовинья.

Подошла к мужу, прижалась всем телом.

Йожу не нужно было что-то еще объяснять. Он молча обнял жену и принялся бережно целовать. Сунул в маленькую руку бумажный пакетик с баблию.

Гномелла вытерла слезы.

- Я сейчас все уберу и приготовлю ужин, - сказала она, но Йож отрицательно качнул головой.

- Давай сегодня я приготовлю, а ты закончишь?

Виньо благодарно улыбнулась ему и снова уселась на пол, а уважающий себя мастер отправился к рукомойнику. Кто же готовит семейный ужин, не смыв уличную пыль с рук?

- Почему ее вещи у тебя? - спросил он, шумно умываясь.

- Родственников у Тариши не осталось, а мы были подругами, - пояснила Виньо. - Комендант общежития Высшей Целительской школы предложила мне взять ее вещи, и я согласилась. Что-то оставлю на память, остальное раздам нуждающимся.

- Правильное решение! - похвалил Йож. - Одежду можно отдать в Народную больницу, туда

постоянно бродяги и нищие попадают... А что там еще, кроме одежды?

– Тетради с лекциями, – принялась грустно перечислять гномелла, – походная фляга, несколько книг и учебников, блюдечко треснувшее...

– И все? – не дождавшись продолжения поинтересовался Йожевиж, который как раз приступил к приготовлению ужина.

– Еще старинный перстень и зеркало, – добавила Виньо, – только оно какое-то странное. Ничего не отражает.

– Это как? – удивился гном. Поставил на огонь сковороду и подошел к супруге. – Покажи.

Гномелла протянула ему круглое зеркальце.

Йоже заглянул в него и не увидел себя. Ничего не увидел, хотя амальгама была светлой. Он повертел зеркало и так, и сяк, но ситуация не изменилась.

– Действительно, странно, – согласился Йож и вернул зеркальце супруге. – Может, оно заколдованное?

– Покажу Вите, – кивнула та и подала мужу перстень.

По потемневшему от времени металлу вился орнамент, чьи плетения выдавали свой возраст. Багровый кабошон в наверху был размером с ноготь большого пальца. Взвесив украшение на ладони, Йож крикнул от удовольствия.

– Умели делать вещи в давние времена, скажи, Виньо? – произнес он, разглядывая орнамент. – Много лет ему... Дорогая вещица, такой место в родовой сокровищнице, а не в котомке бедной студентки.

– Тариша говорила, что родных у нее нет, а я не спрашивала о подробностях, видела, что ей это неприятно, – вздохнула гномелла. – Лишь один раз она мне открылась, когда рассказала, как погиб ее возлюбленный и откуда у нее тот шрам. Может быть, перстень принадлежал ее отцу или матери?

– Может и так, – Йоже отдал перстень. – Покажи-ка ты его тоже Вите. Есть у меня некоторые сомнения...

Виньо вопросительно взглянула на него, однако гном махнул рукой.

– Сейчас не бери в голову, любимая! Скоро ужинать, заканчивай давай.

Гномелла послушно кивнула. Положила зеркальце и перстень на треснувшее блюдечко из весеречского фарфора, поставила блюдечко в комод, и занялась уборкой.

Альперт стоял, выпучив глаза и позабыв, как дышать, а на его груди рыдала черноволосая красавица, сжав несчастного мага в кольце крепких объятий.

Виту все еще потряхивало от волнения после увиденного. Она наблюдала за работой архимагистра Никорин, как наблюдает ребенок с абсолютным слухом за игрой музыканта-виртуоза, но все равно не поверила своим глазам, когда графиня рю Сорс глубоко вздохнула и подняла веки. Вначале Марья испугалась – случайно взглянула на свои руки, не узнала их, закричала, забилась. Яго, переглянувшись с Витой, вытащил девушку из кровати и крепко держал, пока истерика не начала утихать.

Все это время Ники стояла рядом и наблюдала. Посматривая на нее, Вителья ощущала, как бежит по спине холодок – архимагистр интересовалась результатом перемещения души в новое тело и совершенно не интересовалась эмоциями получившейся личности.

А затем Марья увидела Попуса. Рванулась к нему так, что рю Воронну пришлось ее выпустить, чтобы не вывихнуть руки. Упав Альперту на грудь, черноволосая красавица плакала и плакала, и плакала...

– Обними ее, Аль, – посоветовал Яго, – по спине погладь. Ну что ты встал как зачарованный?

– Может стукнуть? – спросил Дробуш. – Хорошо помогает.

Ники хмыкнула.

Альперт дрожащими руками обнял Марью и прижал к себе.

Всхлипы постепенно стали тише, и девушка смогла говорить.

- Что со мной? – спросила она, подняв на мага бархатные глаза, похожие на темные вишни. – Что со мной сделали?

- Тебя убили, девонька, – ласково ответила за Попуса архимагистр. – Мы постарались это исправить, используя то, что было под рукой.

Марья метнула на нее испуганный взгляд.

- Не надо бояться, – наконец, подал голос Альперт, – это – Ее Могущество Никорин, она спасла тебя.

- Но... – девушка с ужасом оглядела себя, – это не я...

- Теперь это ты, – кивнула Ники, – графиня Арина рю Сорс, богатая наследница из Северного придела Ласурии. Тебе повезло бы гораздо меньше, окажись у нас тело побродяжки!

Вита подошла к девушке и ласково взяла ее за руки.

- Не надо бояться, Марья! То, что с вами случилось, ужасно. У нас был единственный шанс все исправить – и мы им воспользовались. Давайте вернемся в Золотую башню? – она вопросительно посмотрела на Ники. – И все расскажем.

Никорин пожала плечами.

Марья сначала спотыкалась, будто забыла, как ходить, но Аль и Вита поддерживали ее с двух сторон, и она передвигала ноги все смелее. Оказавшись в покоях архимагистра, она немного успокоилась. Возможно, обстановка выглядела не так, как в ее мире, но была роскошной, а к богатству дочь Кашшея привыкла.

Усадив девушку на стул рядом с Альпертом, руку которого она наотрез отказалась выпускать, Вита, с разрешения Ники, рассказала все, что произошло с тех пор, как они последовали за клубком, выкатившимся из ночной мглы в предгорье Синих гор. Как оказалось, Марья помнила совсем немного, в основном, события до своего превращения. Память лягушки была коротка.

Слушая о том, что с ней сотворила Василиса, Марья уже не плакала. Лишь дышала неровно, слово загнанная дичь. Вителье было ужасно ее жаль, однако она понимала, что девушка должна знать правду, ведь для нее, слава Богам, жизнь продолжилась.

- Мне очень интересно, какую цену заплатила твоя мачеха, девонька, за свиток с демонологическим заклинанием из нашего мира, которое не смог обойти твой отец, – когда Вителье замолчала, проговорила Ники, – но я подозреваю, что ты ничего не знаешь ни о сделке, ни о цене.

Марья смотрела на нее непонимающими темными глазами. На миг Вителье вспомнилась светловолосая дева с глазами цвета полевых васильков. Тот образ подходил ей куда больше!

- Граф, – обратилась Ники к Яго, – вы знакомы с Ласурскими законами. Поручаю Марью вам с Вительей. Нужно найти ей дом, уведомить управляющего... хотя управляющий сдох вместе с остальной прислугой рю Сорса... Значит, уведомить власти Узамора о том, что наследница земель пришла в себя. Одеть ее подобающе, научить себя вести и вывести в свет... В общем, сделать все, чтобы никто не заметил подмены. Нам повезло, что она понимает и говорит на фирли – спасибо Арине! Думаю, на первое время ей нужно поселиться у вас.

Вита заметила, какой испуганный взгляд Марья бросила на Альперта, как сильнее сжала его руку.

- Мы сделаем, что сможем, Ваше Могущество, – кивнул рю Воронн. – Но когда мы продолжим миссию?

- После коронации, – поморщилась Ники. – Пока я слишком занята, и не могу следить за вами так пристально, как мне бы хотелось. Ваша миссия сейчас – вот эта красotka. Занимайтесь ее делами. Можете идти.

Ягорай кивнул и поднялся.

Покидая покои архимагистра, Марья оглянулась. Беловолосая короткостриженная волшебница смотрела ей вслед, и от этого взгляда девушке стало так страшно, что она пообещала себе больше никогда не возвращаться сюда. В эту странную и ужасную башню. К этой странной и ужасной женщине.

- Альперт, приглашаю погостить у нас, – сказал Яго, когда они оказались на улице. – Отдельная комната для тебя, как и для нашей гостьи, найдется. Матушка Ируна будет только рада – она любит гостей.

- Но... – вскинулся Попус и вдруг замолк. Он все понял. Яго приглашал его ради Марьи.

– Я люблю, когда много народу за столом, тогда и вкусной еды больше, – простодушно сообщил Вырвиглот.

– Я... Я с радостью принимаю предложение! – пробормотал маг.

Вителья засмеялась. Марья, глядя на нее, улыбнулась несмело, будто забыла, как это делается. Неожиданно Альперт представил улыбку на совсем других губах – на губах хрупкой светловолосой красавицы с голубыми глазами и ямочками на щеках. И именно этот образ лег на сердце и заполнил его до краев. Он знал – как бы Марья сейчас не выглядела, он всегда будет видеть ее такой, какой она была до превращения в лягушку. Светлой. Трепетной. Настоящей.

С моря потянулись тяжелые, полные снега тучи. В этом году снег уже выпадал, но сейчас он посыпался с явной и единственной целью – засыпать Вишенрог по самые крыши.

Бруни, полусидя в кровати, качала Рэда-младшего. Сын почти уснул. Уснуть окончательно ему мешало хныканье сестры. Его Величество Аркей расхаживал по комнате с дочерью на руках и с любопытством наблюдал за недовольными гримасками, которые она строила.

– Вот неугомонная, – вздохнула Бруни, – того гляди и Рэда разбудит! И в кого она такая?

– В тебя? – улыбнулся молодой король.

– Я была спокойным ребенком, мама всегда так говорила! – возмутилась она.

– Я тоже был спокойным, – пожал плечами Аркей, – в отличие от Кольки. Этому все было плохо.

– Пресвятые тапочки, пусть она будет похожа характером на деда, только не на Его Высочество Колея! – пробормотала Бруни.

– Я бы предпочел наоборот... – ответил молодой король и остановился у окна, наблюдая за падающими белыми хлопьями.

Хлоя хныкнула, наморщила нос и завопилась личиком по его плечу.

– Завтра начнут прибывать гости на коронацию, – с сожалением сказал Аркей, – и у меня не будет времени на тихие семейные радости.

– У тебя его и сейчас нет, – улыбнулась Бруни, бережно положила сына рядом с собой на кровать и протянула к мужу руки, – давай мне эту скандалистку, я ее еще раз покормлю, может, уймется, наконец. Его Величество Виньогрет тоже прибудет?

– Обязательно, – Арк передал ей Хлою и сел рядом, с удовольствием наблюдая за женой.

За ее пальцами без перстней, которые ловко распутали шнуровку на ночной сорочке, скрывавшей пышные груди. За этими самыми грудями...

Король усмехнулся и встал – сидеть стало неудобно. И вернулся к окну.словно многоглавая змея, в его сознании поднимали голову мысли о несделанном, невыполненные планы, рабочие заметки на эту ночь и следующий день. Запах, которым пахли его дети, прекрасно справлялся с этой напастью, но Рэд уснул, и Аркей не хотел его беспокоить, взяв на руки. А «скандалистка» Хлоя жадно чавкала материнским молоком, не забывая строить возмущенные рожицы.

– Почему ты интересуешься Подгорным королем? – вдруг спросил Арк.

– А почему я не могу им интересоваться? – на щеках Бруни появились лукавые ямочки.

– У тебя к нему какое-то дело, – усмехнулся король, вновь радуясь тому, как хорошо он знает супругу, – но мне ты не говоришь, хочешь решить сама?

Бруни помрачнела.

– Боюсь, до решения там далеко, Кай, но я все-таки хочу попробовать... Поверь мне, это не дело государственной важности. Если у меня получится, я тебе расскажу.

– Если нет – тоже расскажешь! – смеясь, пригрозил Аркей и посмотрел на Хлою.

Длиннющие ресницы маленькой принцессы трогательно подрагивали. Сытая и довольная, она, наконец, уснула.

Родители заговорщически переглянулись и в один голос шепотом воскликнули:

– В купальню!

Обложенные подушками для безопасности близнецы остались на кровати, а Бруни и Аркей предались страсти за закрытыми дверями купальни. Впрочем, страсть оказалась недолгой, поскольку вновь проснувшаяся принцесса недовольно заскрипела.

– Вот неугомонная, – проворчала Бруни, спешно натягивая ночную сорочку. – Ой, чует мое сердце, характером она все-таки в Кольку, а не в дедушку.

– Будем воспитывать! – решительно заявил Аркей.

Полюбовался вновь устроившейся на кровати супругой. В эти мгновения, раскрасневшаяся после любовной сцены, с растрепавшимися темными волосами и припухшими от страсти губами, она была чудо как хороша. Хлоя, освобожденная от пеленок, лежала на ее груди и походила на большую розовую лягушку, смешно раскинувшую лапки.

– Постарайся поспать, родная, – посоветовал король, собирая раскиданную по комнате и купальне одежду и одеваясь. – А я еще поработаю.

Бруни непроизвольно зевнула.

– Не забудь завтра взять веер на прием гостей, – засмеялся Аркей.

– За-а-ачем? – пытаюсь перестать зевать, простонала Бруни.

– Будешь прикрывать рот, если тебя разберет зевота.

– Ах ты! – Бруни метнула в него подушку.

Хлоя заворочалась и захныкала. Аркей подошел, склонился над ней и прижался губами к маленькой светлой макушке.

– Тише, тише, – прошептал он, – спи и набирайся сил. Ты вырастешь и станешь умницей, и красавицей, как твоя мама... Спи, доченька!

Бруни на миг прижалась лбом к его плечу. Горячая благодарность судьбе ли, Богине ли, затопила сердце, не давая вымолвить ни слова.

Хлоя затихла.

Аркей поцеловал жену и вышел. Бруни услышала, как он зовет Лисса Кройсона, а тот отвечает заспанным голосом: «Я тут, Ваше Величество!» И под почти неслышное сопение близнецов уснула сама.

В Чертогах Синих гор было темно – ночью свет магических светильников уменьшали, а факелы и вовсе гасили. Его Величество Виньогрет Первый шел медленно, иногда касаясь холодного камня стены шершавой ладонью. В другой руке он зажимал свиток, с которого свисала на витом шнуре печать из черного обсидиана. Черный обсидиан, надо же! О подобной печати говорилось в древних рукописях, писанных еще в те времена, когда гномы жили единым народом! Уже само по себе письмо с такой печатью удивило Подгорного короля. Но изумлению его не было предела, когда он прочитал его.

«Виньогрет Первый, король Подгорного царства и Драгобужского наземья, поздравляю вас с избранием на трон, случившимся волею Братьев! Желаю долгих лет царствия и верных соратников! Да пребудут границы вашего государства – нерушимыми, стены чертогов – крепкими, а сокровищницы – полными земного огня самоцветов!

Мы с вами не знакомы, хотя оба управляем народами. Мое имя – Ахфельшпроттен Первый, Крутокльха мастер, правитель гномов Красной реки или, как говорят сейчас на Тикрее, Независимого Подгорья. Много лет назад наша подземная страна, расположенная под Лималлем, вместе с эльфийским государством оказалась отрезанной от остального мира Завесой, порожденной проклятым богом, которому поклонялись эльфы. Вот вечно они что-нибудь да напортачат! Впрочем, я написал уже слишком много слов и порядком устал. Дабы вы не обиделись на мою краткость, приведу буллит двадцать восьмой Регламента поведения почтенных мастеров: «Коли у почтенного мастера к другому почтенному мастеру есть действительно важное и срочное дело, допускается переходить к нему напрямую, минуя положенные церемонии». И вот я – миную. Боги были благосклонны ко мне, послав однажды встречу с командой из Ласурии, называвшей себя «хорьками». Волшебница Вителья Таркан ан Денец, оказавшаяся среди них, сняла Завесу с Лималля, возможно, вы слышали об этом. Но были там так же гномы, знакомством с которыми я счастлив и горд. Нам довелось вместе побывать в таких переделках, о которых можно только мечтать, и они стали мне друзьями и соратниками. Постепенно я узнал их историю. Их зовут Йожевиж и Виньовинья Агатская...»

Виньогрет давно миновал Церемониальный, Торговый и Мастерской кусты, и все дальше углублялся в штольни, работы в которых уже не велись. Они ждали своего часа, чтобы присоединиться к какому-либо столичному району – мирная и сытая жизнь весьма сказывалась на приросте Драгобужского населения: Аркандитирога росла, как на дрожжах. Несколько раз король оглядывался – не следят ли за ним соратники. К постоянному контролю он так и не привык за прошедшее время. И хотя Хранитель Королевского Молота, почтенный Тоннертротт, говорил, что такова участь всех королей – находиться под присмотром ближайшего окружения, дабы чего не случилось, Виньогрет мириться с подобной традицией не желал.

Короткая темная штольня, осветить которую помог магический свиток, оборвалась в пустоту. Напротив, из такого же отверстия в стене, обрушивался в пропасть водный поток. Здесь царила бы крошечная темнота, если бы не лучи предассветного солнца, падающие с поверхности, из трещин между камнями. В их свете стены пещеры в каплях воды переливались, будто были покрыты теми самыми самоцветами, о которых писал Ахфельшпроттен Первый.

Его Величество сел и свесил ноги. На лицо, разгоряченное долгой ходьбой и собственными мыслями, от водопада веяло приятной свежестью.

Вопиющее нарушение этикета началось с того, что письмо поступило королевской диппочтой из Ласурии, а не было направлено напрямую, с вручением верительных грамот от делегации одной страны – представителям другой. Да и тон оставлял желать лучшего. На миг Виньогрету даже показалось, что так мог бы писать уважающий себя мастер, с которым они в давние времена вместе учились или славно проводили время за кружечкой темного эля, а после пути развели их по разные стороны Завесы. Однако в том, что касалось «действительно важных и срочных дел», как указывал Регламент, Его Величество предпочитал эти самые дела любым церемониям, поэтому ни тени возмущения не было на его лице, пока он задумчиво разглядывал обсидиановую печать. Незнакомый ему король Красной реки казался близко знакомым – он обращался к нему, как к старому другу и делился сокровенными мыслями.

«Ни в коей мере не сомневаюсь в вашем праведном гневе, когда дочь сбежала из дома, – писал Ахфельшпроттен, – однако время – лучший советчик. Оно беспощадно высвечивает – верны ли наши поступки или нет? Я видел, как искренне почтенный Йожевиж, Синих гор мастер, и уважаемая Виньовинья любят друг друга. Я знаю их, как гномов, которые страдают от разлуки с Родиной и готовы послужить ей верой и правдой. Мне не по чину просить, но вас, Подгорное величество, я прошу – смягчите свое сердце и простите дочь, что вызвала ваше недовольство. Но паче обратите взор на ее спутника жизни. Это воистину достойный гном, в лице которого вы обретете верного соратника, друга и единомышленника. Я был бы счастлив предложить почтенному мастеру Йожу место при своем дворе, однако его помыслы, как и помыслы его жены, не направлены в сторону Круткольха...».

Виньогрет задумчиво тер пальцем гладкую поверхность обсидиана. Ахфельшпроттен оказался вторым королем, решившимся заговорить с ним о дочери. Первым был Редьярд.

Солнечные лучи чуть сдвинулись. Пора было возвращаться в королевские чертоги.

– Жаль, что я не могу выпить с тобой пива, почтенный Ахфельшпроттен, Круткольха мастер... – пробормотал Виньогрет.

Широко замахнулся и кинул письмо в пропасть. Отягощенное обсидиановой печатью оно мгновенно кануло в струях воды. Один король всегда простит другому нарушение этикета. Король, но не свита!

Его Величество поднялся, бросил прощальный взгляд на водопад и заторопился назад.

Когда в его покои вошел Тоннертротт, Виньогрет что-то быстро писал, сидя за столом.

– С добрым утром, мой король! – поклонился Хранитель Королевского молота. – Уже в работе?

– Что ты думаешь, Тоннертротт, о гномах Независимого подгорья, что не так давно обнаружили под Лималлем? – вежливо кивнув, спросил король.

– Они гномы, Твое Величество, мне этого достаточно, – усмехнулся в бороду Хранитель.

– Вот и мне, – Виньогрет протянул ему бумагу. – Это проект приветственного письма Его Величеству Ахфельшпроттену Первому. Пошлите к нему делегацию с дарами и верительными грамотами, чтобы все было по нашим правилам и в соответствии с традициями. А после, может, мы с ним встретимся и потолкуем о делах.

Тоннертротт забрал бумагу и подмигнул.

– Под Лималлем, насколько я помню, находятся обширнейшие месторождения рубинов, Ваше Величество. О, вам будет, о чем потолковать!

Он вышел. Глядя ему вслед, Виньогрет думал о том, что дела делами, но и о разговорах по душам забывать не следует. Никогда.

Графине рю Воронн и Матушке Ируне было сказано, что Марья, точнее, Арина рю Сорс, исцелена от тяжелого недуга Ее Могуществом, однако ей требуется время, чтобы окончательно восстановиться. Обе дамы, женщины искренние и сострадательные, тут же взялись ухаживать за гостьей, а та была так растеряна, что, действительно, казалась немного не в себе. Ей выделили комнату, в которую когда-то экономка заселила Вителью. Кроме того, на завтра пригласили портниху Фироны, поскольку платье, в котором Арина появилась в доме рю Вороннов, было хоть и чистым, но явно с чужого плеча.

Когда, наконец, Арину оставили в ее комнате одну, Вита поманила Матушку Ируну.

– Что, Витенька? – спросила та.

Она давно называла так крейскую гостью, и у той каждый раз становилось тепло на сердце, ведь так звала ее мама.

– У Арины провалы в памяти, матушка, – тихо сказала Вита, – я боюсь, что она позабыла, как пользоваться, например, купальней.

Ируна понимающе улыбнулась.

– Я сейчас понесу ей чистое белье и полотенца, и все покажу, не волнуйся, – она погладила волшебницу по плечу и добавила: – Гляжу на тебя, и не нарадуюсь за Яго! Такая, как ты, редко кому достается!

– Да ну вас, – отмахнулась Вителья, – скажете тоже!

– Мы с графинюшкой все мечтаем о вашей свадьбе, – заговорщически понизила голос экономка.

Вита почувствовала, как вспыхнули кончики ушей. В поместье рю Сорсов рю Воронн предлагал ей обвенчаться у алтаря, сработанного из тысячелетнего кедра. А спустя короткое время, часовня, в которой стоял алтарь, исчезла в недрах Тикрея.

– Ируна! – позвала снизу графиня рю Воронн.

– Иду, хозяйка! – крикнула та, еще раз погладила крейку по плечу и поспешила вниз, на кухню, откуда раздавались веселые голоса рубак, которые уговаривали Альперта выпить пива за здоровье Арины рю Сорс.

Вита в задумчивости вошла в покои Ягорая, которые теперь стали и ее покоями. И сразу же попала в плен его рук и губ.

– Я соскучился, – прошептал он.

– Как ты думаешь, когда мы сможем пожениться? – машинально спросила она и тут же пожалела об этом, потому что Яго перестал ее целовать и отстранился.

– Платье, пышное торжество и свадебная ладья? – усмехнулся он, припомнив давнишний разговор.

Как и тогда, Вита прислушалась к себе. Хотела бы она всего этого? В поместье рю Сорсов ей казалось, что исполняя миссию «Ласурские призраки» они ходят по лезвию ножа, поэтому все условности она решительно отменяла, заявив возлюбленному, что хочет только его. Но сейчас, слава Богам, опасности были позади. «Призраков» ждала спокойная ночь в сладко спящем Вишенроге, а не полная угроз ночевка где-то на просторах Узамора. Так, как же?

Ей вдруг привиделась часовенка, увитая плющом, на поляне, густо заросшей папоротником и дикими розами. И тишина, нарушаемая лишь щебетом птиц и журчанием родника...

– Мне ничего не нужно, – качнула он головой, – только знать, что мы будем с тобой вместе и после смерти.

Сильные пальцы Яго коснулись ее подбородка.

– Мы будем и так, мое солнышко, – тихо сказал он, – я никуда не отпущу тебя!

Его темные глаза внезапно блеснули по-звериному.

– Но ты права, мы слишком затянули с этим, – заявил рю Воронн и, взяв ее за руку, повел из комнаты. – Идем!

– Куда? – изумилась волшебница.

Ягорай прижал палец к губам и принялся бесшумно спускаться по лестнице.

Они вышли на улицу, никем не замеченные. Вителья едва успела наколдовать самоподогрев – было по-зимнему холодно, хотя зима еще не вступила в свои права. Рю Воронн шел быстро и скоро привел волшебницу к маленькому храму, зажатому между домами. Остановился у двери, посмотрел на Виту и спросил:

– Так ты выйдешь за меня?

Свет от лампадки, висящей над дверью и освещающей лик Индари, тонул в непостижимой темноте его глаз.

– Прямо сейчас? – ошарашенно переспросила Вителья.

– Прямо сейчас.

Не отвечая, она прижала его ладонь к своей щеке.

Рю Воронн улыбнулся и заколотил в дверь.

Спустя несколько минут створка распахнулась, и на пороге показался заспанный священнослужитель.

– Мы хотим обвенчаться, – Ягорай решительно потеснил его внутрь часовни. – Обещаю, наш дар Пресветлой будет щедр, вы сможете сделать много добра на это золото!

И он призывно звякнул кошельком.

Несмотря на серьезность происходящего, Вителья хихикнула про себя – в этот момент Яго ужасно напомнил ей того самого главаря разбойников, который ввалился в ее комнату в таверне на Тикрейском тракте.

Священник хорошенько протер глаза и внимательно посмотрел на волшебницу.

– Ты желаешь этого по доброй воле, девушка? – строго спросил он.

Она кивнула.

– Тогда жди! – приказал священник и... захлопнул дверь перед самым ее носом.

Вита оторопело посмотрела на створку и только затем вспомнила, что по ласурским традициям сначала в храм заходит жених, а затем невесту переводит через порог отец или ближайший родственник мужского пола. На миг ей стало так грустно, что на глазах показались слезы – ни отец, ни мать не увидят этой свадьбы! Но она с силой вытерла их – Вителья Таркан ан Денец осмелилась сменить судьбу тогда, когда бежала от ненавистного Самсана Данира ан Третока, надевшего ей на шею рабское Ожерелье признания. Тому свидетели Крейские Боги и Пресветлая Индари, она, Вита, не сойдет с этого пути!

Дверь храма распахнулась. Священнослужитель в парадном одеянии переступил через высокий порог, шагнул к волшебнице и сам для себя провозгласил:

– Введите деву в храм!

Вителья коснулась его прохладной ладони горячими от волнения пальцами, и в душе поднялось такое ликование, какое она испытала лишь раз – когда поняла, что ускользнула из Грапатука.

Прежде темное внутреннее пространство храма заполнил свет: были зажжены чашеобразные светильники у входа и вдоль стен. В них горело ароматное масло, наполняя зал ароматом летних цветов.

Яго стоял у алтаря и смотрел на изображение Индари. Вита слишком хорошо узнала ласурца за прошедшее время, чтобы понять – в это мгновение он горячо просит богиню о чем-то, ведомом только ему.

Рю Воронн обернулся. Встретившись с ним взглядом Вителья забыла, как дышать. Словно в объятиях, он держал ее силой своей воли и любви, своего желания, и она плавилась под этим взглядом, забывая о том, зачем пришла сюда.

Удивленный священнослужитель дернул волшебницу за руку, но она не почувствовала. Они с Ягораем остались вдвоем, и мир вокруг исчез. Безмолвно рю Воронн говорил Вителье о своей

любви, а она отвечала с благодарностью и нежностью. Безмолвно Яго клялся ей в верности, а она верила всем сердцем. Безмолвно он обещал ей, что они всегда будут вместе, ведь их сердца будут биться в унисон даже на расстоянии...

Священник снова дернул Вителью за руку, нарушив волшебство мгновения. На миг гнев охватил ее с такой силой, что она сама не заметила, как с ее пальцев стекла в его ладонь синяя молния.

Священнослужитель вскрикнул, отшатнулся и сшиб один из светильников. Падая, тот повалил следующий, а тот – другой... Горящее масло выплеснулось на пол, с проворством оборотня взобралось на расшитые золотом занавеси, украсившие стены.

Рю Воронн среагировал первым, пока обомлевшая Вита разглядывала огонь, словно видела его впервые. В несколько прыжков он пересек помещение, ухватил служителя за шкуру и вытолкнул за дверь. После чего повернулся к волшебнице, уже едва видимой в дыму, и закричал:

– Вита, сделай что-нибудь! Соседние дома пострадают, если пожар вырвется наружу!

Она моргнула, снова очнувшись от тяжелого сна. Светящийся контур щита очертил пол вокруг них, не допуская внутрь языки пламени. Раздались громкие хлопки – воздушные удары, наколдованные волшебницей, прибавили пламя к стенам и полу, заставляя погаснуть. Нестерпимо пахло прогоревшим маслом. Клубы тяжелого дыма ворочались, как живые, и в них лицо Индари с алтаря кривилось, будто в насмешке.

Когда огонь погас, Вителья позволила себе закашляться. Рю Воронн тут же подхватил ее на руки и вынес на улицу, где уже начала собираться толпа в ночных сорочках и колпаках.

Глубоко потрясенный священник стоял столбом, с ужасом глядя на дверь.

Ягорай поставил Вителью на ноги и подошел к нему.

– Мне очень жаль, святой отец, – тихо сказал он. – Деньги за церемонию не возвращайте – их должно хватить на восстановление внутреннего убранства храма. Там почти ничего не пострадало, кроме занавесей.

– Благодарю, сын мой, – пробормотал тот, приходя в себя. – Надо же, какая нелепая случайность!

Яго как-то странно взглянул на него и промолчал.

Когда он вернулся к Вителье, обнаружил рядом с ней Вывиглота. Тролль укоризненно посмотрел на ласурца и проворчал:

– Мы волновались!

– А мы переволновались, Дробушек, – грустно сказала волшебница.

Рю Воронн обнял ее за плечи и повел домой.

Ранним утром этого дня в замке Ласурских королей царила такая суeta, какой не помнили, наверное, со времен коронации наследного принца Редьярда. Прислуга спешно вытирала несуществующую пыль в пазах между камнями стен, кастелянши, подгоняемые оглушительным ревом матроны Клозильды Вистун, носились всполошенными стайками в облаках белоснежного белья, перин и подушек – готовили комнаты к приему гостей. Взволнованные и не выспавшиеся придворные кучковались по углам в поисках самых интересных сплетен и гадали, в каком платье предстанет на коронации принцесса Брунгильда.

На дворцовой кухне в эту ночь работа не прекращалась. Огонь ревел в печах, обливались соком туши на вертелах, на столах доходили огромные круги теста, источая вкусный кисловатый запах, груды зелени и овощей в тазах для обработки росли на глазах.

Старшая королевская булочница, Ванилла рю Дюемнон, во всполохах пламени из печей казалась демоницей. Крупная, грозная, руки в боки, она то и дело подгоняла поварят и поварих, успевая побывать у каждого стола для замеса, попробовать на вкус каждую новую партию теста для булочек и ставших знаменитыми на весь Тикрей мерзавчиков. Последние, по приказу Его Величества Аркея, должны были бесплатно раздавать на улицах Вишенрога вместе с вином урожая этого года.

Ванилла замедляла шаг лишь у одного, импровизированного, стола, который изображала пустая перевернутая пивная бочка в самом темном углу кухни. На бочке стояла бутылка с прозрачной, как слеза, жидкостью, рядом – стакан. А на полу, опершись спиной о стену, тихо и незаметно сидел Король Шутов, Повелитель Смеха, Господин Шуток и Хозяин толп Дрюня Великолепный. И напивался.

Напиваться Дрюня начал аккуратно с вечера. Супруга увещевала его, ругала на чем свет стоит,

уговаривала одуматься, а затем... принялась жалеть. Ведь как она на него ни сердилась, все понимала. Дабы муж не пил в одиночестве, Ванилла привела его на кухню и устроила в углу, в компании с бутылкой запрещенной в стране ласуровки. Когда его обнаружил мастер Пип, совершавший предрассветный обход своих владений (поспать Главному королевскому повару, естественно, тоже не удалось), он сначала потерял дар речи, а затем приготовился орать. Но, промолчал, наткнувшись на тяжелый взгляд дочери. Махнул рукой и пошел дальше.

В очередной раз посмотрев на Дрюню, Ванилла заправила за ухо выбившийся из-под чепца локон и принялась собирать на поднос блюдце со свежееиспеченными булочками, кружку с горячим молоком, тарелку с легким омлетом, баночку с бруничным вареньем. Потом подошла к мужу и склонилась над ним:

- Любимый, я поднимусь к Бруни, отнесу ей завтрак. Веди себя хорошо, не то папаша тебя высечет!

Дрюня поднял на нее ословелый взгляд.

- Па... Па-паша? Чей?

- Мой, - сердито фыркнула Ванилла.

- А чем высечет? Ук... ик... пропом? - пьяно хихикнул Дрюня.

- Найду чем, - раздался мрачный голос из-за спины Ваниллы.

Булочница обернулась и увидела Пипа.

- Ты бы заперла его на время коронации, - понизив голос, сказал он дочери. - Лица на нем нет, а уж разумение тем более в алкогольных парах растворилось. Как бы не набедокурил чего!

- Я тоже об этом подумала, - так же тихо ответила Ванилла. - По мне так пусть он выпьет столько, чтобы проспать до завтрашнего обеда. Это ведь как зуб вырвать - лучше под чарами, а потом раз, и все уже хорошо.

- Пью за тебя... ик... братец Рэд! - вскричал Дрюня. - Ведь если менять королевство - то на два! Или на любимую женщину! Ик!

Пип с досадой покосился на него и заботливо поправил салфетку на подносе.

- Иди к Бруни, дочка, я за ним пригляжу. Может даже выпью стопку другую за компанию.

- Не увлекайся! - погрозила пальцем Ванилла. - Нам с тобой еще череду балов с переменами закусок, торжественный ужин и последующие празднества надо выдержать!

- Не бойсь, выдержим, - подмигнул Пип. - Ради блага родины стараемся, не для своего кармана!

- Да ладно?! - воскликнул шут, будто понимал, о чем они говорят.

Королевский повар повернулся к нему и елеинно заметил:

- Вот и я говорю, наилубезнейший зять, и за это дело надо выпить!

Дрюня машинально потянулся к бутылке.

Тяжело вздохнув, Ванилла взяла поднос и направилась в башню.

- Она еще спит. Их Высочества всю ночь изволили срыгивать, поэтому она заснула лишь часа два назад, - сообщила Катарина, когда Ванилька подошла к дверям, охраняемым четверью гвардейцами, из которых двое были в синих, а двое - в черных мундирах.

- Говорила я ей про кормилицу, так нет, - проворчала Ванилла, - упрямая, как...

Она благоразумно не стала называть при гвардейцах парнокопытное животное, статус которого королевской семье никак не соответствовал.

Катарина открыла двери и пошла впереди.

Его Величества Аркея в покоях уже не было. Принцесса Бруни сладко спала, разметаившись во сне. Рядом с кроватью стояли две люльки. Из одной слышалось ровное сопение, из другой - вредное хныканье.

Ванилла, поставив поднос на стол рядом с кроватью, вытащила из люльки Хлою и, положив на свое широкое плечо, принялась расхаживать по комнате, приговаривая:

- А вот мы тебя сейчас покатаем, маленькая негодница. Вырастешь, будешь лошадок любить? Будут у тебя самые лучшие лошадки, а пока катайся на тете Ванилле!

Катарина, стоящая у дверей, бросила взгляд на часы, вышла и прикрыла створки: минут покоя у Ее Высочества Бруни оставалось совсем немного.

Принцесса со стоном потянулась и открыла глаза.

- Добрых улыбок и теплых объятий, Твое Невыспанное Высочество-Величество! - явно подражая тону мужа, воскликнула Ванилька. - Позволь поздравить тебя с этим чудесным днем, которого с нетерпением ждала вся Ласурия! Да чего там, весь Тикрей!

Бруни слабой со сна рукой нащупала подушку и метнула в подругу. Ванилька живо увернулась, несмотря на дородность. Принцесса Хлоя тут же захныкала.

- Давай ее сюда, скандалистку эту, - с любовью глядя на дочь, сказала Бруни.

- Не дам! - прищурилась Ванилла. - Поешь сначала. Твои оглоеды только два часа назад позавтракали, а до этого их ужин растянулся с вечера!

- Откуда ты знаешь? - удивилась Бруни, садясь в кровати и убирая с лица растрепанные волосы.

- Мне докладывают, - Ванилла задрала нос, - давай-давай, ешь, Брунька. Потом неизвестно, когда удастся!

- Обнадежила... - пробормотала принцесса и, передвинувшись на край кровати, приступила к завтраку.

Спустя полчаса Хлоя разнылась не на шутку и разбудила Редьярда, который тоже заплакал. Бруни едва приготовилась их кормить, как двери распахнулись, в комнату заглянула Старшая горничная и под двойной голодный плач сообщила:

- Пора собираться, Ваше Высочество.

- Как? Уже? - ахнула Бруни, принимаясь торопливо подкладывать подушки под бока, чтобы покормить сразу обоих двойняшек.

Катарина бросилась помогать. Понаблюдав за ними некоторое время, Ванилла рю Дюемнон взяла поднос.

- Пошла я на кухню, Брунь! Хорошо, что ты поесть успела!

И направилась к выходу, не заметив, что во взгляде Бруни мелькнула растерянность. Возможно, принцессе на миг показалось, что вместе с широкой спиной подруги, уплывает из ее комнаты вся прежняя жизнь?

Ванилька спешила на кухню и очень надеялась, что Дрюня, наконец, дошел до кондиции. Вернувшись, она окинула цепким взглядом подчиненных, проверяя, все ли на своих местах и заняты делом, и лишь потом пошла в самый темный угол.

Бутылъ была пуста. Шут спал на матрасике, на котором обычно дрых дежурный поваренок, поддерживающий всю ночь огонь в одной из печей, - на случай, если Его Величество ночью возжелает горячих блюд.

- Я его в кладовке запру, пока не проспится, - шепнул ей на ухо неслышно подкравшийся Пип. - Переживает парень!

- Будешь тут переживать, когда все рушится, - вздохнула Ванилла. - Его Величеству Аркею, наверняка, шут будет не надобен. Зачем такому серьезному человеку шут?

- Твоя правда, - кивнул Пип. - Ладно, на все воля Пресветлой! Давай-ка работать.

Старшая королевская булочница бросила на мужа еще один сочувственный взгляд и отправилась проверять, сколько мерзавчиков напекли подчиненные за время ее отсутствия.

Хлоя захныкала, однако была тут же подхвачена на руки Катариной.

- Ваше Высочество, не мешайте мамочке собираться! - строго сказала она.

Маленькая сердито прищурилась, но хныкать не перестала.

Бруни, сидящая перед зеркалом в нижнем платье, разглядывала прическу, сотворенную умелыми

руками Туссианы Селескин, в девичестве Сузон. Высоко забранные в тугой пучок волосы были закреплены множеством булавок с радужниками в наверхиях, а несколько произвольно выпущенных локонов создавали ощущение легкости и изыска.

Во взгляде Туссианы, стоящей за стулом принцессы, промелькнуло удовлетворение. Бруни повернулась к ней:

– Благодарю вас, Туссиана. Теперь можете быть свободны.

Бывшая горничная бывшей любовницы бывшего короля умело присела в реверансе и покинула комнату.

– Вы выглядите прелестно, Ваше Высочество, – подала голос герцогиня рю Воронн, которая сидела на диване в соседней комнате, держа на руках принца Редьярда. – Но весь двор гудит в предвкушении, что же за шедевр сотворил для вас наш любимый мастер Артазель?

– Шедевр, – машинально поправила принцесса, а Катарина хихикнула, – надо говорить шедевр!

– Шедевр, конечно, – всплеснула одной рукой (на другой лежал принц) Фирона. – Как я могла забыть?

Двери распахнулись едва ли не с треском и в покои влетела запыхавшаяся матрона Вистун.

– Идут, – с порога протрубила она, – несут!

Хлоя замолчала и с интересом уставилась на вошедшую голубыми глазенками.

– Иди ко мне, моя куколка, – позабыв о том, зачем пришла, растаяла Клози. – Катарина, дай мне ее!

– Вы к ней равнодушны, – улыбнулась Катарина, передавая принцессу с рук на руки. – Держите, а я пойду встречу мастера Артазеля.

– У-ти моя красавица, у-ти моя подушечка-перинка, – угрожающе ворковала Клози, качая Хлою.

– Он же идет, да? – уточнила Катарина.

– Кто? – удивилась матрона.

– Мастер Артазель.

– А! Да! Идет! Несет!

Нес не сам мастер, шествующий впереди процессии с видом истинного венценосца, а шестеро подмастерьев. Крепкие парни держали нечто объемное и завернутое в льняное полотнище так бережно, словно оно было стеклянное.

У дверей покоев Артазель принял сверток и чуть было не навернулся под его тяжестью, но тут на помощь ему пришла Катарина.

Вдвоем они занесли платье в спальню Бруни и положили на кровать. Сосредоточенно нахмутив брови, мастер принялся разворачивать ткань. Все затаили дыхание...

– Стоп! – вдруг громко сказал портной. – Стрекозки мои, что же это я? Выйдите все из комнаты, кроме, естественно, вас, Ваше Высочество!

– Но зачем, уважаемый мастер? – возмутилась Клозильда.

– Будем держать интригу настолько долго, насколько возможно, – поднял длинный палец гном. – Что за коронация без интриги?

Матрона Вистун открыла было рот и закрыла. Да, она с легкостью могла перекричать Железнобока, но переспорить мастера Артазеля – Индари упаси!

Все вышли, принца и принцессу тоже унесли. Бруни встала со стула и шагнула к портному. Ее все больше охватывала паника. А вдруг она сделает что-нибудь не то? Не так посмотрит, не так шагнет? В конце концов, она простая трактирщица, которая никогда не мечтала стать королевой!

– Страшно? – услышала она.

Гном перестал разворачивать сверток и теперь смотрел на принцессу поверх очков.

Бруни судорожно вздохнула.

– Очень!

– Ее Величество королева Рейвин тоже боялась коронации, – кивнул мастер, – да и любой бы боялся... Ну если, конечно, он не Его Величество Аркей, – неожиданно хмыкнул он. – Но Ее Величество Рейвин умела держать себя в руках. До последнего времени я не знал человека с более сильной волей, чем у нее...

Он замолчал, выжидая, глядя на Бруни.

– Я... я не понимаю, – пробормотала она.

– Моя дорогая, вы – лучшее, что случилось в этой стране за последние годы, – мягко сказал гном. – Все это: коронация, толпы народа, празднества – прах по сравнению с тем, что вы сможете сделать, официально став королевой. Я предвижу золотой век Ласурии, который будет длиться до тех пор, пока ваш супруг и вы занимаете трон. Все, что вам сегодня нужно, быть рядом с мужем и вести себя, как обычно!

Бруни, с волнением слушавшую его слова, последняя фраза неожиданно развеселила.

– И это все? – рассмеялась она, чувствуя, как напряжение рассеивается.

В конце концов, какая разница, сколько народу в трактире? Работать нужно даже тогда, когда среди посетителей не протолкнуться!

– Все, Ваше Величество Брунгильда, – низко поклонился гном и откинул край ткани, все еще скрывающей платье.

Бруни ахнула.

Выбором места для коронации занимался Большой королевский совет. Государственные мужи заседали несколько дней, но так ничего и не решили. Дворцовая церковь и храмы, расположенные поблизости, оказались слишком малы, чтобы вместить всех высокопоставленных гостей, пожелавших посетить Вишенрог ради такого знаменательного события.

Председательствовал на Совете Его Величество Аркей – его отец, поприсутствовав на прениях пару дней, махнул рукой и удалился в свои покои, сославшись на здоровье. Аркей слушал спорщиков молча, и казалось, думал о чем-то своем. Но когда спор окончательно зашел в тупик, Его Величество поднялся с трона, прошелся по тронному залу, где по традиции шли все заседания Большого совета, подождал, пока наступит полная тишина, и сказал:

– В Вишенроге есть храм, в котором поместятся все. Нужно только вспомнить о том, что храм – это не стены и перекрытия! Храм – обиталище нашей веры, наше сердце.

– Сердце?! – переспросил у сидящего рядом с ним начальника Тайной канцелярии главнокомандующий рю Саднес, который с возрастом стал хуже слышать. – Его Величество сказал – сердце?

Рю Вилль пожал плечами.

Аркей оглядел присутствующих и добавил:

– Я имею в виду Храм Всех Богов.

Тишина стала еще оглушительнее. Прошло несколько минут, прежде чем Первый министр Свин осторожно произнес:

– Но, Ваше Величество, такого храма пока не существует... На месте строительства выкопан котлован, сделаны разметки, идет подвоз необходимых материалов... Даже фундамент еще не начали заливать!

– Вот и хорошо, что не начали, – спокойно ответил Аркей, – гостям будет удобно. Кроме того, для строительства разровняли пару кварталов вокруг, а значит, есть место для всех, желающих попристутствовать на церемонии.

Рю Вилль схватился за голову и воскликнул.

– Но безопасность? Как же ваша безопасность, Ваше Величество?

– Если мы с Бруни нужны Ласурии, нам ничего не грозит, – пожал плечами молодой король. – Если нет, никакие войска нас не спасут.

– Если вы не возражаете, Ваше Величество, я все-таки введу войска в столицу, – проскрипел со

своего места рю Саднес. – Может быть, вам это и не нужно, а мне, старику, будет спокойнее.

– Для охраны хватит и моего полка, – мягко сказал Аркей.

Главкомандующий промолчал, оставаясь при своем мнении.

Рю Саднес, действительно, ввел в Вишенрог войска. Ровные цепочки солдат выстроились вдоль улиц, ведущих к месту строительства Храма Всех Богов или Единого храма, как его еще называли в столице. Само место коронации было оцеплено как военными, так и гвардейцами четырех королевских полков. Яркие мундиры в этот серый, полный похожего на мелкую крупу снега день бросались в глаза единственными яркими пятнами на площади, на которую с раннего утра начал стягиваться народ.

Для высокопоставленных гостей были поставлены скамьи, которые застелили мехами. Специальные прислужники ходили вдоль них, щеточками из перьев смахивая снег, ведь никто не знал, когда именно придут важные гости.

В это время в королевском дворце ожидали прибытия через портал делегации из Синих гор. Во дворе уже собрались встречающие, во главе с Его Величеством Аркеем и Ее Могуществом Никорин, остановившимися чуть впереди. Рядом с Ники застыл ученик королевского мага – привлекательный блондин Варгас Серафин, по которому уже начали вздыхать служанки и придворные дамы моложе семидесяти.

За спиной Аркея стояла Бруни в наглухо запахнутом плаще с капюшоном, отороченным горностаем. Как ни пытались любопытные разглядеть ее наряд под плащом – ни краешка ткани платья видно не было. Рядом с ней стояли Их Высочества Колей и Оридана. Было холодно, и теплолюбивая гаракенская принцесса куталась в меха, а ее супруг, напротив, щеголял распахнутым на груди камзолом, демонстрирующим богато расшитую кружевами рубашку.

Колей зевнул, не скрывая скуки. Оглянулся на стоявшего чуть в стороне принца Йорли, старшего брата Ориданы и наследника Гаракенского престола, накануне прибывшего на коронацию. В его прошлое посещение Вишенрога они славно покуролесили, но сейчас до этого было еще далеко.

Колей украдкой вздохнул, наклонился к Бруни и прошептал:

– Сестренка, ты продолжишь меня воспитывать, став королевой? Ой, боюсь-боюсь-боюсь!

Принцессе ужасно хотелось спать, и она едва сдержала ответный зев. Сердито покосившись на Колея, тихо ответила:

– Хуже. Я отдам тебя на воспитание матроне Мипидо.

Колей изменился в лице и прижался к жене.

– Ори, ты слышала? Тебя хотят лишиться мужа!

– Ты сегодня на сцене вместо Дрюни? – послышался знакомый голос.

Редьярд, в богато отделанном мехом камзоле без всяких регалий, остановился за ними и насмешливо оглядывал младшего сына такими же, как и у него, наглыми голубыми глазами.

– Папаня! – радостно прогудел Колей. – Нам тебя не хватало!

– А мне-то вас как, – пробормотал бывший король всея Ласурии и, шагнув вперед, остановился рядом с Бруни. – По секрету тебе скажу, пороть его бесполезно, – сообщил он ей, не без удовольствия поглядывая на прямую спину старшего сына и точеную фигурку архимагистра Никорин. – Но воспитание трудом я не пробовал, так что у тебя, дочка, есть шанс сделать из него человека.

– Папаня!.. – возмутился Колей и замолчал, потому что воздух впереди начал плыть, а затем и вовсе исчез, открывая черную дыру, ведущую прямо в подземные чертоги Синих гор.

Нет, там пылали факелы злым синим пламенем, канделябры с хитро украшенными завитушками свечами блестели тусклым тяжелым золотом, посверкивали глазами в ночи самоцветы, украшающие стены, но после серого дня Ласурской столицы все это казалось самой темной из темных ночей. Однако вскоре тьму разбавило сияние. Лучи света, бывшие откуда-то сбоку, концентрировались на многочисленных изображениях Драгобужского герба. Их было так много, что у ожидающих зарябило в глазах. А затем гербы дружно подпрыгнули, лязгнули и выдвинулись из портала, оказавшись доспехами королевской гвардии. Сами гвардейцы, все как на подбор коряжистые, темноволосые, широкоплечие, казались братьями-близнецами, если бы не разница в ювелирных изделиях, обильно украшающих их уши, косы и бороды.

Золотое рыло выдвинулось вперед до середины и распалось, образуя коридор, в конце которого стоял коротышка, с красными, как пожар волосами и такого же цвета бородой – Его Величество Виньогрет Первый.

Ласурские придворные вставали на цыпочки, чтобы разглядеть низкорослого даже среди своих соотечественников гнома. Виньогрет, выдержав положенную паузу и дав толпе насладиться грозным видом своей гвардии, неторопливо пошел вперед.

Его Величество Аркей двинулся навстречу. Боевые топоры гномов взлетели вверх в знак приветствия. Им вторили мечи ласурских гвардейцев, салютующие гномам. Все происходило в тишине, нарушаемой лишь шепотками придворных да шелестом беспрерывно падающего снега.

Двое правителей самых значимых на территории Тикрея государств остановились друг против друга и синхронно поклонились. В их жестах сквозило истинное уважение. Затем последовали приличествующие ситуации слова приветствия, после чего Его Величество Аркей подвел Его Величество Виньогрета к супруге.

Бруни торопливо поклонилась – помнила, как важны церемонии для обитателей Синих гор. Подгорный король, кланяясь в ответ, сказал, ухмыляясь в рыжие усы:

– Воистину говорят, что материнство красит женщину, и я рад, что могу лицезреть вас в этот серый день цветущую, как розу весной, Ваше Высочество Брунгильда!

– Благодарю вас, Ваше Подгорное Величество, – смутилась Бруни и ляпнула, разглядывая его рыжину: – А мне по душе ваша осень!

И испуганно округлила глаза.

Виньогрет засмеялся, с удовольствием огладил окладистую бороду и ответил:

– Сочту за комплимент.

Утро перевалило за полдень, а череда гостей, прибывающих на церемонию, не иссякала. В какой-то момент Бруни ощутила, как болят груди – прибыло молоко. Это значило, что близнецы проснулись и вопят от голода где-то в глубине замка. Она растерянно заозиралась. Аркей был слишком занят церемониалом, чтобы заметить беспокойство жены, однако архимагистр Никорин, все время стоящая чуть позади него, тут же подошла к принцессе.

– Что случилось, Ваше Высочество?

– Дети... Они хотят есть... Я чувствую! – Бруни нервно скомкала плащ на груди и с отчаянием воскликнула: – Пресвятые тапочки, я не думала, что прием гостей так затянется!

– А кормилица? – удивилась Ники.

– Нет у них кормилицы, – мстительно подал голос Колей, – сестренка у меня сама самостоятельность!

Бруни почувствовала, как вспыхнули щеки.

– Уйти нельзя, – сочувственно прогудел Редьярд, – гости обидятся! Придется моим внукам немного поголодать. Ну а поорать – так это у нас семейное!

– Нет, так дело не пойдет! – решительно произнесла Ники. – Ваше Высочество, идите, кормите царственных оглоедов, я тут побуду... за вас.

– За меня? – изумилась Бруни и вдруг обнаружила, что смотрит на себя саму.

– А где Ники? – изумился Редьярд. – Ну что за привычка исчезать мгновенно?

Ники не было. Впрочем, не было и самой Бруни – опустив взгляд, она не увидела ни плаща, отороченного горностаем, ни мысков своих сапожек, ни себя. Ласурская принцесса стала невидимкой, а Ласурский архимагистр в ее обличье заняла место рядом с королем.

Лавируя между гостями, Бруни бросилась в башню. Ее никто не замечал, однако у входа во дворец она с удивлением увидела Григо Турмалина.

– И не думайте, что я вас не вижу, Ваше Высочество, – сообщил тот. – Идемте быстрее, а то в вашей комнате лопнут оконные стекла!

– Вы меня правда видите? – поинтересовалась Бруни на бегу.

Гвардейцы, охраняющие вход в башню, покосились на Григо, но ничего не сделали. Вход в покои ему был разрешен круглосуточно.

– Правда, – засмеялся секретарь, когда они миновали охрану и оказались на лестнице. – Подождите у дверей, Ваше Высочество, я предупрежу Катарину. Девушке в ее положении не стоит падать в обморок даже при виде невидимой принцессы!

– Ох, – пробормотала Бруни.

Когда она вошла в спальню, Катарина с остервенением качала колыбельку Рэда, держа на другой руке орущую до хрипоты Хлою.

– Она уже здесь! – сообщил Григо.

– Я уже здесь, – подтвердила запыхавшаяся принцесса, вытаскивая девочку из рук горничной.

– Ой! – ойкнула та. – Ваше Высочество, я вас не вижу!

– А ведь я тебя предупреждал, Катарина, – захохотал Григо и покинул спальню со словами: – Не стану вас смущать...

Вдвоем с Катариной кое-как приложили младенцев к невидимым грудям принцессы. Впрочем, детям зрение не потребовалось – они замолчали, едва ощутили вкус материнского молока на губах. Блаженная тишина разлилась по королевским покоем.

– Ваше Высочество, – отчего-то шепотом спросила горничная, – что вы чувствуете?

– Что они проголодались, – ответила Бруни.

Катарина прыснула.

– Я имею в виду, быть невидимкой – как оно?

Принцесса прислушалась к себе. Никаких странных ощущений!

– Как обычно, – ответила она и тоже засмеялась, – я имею в виду, что ничего такого не чувствую.

– Вот где ужас-то! – благоговейно прошептала горничная.

Горожане спешили посмотреть на коронацию или, хотя бы, постоять на соседних улицах, поэтому никто не удивился, когда близь больницы Святой Евгесии в опустевшем, будто вымершем, Сакральном квартале открылся портал, из которого на мостовую ступили трое – волшебница, маг и неказистый мужичок.

– Ты готов? – спросила Вителья Альперта, когда они остановились перед дверью.

Попус выглядел бледно, но решительно. Не отвечая, заколотил в дверь.

Створка распахнулась. На пороге стоял дюжий маг с суровым выражением лица. Однако, увидев Аля, он приветливо кивнул и посторонился, пропуская посетителей.

В отличие от прошлого раза Вырвиглот не остался на ступеньках, а вошел в больницу вместе с Витой и Алей. Вошел и не сдержал тихого рыка.

– Что, Дробушек? – тут же спросила Вита.

– Они плохо пахнут, – проворчал Вырвиглот.

Альперт и Вителья переглянулись. Не было нужды спрашивать, кого тролль имеет в виду.

Посетителям пришлось потесниться: двое санитаров несли носилки с телом. От сквозняка простыня, укрывающая его, откинулась, и волшебница узнала умершего. Демон Ваас отныне был свободен и в поисках новой жертвы! Вита скрипнула зубами – вот еще одна ее ошибка. Не успела. Не спасла! Она ускорила шаг, взлетела по лестнице, первой остановилась перед уже знакомой дверью и повернулась к Альперту.

– Запомни, Аль, демоница будет провоцировать, лгать, изворачиваться. Она может мучать Таю, на твоих глазах причиняя ей физическую боль. Сделает все, лишь бы ты помешал мне убить ее! Может быть, все-таки останешься здесь?

Альперт судорожно вздохнул, взглянул Вите в глаза и ответил с несвойственной ему грубостью:

– Я хочу увидеть, как она сдохнет!

Вита посторонилась, позволяя магу снять с двери защитное заклинание.

Накануне они вдвоем обсудили этот визит, попытались представить, как поведет себя демоница, укрывшаяся в теле Таи, как подействует на нее артефакт из другого мира, несущий в себе смерть... Но так ничего и не придумали, кроме того, что нужно рискнуть.

Тая лежала на кровати с закрытыми глазами и казалась спящей. Ее лицо было прелестно и покойно, волосы красиво рассыпались по подушке, однако Вителья заметила, как подрагивают крылья тонкого носа – девушка будто приноживалась. Это маленькая деталь окрасила происходящее в совершенно другие тона.

Волшебница кивнула на стул у стола, приказывая Альперту сесть. Тот подчинился беспрекословно. Вывиглот, напротив, подошел к кровати и остановился в изножье. Тая тут же открыла глаза и низко зарычала. Контраст между ее светлым личиком и страшным, рвущимся из груди, звуком был так разителен, что Дробуш отступил на шаг, но затем решительно вернулся на прежнее место.

– Ты пришла снова, колдунья! – странным, лающим голосом заговорила девушка, садясь в кровати. – Зачем? Тая моя, мне нравится, как она страдает! Я тебе ее не отдам.

Не обращая на нее внимания, Вителья плела защитное заклинание вокруг Аля, возводя невидимую смертоносную стену для демоницы, а заодно заключая мага в своеобразную клетку, из которой он не смог бы выбраться.

Не получив ответа, Тая вскочила и бросилась к волшебнице, выставив вперед скрюченные, как птичьи лапы, пальцы. Однако она не сделала и двух шагов, как оказалась в руках Вывиглота. Удерживая извивающуюся, словно змея, девушку, Дробуш стоял совершенно неподвижно и даже, кажется, не напрягался.

– Пусти меня! Пусти меня, каменное отродье! Я тебе глаза выцарапаю... – вопила демоница.

– Они каменные, не выцарапаешь, – спокойно ответил Дробуш.

Завершив последнее плетение, Вителья повернулась к Тае.

– Предлагаю сделку, демоница. Ты называешь мне свое имя и освобождаешь девушку...

– Ты меня не убьешь! – захохотала та. – Даже Ласурский архимагистр не может этого сделать, не навредив девке, а уж тебе куда, неумехе?

Дробуш тихонько тряхнул ее, заставляя замолчать.

– Повторюсь, – пожала плечами Вителья, – или ты называешь мне свое имя и освобождаешь Таю, или умираешь. Выбери!

– Да ты шутишь? – изумилась демоница. – Ты – сильная колдунья, но опыта у тебя маловато. Было бы больше – ты бы спасла свою подругу, а не убила бы ее!

Вита закусила губу. Вот оно! Началось.

– Как ее звали? – продолжала спрашивать демоница. – А-а-а, Тариша! Тариша Виден, проклятая душа! Ты знаешь, куда попадают проклятые души после смерти, ан Денец? Ты знаешь, куда помогла ей попасть?

– Я знаю, что спрашиваю тебя в третий раз, желаешь ли ты умереть или нет?

Вителья ощутила, как гудит в кончиках пальцев Сила. Знала – прикоснись она сейчас к человеческой плоти, и та растает, как масло. Прикоснись она сейчас к чему угодно – оно растает, как масло! Все, кроме...

Волшебница вытащила из-под воротника куртки Кашшееву иглу и подняла так, чтобы демоница могла ее видеть. И снова, на мгновение, сквозь тонкие черты лица Таи проступила уродливая, ужасающая морда, искаженная... страхом.

Тая вдруг закричала. Из ее глаз, носа и ушей потекла кровь, пачкая белоснежную ночную сорочку.

Альперт вскочил, но не сделал ни шага. Смертельно бледный маг стоял у стола так, словно это был последний рубеж, отделяющий его от безумия.

В дверную створку снаружи заколотили. Была бы в больнице матушка Лисана, Вита попыталась бы ей объяснить то, что можно было объяснить. Но санитаров она ни о чем не предупредила – для них было достаточно, что брат навещает сестру.

Вителья махнула рукой, запечатывая дверь собственным плетением и двинулась к демонице.

Тая перевела мутные от боли глаза на Альперта и умоляюще протянула к нему руки.

– Брат, – плача, простонала она, – спаси, спаси меня! Она убивает меня, рвет изнутри! Умоляю! Не позволяй ей... Ведь она здесь из-за тебя!

Попус, закрыв лицо руками, раскачивался внутри невидимого круга, очерченного Вительей. Волшебница знала, как тяжело ему сейчас, но надеялась, что критический настроенный разум стажера не поддастся на провокацию.

Дробуш перехватил вырывающуюся девушку поудобнее и переглянулся с Вительей. Она едва заметно кивнула, и он, держа руку Таи в своей, протянул ее вперед, ладонью вверх.

Запрокинув голову, демоница завизжала с такой силой, что по оконному стеклу побежали трещины.

Странно, но Вителья слышала два голоса – отчаянный визг и тихий, покорный плач. И этот плач стал для нее примерно тем же, чем был рабский ошейник – границей между свободой и несвободой, которую жизненно важно было перейти.

– Меня зовут Ванесса, – вдруг четко сказала девушка.

Вита обнаружила, что Тая смотрит на нее совершенно спокойно. Кровавые дорожки на ее лице и разводы на одежде в сочетании с этим взглядом выглядели жутко.

– Ванесса, – медленно повторила Вита, прислушиваясь к себе. Сила ответила новым витком, загудевшей в сознании мощью, – демоница не солгала.

– Я отпущу Таю, – девушка приоткрыла в усмешке испачканные кровью зубы, – если ты пообещаешь, что не тронешь меня! Видишь, я назвала имя!

– Откуда я знаю, что ты не врешь? – спросила Вителья. Что-то в истории Альперта не давало ей покоя, что-то не состыковывалось. А сейчас, наконец, представилась возможность расставить все по своим местам. – Докажи мне!

– Чего ты хочешь, колдунья? – оскалилась демоница.

– Почему ты сказала, что Альперт виноват в случившемся с Таей?

Демоница засмеялась.

– Потому что именно он вызвал меня в тот вечер. Достал отцовскую книгу по демонологии и, бадуясь, прочитал заклинание вслух. Он знал, что у него нет Силы, все ему так говорили. Но она проснулась именно в тот день и час. Видела бы ты, как парнишка удивился, когда я пришла на зов!

– Значит, никакого выброса энергии из-за его дара не было, а пожар в его доме и гибель родителей – не его рук дело?

– Это сделала я. Мне было скучно, я развлекалась.

Вителья услышала за спиной полный гнева вопль и обернулась. Альперт с безумным лицом бросался на невидимую стену щита, который удерживал его у стола. Затем снова повернулась к демонице и уточнила:

– Но почему ты не убила Таю, не завладев им самим? Он же тогда был слишком слаб, чтобы сопротивляться?

– Рано или поздно я добралась бы и до него. Но зачем он был мне нужен – слабый, неуверенный в себе подросток? В будущем из него получился бы прекрасный маг, которым гораздо интереснее было бы управлять! А как было забавно мучать его, используя сестру! О, нет, я специально оставила обоих в живых. Мы, демоны, не любим игры, которые быстро заканчиваются!

– Я клянусь тебе, – прохрипел Альперт, – слышишь, отродье, я клянусь, что найду вас всех и уничтожу! Именем Индари клянусь!

– Ты? Слабак...

Издательская улыбка увяла на губах демоницы. Она с ужасом смотрела на иглу, которую Вителья всадила в центр ладони Таи.

– Ты... давала слово! – прошептала демоница.

– Я никакого слова не давала, – отрезала волшебница, наблюдая, как чернеют капли крови, брызнувшие из ранки. Как от иглы начинаются разбегаться черные прожилки, захватывая ладонь, кисть, руку...

Разрывающий душу вопль умирающего демона потряс больницу Святой Евгесии до основания. Тая обмякла на руках у Дробуша, напоминая измазанную в крови тряпичную куклу.

– Дробуш, положи ее, быстро! – приказала Вита. – Нужно остановить внутреннее кровотечение!

Вырвиглот бережно опустил девушку на пол. Вита протянула к ней руки и начала диагностику.

Альперт Попус без сил упал на стул и закрыл лицо руками.

Пробираясь сквозь толпу, Бруни думала о том, сколькими чудесами обязана своему мужу. И о том, как сильно любит его, надежного, немногословного, родного... А потом она увидела себя и остановилась от неожиданности, ведь одно дело смотреться в зеркало, а совсем другое – наблюдать за ожившим отражением.

Принцесса Брунгильда лениво поправила локон, выбившийся из прически, и вновь застыла изваянием рядом с Аркеем. У нее, у настоящей Бруни, никогда не было таких уверенных, полных силы движений, такой царственной осанки! Но сейчас, разглядывая Ники в своем обличье, она подумала, что именно так должна вести себя королева.

Архимагистр чуть повернула голову в ее сторону, и Бруни поняла, что обнаружена. Спустя мгновение она увидела свои руки, чудовищный перстень на одном из пальцев, полы своего плаща, мыски сапожков. Шагнула вперед, встала рядом с мужем и взяла его за руку.

Аркей удивленно повернул голову. Он так и не заметил подмены, но разглядел что-то такое в ее взгляде, отчего его лицо засветилось радостью и любовью. В единый миг исчезли толпа и шум, серое небо, бубнеж Главного священнослужителя, возносящего молитву Индари рядом с накрытым алым бархатом возвышением, на котором лежали, взблескивая алмазами, королевские венцы: после молитвы их должны были отвезти на площадь строительства храма для церемонии. Бруни наяву слышала Аркея, который, как и во время их свадьбы, клялся ей в верности, и безмолвно отвечала всей силой своего сердца, зная, что и он слышит.

Священник замолк. Аркей сжал пальцы Бруни и повернулся к Виньогрету.

– Ваше Подгорное Величество, – сказал он, – место, где будет проходить коронация, обещает стать святыней для всего Тикрея, а Храм Единых Богов будет оплотом веры для наших народов. В вашей стране вы, Ваше Величество, являетесь главным священнослужителем Братьев-Близнецов. Могу ли я просить вас помолиться им о благоденствии Ласурии, о мире для Тикрея и о нашем спокойном царствовании?

Редьярд за его спиной одобрительно крикнул.

Его Величество Виньогрет шагнул к ласурскому священнослужителю. Высокий дородный Верховный священник в белом одеянии, и маленький рыжий гном в черном камзоле смотрелись бы смехотворно, если бы не важность момента. Толпа придворных приветственно зашумела.

Виньогрет начал читать молитву Близнецам. Голос у Подгорного короля был низок и мощен, без труда разносился по дворцовому двору, летел за стены, на прилегающие улицы. И слушая его слова, урожденные ласурцы, местные гномы, приглашенные гаракенцы, перекаати-поле оборотни понимали, что несмотря на различия между ними, желают все одного: мира и покоя, счастья для своих близких, добрых соседей и полных закромов.

– От всего сердца благодарю вас обоих, – искренне сказал Аркей, когда гном замолчал. – А теперь приглашаю уважаемых гостей пройти к воротам, куда будут поданы кареты, и мы сможем отправиться в Храм Всех Богов и своими глазами увидеть грандиозность будущего сооружения!

Бруни до сих пор помнила ощущения от поездки на самоходном экипаже почтенного Фсешерттротта, Весеречских пустошей мастера, поэтому перед коронацией категорически заявила: «Поеду только в карете, любимый, в крайнем случае, пойду пешком!» Аркей тогда посмеялся и сообщил, что изобретение главы Гильдии Механиков Вишенрога и ему снилось в долгих кошмарных снах, поэтому мысль о карете он полностью одобряет. И вот, она была подана первой – украшенная позолотой и самоцветами карета, напоминающая перевернутый бутон. На сиденьях лежали белоснежные меха, которыми царственной паре следовало укрыться, дабы не замерзнуть.

Шкуры, устилавшие пол, вдруг зашевелились, и из-под них показался кожаный черный нос, а затем и янтарные глаза.

– Яро?! – изумился Аркей. – Ты как сюда попал? Пошел прочь!

Щен сощурился и вновь спрятал нос в шкурах.

– Кай, не гони его, – засмеялась Бруни. – Пусть останется!

Аркей пожал плечами и подал ей руку, чтобы помочь подняться по ступенькам. Откинулась пола плаща принцессы, мелькнула ткань юбки – что-то голубое с синим и золотым. Толпа ахнула, подалась вперед – успеть бы разглядеть! Не успела – Бруни скрылась в карете.

Кортеж двинулся, когда первые десять карет были заполнены гостями. Остальные приглашенные спешно рассаживались в подаваемые экипажи. Горожане, запрудившие улицы, приветственно махали, кричали: «Долгие лета!» и старались угадать, кто из знатных гостей едет в какой карете, но конные гвардейцы, распределенные по четверкам мундиров одного цвета, не позволяли никому приблизиться. В середине дороги прямо из низких облаков, вместе со снегом, посыпались вдруг на едущую впереди карету цветы: пышные розы и тюльпаны, нежные маргаритки, полевые колокольчики, веселые ромашки... Толпа ахнула и зааплодировала. Коснувшись земли, цветы вспыхивали и исчезали, казалось, карета Аркея и Бруни едет по дороге, усеянной золотыми монетами.

В одном из экипажей архимагистр Никорин посмотрела на сосредоточенно колдующего Серафина и коротко похвалила:

– Молодец!

Чем вызвала на щеках блондина румянец, сделавший его невыразимо привлекательным.

В другом экипаже принц Йорли обнимал сидящую рядом с ним сестру, и обоими глазами подмигивал сидящему напротив принцу Колею, намекая на бурное вечернее времяпровождение. Колей пытался изобразить строгое лицо.

А в карете, следующей сразу за каретой Редьярда, Его Величество Виньогрет, периодически выглядывая в окно, сверял название улиц с теми, что были написаны на карте Вишенрога, разложенной у него на коленях.

Дома остались позади – кортеж выехал на открытое пространство, отобранное у города для строительства храма. Площадь не пустовала, была запружена народом от границы до границы, обозначенной все теми же гвардейцами в разноцветных мундирах. Люди стояли вокруг котлована, выкопанного под фундамент, люди стояли по его краям, люди стояли внизу. Музыкальные свитки в руках магистратских магов, находящихся в разных углах площади, играли народные песни. В толпе сновали ловкие продавцы, предлагающие тем, кто ждал церемонию, горячее вино с яблочным соком и груши, запеченные в карамели. С нескольких телег, размещенных тут и там, начали раздавать бесплатные «мерзавчики» и разливать вино урожая этого года.

В юго-восточной части котлована, то есть в той части света, где в ласурских храмах располагались алтари, был возведен помост для коронации, оцепленный двумя рядами гвардейцев и боевыми магами Ордена Рассветного Лезвия. Королевские венцы уже лежали на алых бархатных подушечках на специальном возвышении.

Кортеж остановился, движение застопорилось. Первым из кареты вышел Редьярд, подошел к карете Виньогрета, дождался, пока Подгорный король выйдет, и повел его на помост. Им обоим предстояло возложить венцы на королевские головы. Вышедший следом принц Йорли проводил их недовольным взглядом...

Принц Колей подал руку супруге, чтобы проводить ее на первую от помоста скамью. Гаракенка зябко куталась в меха, из-за беременности напоминая огромный помпон. За ними потянулись остальные гости, специальные прислужники провожали их на места согласно рангу.

Наконец, распахнулась дверца первой кареты, из которой вышли Аркей и Бруни. Оба не смотрели ни на помост, ни на беспрерывно падающий снег, ни на приветственно завопившую толпу – они смотрели друг на друга и держались за руки. Так, словно готовились одновременно преступить некую черту, которая должна была навсегда отделить их прошлое от их будущего.

«Ваше Высочество, когда я скажу, скиньте плащ!» – вдруг услышала безмолвный голос Бруни и, вздрогнув от неожиданности, посмотрела на архимагистра Никорин. Та садиться не стала – остановилась рядом с лестницей. По другую сторону лестницы застыл ученик королевского мага, имя которого вылетело у Бруни из головы. «Обещаю, вы не замерзнете!» – лукаво улыбнулась Ники, и Бруни улыбнулась в ответ, подумав, что ее путь рядом с Аркеем не продолжился бы, если бы не помощь этой женщины с пугающими глазами, которая делала добро так, словно переступала через лужу. Невольно она повторила ее полные силы жесты – распрямила плечи, приподняла голову, ощущая тяжесть прически и многочисленных шпилек с наверхиями из радужников.

Крепко сжав руку жены, Аркей первым начал подниматься на помост. Бруни заметила, с какой

гордостью смотрит на него сверху его отец. Пожалуй, никогда еще она не видела на лице всегда скрытного Редьярда таких откровенных эмоций! Неожиданно на душе стало легко. Будто кто-то подтолкнул ее, торопя к королевским венцам, камни в которых переливались сиянием даже в этот сумрачный день.

И снова молитва разнеслась над площадью, сначала ласурская, произносимая Редьярдом, затем драгобужская, в исполнении Подгорного короля. Шум, наполнявший котлован, постепенно затих. Стоя под падающим снегом, люди смотрели на тех, от кого зависело дальнейшее существование Ласурии и, возможно, всего Тикрея.

Зазвучал Ласурский гимн с магического свитка. Медленно опускался на толпу вместе со снегом, словно родился там, в облаках. Один за другим люди начали подпевать, и мощный хор голосов пронесся над Вишенрогом, как осенняя буря.

Архимагистр Никорин запрокинула голову. Варгас Серафин проследил за ее взглядом и увидел, как в серых тучах родилась прореха, стала шире, пропуская еще слабые солнечные лучи.

– Преклоните колени! – приказал Редьярд.

Аркей и Бруни опустились перед ним на колени. Рэд и Виньогрет синхронно взяли королевские венцы и опустили их на склоненные перед ними головы.

– Встаньте! – довольно прогудел Виньогрет. – Да здравствуют король Ласурии Аркей Первый и королева Брунгильда!

Вместе с Аркеем Бруни повернулась к толпе, разразившейся овациями, и вдруг услышала в сознании: «Сейчас!» Словно во сне расстегнула застежку, почувствовала, как спала тяжелая ткань плаща. И в то же мгновение куда-то исчезли шпильки, державшие затейливую прическу. Волосы Бруни каштановым потоком рассыпались по плечам...

– Пресветлая! – воскликнул за ее спиной Редьярд. – Но это же... сама Ласурия!

Облака раздались, словно их раздвинули невидимые руки. Солнечный свет пролился на помост, будто здесь ему была назначена встреча в этот день и в этот час.

Тишина затопила площадь. Люди толкали друг друга и приподнимались на цыпочки, чтобы разглядеть платье королевы – платье, на котором при помощи тканей разных фактур и цветов была изображена вся Ласурия. На лифе возвышались башни Вишенрога. На подоле разлилась Вишенрогская гавань в барашках пены, баюкала корабли у пристани, другие уносила к далеким чужим берегам. Фрагменты ткани были сшиты таким образом, что аппликации казались объемными.

Его Величество Виньогрет изумленно охнул.

Аркей чуть отошел, чтобы разглядеть супругу. На его лице величайшее удивление граничило с величайшим восхищением.

– Ну как? – бледнея от волнения, одними губами спросила Бруни.

На лице Аркея появилась совершенно мальчишеская улыбка, делавшая его ужасно похожим на отца и младшего брата.

– Слава королеве! – вдруг закричал он. – Слава Ласурии!

– Слава Ласурии! – единодушно подхватила толпа. – Слава королеве! Слава королю!

Толпа не успокаивалась еще долго. Уже прошли те, кто приносил клятву верности новым королю и королеве, уже череда карет потянулась в обратный путь, к дворцу, а люди все кричали «Долгие лета!», захлебываясь от восторга.

В одной из карет Варгас Серафин взглянул на сидящую напротив Ники. Архимагистр смотрела в окно, и на ее розовых губах играла легкая улыбка.

– С вышедшим из-за туч солнцем – это вы здорово придумали, Ваше Могущество, – сказал маг. – Получилось очень впечатляюще!

– С солнцем? – Никорин перевела на него взгляд. – Я ничего не делала, Варгас.

– Но... – растерялся он. – Я был уверен, что это ваша выдумка!

– Возможно, это выдумка кого-то еще, – задумчиво произнесла Ники и вновь отвернулась к окну, заставляя Серафина гадать всю обратную дорогу, кого же именно она имела в виду?

Вита вышла из целительного транса с ощущением ужасающей усталости. Да, Сила поддерживала ее, но ей пришлось применить все свои знания и умения, чтобы спасти несчастную девушку, которую демоница буквально изрезала изнутри.

– Вита, выпусти меня, – глухо произнес из-за невидимого щита Альперт.

Вителья сняла щит и взглянула в лицо Таи. Его выражение стало спокойным и светлым, несмотря на кровавые разводы. И оставалось таким даже тогда, когда раздался грохот, дверь в палату попросту исчезла, а на пороге появилась матушка Лисана, грозная как все боевые маги вместе взятые. За ее спиной толпился взволнованный персонал больницы.

– Что здесь происходит? – гневно воскликнула рю Зарис, но увидев Виту, изменилась в лице. – Вителья? Что ты тут делаешь? О, Пресветлая, Альперт, и ты здесь!

Не обращая на нее внимания, Попус метнулся к сестре, опустился на колени, обнял и прижал к себе.

– С Таей все будет хорошо, – хрипло сказала Вита и поднялась, пошатнувшись от утомления.

Дробуш придержал волшебницу за плечи.

– Что здесь произошло? – звенящим голосом спросила Лисана, подходя к ней.

Волшебница не успела ответить: Тая открыла глаза, увидела Альперта и прошептала с изумлением:

– Аля, это ты? Мне кажется, я спала... Почему ты такой взрослый?

Маг с недоумением посмотрел на Виту.

– Вита, – потребовала Лисана, – сейчас же объясни мне, что произошло!

– Ее звали Ванесса... – тихо ответила Вителья. – И ее больше нет. Тая свободна.

Брови целительницы взлетели вверх. Придерживая мантию, она упала на колени рядом с Альпертом и провела руками над телом девушки.

– И правда! – прошептала она. – Я не чувствую демона! Тая, Таечка, девочка... Как ты себя чувствуешь?

Тая зажмурилась.

– Я знаю этот голос, – прошептала она. – Я часто слышала его во сне, он приносил облегчение!

В глазах Альперта стояли слезы.

– Спасибо! – сказал он, обращаясь то ли к Вителье, то ли к Лисане. – Спасибо! Спасибо!

– А где мама? – вдруг спросила Тая. – Папа? Где я, Аля? Что это за место?

– Она ничего не помнит, – пробормотала рю Зарис, поднимаясь с пола.

Вдвоем с Алем они довели Таю до кровати и уложили. Ноги у девушки подгибались. Она еще пыталась что-то спрашивать у брата, но утомление брало верх, и вскоре она заснула, поджав колени к животу и сложив ладони под щекой, словно маленькая девочка.

– Матушка, уберите посторонних, – тихо попросила Вита, глазами указав на толпу за дверью.

Лисана повернулась ко входу:

– Чего столпились? Работы нет? Ну-ка, все по местам!

Коридор опустел в мгновение ока.

– Без двери нехорошо, – заметил Дробуш.

Целительница вздохнула.

– Я ее развеяла. Придется новую заказывать... Итак, Вителья, я хочу знать, что с моей пациенткой!

– Я уничтожила демоницу, – пожала плечами волшебница. – Ванесса больше не угрожает Тае. Но не спрашивайте меня – как. Я не имею права отвечать.

– Значит, твой предыдущий визит сюда имел определенную цель? – продолжала спрашивать Лисана.

– Да, – Вита виновато кивнула. – Я хотела помочь Алю, но тогда еще не знала, каким образом. Для этого мне нужны были сведения о демонах.

Матушка Лисана нахмурилась.

– Значит ли это, что ты сможешь помочь остальным нашим пациентам?

– Возможно, – неожиданно ответил Вырвиглот, не давая Вителье и рта раскрыть. – Нужно подумать над этим!

– Это было бы замечательно, – качнула головой целительница, однако настаивать не стала. – Когда Тая проснется, я отведу ее в купальню. Альперт, тебе лучше побыть с ней и никуда не уходить.

– Я не хочу, чтобы она оставалась здесь! – буркнул Попус, не сводя взгляда с лица девушки.

– Матушка Лисана права, – мягко сказала Вителья, – Таю надо отмыть и переодеть. Я попрошу матушку Ируну найти подходящие вещи и вернусь в больницу. Просто будь с ней.

Маг молча кивнул. В его некрасивом лице светилась такая нежность к сестре, что Вителье захотелось обнять его.

– Пойду, принесу полотенце, хотя бы кровь с лица стереть у бедняжки, – сообщила целительница и вышла.

Альперт поднял голову.

– Вита, думаешь, демоница больше не вернется?

– Нет, Аль. Она мертва.

– А другие демоны могут представлять для Таи опасность?

– Если бы я знала, – вздохнула Вита и прошлась по комнате. – Думаю, если Тая будет постоянно носить защитные амулеты, хуже не будет. Я уже знаю, у кого закажу их – у магистра Фофина, почетного артефактора Королевской магической ложи. Лучше него никто не сделает!

– Это точно, – проворчал Дробуш.

Взгляд Виты упал на лежащую на столе тетрадь. На этих тонких страницах мучилась, погибая, душа той Таи, в которую должна была вырасти маленькая девочка, только что спросившая брата: «Где мама? Папа? Где я, Аля? Что это за место?» Девочка, которая в собственном сознании так и не стала взрослой.

Волшебница покосилась на Альперта, но маг смотрел на сестру и не замечал ничего вокруг. Несколько легких движений пальцами – и тетрадь исчезла.

«Лети, – услышала Вителья голос Кипиша в сознании, – лети прочь, несбывшаяся душа!»

Возможно, в голосе бога ей только послышалась грусть?

Редьярд покинул пир в самом разгаре, когда выпито было много, речи стали вовсе не официальными, но гости еще не настолько ословели, чтобы падать со стульев. Не привлекая лишнего внимания, вышел через потайную дверь залы в коридор, идущий внутри замковой стены, взмахнул заранее припасенным свитком, выпуская стаю магических огней. Перед глазами еще стояли лица Аркея и его жены – светлые, гордые, будто озаренные внутренним светом, но в висок сверлила пустая дорога в ночи. Дорога, которую перечеркивал край Ласурской чаши, как перечеркнул он однажды жизнь самого Рэда.

В его покоях все было готово: несколько запечатанных письменных указаний на столе, дорожный кофр на кровати, рядом – комплект простой одежды. В такую мог бы облачиться странствующий купец.

Когда Редьярд вошел, из кресла у окна поднялся рю Вилль, склонился в почтительном поклоне.

– Что ты здесь делаешь, старый лис? – удивился Рэд, закрывая за собой дверь.

Рю Вилль выразительно посмотрел на кофр и пожал плечами.

– Могу задать вам тот же вопрос, Ваше Величество!

– Я больше не Величество, – буркнул Редьярд, принимаясь переодеваться.

– Но я все еще начальник Тайной канцелярии, – Троян тронул пальцем радужник в ухе, – и поэтому

ведаю обо всем, что происходит во дворце. Я пришел попрощаться. Надеюсь, ты не разгневаешься, старый друг?

– Я к этому близок, – Редьярд застегивал штаны, заправлял в сапоги, – ты прекрасно знаешь, что я хотел бы уйти, не прощаясь.

– И не надо, – улыбнулся рю Вилль, – ведь больше никто не подозревает об этом.

– А Дрюня?

– Шут заперт мастером Пипом в кладовке, и в настоящий момент сладко спит на матрасе дежурного поваренка, периодически икая от количества выпитой ласуровки.

– Он напился? – удивился Рэд.

– В зюзю, – кивнул начальник Тайной канцелярии, не улыбаясь. – Его скорбь велика... Моя тоже.

– Прекрати, – поморщился Редьярд, – все решено. Лучшие годы своей жизни я отдал Ласурии и этой мышеловке, называемой дворцом. Теперь у меня есть достойная замена, а я свободен делать все, что пожелаю. А я желаю свалить отсюда куда подальше!

– Чаща не так далеко, как кажется, – хмыкнул рю Вилль.

Редьярд метнул в него яростный взгляд.

– Тебе что-то известно? ОНА все еще там?

Троян неожиданно направился к двери. Лишь у порога обернулся.

– Прости, Рэд, я не стану подсказывать судьбе ее пути. Делай, что решил!

С минуту бывший король Ласурии и действующий начальник Тайной канцелярии мерили друг друга взглядами, затем шагнули друг другу навстречу и обнялись.

– Если того потребует долг перед Родиной, я тебя найду, где бы ты ни был, – пригрозил рю Вилль и отступил на шаг назад. – До свидания! Удачи!

Он резко развернулся и вышел.

Какое-то время Редьярд смотрел на закрытую дверь, затем встряхнулся, словно медведь, вылезший из воды, окинул взглядом покои, которые уже не считал своими, подхватил кофр и вышел, вновь используя потайную дверь.

Стрема лежал у дверей конюшни. Увидев хозяина, вскочил, виляя хвостом и приплясывая – чуял долгую дорогу, быстрый бег, ветер свободы на кончике носа. Потрепав его по загривку, Редьярд вошел в конюшню, оседлал любимого жеребца и вывел во двор. Сел в седло, шагом подъехал к воротам, повелительно взмахнул рукой. Створки нехотя распахнулись – мышеловка не желала выпускать жертву.

Редьярд вздохнул облегченно лишь тогда, когда замок остался далеко позади. Ехал шагом, обезлюдевшими улицами – народ праздновал коронацию на ярко освещенных центральных проспектах и площадях. Запрокидывал голову и смотрел, как перемигиваются звезды между крышами домов, как колыхнется сохнувшее на веревках белье. Вдыхал запахи города, запахи, бывшие ему родными столько лет. И в сердце разжималась невидимая пружина, которая столько лет заставляла его биться ровно. Сдерживая. Убивая. Индари свидетель – он не вернется во дворец! Какой бы стороной шлюха-жизнь не повернулась к нему...

Редьярд пустил коня рысью, а миновав городские стены – в галоп. Слева стелился над дорогой Стрема: серая, безмолвная, стремительная смерть с оранжевыми глазами. Сплетенного из трав ошейника в густой шерсти видно не было.

Небо над головой лишилось седины огней Вишенрога и расцвело звездами. Залитая призрачным светом луны дорога казалась покрытой льдом. Снежная поземка вилась вокруг конских копыт, мерно стучащих по земле. Сердце Редьярда билось все сильнее, а боль, поселившаяся в нем в последнее время, отступала. Покачиваясь в седле, Рэд гадал – к добру или нет?

Стена Ласурской чащи появилась внезапно – черные башни леса поглощали лунный свет. Редьярд съехал с дороги в поле, засыпанное снегом, из-под которого проглядывали стебли жнивья, и вновь пустил коня шагом. А затем и вовсе спешился, взяв жеребца под уздцы. Едва видимая тропинка манила к себе, звала провалиться в темноту леса, дабы утопнуть в ней навсегда – это было и страшно, и завлекательно. Впрочем, Редьярд мало чего боялся в своей жизни, а если и боялся – старался не показывать вида.

Стрема гавкнул и исчез между деревьями. Затем вылетел на поле, еще раз гавкнул и снова нырнул в чашу. Рэд знал, что пес не убежит больше. Отныне у них был один путь на двоих.

Сделав глубокий вздох, Редьярд перешагнул невидимую черту, которая столько лет была для него нерушимой стеной. Жеребец послушно двинулся следом.

Тропинка прихотливо извивалась, над ней склонялись широкие листья папоротников, иногда полностью скрывая ее, но Рэд мог бы пройти здесь с закрытыми глазами, потому что помнил каждый поворот, каждый изгиб, каждый корень под ногами. Сколько раз, сгорая от страсти, он торопился миновать их! И было трудно дышать, когда он не смотрел в черные, полные неведомой тайны глаза... Сколько раз после он проклинал и их, и эту тропинку, и этот лес – безмолвного свидетеля тайных встреч наследника престола и ведьмы!

Стрема энергично шуршал в кустах, вспугивая птиц, устроившихся на ночлег под укрытием зарослей. Лунное сияние почти не проникало под лесную крону, но удивительным образом свет Рэду и не требовался. Не по лучу ли от света своего сердца он шел сейчас?

Пес рванул вперед, скрылся за деревьями и вскоре из-за них раздался ликующий лай.

Редьярд замедлил шаг, хотя конь тянул вперед, чуя жилье, и, наконец, вышел на поляну, со всех сторон окруженную лесом, как выходят олени на водопой – сторожко, вскидывая голову и оглядываясь. Только что ушами не прядал.

Закутанная в черное фигура неподвижно сидела на большом камне рядом с крыльцом все еще крепкой избушки. Лица сидящей он не видел, но сразу понял, кто перед ним. Пальцы ослабли, и Рэд выпустил поводья. Конь радостно порысил к ручью, разделявшему полянку надвое.

Женщина не шевельнулась. Ждала своей участи или готовилась бросить очередную порцию проклятий ему в лицо?

– Ты отняла у меня собаку! – сердито сказал Рэд, подойдя к ней.

А что еще он мог сказать?..

Она медленно обернулась, и он задохнулся от того, как она прекрасна. Да, годы и беды наложили свой отпечаток на ее лицо, но тьма в прекрасных глазах все также завораживала, заставляя его забыть обо всем. Даже о собственном гневе.

– А ты разбил мое сердце на тысячу осколков, и ни один не вернул... – ответила она.

В звенящей тишине Редьярд опустил на колени и склонил голову.

– Я принес взамен свое, – тихо произнес он, и узкая женская ладонь легла на его затылок.

Архимагистр Никорин, стоя на самой высокой башне дворца Ласурских королей, наблюдала за небом, расцвеченным грандиозным фейерверком в честь коронации Аркея и его жены. Огромное количество магов – из Орденов, расположенных в столице, и из регионов, заранее прибыли в Вишенрог, чтобы поучаствовать в этом действе. Волшебники заполнили палубы стоящих в порту кораблей, городские сады и крепостные стены, по согласованному ранее плану наколдовывая сверкающие картины на небесах, которые сменяли одна другую на радость ласурцам.

Стоящий рядом ученик королевского мага, запрокинув голову, любовался зрелищем и улыбался совершенно по-детски. Ники покосилась на него, сдержала вздох. Когда-то она, обретя ужасающую Силу, пыталась научиться вновь относиться к миру с ребячьей непосредственностью. Но и те времена давно прошли!

– Вы не радуется, Ваше Могущество? – взглянув на нее, спросил Варгас. – Почему? Это же триумф Ласурии!

– Что все триумфы в череде веков? – пробормотала архимагистр, разглядывая сияющую рыбу-солнце, проплывавшую над головой. – Они красочны, но кратковременны. Вспышка света в темноте – всего лишь миг радости.

– Мне не нравится ваше настроение, Ники! – Серафин облокотился на парапет рядом с ней. – Все хорошо, так что вас беспокоит? Неужели вы из тех, кто считает, что за благополучием обязательно следуют беды?

– Вы стали более откровенным, Варгас, – усмехнулась Никорин, оборачиваясь к нему. – Отчего?

Маг улыбнулся. Ники понравилась его улыбка, даже мелькнула мысль затащить белокурого красавца в постель и проверить на прочность. Но она прогнала похоть прочь. Одним белокурым красавцем больше, одним меньше – сердце все равно бьется ровно.

– Я же здесь надолго, не так ли? – пожал плечами Серафин. – Раз уж вы сами выбрали мою кандидатуру в ученики королевского мага, я больше не вернусь к выполнению боевых заданий, мой пост отныне – королевский дворец и его обитатели. Мне было непросто принять этот выбор, но я смирился. Вы обещали мне долгие годы жизни, и глядя на мэтра Квасина, я понимаю, что так оно и есть. Это значит, что мы с вами, Ники, будем общаться очень и очень долго, а я предпочитаю откровенность интригам, особенно с теми, кто может прикрыть меня в бою, или кого предстоит защищать мне. Так что вас беспокоит?

Архимагистр, не отвечая, перевела взгляд на небо, где рассекал волны наколдованный Ласурский флот. Небесное море сверкало тысячами искр, и это было так красиво, что можно было забыть обо всем!

– Когда-нибудь я буду с вами достаточно откровенна, обещаю, – произнесла она, не глядя на него. – Но еще рано. Это себе вы кажетесь опытным магом, чья карьера стремительно взлетела вверх, а для меня Варгас Серафин – несмышленное дитя.

Несколько мгновений маг изумленно смотрел на нее, но затем рассмеялся.

– На вас глупо обижаться, Ваше Могущество, это как обижаться на ветер, что сдул шапку или на дождь, что намочил одежду. Я ловлю вас на слове и буду ждать обещанного откровения!

– Хороший у вас характер, – хмыкнула Ники, – какой-нибудь девушке повезет иметь такого покладистого мужа!

Поглощенная тающими в небе искрами архимагистр не заметила, как улыбка пропала с его лица.

Празднества длились несколько дней подряд. Сколько вина было выпито, а мерзавчиков съедено, подсчитать никому не удалось. Спустя седмицу Вишенрог начал постепенно возвращаться к обычной жизни, хотя череда приемов и балов во дворце продолжалась.

Когда Драгобужское посольство вновь открыло свои двери, Йожевиж Агатский, Синих гор мастер, вздохнул с облегчением. Всеу свое время – время праздновать и время работать, но коли славно отпраздновал и выходишь на работу, на сердце становится как-то спокойнее, что ли.

Сидя за столом в своем маленьком кабинете, Йож разбирал почту, поступившую за прошедшее время. Административные вопросы, хозяйственно-бытовые, протокольные, сообщения от гражданских лиц...

Ровные – любо-дорого смотреть! – стопки писем постепенно вырастали на столе, напоминая странные грибы из Лималля, будь они неладны вместе с проживающими там эльфами. Скоро придет курьер и заберет бумажки – разносить по кабинетам.

Письмо было упаковано в сизый конверт с печатью Гильдии сталелитейщиков, однако на нем красовалось имя самого Йожевижа. Удивленно почесав бороду, почтенный мастер вскрыл письмо и еще больше изумился, когда на столешницу выпал клочок бумаги, на котором что-то было написано от руки. Он поднес клочок ближе к глазам и впал в ступор, разглядев неровный росчерк подписи. Еще недавно она была известна немногим. Но многое изменилось с тех пор.

Йож закончил рабочий день, как во сне. Раскланялся с коллегами и поспешил на улицу. Завернул за угол, так, чтобы не было видно посольства, остановился, подставив горящее лицо ветру и крепко выругался. На душе полегчало. Как бы то ни было, за свои поступки рано или поздно полагалось отвечать!

В этом трактире в Сакральном квартале почтенному мастеру бывать не приходилось. Зал был почти пуст, поэтому широкоплечую фигуру в капюшоне Йож заметил сразу – в углу, у окна. Мысленно попросив помощи у Братьев, он решительно направился туда.

– Никаких регалий, почтенный мастер, – остановил его низкий голос, когда он собирался было поклониться со всем полагающимся уважением, – я здесь инкогнито.

Йожевиж поднял глаза и уперся в ледяной взгляд голубых глаз. Об такой можно было слету разбиться в кровь.

Видел Йож в своей жизни, особенно в последней ее части, всякие опасности, но вот эта, пожалуй, была пострашнее остальных. Однако без боя он сдаваться не собирался, ибо было за что биться!

Поклонившись обычным поклоном, как положено одному уважающему себя мастеру приветствовать другого, Йожевиж сел напротив, спиной ко входу, сложил на столе узловатые руки и произнес:

– Добрых улыбок и теплых объятий, уважаемый мастер! Рад приветствовать вас в славном городе Вишенроге!

- Врешь, не рад! - вдруг ахнул ладонью по столу собеседник. Его великолепная рыжая борода затряслась от негодования. - Небось уже думаешь, куда вам с Виньо унести ноги от моего гнева?

Йожевиж помолчал, разглядывая короля своей страны. Страны, из которой он был вынужден бежать вместе с Виньо.

- Я уже не в том возрасте, чтобы бегать, почтенный мастер, - наконец, ответил он, отмечая, как изумленно взлетели такие же рыжие, как и борода, брови Виньогрета. - Да и Виньо нужен свой дом, свое хозяйство, как и подобает уважающей себя гномелле. Здесь, в Вишенроге, у нас все это есть.

- А может и не стать, - проворчал Виньогрет и натянул глубже капюшон, скрывая лицо.

- Может, - согласился Йож, - ведь все мы смертны.

- Да я про другую причину, - возмутился король.

- Другой причины для нас с Виньо быть не может, - твердо сказал Йожевиж, встал и поклонился. - Если это все, что вы пожелали мне сказать, я, пожалуй, пойду. Хочу провести последние отпущенные мне мгновенья жизни с любимой женой.

- Сядь, - рявкнул король и крикнул трактирщику: - Любезный, принеси нам самого лучшего пива!

- Уже несу! - пропел тот - не повиноваться низкому голосу посетителя было решительно невозможно.

- Давай выпьем, зять, - понизив голос, произнес Виньогрет. - В одном ты прав - заячью жизнь нужно прекращать. Я от вас внуков ждать буду, а бега внукам не способствуют.

- Да?! - изумился Йожевиж и сел.

- Да, - кивнул король. - Я на тебя зол, почтенный мастер, очень зол, и еще долго зол буду! Ты обманом проник в мой дом и соблазнил мою дочь, совсем еще девчонку! Но я вижу, что ты любишь ее и относишься к ней с уважением. На смерть вон собрался ради... Поэтому я умерил свой гнев и решил познакомиться с тобой поближе. Для начала, мастер Йож, расскажи-ка мне о том, что вы делали, когда покинули Синие горы?

Йожевиж почувствовал, как заалели кончики ушей. Он не только увел Виньо из дома, но и сделал ее преступницей-контрабандисткой! А после и вовсе Ласурской шпионкой!

Принесли пиво. Первую кружку гномы, чокнувшись, выпили молча. Один раздумывал над тем, что расскажет, а другой - над тем, что услышит. Пиво оказалось, действительно, хорошим. Настолько, что Виньогрет затребовал еще. Пока трактирщик бегал туда-сюда, ставя на стол жареные в специях свиные ребрышки, холодец, маринованные грибочки с лучком и много-много пива, Йожевиж мысленно составлял план того, что следовало, а что не следовало говорить тестю. После второй кружки ему стало легче. Нет, крепкие духом уважающие себя мастера не пьянели от такого легкого напитка, пили его, как воду, дело было в другом. Йож подумал и принял решение - нельзя строить отношения с отцом жены со лжи или уловок. Он расскажет все, как есть. А там уж будь, как будет!

После третьей кружки он заговорил. События тех дней стояли перед глазами, словно случились только вчера. Как они бежали с Виньовиньей, переодетой мальчишкой, из Аркандитроги, каким острым было чувство абсолютного счастья, что они, наконец, вместе. И ни еда была не нужна, ни вода, ни пиво... Только прикосновения любимых рук, дыхание любимой на его щеке. Как бродяжничали, скрывались в лесах, ночевали в придорожных трактирах, в одном из которых и познакомились с мрачным ласурцем по имени Яго и его другом-оборотнем, которые предложили им присоединиться к ним в путешествии. И о самих путешествиях...

Кружки Йожевижа пустели, а он все говорил и говорил. Его Подгорное Величество давно позабыл о своем пиве, блестя глазами, слушал о приключениях, которые и не снились почтенному Синих гор мастеру-сталелитейщику. Когда Йож рассказывал о Лималле, Виньогрет даже ладонью застучал по столу, не желая ждать, когда собеседник промочит пересохшее горло очередным глотком.

Бедный трактирщик запыхался, но с его лица не сходила улыбка. Посетители из Сакрального квартала пили мало, на угощения тратились скупно. А тут пришли два гнома и за один вечер сделали вырубку нескольких дней!

Йожевиж не скрыл от подгорного короля ничего. Рассказал и о том, как произошло знакомство с Кипишем, и том, какую роль играл и играет божок в их сегодняшней жизни. Когда он замолчал, Виньогрет выдохнул так шумно, будто стоял на вершине горы и готовился броситься вниз, да не пришлось!

- Ягорай рю Воронн, - наконец, произнес он, - я запомню имя. Этому человеку Драгобужье обязано

миром с Ласурией и, возможно, с Независимым подгорьем.

Йож молча кивнул. Если Яго произвел на короля большее впечатление нежели бог Хаоса – так тому и быть!

– И в страшном сне мне не приснилась бы такая судьба для моей дочери, – продолжал Виньогрет, тяжело глядя на собеседника, – но, Аркаеш меня побери, это так увлекательно! Как думаешь, зять, захочет ли Виньо рассказать мне обо всем сама? Я бы послушал еще раз из ее уст.

Йожевиж невольно усмехнулся в бороду – недоверчив Его Подгорное Величество! Желает сверить показания преступников.

– Ежели вы придете с миром, наш дом открыт для вас, – склонил голову он. – Но лучше сообщить нам заранее о визите, ведь мы – гномы заняты. Я в посольстве пропадаю, а супруга моя – в народной больнице целительствует. Нас и дома-то почти не бывает.

– Экий наглый ты гном, почтенный мастер! – вдруг захохотал Виньогрет и со всей силы хлопнул его по плечу. – Чую, за тобой моя дочурка, как за каменной стеной!

Потирая плечо – бил король изо всей королевской силы – от души, надо полагать! – Йожевиж пробормотал:

– Благодарю, Ваше Величество!

Его Подгорное Величество Виньогрет вернулся в гостевые покои, любезно предоставленные принимающей стороной во дворце, только к обеду. Свита сбилась с ног, разыскивая своего короля, и уже готова была обвинить ласурцев в том, что они его пленили. Когда суматоха стихла, и король, наконец, остался один, он подвинул к себе привезенное из Аркандитироги зеркало связи и тронул амальгаму.

– Мой король, – послышался хриплый голос, и в зеркале появилось лицо Драгобужского архимагистра.

– Расскажите мне о старых богах Тикрея и Вечной ночи, Ваше Могущество, – сказал Виньогрет, стараясь, чтобы слова не прозвучали как приказ. – Пора обновить память!

Драгодруг Синих гор мастер бросил на него острый взгляд из-под кустистых бровей. За недолгое время правления Виньогрета он уже понял, что король ничего не делает просто так, однако начал рассказывать, не задавая вопросов. Каждый должен заниматься своим делом, и если Виньогрет решил заняться старыми богами, без помощи архимагистра ему не обойтись. Так что рано или поздно он, Драгодруг, все узнает.

Когда он замолчал, Виньогрет задумчиво поскреб огненную бороду пятерней и задал философский вопрос:

– И почему они не могли жить мирно?

– Власть, Ваше Величество, – пожал плечами Драгодруг. – Жажда власти ослепляет.

– Все, что ослепляет, вредно для здоровья, – пробурчал Виньогрет и резко сменил тему. – Мне искренне жаль, Ваше Могущество, что вы не могли присутствовать на церемонии коронации. Это было воистину прекрасное зрелище!

Архимагистр ухмыльнулся в бороду:

– Я знаю, Ваше Величество.

– Вы?..

– Подглядывал, да, – рассмеялся маг. – Не мог же я мог пропустить такое судьбоносное событие? Меня поразило платье Ее Величества Брунгильды. Я никогда не видел ничего подобного, оно сродни ювелирным шедеврам наших мастеров! Я слышал, что королевский портной – гном. Если платье – его рук дело, я горжусь тем, что он – мой соотечественник.

– Да?! – изумился Виньогрет. – Королевский портной – гном? Впервые об этом слышу.

– Разве королям положено интересоваться портными? – ответно удивился архимагистр. – Ну если только им не предстоит примерка нового одеяния?

– Пожалуй, что нет, – согласился Его Величество. – Но этим портным я поинтересуюсь!

Большая тронная зала впервые за все время своего существования вмещала столько оборотней,

сколько в этот пасмурный день – их было гораздо больше, чем людей. Собственно, людей присутствовало лишь трое: король Аркей, первый министр и начальник Тайной канцелярии. Главы ласурских кланов сумрачно переглядывались друг с другом. И молчали. О дружелюбной политике Аркея в отношении оборотней всем было известно, но к этой дате многих из них, отказавшихся посетить столицу по вежливому приглашению короля, доставили под конвоем. И что это означало, никто не мог предположить.

Вошли еще несколько оборотней, минуя кордон синих и черных мундиров за дверями, и Рю Вилль, заглянув в длинный список, который держал в руках, наклонился к Его Величеству, сидящему на троне:

– Теперь все.

Выражение лица короля не изменилось.

Троян отступил назад, стремясь уйти с первой линии, пожираемой сотнями глаз. Оборотней начальник Тайной канцелярии не боялся, он вообще не любил бояться, однако под ждущим взглядом глаз с нечеловеческими зрачками становилось неуютно.

Несколько оборотней, стоящих впереди, неожиданно отшатнулись. На прежде пустом месте появилась архимагистр Никорин в черных обтягивающих брюках, голубой бархатной короткой курточке и такого же цвета ботфортах. Насмешливо оглядела отшатнувшихся, заставив их бледные щеки стать пунцовыми, поднялась по ступенькам к трону. Остановилась слева, там, где ранее стоял рю Вилль. Ее появление стало апогеем для напряжения, царившего в зале. Один из оборотней, мощный, темноволосый мужик, заросший бородой по самые глаза, шагнул вперед.

– Ваше Величество Аркей, – громко сказал он, – мы хотим знать, что происходит? Зачем нас собрали?

– Ваше имя? – негромко спросил король, однако его услышали даже в дальних рядах.

– Торн Сорен из Бурых Отшельников.

– Я бы тоже хотел знать, что происходит, Торн Сорен из Бурых Отшельников, – сказал Аркей, – может быть, вы мне скажете?

На лице главы клана проступила растерянность.

– Хорошо, – так и не дождавшись ответа, мягко произнес король, – тогда скажите мне, сколько оборотней потерял ваш клан из-за бешенства?

Сорен поморщился, будто у него разом заболели все зубы и рывкнул:

– Около половины.

– Я бы на вашем месте добавила «Ваше Величество» и сбавила тон, Торн из Бурых Отшельников, – мурлыкнула Ники, разглядывая свой маникюр.

Оборотень до хруста сжал кулаки, однако послушно добавил:

– ...Ваше Величество.

– Потери вашего клана – триста сорок шесть членов! – неожиданно жестко сказал король. – Клана и так немногочисленного. Природа Узамора, где вы обрели дом, сурова, и уменьшение вашей популяции может привести к полному вымиранию. Скажите мне, что это не так?

Сорен смотрел на Аркея, открыв рот. Выражение изумления на грубом заросшем лице было таким забавным, что архимагистр едва сдержала смехок.

– Ваш клан, – король указал на невысокого широкоплечего оборотня с живыми карими глазами и туго заплетенной каштановой косой, – Отон Саден из Болотных Затворников, лишился трехсот оборотней. Ваш – Минс Зинур из Рыжих Сонь, всего пятерых, но среди них оказался ваш старший сын Рокс. Ваш...

Его Величество переводил взгляд с одного главы клана на другого, называя количество погибших. Темные глаза короля казались двумя омутами, непонятными и страшными. От его спокойного голоса в жилах стыла кровь, даже у оборотней, для которых понятие страха отсутствовало. Одно дело хоронить близких и совсем другое – оказаться в стальных объятиях статистики. Холодных, безо всяких эмоций, цифр, за которыми скрылись те, кого ты знал, любил, с кем вместе охотился и отдыхал, дружил, растил детей, разговаривал по душам.

– Многие из них погибли, участвуя в нападении на Вишенрог, – безжалостно продолжал король, – но

мне хочется думать, что они были заражены против своей воли и не понимали, что делают. И пока я буду думать именно так...

Аркей обвел взглядом присутствующих. В зале стояла гробовая тишина.

– А теперь скажите мне, это вы потеряли их, детей своих кланов?

По залу пошли шепотки. Оборотни в растерянности переглядывались: ответ на вопрос был очевиден!

– Я не слышу! – все так же негромко произнес король. – Или вы отказались от тех, кого унесла болезнь?

– Нет! – вскричали сразу несколько голосов. – Мы потеряли их, своих братьев и сестер!

И нестройный хор продолжил:

– Ваше Величество, наши потери велики, вы правы!

– Мы потеряли их...

– Их больше не вернешь.

Аркей встал.

– Вы лжете! – голос короля походил на раскат грома. Никто из оборотней не ожидал, что Аркей может так рыкнуть. – Вы все лжете! Не вы потеряли своих детей, главы кланов, а Ласурия потеряла своих граждан! Я, король Ласурии, потерял своих детей! Мне нет разницы, были они из человеческих семей или оборотничьих кланов: те, кто убивал на улицах Вишенрога, те, кто погибал от клыков на тех же улицах! Мне-нет-разницы! Ваше нежелание помогать нам, ваше попустительство привело к катастрофе, произошедшей в столице и окрестностях. Несколько кланов просто исчезли с лица земли, например, клан Смертей-с-Ветки. Это вас мне нужно обвинять в массовой гибели!

Ники с интересом наблюдала за реакцией присутствующих, на чьих лицах смешались множество эмоций: от изумления до ужаса.

Дверь в залу приоткрылась, и гибкая красноволосая фигура скользнула внутрь.

Архимагистр прищурилась.

– Мой эмиссар посетил каждого из вас, – чуть сбавив тон, продолжил Его Величество, – и каждому сообщил об опасности, равно угрожающей и оборотням, и людям...

Лихай остановился в дверях, и сразу несколько голов повернулись к нему. Остальные оборотни, даже и не глядя на Торхаша, уже знали о его присутствии. Если кто-то из них и хотел бы сказать, что никакого эмиссара в глаза не видел, момент был упущен.

– И что вы сделали, чтобы предотвратить беду? – спросил Аркей и горько довершил: – Ничего! Вы не защитили ни себя, ни людей!

В толпе пронесся шелест, будто ветер пробежал в камышах.

– Никого! – снова рявкнул Аркей, и шелест мгновенно смолк. – Жители Вишенрога, невзирая на то, кто они – люди, гномы или оборотни, помогали друг другу спастись от бешеных, солдаты Ласурии защищали всех, кого можно было защитить! А вы? Что делали вы? Попроси вы помощи, я усилил бы ваши кланы силами ласурской армии! Вы молчали...

Король тоже замолчал и опустил на трон.

Ники чуть повернулась, чтобы видеть его – Аркей ей всегда нравился, хотя и казался темной лошадкой после простого и понятного, как стопка ласуровки, Рэда. Но от такого Аркея она была в восторге!

Рю Вилль блестел глазами из-за трона, как бешеная кошка. Первый министр Свин выглядел бледно, но решительно, и со свойственной ему методичностью кажется прикидывал, когда именно взбешенные оборотни начнут рвать на части тех, кто стоит рядом с троном.

После слов короля никто не решался заговорить первым.

– К тем кланам, члены которых были заражены и участвовали в нападении на Вишенрог, никаких санкций применено не будет, – после продолжительного, так никем и не нарушенного молчания,

проговорил Аркей, и единый вздох облегчения пронесся по залу, заставив колыхаться гобелены, украшавшие стены, – но вам придется – хотите вы этого или нет! – сделать выбор: в пользу собственной мифической свободы и независимости или в пользу Ласурии. В течении месяца вы должны определиться, хотите ли вы остаться в моем государстве, подчинять моим законам и быть под моей защитой наравне с гражданами Ласурии, или нет. Тем, кто хочет этого, я даю слово, что буду заботиться и защищать их так же, как и остальных. Те же, кто решит, что им не по пути с Ласурией... – Аркей замолчал и оглядел присутствующих, и каждому достался по-рядовски тяжелый королевский взгляд. А затем король продолжил: – Такие кланы покинут нашу страну в течение трех месяцев, начиная с сегодняшнего дня.

Казалось бы, тишина глумилась над тронной залой, то появляясь, то исчезая, но в этот раз она стала тишиной, наступившей после удара палаческого топора.

Ники оглядывала лица присутствующих, стараясь не думать о красноволосом оборотне, который застыл в дверях. Но он о ней помнил. И она чувствовала его интерес, словно жало, проникшее в сердце. Вновь появилось и исчезло перед глазами видение простора, полного желтого песка и бледно-голубого неба. На мгновение архимагистр зажмурилась – обжигающий взгляд Лихая мешал ей сосредоточиться на происходящем, а отвлекаться не следовало. Сейчас от оборотней можно было ждать любой реакции.

Король встал и сошел со ступенек ведущего к трону возвышения. Ники едва не пропустила этот момент, думая о Лихо, поэтому поспешила за Аркеем, приготовившись отразить нападение любого из толпы. Рю Вилль и министр Свин казались тенями за королевской спиной.

Ошеломленные неожиданной вестью оборотни выглядели растерянными, но архимагистр вздохнула спокойно, лишь когда Его Величество достиг дверей и поравнялся с Лихаем. Спустя мгновение и она очутилась на одной линии с Торхашем, и едва не отшатнулась – так физически ощутимо потащило их друг к другу.

Лихай вышел вместе с ними. Двери закрылись, но тишина, царящая в зале, была недвижимой. Как и палаческий топор после своего удара.

По залитым лунным светом, припорошенным снегом дорожкам дворцового парка, шли двое. Их походка была усталой – так гуляют люди, у которых закончился длинный рабочий день.

Лунный луч, пробираясь сквозь ветви кустарникового лабиринта, высвечивал то красную косу, то темную прядь.

– Они смирятся, Арк, – произнес обладатель красных волос. – Им придется.

– Как думаешь, многие из них решаться покинуть страну? – луч выхватил сумрачный взгляд говорившего.

– Чувствуешь себя виноватым? – с мягкой усмешкой уточнил Торхаш. – Не стоит.

Его Величество качнул головой.

– Не виноватым, нет... Но они жили в Ласурии.

– У них было много времени, чтобы решить, нужна ли им Ласурия, – пожал плечами Лихай. – Ты сделал, что мог! Больше тебя для оборотней в этой стране не делал никто, поверь!

– Ты сделал, Лихо, – качнул головой Аркей. – И едва не погиб, пытаясь разгадать тайну болезни.

– Мне полагается награда? – засмеялся Торхаш.

– Ну... вообще-то да, – наконец, улыбнулся король. – Проси, чего хочешь!

Смех оборотня смолк, будто заблудился в темноте. Лихай остановился.

– Отпусти меня, – тихо сказал он. – Разреши уехать.

– Уехать? – изумился Аркей. – Куда?

Торхаш достал из кармана мундира письмо, протянул.

Лунный луч высвечивал одну строчку за другой. Король читал долго – перечитывал несколько раз. Затем поднял на Лихая удивленный взгляд.

– Ты этому веришь? Здесь нет ни подписи, ни обратного адреса...

– Я не настолько наивен, чтобы верить анонимке, – скрипнул зубами Торхаш. – Но я не могу делать

вид, что не читал этого письма. Если есть хоть один шанс найти кого-то из моего клана, я обязан им воспользоваться. И еще кое-что... – Он замолчал.

Аркей не торопил друга. Слишком много дорог было пройдено вместе, слишком многое пережито. Он знал, если Лихай решил – его ничто не остановит, даже королевский приказ.

– Вот здесь, – оборотень прижал ладонь к сердцу. – Такое чувство, что этот путь не ведет в никуда. А я предпочитаю доверять интуиции.

Король молчал, разглядывая накрытый покровом темноты сад в пятнах лунного света. Он с самого детства понимал, как много теряет тот, кто достигает вершин власти... Но такой потери не ожидал.

– Ты нужен мне здесь, Лихо, – произнес он и вновь замолчал.

Торхаш терпеливо ждал.

– Не жди, что я позволю тебе уйти в отставку! – холодно сказал Аркей и двинулся по дорожке вглубь сада. – Отправишься в бессрочный отпуск.

– Благодарю, Ваше Величество, – пробормотал Лихай.

Он следил за тем, как скрывается в темноте высокая фигура короля, но не делал попыток догнать, – знал, что Аркей хочет остаться один. Ведь слишком много дорог было пройдено вместе.

Вокруг расстилалась белая равнина, лишь кое-где торчали серые скалы и елочки с искривленными стволами. Над этим «великолепием» раскинулось утреннее голубое небо, без единого облачка. Белое с голубым, смешиваясь, превращалось в слепящее сияние.

– Впору ослепнуть, – пробормотал Грой, щурясь, – для чувствительных глаз оборотня свет был слишком ярким.

– У весеречских магов можно купить свиток с заклинанием, оберегающим зрение, – сказала Руфусилья, сидевшая в седле позади Вироша. – Жаль, в той деревеньке, где мы останавливались на ночлег, магов не было.

– Грой, прости, такого заклинания я не знаю! – Вителья, которая ехала впереди, рядом с Ягораем, обернулась. – Аль, а ты?

– Я тоже, – покачал головой маг, – вернемся домой – обязательно отыщу и выучу!

– Ты бы веки прикрыл, уважаемый Грой, – посоветовала Тори. Младшая рубака сидела в седле за Попусом и с удовольствием вертела головой по сторонам. – Мы-то с сеструхой привычные, учились здесь когда-то. Бегали по снегам этим в полной боевой выкладке, да, Руф?

– Да, Тори, – усмехнулась старшая гномелла. – Правда, мы бегали не столько по снегам, сколько под снегами! – она захохотала.

Смех Торусильи вторил ей.

– Закрывай глаза, – велел Ягорай и отобрал у Гроя поводья его коня, – уже скоро доберемся до пещеры Черной королевы.

Вирош с облегченным вздохом закрыл глаза и с грустью подумал, как понравился бы этот снежный простор Дикраю и Тарише. Но Тариши не было в живых, а Денеш слишком ослабел, чтобы отправиться с ними, и его пришлось оставить в Вишенроге.

– Хорошо хоть дорога наезжена, – не умолкала неугомонная Торусилья, – не заблудимся, как тогда, у Белой горы.

– Я читал, что могила последней королевы Весеречья считается чудотворным местом и помогает в исцелении бесплодия! – важно заявил Вывиглот.

Вителья засмеялась:

– Мы все это читали перед тем, как началась миссия, Дробушек!

– Судя по дороге, сюда со всей Ласурии съезжаются страждущие, – заметил Альперт.

– Э-э, нет, уважаемый маг, – воскликнула Тори, – выше бери – со всего Тикрея! – И тут же воскликнула: – Смотрите вперед!

Дорога повернула, и за поворотом открылось расчищенное от снега поле, на дальнем конце

которого, в рощице из уже знакомых путешественникам кривых елочек, виднелось возвышение. В нем открывался черный зев пещеры в острых сосульках, напоминающих зубы.

– Похоже на звериную пасть! – воскликнул Грой, разлепив веки и отчаянно щурась. – Какая прелесть!

– Какой ужас! – пробормотал Альперт.

Тори захихикала, спрыгнула с седла и с невероятной для гномеллы живостью побежала вперед.

Яго прищпорил своего коня и, оказавшись у пещеры первым, спешил и подошел к входу.

Из разверстого зева пахло холодом. Справа, под навесом из ветвей, стояла корзина с факелами, по всей видимости, для паломников.

– Ух, какая пещерища! – с любовью сказала Руфусилья, слезая с коня.

Тори уже нырнула внутрь и выскочила наружу, сообщив:

– Похоже, ступени вниз изо льда вырублены. Идти надо осторожно.

Вирош шагнул в полутьму и застонал от наслаждения.

– Здесь и оставайся, уважаемый Грой, – усмехнулась Руфусилья и принялась стаскивать дорожный кофр с седла. – А мы пока морсу согреем, покушать сообразим!

– Какой покушать? – возмутилась Тори. – А спускаться?

– Кто-то должен остаться лошадей сторожить, – с укоризной сказала старшая гномелла. – Уважаемый Альперт, ты со мной?

– Я с вами, уважаемая Руфусилья! – поклонился маг. От одного взгляда на пещеру его передергивало.

Вита зашла внутрь и остановилась рядом в Вирошем, следя за собственными ощущениями. Здесь вполне мог располагаться могильник – этим и объяснялось бы чудотворное действие пещеры. Но Сила волшебницы никак не реагировала.

Вителья выпустила магических светляков, и они усеяли потолок и стены пещеры, осветив идеально ровные, поблескивающие ступени.

– С таких полетишь – не соберешь костей, – сообщила Торусилья, остановившись позади нее.

– Лететь придется долго... – проворчал Дробуш, заглянув в темноту, и на всякий случай придержал Виту за локоть.

Она посмотрела на него с благодарностью и вдруг обратила внимание на Ягорая. Ласурец стоял на границе света и тьмы, и словно прислушивался к чему-то.

– Так вы идете? – крикнула Руфусилья. – Давайте, я как раз пока поесть приготовлю.

Рю Воронн двинулся вперед. Вителье хотелось спросить у него, что он чувствует, но она не стала. Спросит потом, а пока важнее не отвлекаться и искать могильник. Вирош замыкал шествие.

Светляки кружили вокруг, ярко освещая путь. Если наверху, при входе в пещеру, на ступенях могли стоять рядом только двое, сейчас пятеро «паломников» спускались плечом к плечу, поддерживая друг друга, чтобы не поскользнуться и не упасть. Лед под ногами постепенно исчезал, открывая взгляду истертые каменные ступени, испещренные старинными письменами. Впереди что-то зеленоватое засветилось. Это были сталагмиты у потемневшей от времени металлической двери. Камень пола здесь был сильно истерт и покрыт неровностями. На нем лежали груды подношений паломников: золотые и серебряные украшения, экзотические фрукты, заморозившиеся и покрытые изморозью, детские игрушки, посуда.

– Надо же, – удивился Вирош, – все в целости! Ничего не разграблено.

– Жители Весеречья прекрасно знают, где можно брать, а где нельзя, – пояснила Тори. – Просто их понятия «можно» и «нельзя» сильно отличаются от ласурского.

– Дальше пути нет, – сообщил Яго, остановившись перед дверью. – Путь паломников, похоже, кончается здесь.

– Я посмотрю? – Дробуш оттолкнул его плечом, пробежал пальцами по темному камню.

Кое-где на камне виднелись выбоины и сколы, будто его пытались рубить топором.

– Гранит, – с удовлетворением произнес Вывиглот. – Хороший, старый! Дверь не открывалась несколько сотен лет.

– И это все? – разочарованно протянула Тори. – Надо осмотреть этот зал подарков, что ли? Вдруг найдем потайной ход?

– Отличная идея! – оживился Грой. – Идите за мной!

Он потянул носом воздух и двинулся вправо. Тори поспешила за ним.

Вита тоже собралась было следом, но посмотрела на рю Воронна. На его лице снова появилось то же выражение, что и у входа в пещеру – он к чему-то прислушивался.

Оживленные голоса Гроя и Тори постепенно удалялись.

– Яго? – позвала волшебница.

Словно не слыша ее, ласурец поднял руку и коснулся пальцами двери.

Раздался негромкий звук – будто треснула скорлупа яйца. Створки бесшумно поползли в стороны.

– Каменные ядры! – пробормотал Дробуш, явно вспомнив почтенного Йожевижа.

Светляки дружно устремились внутрь. Изумленная произошедшим Вителья опомнилась, наколдовала еще дюжину и отправила на потолок, чтобы блуждающие в каменном лабиринте оборотень и гномелла могли их увидеть. О том, что они заблудятся, волшебница не волновалась – в самом крайнем случае Грой вернулся бы назад по собственным следам и вывел бы Тори.

Ягорай вошел в двери. Вита и Дробуш проскользнули следом и застыли, пораженные. Зал вовсе не был темным, как казалось у порога. Он был огромным, стены и пол – покрыты полупрозрачным льдом. Потолок с полом соединяли колонны сталактитов и сталагмитов, испускающих зеленоватое сияние, как и те, что охраняли двери.

– Могила должна быть где-то здесь, – пробормотал рю Воронн и пошел вперед.

Следуя за ним, Вита вглядывалась в ледяные плиты под ногами. Она помнила странные и страшные силуэты, застывшие во вдруг ставших прозрачными стенах пещеры на границе Крея, и искала здесь подобное. Но она ничего не увидела и ничего не ощутила. Для нее эта пещера была просто красивым и необычным местом. Будь здесь Торусилья, наверняка, сказала бы что-то вроде: «Богамы здесь и не пахнет!»

Ласурец остановился, словно налетел на невидимую преграду. Волшебница выглянула из-за его плеча и остолбенела. В нескольких шагах впереди, к ним спиной, сидела фигура в черном одеянии. Одеянии, покрытом серебряными нити изморози.

Языки пламени весело плясали на углях, которые «призраки» предусмотрительно везли с собой. На распорках, воткнутых в снег, уже начала пузыриться каша, заправленная ягодами, грибами и сушеным мясом. Сидя рядом на конском седле, положенном на снег, старшая рубака помешивала варево и с удовольствием принималась.

Альперт Попус, кутаясь в шубу из шкуры гризли, бесцельно бродил вокруг.

– Ты бы сел у огня, уважаемый маг, – проворчала, взглянув на него, Руфусилья. – Сейчас каша будет готова, согреет тебя, как объятия любимой.

Щеки мага заалели.

– Нету у меня любимой, уважаемая рубака! – возмутился он, но подтащил ближе к огню второе седло и сел.

Строноженные кони мирно подремывали у стены пещеры.

– Да уж, нету, – хихикнула гномелла, – видали мы, как молодая графинюшка, которая вовсе и не графинюшка, на тебя смотрит. Как на божество!

Алые щеки мага побледнели до нежно-розового оттенка.

– Правда? – с любопытством спросил он. – Вы сами видели?

– Бородой Руфуса клянусь! – важно кивнула Руф, поднялась и отправилась туда, где были сложены

дорожные кофры. – Ты ж ее спаситель, Аль. Ты для нее сейчас и дом, и семья, и защита, и забота.

– Она... – Попус запнулся. – Она мне очень нравится, уважаемая Руфусилья! Но кто она, а кто – я?

– А кто она? – удивилась гномелла, роясь в мешках в поисках мисок и столовых приборов. – Во-первых, она человек, а не богиня. Во-вторых, домой ей хода нет – погубит ее ведьма Василиса. В-третьих, как мне показалось, пока мы общались, ей и тут неплохо. Там она одна в отцовском дворце сидела, ни близких, ни друзей, ни подруг. А здесь сразу столько народа, и все ей сочувствуют и помогают. Это ведь великая вещь, Аль, когда тебе сочувствуют и помогают, и ты понимаешь, что не один!

– Мудрые слова, – маг сильнее запахнулся в шубу, – но я не смогу обеспечить ей ту роскошь, к которой она привыкла.

– А она ей нужна, эта роскошь? – невозмутимо спросила гномелла. Вытащила из мешка Дробуша миски и ложки, и вернулась к костру. – Ты б ее саму спросил, что ей надо? Мне кажется, ты будешь очень удивлен ответом.

Альперт молча смотрел в огонь.

Старшая рубака положила миски на снег, перетаскала свое седло ближе к магу и села рядом с ним.

– Послушай, что я тебе скажу, уважаемый маг Альперт Попус, – Руф тоже посмотрела в огонь и улыбнулась. – Не бывает отношений без искренности! Можно сколько угодно бояться себя, боли, неверного ответа – и прожить жизнь, так и не узнав, был ли ты любим. А можно прислушаться к тому, что тебе говорят и ответить...

Аль покосился на рубаку, удивленный ее откровенностью.

Руфусилья достала из-под ворота куртки толстую золотую цепь, на которой висел перстень с великолепным рубином, расстегнула замок, стряхнула перстень в ладонь и повернулась к Альперту.

– Я столько времени потеряла, потому что не слушала, а если слушала, то не слышала, а если слышала – не отвечала. Не повторяй моих ошибок, Аль!

Лицо всегда суровой рубаки озарилось совершенно несвойственной нежностью, когда она надела перстень на палец и полюбовалась переливами огня в красных глубинах камня.

– Так-то! – совсем непонятно довершила она и потянулась к мискам. – Давай-ка поедим, уважаемый маг, а то с голодухи помрем, дожидаясь наших блуждающих товарищей.

– Не долго ли они блуждают? – пробормотал маг. – Может, пора их спасти?

– На, ешь! – рубака сунула ему в руки миску с кашей. – Пещера естественная, а не вырубленная в мерзлоте, а значит, скорее всего глубокая. Пока до низу дойдут, пока найдут могилку королевы, пока назад вернутся.

– Благодарю, – Альперт взялся за ложку. – Вы правы, как всегда, уважаемая Руфусилья!

– Ну раз я всегда права, подумай о моих словах, – усмехнулась гномелла. – Хорошенько подумай, Аль. Упустишь Марью, которая теперь Арина, и будешь локти себе кусать.

Маг снова покраснел и уткнулся в тарелку, ничего не ответив.

На площади будущего Храма Единых богов уже выросли строительные леса, однако мостки для рабочих пока были положены лишь на первых двух уровнях. Некоторые работы велись и ночью, но не на лесах – мастер Пелеван строго следил за безопасностью на вверенном ему объекте.

На верхотуре гулял зимний ветер. В предрассветное время он был полон сил и зол, потому завывал волком, орлом поднимался к облакам и бросался вниз – на одинокую фигуру, сидящую на узкой поперечине над бездной.

Фигура на ветер внимания не обращала – легкомысленно болтала ногами.

– Поуютнее места не мог выбрать? – раздалось ворчание, похожее на ворчание разбуженного невовремя узаморского гризли.

Фигура обернулась – волосы на миг скрыли лицо, но из-под них блеснули звериные зрачки.

– Я и забыл, что гномы не любят высоты, братец! – сверкнули в улыбке белоснежные клыки оборотня. – Рад видеть!

- Рад он...

Низкорослый широкоплечий гном легко прошел по доске и сел рядом с таким видом, будто это был диванчик в «Черной карактице», а не доска.

- Грандиозная стройка получается, однако, - сказал он, подождав, но так и не дождавшись слов собеседника. - Я уже вижу, как храм будет выглядеть!

- Видь на здоровье, ты в этих делах опытнее меня, - пожал плечами оборотень.

Гном внимательно посмотрел на него.

- Что тебя беспокоит, брат? - спросил он.

Оборотень запрокинул худощавое лицо к небу.

- Время, отпущенное Тикрею на передышку... Ты же понимаешь, что спокойствие кажущееся?

- Надеюсь, это понимает и молодой король, - гном посмотрел вниз. - С отречением Редьярда закончилась целая эпоха. Как известно, каждая эпоха может похвастаться своими войнами. Пятилетняя война закончилась вничью. Чем завершится следующая?

- Крей или победит, или будет разгромлен, - вздохнул оборотень. - Асурх жаждет реванша, а Пантеон поддерживает его амбиции и жажду власти. Боюсь, Понтеломус не станет выбирать средств для выигрыша в этой войне.

Гном задумчиво смотрел, как вспыхивают и гаснут искры в перстнях на его пальцах.

- Тебе не кажется, брат, что его правление затянулось? - наконец, поинтересовался он.

- Давно кажется, - по-волчьи усмехнулся оборотень, - но мы и в этот раз не будем вмешиваться.

- Но почему? - удивился гном. - Тебя же беспокоит судьба Тикрея!

- В том, в чем участвует женщина, ни в чем нельзя быть уверенным, брат! - загадочно произнес оборотень. - А не пойти ли нам позавтракать?

Вита ощутила, как чаще забилося сердце. Судьба вновь привела ее к тайне, которая была бы недоступна Третьей жене-на-ложе Первого советника асурха Самсана Данира ан Третока!

Двигаясь осторожно, словно подкрадываясь, Ягорай двинулся вокруг фигуры, стремясь заглянуть ей в лицо. Волшебница и Вырвиглот последовали за ним.

Лицо фигуры закрывал кусок черной ткани, который так промерз, что казался тонкой коркой льда.

Яго протянул было руку, но Дробуш придержал его.

- Тут все замесло, - пояснил он, - тронешь - он скорее всего рассыпется в снежную пыль.

В голове у Вительи что-то щелкнуло, и она торопливо полезла в свою целительскую сумку. Достала записную книжку, открыла нужную страницу и взволнованно позвала Ягорая.

- Что там? - с любопытством спросил он, обернувшись к ней.

- Я слово в слово записала пророчество, - взволнованно произнесла она.

- Запомнил, - проворчал Дробуш.

- Тогда произнеси его, - попросила Вита. - Произнеси вслух!

- «Там, где малое солнце стоит в центре большого, Черная царица ждет тебя под белым спудом, желая коснуться твоей руки и говорить с тобой. Ты для нее - чужеземец, захватчик из другой страны... Ты для нее - угроза и смерти носитель... И ты для нее - врата в вечную жизнь!» - не запнувшись, процитировал тролль.

Вита смотрела в свои записи - Вырвиглот не ошибся ни в одном слове!

- Пропустим про солнце, - заторопилась волшебница, стараясь, чтобы мелькнувшая мысль не затерялась в сознании, - пропустим красивые обороты речи про захватчика, смерть и вечную жизнь! Здесь есть точное указание, что нужно делать - я не понимала, что это так, пока не увидела королеву!

- Думаешь, это Эстель? - уточнил Яго, кивнув на сидящую. - Но она не в могиле!

– Смотри, здесь написано: черная царица под белым спудом.

– Пещера находится под снегом и льдом, а неизвестная фигура, найденная нами в месте предполагаемого захоронения королевы одета в черное! – воскликнул Дробуш. – Вита, ты права!

– Это еще не все! – волшебница довольно улыбалась. – Яго, прочти эту фразу...

Рю Воронн склонился над записной книжкой и прочитал:

– «Черная царица ждет тебя под белым спудом, желая коснуться твоей руки и говорить с тобой». – Он посмотрел на Вителью. – Ну и что? Даже если это королева, она так замерзла, что непонятно – это действительно тело или ледяная скульптура на ее могиле.

– Тебе нужно коснуться ее! – волшебница взяла его за руку. – В пророчестве сказано, что царица желает коснуться твоей руки, но она не может этого сделать именно потому, что превратилась в лед. Так сделай ты!

– Сделать что? – уточнил дотошный Ягорай. – Дотронуться до нее?

– До ее руки, – кивнул Дробуш.

– Но ты сказал, что она рассыпется в снежную пыль! – возмутился рю Воронн.

– Я сказал «скорее всего»! – тролль был не менее дотошен, чем ласурец.

– Ну хорошо, – сдался Яго и коснулся руки скульптуры.

Ничего не произошло.

Вита, которая была уверена, что все получится, с досады топнула ногой и принялась в который раз перечитывать пророчество.

– Пойдем, – вдруг сказал Дробуш и, взяв волшебницу за плечо, развернул в сторону выхода.

– Куда? – удивилась Вителья.

– В пророчестве сказано, что царица желает говорить с Яго, а не с нами, – пояснил Вырвиглот. – Отойдем в сторону, оставим их наедине!

– Но... – попыталась возразить Вита, но тролль уже тащил ее прочь от ледяной скульптуры.

Рю Воронн проводил их задумчивым взглядом. Он не смог бы объяснить, но чувствовал, что попал в эту пещеру не просто так и с каждой минутой чей-то тоскующий зов звучал все явственнее.

Когда Вита и Дробуш скрылись из виду за светящимися столбами сталактитов, он вновь посмотрел на скульптуру.

Закутанная с головы до ног в одеяние женщина сидела, опустив голову и сложив руки на коленях. Поза таила в себе отчаяние и бесконечное терпение, покорность и упрямство, скорбь и нажежду. Если все-таки это была настоящая скульптура, мастер, создавший ее, с полным основанием мог считаться одним из величайших мастеров Тикрея!

– Я не захватчик для твоей страны, – пробормотал Ягорай, протягивая руку и ощущая стылый холод, исходящий от фигуры, – я не угроза тебе и не могу желать смерти тому, кто уже мертв. И вечной жизни я тебе обещать не стану! Но зачем тогда я здесь и почему я слышу, как ты зовешь меня?

Его ладонь легла на ее запястье. Под подушечками пальцев стало горячо. Несколько капель талой воды стекли по колену фигуры и затерялись на ледяном полу.

Яго попытался отдернуть руку, но не получилось – его пальцы проваливались в ледяную плоть, глубже и глубже.

По скрывающей лицо скульптуры вуали побежали многочисленные трещины, и она начала рассыпаться. Дождь и сверкающих острых осколков пролился на землю, поневоле приковывая взгляд ласурца к себе. А когда он отвлекся от них, понял, что за ним наблюдают глубокие глаза, полные тьмы. Точно такой же тьмы, как и та, что жила в его собственных зрачках.

Перед самым рассветом в сердце толкнулось одиночество. Да так, что Ники вскинулась, села в постели, тяжело дыша. Взгляд уперся в аквариум, в котором дремала наколдованная утка – после превращения Марьи в Арину рю Сорс лягушачью кожу архимагистр сожгла, а развеять аквариум забыла. Сделала сейчас, на рефlekсах, нервным движением руки. Встала, подошла к освободившемуся окну, выходящему на город. И сразу увидела его: Лихай Торхаш Красное Лихо

стоял неподалеку, и она ясно ощутила, как он борется с двумя одинаково сильными желаниями – войти в башню и уйти прочь. Что-то было в нем странное, спросонья она на сrazу разглядела, что он в гражданском. Черная куртка, черные брюки, заправленные в высокие сапоги, дорожный кофр за плечами. Налегке, несмотря на холод. Красные волосы заплетены в тугую косу, без привычных боевых подвесов, в которых она привыкла его видеть в последнее время. Война для Лихо закончилась?..

Ники встрепелась, гадая, заметил ли он ее через обманчиво темное снаружи стекло? Не заметил, но почувствовал, она знала это точно. И вновь заняло сердце, а ведь так долго билось ровно...

Лихо качнулся вперед, и Ники затаила дыхание, клянясь себе – пусть сделает шаг вперед, пусть войдет в башню, и она перестанет быть с ним ироничной и холодной! В конце концов, сколько можно бояться близости? Не той, что делает из них в постели единое целое, а той, что соединяет сердца и мысли!

Оборотень резко развернулся и пошел прочь, не оглядываясь.

Ники закашлялась, позабыв, что не дышала. Умоляюще приложила к холодному стеклу раскрытую ладонь, и устыдилась себя самой... Зови-не зови, он не вернется, когда есть что-то более важное, что гонит его в дорогу перед рассветом. Приказ короля? Личное дело? Конечно, она все узнает от рю Вилля, но это будет потом.

Когда он скрылся в паутине городских улиц, она подошла к столу, выдвинула ящик и достала штоф гномьего самогона и стопку. А затем крепко выругалась и поставила обратно. Она потеряла Лихая – чувство слишком свежее и острое, чтобы быть неправдой. Но она столько теряла в своей жизни, что никакого алкоголя не хватит, чтобы забыться!

– Брут! – позвала она в пустоту.

– Я здесь, – отозвался секретарь. – Желаете завтракать?

– Желая работать, – сердито сказала она и принялась одеваться. – Как там ан Денец и рю Воронн?

– Они уже в Весеречье.

– Отлично. Брут...

– Да?

– А пока можно и позавтракать!

Гном ничего не ответил, но его молчаливая усмешка явственно повисла в воздухе. Ники даже показалось, что она ее увидела. Впрочем, спустя мгновение она действительно увидела в воздухе ухмыляющуюся кошачью пасть. И проворчала, застегивая манжеты рубашки:

– Какого Аркаеша ты подглядываешь за мной, бог Хаоса?

– Очень надо, – отозвалась пасть и трансформировалась в божка, нагло усевшегося в середине ее стола.

– Чем обязана? – неприязненно спросила Ники.

– Хотел тебя поблагодарить, – улыбнулся рябой полумесяц, – за спасение моей жрицы. А ведь могла пожертвовать ею и убить Арристо, могла!

– Могла, – согласилась архимагистр. – И тебя могу.

– Не можешь, – захохотал свирепый воин. – Я есть начало всех начал – уничтожить меня, значит, уничтожить весь мир. А вот его-то почему отпустила? Он ведь вернется, рано или поздно, так или иначе, знаешь?

Ники ощутила, как затихает боль в сердце. Нет, не для нее «все эти любви», как говорят в народе. Ее место здесь, на границе Ласурии, видимого мира, добра и зла. Ей это привычнее!

– Зло всегда возвращается, – усмехнулась она. – Я знаю это так же точно, как и то, что тебя называют Кипиш-многомудрый.

– Тогда почемурмю? – прижмурил зеленые глазищи кот.

Ники задумалась.

– Потому что так было правильно, – наконец, ответила она и прижала ладонь к груди, где ровно

билося холодное-холодное сердце, недавно чуть было не разорвавшееся от боли. – Вот здесь это ощущение у людей, понимаешь? Я пока человек.

– Понимаю. Пока человек, – прошамкала вредная старушенция и исчезла еще до того, как волшебнице захотелось ее прибить.

Ники бросила взгляд на опустевшее пространство у окна, в которое она смотрела утром. Поморщилась и взмахнула руками, возвращая на прежнее место аквариум с кувшинками и уткой. Подумав, добавила туда ярко-желтую лягушку – такие водились в джунглях на юге Гаракена. И принялась любоваться мороком. За этим занятием ее и застал секретарь, принесший поднос с завтраком.

– На улице похолодало, Ваше Могущество, – сообщил он. – Похоже, пришла зима!

– Похоже, Брут, – улыбнулась Ники.

Она забудет Лихо. Рано или поздно, так или иначе!

Разуверившись один раз, очень трудно снова поверить. Ласурский архимагистр ничего не боялась. Кроме этого.

Тихонько ступая, Вита вышла из-за сталактита и увидела Ягорая, который сидел прямо на ледяном полу. Ожидая ласурца у выхода из пещеры, волшебница умудрилась замерзнуть, даже несмотря на самоподогрев, и решила сходить посмотреть, как продвигаются дела.

– Ага, я подкралась к тебе, а ты не услышал! – торжествующе воскликнула Вителья, быстро подходя к нему. – Я говорила, что однажды это слу...

Она осеклась, потому что взгляд упал на то место, где была скульптура. Сейчас здесь располагался мраморный трон, ранее скрытый складками одеяния, а самой скульптуры не было, лишь ледяная крошка усеивала сиденье.

Яго чуть повернул голову. Разглядев выражение его лица, Вита бросилась к нему, упала рядом на колени и обняла.

– Что произошло?

– Пророчество, – пробормотал он. – Это было пророчество о саде костей, который однажды взойдет на Тикрее.

– Еще одно пророчество? – заворчал из-за сталактита Вырвиглот.

Троль вышел и тоже подошел к ним.

– Расскажешь? – спросила Вителья.

Рю Воронн отстранился. Движение было едва заметным, но она ощутила его и испытала страх. Что происходит?

– Яго? – она умоляюще взглянула в его глаза, в которых плескалась тьма. – Прошу, расскажи нам!

Он как-то странно посмотрел на нее. Будто сомневался в чем-то. В себе ли? В ней? В том, что происходит?

– В моих жилах течет кровь древнего народа, – наконец, с трудом выговорил он. – Тех самых гаэш-раваиль, что считали себя равными богам. Боги отомстили им, стерев память о них с лица земли, но даровали надежду на прощение. «Если гаэш-раваиль сделают правильный выбор тогда, когда на Тикрее взойдет сад костей, боги простят их и позволят отправиться в небытие, как и положено мертвым» – так мне сказала царица Эстель перед тем, как обратиться в прах.

– Она все-таки говорила с тобой! – воскликнула Вита. – Значит, я была права!

– Ты была права, – кивнул рю Воронн. – Я слышал ее слова прямо в сознании, но она смотрела на меня, и взгляд был живым!

– Так вот почему ты для нее – угроза и смерти носитель, – Дробуш стряхнул ледяные осколки с трона, – вот почему – врата в вечную жизнь. Ты уничтожил ее, но ты же ее и освободил!

Ягорай поднялся и поднял Виту.

– Идемте отсюда, – сказал он. – Мне нужно обдумать то, что произошло.

– Сад костей? Хм... – пробормотал Вырвиглот, направляясь за ними. – Звучит нехорошо...

Вителья крепко обнимала Яго. Она знала совершенно точно – ласурец что-то скрыл от нее! И от этого ей было не по себе, ведь они все проблемы решали вместе с тех самых пор, как встретились в богом заброшенной таверне на тракте, ведущем из Драгобужья в Ласурию.

За дверями их ждали изрядно подмерзшие Грой и Тори. Последняя просто подпрыгивала от нетерпения, но осеклась, разглядев выражение их лиц.

Долгий путь вверх по суживающимся ступеням проходил в молчании.

Когда путники вышли, увидели Руфусилью и Альперта, которые приложив ладони козырьком ко лбу, что-то разглядывали в небе.

– Смотрите! – закричала Руф, увидев их. – Смотрите вверх!

Вита запрокинула голову и разглядела низко висящее над горизонтом солнце, окруженное сияющим кольцом.

– А вот и малое солнце в центре большого, – проворчал Дробуш, – нет бы, раньше!

Ощувив на себе взгляд Ягорая, волшебница с надеждой посмотрела на него. Но рю Воронн отвел взгляд туда, где катились по бледному небу Весеречья огненные круги. Катились в неведомое.

Снег, посеребривший крыши Вишенрога, сделал падающий из окон свет более мягким и теплым. Вдали, в темноте, шумело море, но две громады университетов – Военного и Морского, скрывали вид на порт и причалы.

Мастер Артазель стоял у настежь распахнутого окна в своих покоях, смотрел на звезды и не чувствовал, что по щекам текут слезы. Звезды переливались мягко, будто самоцветные пуговицы на богато расшитом серебром бархатном камзоле. Так же переливался золотой шнур, обвивший свиток в руке портного. Свиток был ничем иным, как указом Его Подгорного Величества Виньогрета о присвоении Артазелю звания Синих гор портного-мастера. Ранее в Драгобужье подобных званий не существовало.

Артазель перевел взгляд на витой шнур и подумал, что вот так и жизнь сплетается из тысячи дорог в одну, широкую и ровную для того, кто нашел свой путь и не сходит с него, какие бы обстоятельства не подталкивали к этому.

Гном вернулся за стол, за которым работал, и бережно положил свиток рядом с блокнотом. Звание мастера открывало для него прежде закрытые границы Родины. Теперь он мог вернуться в Драгобужье, обзавестись хозяйством, начать свое дело, и никто не посмел бы объявить его бездельником и выслать из страны!

Маленький мастер стер слезы и подтянул к себе блокнот с эскизами платьев. Платьишки казались игрушечными, ведь носить их предстояло маленькой принцессе Хлое. Дорисовывая рукавчик, украшенный лепесками роз, Артазель думал о том, что он обязательно побывает в Аркандитироге на могиле родителей, чтобы рассказать им о своей жизни. И в этот раз они его выслушают. А потом он поклонится им со всем уважением, подобающим почтенному Синих гор мастеру, и... вернется домой. В Вишенрог.

За открытым окном звезды все так же холодно мигали, призрачно светя на дорогу, бегущую между пустошами и лесами вдали от ласурской столицы. По ней быстро двигалась лохматая тень, лунно блестели глаза хищника, обретшего свободу. Но вот зверь остановился. Здоровенный лис развернулся и сел мордой в ту сторону, откуда так спешил прочь. Обвив великолепным хвостом лапы, принялся терпеливо ждать.

Тот, кто гнался за ним, бежал бесшумно. Так совы охотятся ночью, стелясь над притуманенной землей – беззвучно, пугающе, неотвратимо. Сверкнули узкие кошачьи зрачки – здоровенный барс выскочил из-за поворота и затормозил от неожиданности, едва не налетев на лиса. А затем лег, раскрыв клыкастую пасть и шумно дыша.

– Ты что здесь делаешь? – обернувшись, спросил Лихай Торхаш Красное Лихо.

– Догнал! – простонал Дикрай Денеш, все еще валяясь. – Думал, сдохну. Зачем ты так торопишься?

– Боюсь, как бы Его Величество не передумал и не вернул меня, – невесело усмехнулся Лихай. – Он был не очень-то доволен моим уходом.

– Могу представить, – Дикрай поднялся и потянулся со стоном. – Не буду ходить вокруг да около, Лихо. Я знаю, куда и зачем ты направляешься, и хочу пойти с тобой. В Ласурии мне тошно...

Возьмешь?

Он с надеждой взглянул в Торхашу в глаза.

– Я на попутчиков не рассчитывал, – честно сказал тот, но видя, как сник Дикрай, поспешно добавил: – Но и мешать ты мне вряд ли будешь.

– Не буду мешать, может, даже пригожусь когда! – горячо уверил Денеш. – Только, дай, отдышусь!

Лихай улыбнулся. Рыжий лис упал на лапы и посмотрел на оборотня через плечо. Спустя мгновение бок о бок с ним стоял барс. А еще спустя мгновение оба зверя скрылись за поворотом дороги, идущей в направлении Крей-Лималля, где луна уже клонилась к горизонту.

Здесь, среди зелени оазиса, расположенного в бесконечных песках, сонный ветер едва шевелил тонкие занавески, расшитые яркими перьями. В роскошной комнате, скрестив ноги, сидел близ журчащего фонтана широкоплечий мужчина. Закутанный в белое одеяние так искусно, что виднелись лишь его лицо и руки, он был красив несмотря на морщины, избороздившие смуглую кожу. На белой ткани, покрывающей его голову, возлежал венец из черного металла, украшенный черным же камнем. Другой такой же камень изредка взблескивал на одном из его пальцев. Он молчал, наблюдая, как переходит, опираясь на сучковатую палку, от одного окна к другому согбенные годами старик с пронзительными глазами и крючковатым носом.

– Хватит изводить себя, дорогой мой, – наконец, мягко произнес мужчина в белом. – Мы никогда не узнаем, что в голове у ласурской демоницы, даже раздави мы эту голову щипцами – не узнаем. Вряд ли она понимает, во что ввязывается! Только время покажет, прав ты в своих подозрениях или нет.

Старик остановился и, посмотрев на мужчину, с трудом поклонился.

– Я хорошо учил вас мудрости, повелитель! Это мне следовало произносить подобные речи, не вам.

– Ну раз меня хвалит сам Сатанис Крейский, – улыбнулся собеседник, – может быть, я снова задам тебе все тот же вопрос? Не пора ли опробовать на Ласурии наше секретное оружие. Не то, о котором ты беспокоишься, другое... О котором знаем только я, ты и еще двое.

– Я понимаю ваше нетерпение, повелитель, – улыбнулся в ответ архимагистр Крея, – но, поверьте мне, рано! Он знает слишком мало. Нам нужно больше! Намного больше. Судьба порой творит странные дела и забрасывает нас в странные места. Забрать его мы всегда успеем, но вдруг он увидит то, что будет нам интереснее, чем...

Он многозначительно замолчал.

– Ты мудр, старик, и умеешь терпеть, – усмехнулся мужчина. – А мне ужасно любопытно посмотреть, каким он стал!

– Всему свое время, повелитель, – склонил голову Сатанис.

За окном шуршали пески – песчинки отсчитывали неуловимые секунды. Где-то далеко на севере эти секунды бесшумными снежинками опускались землю. Здесь время ощущалось по-другому – длинными ночами и короткими днями, холодом покрытых изморозью стен, одиночеством...

Его Светлость Атрон рю Воронн сидел в кресле за столом и работал. Узамор стал для него призванием, его женщиной и ребенком. За открытым окном тихо падал снег. Дверь приоткрылась, впуская маленькую тень.

Атрон положил перо на бумагу и откинулся в кресле. В холоде его покоев, как и в холоде его души, появилось тепло.

Раздалось вопросительное «Мя?» и острые коготки впились в голенище его сапога.

Узаморский наместник посмотрел вниз. У его ноги сидела белая кошечка с изумрудными глазами.

– Кошка, – недовольным голосом констатировал герцог. – Ты зачем пришла?

– Мя! – ответила кошечка, почти котенок, и ловко забралась по ноге ему на колени.

Потопталась, свернувшись калачиком, замурчала. В зеленых глазищах искрился целый мир и капелька довольства...

Атрон положил голову на спинку кресла и закрыл глаза. Пушистое живое тепло приятно грело ладони. Его разум устремился туда, где сейчас было гораздо теплее, чем в Узаморе – в Вишенрог. Он видел себя птицей, тоскливо кружащей над темной гладью моря, над зданиями Университетов и Золотой башней, над дворцом, который со смертью Рейвин опустел для него навсегда...

А во дворце Его Величество Аркей Первый поднял красные от усталости глаза от бесконечных докладов и увидел лежащий на краю стола шутовской колпак. Владелец колпака, с лицом, опухшим то ли от пьянства, то ли от горя, стоял напротив стола, переминаясь с ноги на ногу.

– Что это? – кончиком самопишущего пера король указал на колпак.

– Это я, – сдавленным голосом произнес Дрюня. – Я ведь вам не нужен, Ваше Величество! Позвольте мне покинуть службу...

Его Величество разглядывал шута так, словно обдумывал, каким образом его лучше выгнать из замка – метлой или чем потяжелее. А потом вдруг улыбнулся и произнес:

– Пьяниц я не люблю, Дрюня, вы правы, но это... – он кивнул на колпак: – заберите! Не бывает королей без шутов, поэтому вы нужны мне и Ласурии.

Несколько мгновений шут смотрел на него с величайшей степенью изумления. Казалось, даже алкогольные пары выветрились из него за эти секунды. А потом воскликнул:

– Но вы же не склонны к шуткам, Ваше Величество! То есть... ну совсем!

– Я буду брать пример с вас, дядюшка, – рассмеялся Аркей. – А теперь идите, мне нужно работать.

– Хоп-хоу! – тихо проговорил Дрюня и добавил громче: – Племянничек, чему тебя учил батюшка? Это шуты никому не нужны без королей! – И подумав, добавил с облегчением. – Слава Пресветлой!

Сноски

Стихи автора.

Стихи автора.

Стихи автора.